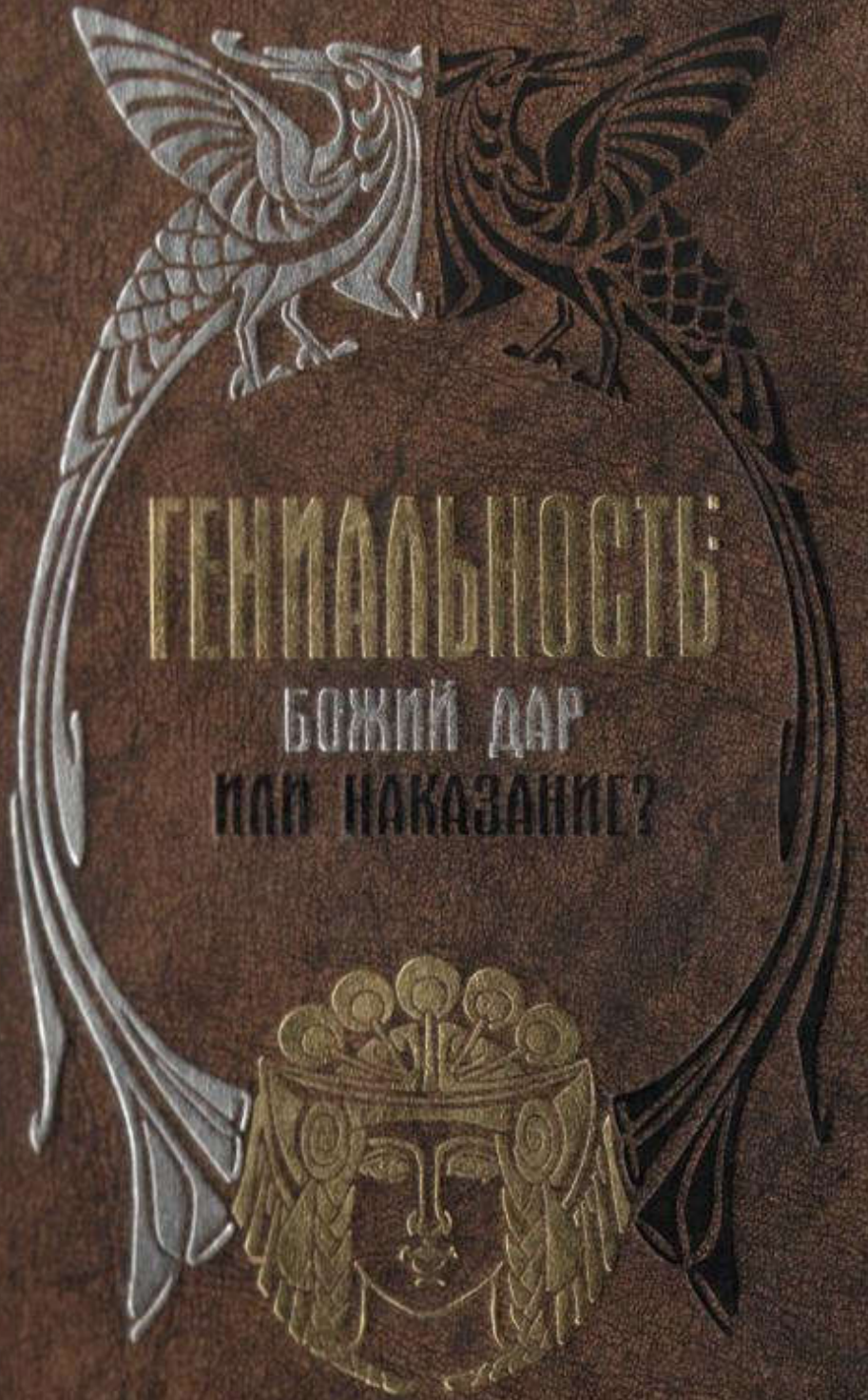

ГЕНИАЛЬНОСТЬ
БОЖИЙ ДАР
ИЛИ
НАКАЗАНИЕ?

ГЕНИАЛЬНОСТЬ
БОЖИЙ ДАР
ИЛИ
НАКАЗАНИЕ?

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

Гениальности и Одаренности

(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ
ПАТОЛОГИИ ГЕНИАЛЬНО-
ОДАРЕННОЙ-ЛИЧНОСТИ,
А ТАКЖЕ ВОПРОСАМ ПА-
ТОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
д-ра Г. В. СЕГАЛИНА

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ
ГЕНИАЛЬНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ
(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ
Том II

Выходит под редакцией
Д-ра Г. В. СЕГАЛИНА

Д-р Г. В. СЕГАЛИН

ОБЩАЯ СИМПТОМАТОЛОГИЯ
ТВОРЧЕСКИХ ПРИСТУПОВ

СКЛАД ИЗДАНИЯ «ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА»
ЛЕНИНГРАД, УЛ. ЛАССАЛЯ, 2
ИЗДАНИЕ РЕДАКТОРА

Общая симптоматология эвро-активных (творческих) приступов.

Д-ра Г. В. Сегалина.

Приступая в этих главах к изучению симптоматиологии приступов «вдохновения» (или эвро-активных приступов по нашей терминологии), мы должны напомнить, что в целом ряде наших работ, в предыдущих выпусках этого «Архива», мы везде пытались показать на основании фактических данных следующее положение. Во всей феноменологии гениального (resp. одаренного) человека, — начиная с его генетики, психической структуры и кончая его приступами «вдохновения», — всегда замечается симбиоз двоякого рода симптомов феноменальной продуктивности с симптомами психотического (resp. препсихотического) ряда. На основании этого мы высказывали то положение, что каждый творческий процесс об'ективно должен иметь в себе двоякую симптоматиологию. А именно: во-первых, он должен иметь в себе симптомы наличия «плода», симптомы наличия творческого произведения (или симптомы кумулятивные по нашей терминологии); во-вторых, он должен иметь в себе наличие симптомов механизма выявления этого «плода» (симптомы механизма Partus'а ingenialis), или по нашей терминологии симптомы диссоциативные*), сопровождающие всегда этот Mechanismus Partus ingenialis. О соотношении этих двух рядов симптомов мы говорили в предыдущих наших работах (12, 13, 14, 15, 16, 17, 18). Здесь остановимся на симптоматологии исключительно диссоциативного ряда механизма Partus ingenialis, как имеющей клинический интерес в смысле построения учения об этой симптоматиологии. Симптомы кумулятивного ряда мы пока оставляем в стороне для удобства изучения. Также для удобства изучения этой симптоматиологии необходимо предварительно условиться насчет нашей терминологии. Всякий творческий процесс, как бы он суб'ективно ни переживался и

413

*) Под диссоциативными симптомами психики мы понимаем все те аномальные состояния (Ausnahmezustände у немцев), которые являются результатом «выхода из себя», — т. е. выхода из «нормального» состояния. Таким образом, здесь понятие «диссоциативность» понимается в более широком смысле: не как истерическая форма диссоциативности и не как шизофреническая расщепленность, а как всякая диссоциативность психики, сопровождающаяся «выходом из себя», хотя бы размеры этого «выхода» из себя были-бы самые минимальные.

не назывался: «вдохновение», «инспирация», «интуиция», «творческий экстаз» и пр., условимся обозначить одним общим названием «Эвроактивный приступ». Этим мы хотя временно и устраняем все различные оттенки различных переживаний, но делаем это для удобства научного изучения (но этим мы отнюдь не хотим игнорировать различие, вкладываемое в эти различные обозначения различных творческих приступов). Для еще большей краткости и, следовательно, для удобства изучения обозначим вместо термина «эвроактивный приступ» сокращенным знаком *Эвр*. *Эвр* будем для краткости ставить везде там, где нам нужно употребить термин «Эвроактивный приступ». Итак, как сказано было выше, *Эвр* имеет в себе двойную симптоматику.

1. Симптомы кумулятивные, которые обозначим также для краткости и удобства анализа, знаком *Сит*.

2. Симптомы диссоциативные, которые обозначим также для краткости и удобства анализа, знаком *Dis*.

Итак, нами берется как положение, что всякий творческий приступ имеет в себе симптомы *Сит* и симптомы *Dis*, иначе говоря, — $\text{Эвр} = \text{Сит} + \text{Dis}$. Нашему анализу в этой работе подлежат симптомы *Dis*, оставляя временно симптомы *Сит* в стороне.

Приступая в последующих главах к изучению *Dis*, наша основная задача будет иметь целью показать, что каждый *Эвр* протекает всегда в сопровождении симптомов *Dis*, т. е. каждый творческий процесс всегда протекает в таком состоянии психики, которое характеризуется как «анормальное» патологическое, как состояние «выхода из себя» как «*Ausnahmestand*». Для этого приведем фактические данные, которые послужат нам материалом для иллюстрации этого положения. Мы увидим, что симптомами *Dis* может быть любое диссоциированное состояние психики, начиная с состояния сновидения, гипноза, истерического транса, галлюцинации, иллюзии, аутизма и кончая состоянием психических синкинезий (о чем будет речь дальше). Но так как все эти диссоциативные состояния могут касаться различных сторон психики, например: диссоциации интеллекта, диссоциации эмоциональной сферы человека, диссоциаций волевой сферы, поэтому при рассмотрении анализа диссоциативных симптомов *Эвр*, мы будем придерживаться для удобства такой группировки:

А. Диссоциативные симптомы *Эвр* со стороны интеллектуальной сферы.

В. Диссоциативные симптомы *Эвр* со стороны эмоциональной сферы.

С. Диссоциативные симптомы *Эвр* со стороны волевой сферы.

А. Диссоциативные симптомы Эвр со стороны интеллектуальной сферы.

Приступая к изучению диссоциативной симптоматологии интеллектуальной сферы при творческих приступах, мы волею неволей обращаем внимание на ту или иную степень диссоциации «сознания» (или вернее, сознаваемости) своего творческого приступа. Если одни в момент творческого приступа лишены «сознания», т. е. творят в «бессознательном» состоянии, другие творят в «подсознательном» состоянии, то третьи, хотя и творят в состоянии полного «сознания», однако, как мы увидим, эти состояния можно охарактеризовать скорей, как «сосознательные». Но об этом будет речь впереди.

Приведенные ниже примеры творчества в состоянии сновидения, гипноза, транса, истерического припадка будут именно творческие приступы, где диссоциативными симптомами Эвр будут служить симптомы «бессознательности».

В отличие от такого «бессознательного» творчества, другая группа творческих приступов сопровождается симптомами «подсознательными», т. е. где, хотя «сознание» не теряется, но и где творческий приступ не протекает при полном сознании. Сами, переживающие эти состояния, обозначают его различно: одни — как состояние, обозначаемое словами: «как во сне», другие — как состояния «сомнамбулизма», третьи — как «грезы» и т. д. Третья группа приступов Эвр характеризуется тем своеобразным состоянием, где творческий приступ, хотя и переживается при полном и ясном сознании, однако, переживающие это состояние чувствуют, что они являются соучастниками психического процесса, происходящего вне их воли и желания, а потому это состояние мы обозначим, как состояние сосознательности.

ЭВР — в состоянии сновидения.

Сновидное состояние, как симптом Dis.

Случаи, где творческий процесс ЭВР протекает в сновидном состоянии, настолько общеизвестны и настолько часты и многочисленны, что почти каждый, творящий в той или иной области, может об этих творческих переживаниях во сне рассказать о себе. Здесь мы не будем входить в специальный эвропатологический анализ сновидного творчества, как спе-

циального симптома. Здесь мы укажем на сновидное состояние, как на один из возможных среди ряда других, диссоциативных симптомов творчества.

На сновидения, в которых происходит та или иная творческая работа, вроде сочинения стихов, решения задач и пр., мы смотрим как на патологическое состояние.

Нормальный сон с нормальными сновидениями—не должен производить умственную или вообще творческую работу, свойственную в состоянии бодрствований.

И. Г. Оршанский (24) также эти случаи считает патологическими.

Тем более их нужно считать патологическим явлением, что часто такого рода сновидения иногда сопровождаются вставанием данного субъекта со своей кровати, записыванием на бумаге, затем данный субъект снова ложится и засыпает, а потом, просыпаясь, не знает, что производил во сне этот акт записывания (пример такого случая мы приведем дальше).

Приведем несколько примеров творческих приступов во сне.

416

Генрих-Бругш-Паша

(Heinrich Brugsch-Pascha 1827—94) известный египтолог, говорит о своей научно-творческой работе во сне в нижеприведенном отрывке, при чем из этого отрывка видно будет, что неразрешенная научная проблема в бодрственном состоянии разрешена была в состоянии сновидном.

«В работе я находил высшее наслаждение и каждое новое открытие в области расшифрования старо-египетских писем был для меня сущим праздником. И, действительно, я жил в состоянии какого-то блаженства, что не могло не отразиться на моей нервной системе, что также в свою очередь вызвало то поразительное явление, которое я пережил. Ниже следующее переживание я особенно отмечаю, ибо в течение времени оно часто повторялось настолько, что я стал бояться за себя.

До глубокой ночи я, однажды, усердно работал над расшифрованием египетских писем и особенно, между прочим, над расшифрованием грамматического значения одной группы письменных знаков. Несмотря на мою усердную и настойчивую работу, расшифровать мне не удавалось. Переутомленный от этой бесплодной работы, я лег в кровать (стоявшую тут-же в этой рабочей комнате) чтобы заснуть, предварительно потушив свет. *Во сне (в сновидении) я продолжаю работать над неоконченным исследованием, нахожу разгадку нерасшифрованной проблемы, встаю тотчас же с кровати, сажусь за стол и с закрытыми глазами, как лунатик, записываю карандашом на бумаге результаты расшифрованной проблемы.* *) После этого я встал опять и опять лег в кровать и снова сплю.

*) Курсив наш. (Г. С.)

Вставши утром, я был поражен. Разрешенная загадка лежала перед моими глазами в ясных расшифрованных знаках. Вспоминая часто это, я тщетно задаю себе вопрос, как я мог в абсолютной темноте целые строки расшифрованных загадок так четко и ясно написать? (3).

Пауль Гейзе

(Paul Heyse 1830—1914) часто создавал свои новеллы из сновидений. Здесь приводим два случая, где его произведения родились во сне.

«Большую частью в полусонном состоянии раннего утра у меня часто рождались мотивы, которые я затем, после того как проснусь, в состоянии бодрствования продолжал развивать до законченного произведения. Так, новелла «Клеопатра» возникла из сновидения, в котором я пережил невероятно страшную борьбу с каким-то фантастическим чудовищем.

Однажды мне случилось пережить такое сновидение, из содержания которого создана была целая новелла.

Мне казалось, что я и мой друг Людвиг Шнееганс, идем по главной улице Lestri-Levante. Мы входим в кирку и находим там катафалк, на котором покоится труп удивительно красивой женщины около 40 лет. Привратник рассказывает нам историю ее жизни, которая была так поразительна, что Шнееганс вскрикнул: «Да ведь это настоящая новелла, да и притом какая красивая новелла!» Мне стало чрезвычайно досадно. Ну, подумал я (во сне) он наложит на эту тему свою руку, не будучи новеллистом. Когда я проснулся, все пережитое во сне, представилось мне чрезвычайно ярко. В тот же день я посетил моего друга и рассказал ему свое сновидение. Если ты настаиваешь, сказал я ему, то я должен эту тему уступить тебе по праву «Primi occupantis». Смеясь, он не воспользовался моей уступкой и через 14 дней у меня была готова новелла «Die Frau Marchesa», которая была во всех очертаниях написана точно по рассказу привратника (из сновидения), от которого у меня в памяти остались даже имена» (3).

Кольридж

«заснул при чтении путешествия Пургаса, и во время этого сна, продолжавшегося 3 часа, создал 200—300 стихов, которые, проснувшись, поспешил записать» (Максим Петри Таинств. явлен. челов. природ. 1867).

Свое сочинение «Кубла» Кольридж также сочинил во сне (1)

Тартини.

Тартини явился во сне дьявол и сыграл ему сонату мастерством артиста. Проснувшись, Тартини тотчас же записал ее в том виде, как играл ее дьявол и назвал ее в ознаменование этого загадочного происшествия «Сонатой дьявола». (Цит. по Грузенберг «Психолог. Творчества»).

Грибоедов.

«Будучи в Персии в 1821 году (рассказывает Булгарин), Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, об артистах, о театре, которых он любил страстно. Он лег спать в киоске в саду и видел сон, представивший ему любезное отечество со всем, что осталось в нем милого для сердца.

Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто бы им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Проснувшись, Грибоедов берет карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начертывает план «Горе от ума», сочиняет несколько сцен 1-го акта. Комедия сия заняла все досуги его и окончил ее в Тифлисе в 1822 году». (Цит. по Измайлову «Загадки Дионисия» Вестник Европы 1916 г.).

Вольтер.

418 Вольтеру однажды приснилась первая часть «Генриады» не в том виде, в каком он писал ее. «Я, пишет он, говорил во сне такие вещи, которые едва ли сказал бы наяву. Мысль работала во сне. У меня не было ни воли, ни свободы, и однако-ж идеи слагались остроумно, а иногда даже гениально. (Измайлов. «Загадки Дионисия» Вестник Европы 1916 июнь).

Шуман

получил во сне от Шуберта мажорную тему в тональности *си-бемоль*. (Цит. по Грассе «Окультизм», стр. 1948).

К. Льдов

приводит такой факт: «начатое *перед сном* стихотворение, зачастую продолжает слагаться после погружения в сон; после пробуждения я иногда записывал бессознательную работу; кроме того, во время занятий музыкой мне случалось слышать во сне целые оперы, последние темы которых я нередко помнил и записывал после пробуждения». (Цит. Там же примечание переводчика К. Льдова).

Пушкин

говорил о себе: «У меня в голове всегда все лучше выходит. 2 хороших стихотворения, лучших, какие я написал, я написал во сне. Только их я мог припомнить по-утру». (Записки Смирновой).

«Я иногда вижу во сне дивные стихи; во сне они прекрасны, в наших снах все прекрасно, но как уловить, что пишешь во время сна?». (Записки Смирновой).

ЭВР в состоянии гипноза.

Гипнотическое состояние, как симптом Dis.

О том, что ЭВР может протекать в состоянии гипноза, указывают нижеприведенные случаи. Характерно отметить в этих случаях, что квалификация ЭВР увеличивается в состоянии гипнотическом, между тем, квалификация ЭВР тех же лиц в бодрствующем состоянии понижается. Пример, где мы видим, что в гипнозе возможны проявления творческих способностей, которые выходят за пределы способностей данного субъекта, в нормальном бодрственном состоянии представляет следующий случай, приводимый психиатром д-ром Левенфельдом (25).

Один французский врач, доктор Дюфэй, усыпил одну артистку и внушил ей сыграть вместо другой заболевшей исполнительницы роль, которую она не изучала, а только видела в исполнении другой. Здесь имело место постгипнотическое внушение, реализовавшееся, как часто случается, в том, что загипнотизированная впала во время исполнения внушенной роли в новое состояние гипноза. Артистка упала, как потом узнал Дюфэй, во время совершения туалета перед представлением, на диван, и попросила камеристку дать ей немного отдохнуть. Через несколько минут она опять поднялась, окончила свой туалет и вышла на сцену, где провела свою роль—несомненно, в гипнотическом состоянии—превосходнейшим образом. Доктор Дюфэй должен был разбудить артистку, чтобы дать возможность принять участие в предложенном директором театра ужине.

Другой случай приводит д-р Левенфельд такой (25):

В конце февраля 1904 года в Мюнхен по приглашению доктора Ф. Шренк-Нотцинга приехала танцовщица Мадлэн из Парижа в сопровождении гипнотизера Магнена; здесь она выступила сначала в частных кружках, а потом и в драматическом театре (в силу запрещения публичных гипнотических демонстраций, сеанс происходил под наблюдением мюнхенского психологического общества). Магнен на глазах публики повергал танцовщицу Мадлэн в состояние гипнотического сна, в котором она затем, в духе Айседоры Дункан, воспроизводила танцами различные музыкальные произведения. Все ее движения и позы отличались при этом поразительной грацией и полным соответствием музыке. Кроме того, она замечательно живо и захватывающе воспроизводила мимикой те чувства, которые пробуждали в ее душе прочитанные перед ней драматические сцены и стихотворения. В то время, как танцы и мимическая игра Мадлэн пользовались громадным успехом и заинтересовали в особенности представителей искусства, среди публики и врачей возникало все более сильное сомнение,—находится ли Мадлэн во время своих представлений действительно в состоянии гипноза, и не представляет ли собой эта

публичная демонстрация гипнотизма, простого обмана, рассчитанного на то, чтобы придать действиям Мадлэн характер чего-то сверхъестественного, и благодаря этому, вызвать сенсацию. Это предположение дало повод к демонстрации искусства Мадлэн в Мюнхенском собрании врачей.

Судя по докладу, прочитанному доктором Ф. Шренк-Нотцингом, Мадлэн в то время (1904 г.) было 30 лет. Страдает легкой формой истерии. Она поет и играет на рояле, но ее музыкальные способности, обнаруживаемые ею в бодрственном состоянии, не выходят за пределы среднего диллетанства. Так же обстоит дело и с ее хореографическими способностями. В отношении наследственности: отец ее француз, по профессии танцмейстер. Мать происходит из семьи, где сильно развиты способности к танцам. Она одарена, следовательно, унаследованными способностями к танцам, с чем не в малой степени связана и ее необыкновенно тонко развитая музыкальность. Со стороны нервной системы у нее была констатирована психиатром Левенфельдом и мюнхенскими врачами истерия в легкой степени.

Ее чрезвычайная восприимчивость к музыкальным впечатлениям и способность к танцам и мимике, в состоянии гипноза, были открыты гипнотизером Магненом, к помощи которого она нередко прибегала по поводу различных нервных недомоганий. Этот гипнотизер воспользовался затем ее способностями, проявляющимися в гипнотическом состоянии, вероятно, уже для матеральных целей.

В собрании мюнхенских врачей Магнен усыпил Мадлэн тем же способом, что и во время публичных сеансов (посредством фиксации и месмерических пассов).

Д-р Левенфельд—известный мюнхенский психиатр, присутствовавший при этих сеансах, говорит: «во время всей демонстрации я внимательно наблюдал за танцовщицей и пришел к тому заключению, что здесь во всяком случае имеет место гипноз, осложненный истерическими явлениями, и что о симуляции не может быть и речи. Это мое убеждение я и высказывал во время прений, последовавших за сеансом. Позднейшие наблюдения, сделанные мною над Мадлэн после ее усыпления Магненом (во время одного из публичных сеансов), вполне подтвердили мой взгляд. С последним согласились впоследствии и другие мюнхенские невропатологи и психиатры. Взаимоотношение гипнотизма и творчества благодаря Мадлен стало всюду предметом особого интереса. Что и побудило мюнхенское драматическое общество пригласить меня прочесть доклад на эту тему».

В этих фактических данных замечательно то, что в своем нормальном состоянии танцовщица Мадлэн обнаруживает свои музыкальные и хореографические способности в степени не выше среднего диллетанства и ничего более, между тем, как в состоянии гипноза своим искусством она поразила весь тогдашний художественный и научный мир Мюнхена.

Оба эти случая, приводимые д-ром Левенфельдом, нам иллюстрируют, что творческий приступ может иметь своим симптомом — гипнотическое состояние.

ЭВР в состоянии транса медиумов.

Медиумистический транс, как симптом Dis.

Ниже приведенные случаи, приводимые как иллюстрации, где процессы ЭВР проявляются в состоянии транса в то время как в бодрственном состоянии этих процессов не было. Приведем ряд известных в литературе случаев, где творческий приступ обнаруживался в таком медиумистическом трансе.

Асман.

Асман рисует в так называемом полутрансе, т. е. в состоянии, среднем между сном и бодрствованием, в нормальном состоянии она не может рисовать. «Вглядываясь подольше в причудливые орнаменты художницы-медиума, (говорит критик этих художников), мы начинаем вспоминать, что уже где-то раньше видели подобные фигуры. Это те самые странные, порою даже страшные фигуры, которые перед сном мелькают в тумане перед нашими полузакрытыми глазами». По технике работы Асман характеризуется округленностью форм. Эта округленность, по мнению критиков, является характерной для медиумистических рисунков.

Спесцен.

Рисунки другого медиума-художницы Спесцен, изображающие «духов-хранителей» также есть продукт такого состояния транса. Здесь, у этой художницы проявляется также характерная для подобных произведений округленность форм. «Чувствуется, как круги постепенно ложились один на другой, образуя нечто вроде ткани, потом, наконец, получилось изображение лица, притом довольно выразительного со всеми тенями и полутенями. Иногда на лице такого изображения можно заметить второй портрет в виде мушки или ямочки на подбородке.

Это повторение одного и того же мотива будто является также характерным признаком медиумистического творчества.

Генес.

Орнаменты другой художницы, Генес обладают большими достоинствами, нежели подобные же произведения Асман. Здесь видна лучшая техника и более яркий подбор красок, хотя нет такого единства стиля.

К круговой, так сказать, технике Асман и Спесцен приближается «пунктирная» техника венгерки Илоны Владыч.

Владыч.

Илона Владыч, жена врача в Будапеште, уверяла, что она «инспирирована духом» Ларисом». Она рисовала обыкновенно в темноте, не видя и не думая о том, что получается на бумаге. Сюжеты ее порою талантливых картин—животные и растения. Художественный талант г-жи Владыч проявился внезапно и, проблистав несколько недель, так же быстро исчез, как и появился. Она успела за все это время нарисовать 53 картины. Не вдаваясь в художественную оценку этих картин, мы здесь констатируем лишь факт проявления творческих приступов состоянии «транса», в то время как в нормальном состоянии их не было.

Август Махнер.

Художественные способности его проявились совершенно случайно во время спиритических сеансов, в которых участвовал Махнер.

422 Ему показалось, что он видит в темноте какие-то силуэты, которые он набросал на бумагу. Вскоре после этого появилась его первая картина.

Махнер—по профессии скорняк (после матрос), получил только низшее образование в сельской школе и рисованию нигде не учился. Друзья выхлопотали ему стипендию в художественной школе в Берлине, но он не воспользовался представившимся ему случаем развить свой талант. Чуть ли не в первый-же день он разошелся во взглядах со своими преподавателями, не желая следовать их методу, и вышел из училища.

Сюжеты его оригинальных картин, как и большинство сюжетов художников-медиумов, относятся к «другим мирам».—«Цветок с Марса», «плавающий по океану», «Цветок, качающийся в сиянии двух солнц Сатурна» и т. п.—вот его излюбленные темы.

Критик отзываясь о нем так: «Ландшафты Махнера написаны с большим умением, очень красочны и создают настроение.

Надо также полагать, что в его произведениях отразились многие впечатления от виденного им во время многолетних скитаний по разным морям и странам. Так, например, цветы с Марса во многом напоминают орхидеи тропических стран. Хотя надо заметить, что в то время Махнер вовсе не мечтал о том, что сделается художником и будет их когда-либо изображать».

Каково бы ни было достоинство этих произведений, нам важно отметить в этих случаях лишь то, что творческий приступ появлялся у этих лиц в медиумистическом трансе; в то время как в «нормальном» состоянии у них этого не было.

ЭВР в состоянии истерического припадка.

Истерический припадок, как симптом Dis'a.

В ниже приведенных примерах мы проиллюстрируем факты, из которых видно будет, что творческий приступ может быть в состоянии истерического (или истероподобного) припадка. Приведем сначала случай сценического творчества во время истерического припадка, а именно: заучивание и созидание роли, которую предстоит артистке сыграть на сцене, а затем приведем примеры литературного и музыкального творчества в состоянии истерического припадка.

Шарлотта Вольтер.

Относительно артистки *Шарлотты Вольтер* (Charlotte Wolter 1834-1897), один свидетель, будучи очевидцем, как она разучивала и созидала свою роль, рассказывал следующее: ...«Она просматривает пьесу, в которой она должна играть роль, с нервной быстротой. Она не говорит ни слова, если пьеса на нее произвела впечатление. Вначале она охвачена волнением, ее весь организм дрожит. Вдруг она вскакивает и шагает по комнате большими шагами, затем внезапно останавливается все еще в каком-то онемении, и потом в состоянии ажитации начинает играть. Она, очевидно, внутренне переживает действие этой пьесы. Она страдает под впечатлением пережитого случая или страдания того лица, с судьбой которого она сталкивается во время действия пьесы. Слезы льются по ее щекам, ее движения и переживания делаются все более и более живыми и реальными, но все еще она как будто не дошла до той точки, где бы она почувствовала себя на высоте своей роли. Но тут вдруг начинают сверкать и гореть ее глаза, ее поза делается повелительной, угрожающей, затем наступают судороги, из груди вырывается отчаянный крик и артистка бросается в рыданиях на софу. Она рыдает долго и громко, пока не проходит кризис и тогда роль в новой пьесе твердо заучена»... (3).

Толстой Алексей.

«Во время моей болезни... я как-то ночью принялся писать маленькое стихотворение, которое мне пришло в голову. Я уже написал почти страницу, как вдруг мои мысли смутились и я потерял сознание. Пришедши в себя, я хотел прочесть то, что я написал.

Бумага лежала передо мной, карандаш тоже, ничего в обстановке окружающей меня не изменилось, а вместе с тем я не узнал ни одного слова в моем стихотворении. Я начал искать, переворачивать все мои бумаги и не находил моего стихотворения. Пришлось признаться, что я писал бессознательно, а вместе с тем мною овладела какая то мучительная

боль, которая состояла в том, что я непременно хотел вспомнить что-то, хотел удержать какую-то убегающую от меня мысль. Это мучительное состояние становилось так сильно, что я пошел будить мою жену, она велела будить доктора, который велел мне сейчас же положить льду на голову и горчичников к ногам, и тогда равновесие установилось. Стихотворение, которое я написал совершенно бессознательно—недурно и напечатано в «Вестн. Европы». Во всяком случае, это явление патологическое, довольно странное. 3 раза в моей жизни я пережил это чувство. Хотел уловить какое-то неуловимое воспоминание, но я не желал бы еще раз пройти через это, т. к. это чувство очень тяжелое и даже страшное. В том, что я написал есть какого-то рода предчувствие близкой смерти». (В одном письме Толстого за 8 месяцев до смерти).

Скрябин.

Юрман*) отмечает, что у Скрябина всегда были истерические припадки перед тем, как появлялись приступы творчества и вообще перед периодом обострения музыкальных способностей. Он говорит (стр. 71). «Интересны те нервные припадки, которым был подвержен Скрябин и из которых один подробно описывает в своем письме к Беляеву тетушка Скрябина 25/1-1897 г. Особенно интересно замечание Скрябиной, что, по ее наблюдениям, подобные припадки всегда бывают у ее племянника *перед появлением на свет новых музыкальных мыслей***)».

«Припадок произошел ночью, сначала он совсем похолодел, и я решительно не знала, чем его согреть» пишет Скрябина, «порой у него что-то делалось с сердцем, а главное с головой, я даже не пойму, говорит, что боли нет никакой, а между тем только и успокаивался, когда я ему держала голову крепко руками. Все это кончилось к утру горькими слезами или истерикой, после чего он утих, но не заснул ни на одну секунду. И так он пролежал до 4-х часов вечера в полном изнеможении».

Вечером, вследствие уговоров тетушки встать и выйти на воздух, Скрябин отправился к своим знакомым Шлецер и там, в присутствии впоследствии знаменитого пианиста Иосифа Гофмана, «играл весь вечер, и как говорят, давно так хорошо не играл, как в этот раз». Далее Скрябина пишет: «Относительно появления на свет чего-то нового я не ошиблась. Только вернулся он в этот вечер от Шлецер, сейчас же уселся за рояль, забыл обещание невесте ложиться раньше спать, играл, правда, очень тихо, и до которого часу уж не знаю. Я и сама заснула часа в 4, а он все еще играл. И вот с тех пор пошло, сидит опять все ночи, да и днем перестал учить свой концерт и все что-то играет с такой сияющей и блаженной физиономией, что

*) Юрман. Скрябин. Опыт патографии. Клини. архив гениальн. и одарен. вып. III 25 г.

**) Курсив здесь, а также дальше, везде наш (Г. С.).

я сегодня уже его спросила, не народилось ли у него что-нибудь ноченькое, он мне ответил утвердительно, и говорит, что выходит что-то очень уж хорошее, да и по его лицу вижу, что он блаженствует». Данный припадок можно трактовать скорее всего, как несколько своеобразный тяжелый припадок истерического характера. Крайне интересным является то *резкое обострение музыкальных способностей как исполнительского, так и творческого характера, которое последовало непосредственно вслед за припадком, явилось как бы его результатом..»* (11).

Берлиоз.

Интересное доказательство того, насколько повышается музыкальное чувство благодаря истерии, мы находим в следующем автобиографическом отрывке Берлиоза.

«При звуках некоторых музыкальных произведений мне кажется, что душа моя расширяется; я испытываю неземное блаженство, которого не могут разрушить никакие мудрствования разума; привычка к анализу вызывает затем уже сама по себе восхищение; душевные переживания, растущие в прямом соотношении к силе и величю идей композитора, порождают вскоре странное волнение крови, пульс начинает биться сильнее, слезы, обыкновенно предвещающие прекращение пароксизма, часто влекут за собой еще более сильный припадок. В таком случае наступает болезненное сокращение мускулов, дрожь во всех членах, полное онемение рук и ног, частичный паралич лицевых и слуховых нервов, я ничего не вижу, плохо слышу... Головокружение... отчасти потеря сознания». (25).

Из этого описания мы видим, что Берлиозу достаточно было услышать известные музыкальные произведения, приводившие его в особый восторг, чтобы вызвать у себя типичный припадок истерии.

Из всех этих случаев, мы видим, что Dis по своему симптомокомплексу в процессе Эвр характеризуется так, называемым, «бессознательным» состоянием, при чем это «бессознательное» состояние имеет одну из следующих форм:

1. Бессознательное состояние сновидения; Dis — Сновидение.
2. » гипнотич. состояние . » — Гипнотическое состояние.
3. » состояние медиумистического транса; . . . » — медиумистическ. транс.
4. » состояние истерического припадка; . . . » — истерическ. припадок.

Во всех этих случаях мы имеем приступы творчества при отсутствии того бодрственного состояния; которым характеризуется «сознательная» работа на яву.

Теперь перейдем к группе творческих процессов, где приступы Эвр характеризуются симптомами «сознательности» (или, вернее сознаваемости) переживаемого приступа Эвр.

ЭВР-процесс подсознательного состояния.

Симптом подсознательного состояния, как симптом Dis.

Теперь перейдем к другой группе творческих процессов, симптоматология которых характеризуется, если не полной утратой сознания, то по крайней мере тем состоянием, которое многие авторы характеризуют как «подсознательные» процессы (Prinz, Жане и др.) Во всех этих случаях, которые мы приведем ниже, «сознание» еще в состоянии дать ту или иную суб'ективную оценку своих переживаний, несмотря на то, что переживаемый творческий приступ сопровождается состоянием «выхода из себя». Психическую диссоциацию этих лиц, переживающих этот род «вдохновения», часто описывают различно. Одни называют это состояние, как состояние «на границе бессознательности» другие, — «как во сне», «как в припадке сомнамбулизма» и проч. Во всех этих случаях нам важно отметить, что везде сознание не теряется, и как бы участвует в этих переживаниях, а потому данное лицо может вспомнить эти суб'ективные переживания, дать себе отчет о них и описать. Не имея другого, более подходящего термина для этих переживаний, мы обозначаем их, как «подсознательные переживания». Следовательно, в этой группе ЭВР симптоматология Dis—есть «подсознательные переживания».

Приведем несколько примеров такого рода творческих переживаний.

Август Кокуле

основатель структурной теории химии, рассказывает момент зарождения этой теории таким образом: Во время пребывания в Лондоне я долго жил на Clapham road вблизи Коммона. Вечера я проводил обыкновенно, в Islington, на противоположном конце громадного города, у моего друга Гуго Мюллера. Здесь мы беседовали на разные темы, а чаще всего о нашей любимой химии. В одно воскресенье я возвращался с последним omnibusом по улицам города, обыкновенно столь оживленного, а теперь совершенно пустынного. По обыкновению я сидел «outside» т. е. на крыше omnibusа. Я предавался грезам. Перед моими глазами кружились атомы. Я часто рисовал себе в воображении движение этих маленьких существ, но до того времени никогда не удавалось мне проследить, какого рода были эти движения. Сегодня я видел ясно, как здесь и там два маленьких атома соединялись в пару, большие атомы обнимали по два маленьких, еще большие держали в объятиях по 3 или 4, и как все это кружилось в вихревом танце. Я видел,

как большие атомы образовали ряды, в конце которых висели меньшие атомы. Словом, я видел то, что так прекрасно изобразил мой учитель Копп в своем «Мире молекул», но я видел все это гораздо раньше, чем он.

Голос кондуктора, выкрикивавшего «Clapham road», разбудил меня посреди этих грез. Но придя домой, я просидел часть ночи, набрасывая эти картины в общих чертах*). Так возникла — структурная теория химии.

Гете

о сочинении своего Вертера говорит: «так как я написал это сочинение довольно бессознательно, подобно лунатику, то я сам изумился ему, когда приступил к его обработке».

Моцарт

описывая свой процесс творчества, говорит: «Все это происходит во мне точно в прекрасном, очень отчетливом сне». (По Грассе «Оккультизм» стр. 1948).

Жан-Поль

говорит: «Гений — лунатик более, чем в одном смысле: в своем ясном сне он может сделать больше, чем бодрствующий; в темноте он взбирается на все выси действительности, но лишите его мира грез и он упадет в действительный мир».

Гете

говорит, что он сочинял многие из своих песен, находясь как бы в припадке сомнамбулизма.

Беттвенелли

пишет: «благоприятный для поэта момент может быть назван сном, приснившимся в присутствии разума, который, по видимому, следит за его течением с открытыми глазами».

Моцарт

говорит, что мысли его творений возникали в нем незвольно, как во сне («все это происходит точно в прекрасном, очень отчетливом сне»).

Рафаэль

говорит о своем творчестве: «Это совершилось в каком-то приятном сне».

Кольцов

переживает свой творческий приступ в таком состоянии, что ему приходится убеждать себя «что это не сон». А. Я. Головачева—Панаева приводит со слов Кольцова следующее признание поэта о его творческом приступе.

*) М. Г. Центнершвер. «Наука и техника» Альманах «В тылу» 1925 г. Цит. по Блоху стр. 13. (23).

«Я ночевал с гуртом отца в степи—признается Кольцов в своих самопризнаниях.—Ночь была темная-претемная, и такая тишина, что слышался шелест травы. Небо надо мной было тоже темное, высокое, с яркими мигающими звездами. Мне не спалось, я лежал и смотрел в небо. *Вдруг у меня в голове стали слагаться стихи.* До этого у меня постоянно вертелись отрывочные, без связи рифмы, а тут приняли определенную форму. *Я вскочил на ноги в каком то лихорадочном состоянии, чтобы удостовериться, что это не сон, я прочел вслух стихи.* Странное я испытывал ощущение, прислушиваясь сам к своим стихам». «Русские писатели и артисты», 1890, стр. 86. Цит. по Грузенбергу «Психология творчества»).

ЭВР—в состоянии со-сознательности.

Со-сознательное состояние как симптом Dis.

Под термином «со-сознательности» мы понимаем те состояния, где при полном сознании и самообладании собой, переживается такой психический комплекс, который нами создается, как нечто нам не свойственное, а потому как нечто чуждое, как вторжение чуждой нам силы, как «одержимость». Так как эти процессы вклиниваются в сознание как постороннее, невольное, при полном и ясном сознании, и так как этот комплекс как-бы «захватывает» наше сознание, то мы можем говорить об этих состояниях как о «со-сознательных» состояниях.

Примеры творческих приступов, где такое со-сознательное состояние служит симптомом диссоциативности в этих творческих процессах, приводится нами ниже в главе «Эвр—в состоянии принуждений», а также в других главах.

Итак, из всех вышеприведенных примеров, мы видим, что творческие процессы (ЭВР) могут протекать при симптомах различных степеней сознаваемости.

Иначе говоря, симптомом сознания в творческих процессах может быть любая из этих форм диссоциации сознаваемости.

1. Бессознательное состояние:

- а) в форме сновидения
- б) в форме гипноза
- в) в форме транса медиумического
- д) в форме истерического припадка.

2. Подсознательное состояние.

3. Со-сознательное состояние.

ЭВР—в состоянии гипермнезии.

Гипермнезия как симптом Dis.

То своеобразное переживание, которое известно в психопатологии под названием *гипермнезии*, имеет громадное эвропатологическое значение в понимании и анализе тех процессов,

которые субъективно переживаются как «вдохновение», «интуиция», и проч. Как известно, гипермнезией обычно называют в психиатрии *болезненное усиление* или обострение памяти. Но такое определение не совсем точно, ибо к «обострению» примешиваются еще и другие психические качества; да и потом гипермнестические переживания касаются «обострения» не только памяти, но еще и других сторон психики. Но так как этот термин существует, то будем его употреблять, но с оговоркой, что гипермнезией мы будем обозначать не только обострение памяти, но и вообще обостренную психическую деятельность интеллекта, связанную всегда с обострением того или иного вида памяти.

Гипермнезия, как известно, наблюдается не только при определенных душевных заболеваниях, где эта гипермнезия характеризует это заболевание, но и может быть эпизодическим осложнением при всяких других заболеваниях, где гипермнезия не является обязательным и характеризующим это заболевание. Гипермнезия наблюдается при следующих состояниях:

1) При эпилептических (чест. эпилептоидных) переживаниях до припадка у одних и после припадка у других. До припадка в виде психической «ауры». После припадка в виде обострений памяти интеллекта.

2) При истерических и истероподобных переживаниях.

3) При физических и психических травмах различного характера, в особенности при травмах, связанных с сознанием смертельной опасности для жизни (падение с высоты, при лежании на рельсах под проходящим поездом, перед повешением, расстрелом и т. п.).

4) При маниакальных или маниакально-подобных возбуждениях.

5) При инфекционных и делириозных переживаниях.

6) При всяких токсических и наркоманических переживаниях.

Приведем несколько ярких примеров гипермнезии.

Пример эпилептической гипермнезии (перед припадком). Самым лучшим материалом для этого служат самопризнания гениальных (или просто одаренных) эпилептиков. Все они очень ярко и характерно описывают эти состояния и вряд ли кому лучше удастся описать их, как они это сами делали. Послушаем, например, что говорит нам об этом эпилептик Достоевский.

«Вдруг что-то открылось перед ним, необычайный внутренний свет озарил его душу: это продолжалось может быть $\frac{1}{2}$ секунды . . . бывают моменты, продолжают они не более 5—6 секунд, когда вдруг чувствуешь присутствие вечной гармонии . . . это явление ни земное, ни небесное; это чувство ясное, несомненное, сразу кажется, что соприкасаешься со всей природой и говоришь: да, это так. Когда Бог создавал

мир, он говорил в конце каждого дня: Да, это так, это хорошо. И это не нежность, не радость, не прощание, ибо нет ничего, чтобы должно было прощать и не любовь; это чувство выше любви, страшна та поразительная ясность, с какой чувствуешь радость, наполняющую тебя . . .

Если бы это состояние продолжалось более 5-ти секунд, душа не могла бы выдержать и должна была бы умереть. *В продолжение этих пяти секунд я переживаю целое существование человека.* *) За него я отдал бы всю свою жизнь и мне не казалось бы, что я слишком дорого заплатил.

— Вы не эпилептик?

— Нет, Вы станете им, я слышал, что именно так начинается... человек, страдающий этой болезнью (повидимому, сам Достоевский), подробно описал мне свои ощущения, предшествующие припадку, и слушая Вас, мне казалось, что я слышу его. Он также говорил мне о 5 секундах и о том, что было бы невозможно дольше сставаться в таком состоянии. Вспомните кубок Магомета, когда он опустошался, пророк летал в рай. Этот кубок Ваши 5 секунд, Ваша гармония, — рай, а Магомет был эпилептик (из романа «Бесы» часть I)

«Я помню между прочим явление, которое предшествовало у него приступам эпилепсии. Среди полного упадка помрачения душевных сил и тоски, которые он испытывал, были мгновения, когда вдруг сразу воспламенялся его мозг и все жизненные силы, внезапно достигали чрезвычайной напряженности.

Ощущения жизни и сознания как-бы удесятерились, *вспыхивали подобно молнии*. В эти мгновения необычайный свет сиял в его уме и сердце. Все сомнения рассеивались в этой высшей гармонии и в этом ясном и вполне рациональном спокойствии. Но эти блестящие моменты были только прелюдией той последней секунды, за которой немедленно следовал припадок, когда уже выздоровев, князь размышлял о ней, он говорил себе: — Это беглое мгновение, в котором проявляется высочайшее самосознание, поэтому высшая жизнь обязана только болезни, только разрыву нормального бытия; и если так, то жизнь нормальная не есть высшая, — наоборот жизнь низшего порядка. Разве он не имел в этот момент видений, подобных фантастическому сну, вызванных опьянением гашишем, опиумом и вином. Он хорошо мог обсудить все после припадка. Эти моменты отличаются чрезвычайно развитым чувством внутреннего откровения.

В последнюю минуту сознания перед припадком, больной мог сказать ясно и с полным сознанием:

Да; за это мгновение можно и стоит отдать всю жизнь. Без сомнения в это мгновение эпилептик понимает намек

*) Курсив наш (Г. С.)

Магомета, говорившего, что он посещает все мечети, в более краткое время, чем было необходимо для осушения кубка воды (из ром. «Идиот» часть I стр. 296).

В этих отрывках ярко и характерно обрисована эпилептическая гипермнезия в следующих выражениях: «*в продолжение этих пяти секунд я переживаю целое существование человека*», «*Страшна та поразительная ясность*», «*были мгновения, когда вдруг сразу воспламенялся его мозг и все жизненные силы внезапно достигали чрезвычайной напряженности, ощущения жизни и сознания удесяттерились*». «*Эти беглые мгновения, в которых проявляется высочайшее самосознание*», «*Эти моменты отличаются чрезвычайно развитым чувством внутреннего откровения*».. и т. д.

В этих выражениях чрезвычайно ярко характеризуется необычайное для нормы обострение интеллектуальных способностей (включая то состояние, где в пять секунд переживается «целое существование человека», т. е. все прошлое вспоминается в пять секунд). Причем характерным является в этих эпилептических гипермнезиях то необычайное чувство «счастья», «блаженства», «экстаза» и проч. Эти переживания эмоционально—ярко окрашены, за них эпилептик «готов отдать всю жизнь».

В нижеследующих примерах приведем иллюстрации, где творческий приступ (ЭВР) протекает при диссоциативных симптомах эпилептической гипермнезии (Dis — эпилептическая гипермнезия).

ЭВР в состоянии эпилептической гипермнезии (эпилептической ауры)

Симптомы эпилептической гипермнезии как симптомы Dis'a

Якоби.

С 8 — 9 лет у него начались приступы гипермнезии перед эпилептическим припадком. В этот момент он переживал «интуицию вечности и бесконечности протяжения», от которой он не мог отделаться всю жизнь.

«Это было странное, совершенно независимое от всяких религиозных понятий, представление бесконечной длительности, которая внезапно ясно сознавалась мною и с такой силой захватывала меня при моих размышлениях о вечности a parte ante, что я громко кричал, вскакивал и впадал в некоторого рода обморок. Мысль об уничтожении, которая всегда мне представлялась ужасной, и еще ужасней и невыносимее представлялась мне идея вечного продолжения. Я мало-по-малу стал реже подпадать под ее влияние и уже думал, что совсем от нее отделался, как вдруг на 25 году жизни она снова возобновилась у меня» (6).

Биконсфильд

говорит о своем «вдохновении» так: «Мне часто приходит в голову, что от сильного умственного напряжения до безумия только один шаг. Я не могу хорошенько описать, что чувствую в эту минуту. Мне кажется тогда, что чувства обманывают меня и я даже не уверен в своем существовании. Я помню, что иногда я принужден был взять книгу, чтобы увидеть мое имя написанным и удостовериться в том, что я живу; когда я нахожусь в этом состоянии мои ощущения бывают невероятно остры и интенсивны, все предметы кажутся мне оживленными и мне представляется, что я ощущаю быстрое движение земного шара.

Беллини

переживал творческий приступ как процесс «кипения мыслей», граничивший с полной утратой сознания как при эпилептическом припадке. «Кипят, кипят во мне мысли» — пишет он в своих самопризнаниях, — «когда я начинаю думать о движении, в котором, мне кажется, — заключается такая глубокая, такая таинственная загадка.

Она представляет мне жизнь природы до такой степени ненонятной и в то же время столь грандиозно-великой, что я порой дохожу до экстаза, становлюсь бурным: мною овладевает такой энтузиазм, что я перестаю сознавать, где я, что я делаю, с кем нахожусь». (Монтегацца: «Счастье и Труд» изд. Ф. Павленкова С. П. Б. 1889, стр. 42. цит. по Грузенбергу «Психол. Творчества»).

Филон Александрийский

описывает так свое вдохновение: Часто я приступал к своей работе совершенно без всякого содержания в голове, но вдруг совершенно незаметно для меня является приток мыслей, приходящих свыше. Путем воздействия божественной инспирации я делаюсь таким возбужденным, что забываю себя и все, что происходит вокруг меня. Также я после этого не знаю, где я был, что говорил, или что писал. Я чувствовал только одно, что я так невероятно богат идеями такой необычайной ясности и проникновенности и такой необычайной силы по отношению ко всему тому, за что я брался, что всякое спекулятивное познание представлялось моему духовному зрению так же ясно и отчетливо, как отчетливо все было моему физическому зрению. *) (3)

*) Курсив наш (Г. С.).

ЭВР — в состоянии гипермнезии, обусловленной физической или психической травмой.

Травматическая гипермнезия как симптом Dis.

Пример гипермнезии при психической травме (переживание смертельной опасности) приводит Эггер в статье: «Le moi des mourants» (Revue philosophique, 1896, 1, 26-28). Он приводит свидетельство одного швейцарского ученого Гейма о переживаниях туристов в горах в минуту падения угрожающего смертью. Сам Гейм пережил подобное состояние и описывает его следующим образом: «чтобы описать пережитое мною в течение нескольких секунд падения, мне пришлось бы вам рассказывать целый час. С необычайной точностью и ясностью передо мной пронеслись образы и мысли... Я обозрел все факты моего прошлого, пронесившегося передо мной в виде неисчислимого количества образов». (Цит. по Лапшину, «Философия изобретения и изобретение в философии» стр. 106).

Таким образом, здесь переживается в секунды падения тот же самый процесс, что эпилептик переживает в своих знаменитых 5 секундах (при психической травме говорится:.. «Я обозрел все факты моего прошлого».. там у эпилептика: «в продолжении 5 секунд я переживаю целое существование человека»)..

433

Карпентер

также приводит случай травматической гипермнезии. Его случай относится к субъекту, получившему ушиб головы и впавшему вследствие этого в бессознательное состояние; когда состояние его улучшилось, он заговорил на незнакомом никому в больнице валлийском языке, впоследствии выяснилось, больной тридцать лет не был в Валлии и совершенно, казалось забыл свой родной язык, на котором никогда не говорил за все это время; выздоровев он снова заговорил по-английски, утратив совершенно способность говорить на валлийском языке (5).

Бирфлит

Van Biervliet, (La memoire 1893 p. 185) также приводит целый ряд случаев, где при травме психической и физической (при утопании, при лежании вдоль рельс под быстро мчащимся поездом и проч.) наблюдались случаи, когда гипермнезия выразилась в видении давно пережитых комплексов в виде «панорамных видений».

Автору сей работы пришлось наблюдать такой случай травматической гипермнезии в нервной больнице г. Свердловска. Одна сестра милосердия З. К. никогда в своей жизни не страдавшая припадками и происходящая из музыкальной семьи, получила однажды такого рода психическую травму. Один субъект с целью убить ее, выстрелил в нее в 3-4-х шагах, из

револьвера, но дал промах и она осталась не раненой. Это покушение настолько травмировало ее психику, что в первые непосредственные за выстрелом моменты—она впала в состояние, которое она охарактеризовала словами «точно я окаменела». После этого у ней стали появляться припадки, во время которых она впадала в бессознательное состояние, и в это время (припадка) она пела все время романсы, песни и проч. Через некоторое время эти припадки, сопровождавшиеся вокальной репродуктивностью, прекратились вместе с выздоровлением.

В литературе общей и специальной приводится ряд примеров, где полученная случайно физическая травма обостряла до тех пор (не обнаружившиеся) скрытые таланты или способности, так что обострившаяся после травмы гипермнезия оставалась длительной гипермнезией (*перманентной гипермнезией*).

434

Приведем несколько примеров, где такая травматическая гипермнезия—стала результатом физической травмы.

Гретри

вначале был плохой певец, после сильной травмы головы сделался знаменитым артистом.

Мобильон

смолоду считался совершенно слабоумным. Впоследствии, получивши травму в голове (ранение), стал обнаруживать свои таланты, давшие ему известность.

Бальмонт

сам о себе рассказывает в своей автобиографии, что с целью самоубийства он выбросился из окна 3-го этажа. После этого он принужден был пролежать в постели год. После этой травмы Бальмонт сам констатирует у себя: «небывалый расцвет умственного возбуждения и жизнерадостности».

ЭВР—в состоянии гипермнезии, обусловленной воздействием химических веществ (наркотика, алкоголь и проч).

Токсическая гипермнезия как симптом Dis.

Дэви

(Humphry Davy 1778—1899) знаменитый английский химик и физик во время своих опытов при открытии им веселящего газа (Lachgas Stickstoffoxydul) в 1799 году пережил необычайные психические переживания—вследствие того, что он вдохнул в себя этот яд

«Приятное чувство, которое мною овладело после вдыхания веселящего газа, ограничивалось сначала определенными местами. Я заметил это чувство только на губах и щеках. Затем это чувство приятного постепенно распространялось по всему телу, так что во время совершения опыта это чувство стало настолько сильно, что отнимало мое сознание. Но я вскоре пришел в себя и стал выражать мое чувство блаженства смехом и танцами в присутствии моего друга.

По мере того, как это чувство блаженства росло все более и более, порывалась все более и более связь между моими представлениями и внешним миром. Целые вереницы видений быстро проходили мимо меня. Эти видения настолько связывались со словами, что вызывались благодаря этому совершенно живые представления и идеи. *Я находился в мире новых идей и новой жизни.* Я теоретизировал. Я делал новые открытия. Когда д-р Kinglake пробовал отнять у меня источник моего возбуждения и блаженства он, как и вообще все окружающие, встречал с моей стороны резкий отпор. Я был в состоянии необычайного энтузиазма и возбуждения. Я ходил взад и вперед по комнате, не обращая внимания на уговоры окружающих. Я чувствовал потребность сделанные мною открытия сообщить другим. Я старался их восстановить, но они были неясны и неопределенны. Однако целый ряд таких переживаний как бы сами напрашивались, как откровение, вышедшее из моей глубины и я, как вещий мудрец вскрикивал к моему другу Kinglake: только идеи истинно существуют! *Весь мир состоит из идей и впечатлений, из удовольствия и неудовольствия!*» (3)

В этих переживаниях под влиянием токсикологического отравления веселящим газом мы видим также это гипермнестическое переживание аналогично эпилептической и травматической гипермнезии. Необычайное обострение психических комплексов сопровождающееся тем подъемом и энтузиазмом выливается в творческие открытия, в виде новых сочетаний представлений идей до сих пор как бы невозможных. Несомненно эти гипермнестические переживания есть те

435

«счастливые минуты вдохновения», так ценимые различными артистическими натурами и часто вызываемые искусственно различными токсикологическими средствами, к числу которых надо отнести алкоголь, гашиш, опий, морфий и проч. яды.

ЭВР — в состоянии гипермнезии, вследствие алкогольного опьянения, а также вследствие опьянения опиумом, гашишем и проч. наркотическими и возбуждающими средствами.

Состояние опьянения алкоголем, опиумом, гашишем и проч. наркотическими средствами, как симптом Dis.

Примеры творческих приступов в этих состояниях см. «ЭВР в состоянии алкогольного опьянения», а также—«ЭВР в состоянии отравления опиумом, гашишем и друг. наркотическими веществами».

436

ЭВР в состоянии гипермнезии при лихорадочных переживаниях (обусловленные инфекционными болезнями).

Гипермнезия при лихорадочных переживаниях как симптом Dis.

Случай гипермнезии в лихорадочном бреду приводит Карпентер. (5) В одном католическом городе Германии захворала горячкой молодая неграмотная женщина; священник объявил ее одержимой злым духом, так, в бреду она говорила на латинском, греческом и еврейском языках. Бред ее был записан; и оказалось, что он состоит из различных изречений, понятных в отдельности, но не имевших никакой связи между собой; лишь немногие еврейские фразы были заимствованы из библии; большая часть их произносилась на раввинском наречии. Случай казался необъяснимым без допущения одержимости; только усиленными стараниями одного врача, тщательно проследившего историю больной, было выяснено происхождение явления. Оказалось, что с 9-ти-летнего возраста больная в течение нескольких лет жила у старого протестантского пастора; ученого специалиста по древним языкам; старик имел привычку расхаживать по корридору, в который выходила кухня, и читал вслух свои книги; книги были разысканы и среди них оказалось несколько томов, написанных греческими и латинскими отцами церкви, и собрание писаний раввинов. Многие места из этих книг оказались тождественными с изречениями, записанными у постели больной. Таким образом выяснилось происхождение оживившихся в лихорадочном состоянии давних впечатлений неграмотной женщины.

Другой случай гипермнезии в лихорадочном состоянии приводит проф. В. П. Осипов (Курс. Общ. Учен. о душевн. болезн. стр. 209). «Мне пришлось близко наблюдать девочку в возрасте двух с половиной лет, заболевшую стрептококковой ангиной; болезнь сопровождалась значительным повышением температуры; в лихорадочном периоде ребенок произносил наизусть прочитанную ему до заболевания несколько раз сказку в стихах, размером в 12 страниц большого формата; далеко не все слова этой сказки были ему понятны, но произносились совершенно правильно, кроме того ребенок требовал, чтобы ему читались вслух рассказы из знакомого ему сборника, написанного в прозе; когда ухаживающие за больной не могли найти в книге интересовавшие девочку места, она брала книгу, перелистывая страницу за страницей, по рисунку напечатанного текста (красные строки) узнавала, что ей было нужно; указанные ею места текста как раз были теми, прочтения которых требовала больная. Вместе с выздоровлением девочки, описанное обострение памяти выравнивалось, и девочка, вообще обладавшая хорошей памятью, уже не была в состоянии проявлять ее в таких размерах, как это было во время болезни.

О своей творческой продуктивности в состоянии гипермнезии при лихорадочных переживаниях (при той или иной инфекционной болезни) говорят следующие лица.

Грильпарцер.

Поэт (Grillparzer), находясь в таком состоянии, создает свое сочинение «Die Ahnfrau» «Продолжая свою прогулку один, думал я насчет «Die Ahnfrau», но ничего не мог сделать, как сочинить первые 8 или 10 строк. Когда я пришел домой и поужинал, я без всякой дальнейшей цели записал на листе бумаги те 8 или 10 строчек и лег в кровать спать. Тут началось со мной какое-то особенное возбуждение. Я начал лихорадить при повышенной температуре. Я метался в кровати всю ночь с одного бока на другой. Едва засыпаю, я опять встаю. И при всем этом ни одной мысли по поводу «Die Ahnfrau», даже и не вспоминал, что хотел писать эту вещь. Утром я проснулся с тяжелым чувством нарастающего тяжелого болезненного состояния. Позавтракав с моей матерью, я лег снова в кровать. Тут я вспомнил о том забытом клочке бумаги, на котором я вчера набросал несколько строчек стихов. Я сел и начал писать начатые стихи дальше и дальше. Мысли и рифмы как будто сами приходят ко мне настолько легко, что я едва мог успевать записывать. На следующий день то же самое явление, и в три или четыре дня был уже первый акт готов почти без единой помарки. Точно также скоро возникли 2-й и 3-й акты (3).

В этом показании Грильпарцера, где его продуктивность связывается с лихорадочным состоянием в буквальном смысле (а не в переносном), — нет ничего случайного или умышленного,

ибо такое переживание, где лихорадочно-болезненное состояние способствовало творческой продуктивности, неоднократно наблюдалось и повторялось.

Гегбель

(Hebbel Friedrich) в своем дневнике в августе 1839 г. отмечает свое драматическое творчество в период перенесенных им от какой-то болезни ночных повышений температуры. Он пишет так: «отвратительный период болезни — гастрическая лихорадка с ужасными головными болями — восемь дней в поту валяюсь в неприбранной кровати; невероятные сновидения. Не забудьте, по ночам сочиняю я целые сцены трагедии Дитмара (Dithmarsischer Trauerspiels) (3).

Карл Голтей.

(Поэт и актер Karl von Holtei 1798—1880). Когда он однажды принужден был играть на сцене с повышенной температурой, то он впервые почувствовал, что в этом особенном состоянии повышенной экзальтации (благодаря температуре) он нашел ту свою высокую творческую квалификацию правдивой и художественной игры на сцене.

«Температура у меня повышалась, поочередно меня донимал то озноб, то жар. *Это физическое недомогание в этот самый вечер* представления чем более оно возрастало, тем более устранялась та наступающая боязнь, та скромность, которая делала меня всегда в моих ролях более неловким и нерасторопным, чем я был на самом деле. Настоящая лихорадка побеждала лихорадку сцены (Rampenfieber).

С определенным равнодушием ко всему, что могло бы быть мне препятствием, я вышел на сцену и в первый раз (моей жизни) я почувствовал себя свободным на сцене. Среди моих партнеров в игре я вызвал удивление. Каждый думал, что я буду своим выступлением мешать или даже пренебрегать, но каждый был поражен моей уверенностью. Никто не хотел верить, что за ночь я успел усвоить свою роль, и никто не хотел верить, что я так был болен, как я был на самом деле. Насколько я мог отдать себе отчет в этом состоянии насчет того, что со мной происходило, могу сказать, что вследствие высокой температуры я был возбужден и впал в такое состояние экзальтации, которая позволяла мне и моим нервам преодолеть ту непреодолимую тяжесть и боязнь обычной моей заторможенности и скрытому таланту дало возможность развернуться во всю его мощь и силу. Я в тот вечер почувствовал впервые какую-то внутреннюю связь между выговариваемыми словами и мыслями с одной стороны, и жестами и движениями, выражающими эти слова — с другой стороны. Я почувствовал в первый раз, что без всякого труда для меня могу принять участие в игре на сцене, и если я не могу сказать, что мне яснее стало, как я дальше должен буду поступать в таких

случаях, то я всетаки узнал определеннее чем раньше, где кроются мои недостатки и что хотели и думали мои критики в их упреках.

Жалко, что в этот вечер, который бы мог иметь наивысшее значение для всей моей сценической деятельности и мог бы также привести меня на совершенно новый путь, совпал с такой эпохой моей жизни, когда я был угнетен разными душевными недугами вроде ненависти и недоверия к каждому человеку, и, полный упадка духа, в тиши от жизни, думал о разрешении запутанного узла моей жизни. Так зря прошел этот случай для меня, и с возвращением моего здоровья, ко мне вернулась также моя застенчивость и моя старая неловкость (в игре). (3)

Рихард Вагнер.

В жизни Вагнера болезненное состояние, при инфекционной болезни с физическим и психическим истощением от этой болезни, сыграло также такую же роль, как и в предыдущих случаях. Находясь в полуспящем и как бы в сумеречном состоянии во время инфекции-это состояние, со своими патологическими сопровождающимися явлениями, вызывают в нем те гипермнестические переживания, из которых создается его прелюдия к «Reindolgy».

«Это было после итальянской поездки в 1853 году» моя дизентерия еще осложнилась рвотами и привела меня в состояние окончательного истощения. *Едва в состоянии влачить свои ноги, я нашел себе пристанище* — лучшую гостиницу в Spezia, но которая к моему огорчению была расположена в очень узкой и шумной улице. После бессонной ночи, проведенной в состоянии повышенной температуры, я на следующий день принудил себя с трудом к дальнейшим прогулкам по окрестности, покрытой холмами и лесами (Pininwälder).

Все казалось мне пустынно и мерзко и я не мог понять, зачем я сюда пошел. После обеда вернувшись домой до крайности утомленный и измученный, я растянулся на жесткой кровати, чтоб наконец дожить до того момента, когда наконец появится долгожданный сон. Но он не появлялся, за то я был погружен в какое то сомнамбулическое состояние, в котором я почувствовал, что внезапно погружаюсь в воду с быстрым течением. Шум от этого течения вскоре предстал мне в музыкальных сочетаниях, в аккордах Es-Dur, которые беспрерывно нарастали волнообразно во всех своих фигуральных преломлениях.

Эти преломления вырисовывались мелодическими фигурациями, которые наступательно двигались вперед, но никогда при этом не изменялось чистое тройное созвучие Es—Dur.

Этому тройному созвучию вследствие своего постоянства и соответствия тому элементу, в котором я был погружен, казалось придано было большое значение. С чувством, как будто волны теперь высоко надо мной все далее и далее уходят, пробудился

я из своей полудремоты с большим испугом. Тот час же я констатировал, что оркестровая прелюдия к опере «Rheingold» с идеей которой я носился, но не мог ее определенно найти, мне ясно оформилась: и тут то скоро я понял, также, что я в себе имею и что не снаружи, а изнутри-источник жизни во мне притекает». (3)

Вальтер-Скотт.

Роман Айвенго был продиктован им в течение острой болезни, и затем он не сохранил о нем ни малейшего воспоминания, за исключением основной идеи романа, задуманной им еще до болезни.

Ламетри

перенес какую-то «горячку». Лапшин (6) приводит его в пример, что он во время этой болезни воспользовался пережитым для некоторых философских выводов.

440

ЭВР — в состоянии гипермнезии, вследствие органических заболеваний центральной нервной системы.

Гипермнезия вследствие органических заболеваний нервной системы как симптом Dis.

Ницше

заболел прогрессивным параличом в 1888 году осенью; вначале у него болезнь проявлялась приступами маниакальной экзальтации со всеми его характерными чертами: повышенное эмоциональное самочувствие, (чувство счастья, и блаженства) беспредельно повышенная переоценка самосознания, и неизменно легкое без задержек течение волевых процессов. В этом состоянии им создано было его произведение *Ессе Homo*. В его письмах этого времени — эта маниакальная экзальтация — проглядывает очень ярко, а также и его гипермнестические переживания, выражающиеся в легком разрешении всех тех задач, за которые он берется. Так, напр., в письме к С. Fuchs — 88 г. II. XII, он пишет: «Между тем все идет восхитительно. Ничего подобного, начиная с сентября м-ца по сей день никогда в жизни не переживал. *Самые сложные проблемы — разрешаются играючи.*

Мое здоровье, подобно погоде, ежедневно с необычайной легкостью и ясностью все улучшается и прибывает. Я не в состоянии теперь тебе все объяснить, все, что уже много сделано: все уже готово... В будущем году весь мир перевернется, после того как старые боги подадут в отставку, я начну управлять всем миром... Сердечно приветствую тебя, твой Unfier.

Гуго Вольф

в 1888 году Гуго Вольф заболел прогрессивным параличом. Он перенес 5 приступов маниакальных возбуждений, из

которых первые три были исключительно творческими приступами. Все композиции Гуго Вольфа, сделавшие его знаменитым композитором, были исключительно созданы в период этих 3-х приступов. Остальные 2 приступа, последние, были разрушительны для его психики и бесплодными. Так или иначе, Гуго Вольф представляет из себя наиболее яркий и классический пример, где приступы возбуждения паралитического характера разряжают до сих пор скрытые творческие комплексы. О нем см. ниже главу: «Эвр в состоянии маниакального возбуждения», а также см. мою работу: «Механизм эвроактивных приступов» «Кл. Арх. Ген. и Одаренности» — вып. 3-й-25 г.

Брохис (художник).

Брохис также, заболевший прогрессивным параличем, в свой маниакальный период создал те своеобразные полотна, обратившие на себя в свое время внимание художественного мира, между тем как, будучи «нормальным» и здоровым, был ничтожным диллетантом (о нем см. Кл. Арх. Ген. и Одарен. «мою статью» «Сдвиги психо-эвротической пропорции гениальн.»)

З о л я.

Золя говорит о себе: 19 лет приблизительно, после первых каникул пребывания в лицее St-Louis—«я заболел и чуть не умер от воспаления мозга. Я часто думал, что эта болезнь оказала громадное влияние на характер и всю дальнейшую жизнь и, быть может, изменила самый мозг, даже повела к развитию известных талантов»... (Цит. из «Нов. журн. Иностр. Лит.» стр. 98. ноябрь 1902 год.)

Перейдем теперь к эвро-патологической оценке того явления, которое мы здесь иллюстрируем, как гипермнезию.

Все гипермнезии, приведенные нами выше, по своему характеру можно разделить на две большие группы.

К 1-й группе принадлежат те гипермнезии, которые выражаются в обостренных, когда-то пережитых, психических комплексах, развертывающихся в виде вспышек, «панорамных видений» (как говорят некоторые психологи) в виде кинематографического развертывания этого же комплекса в конкретных образах, ситуациях и представлениях, как яркое отражение когда-то бывших реальных переживаний, но теперь забытых. Например, ученый Гейм о своих переживаниях при падении с горы свидетельствует: «чтоб описать пережитое мною в течение нескольких секунд падения, мне пришлось бы Вам рассказывать целый час. С необычайной точностью и ясностью передо мной проносились образы и мысли.» «Я обзрел все факты моего прошлого, проносившегося передо мной в виде неисчислимого количества образов».

Ко 2-й группе гипермнезий принадлежат те гипермнестические переживания, в которых обостряются не столько сами реальные пережитые комплексы явлений, сколько сам контекст

этих пережитых комплексов. Тут, вернее говоря, обостряется контекст когда-то пережитых комплексов и при том — в самых различных формах:

1. В виде обострения контекста всего своего прошлого и сознания этого прошлого, так, например, у Достоевского: «В продолжении 5 секунд я переживаю целое существование человека»... «были мгновения, когда вдруг сразу воспламенялся его мозг и все жизненные силы внезапно достигали чрезвычайной напряженности, ощущения жизни и сознания удесят�ерялись»... «эти беглые мгновения, в которых проявляется высочайшее самосознание»... «Эти моменты отличаются чрезвычайно развитым чувством внутреннего откровения».

Все эти отрывки говорят больше об обостренном контексте «самосознания», «внутреннего откровения», ощущения жизни и сознания, благодаря чему для него «поразительна та ясность существования человека», и пр. и пр.

2. В других случаях гипермнезия этого контекста относится к обострению «космического чувства». Тут мы имеем такие переживания у Достоевского: «бывают моменты, продолжают они не более 5-6 секунд, когда вдруг чувствуешь присутствие вечной гармонии. Это явление ни земное, ни небесное. Это чувство ясное, несомненное, сразу кажется, что соприкасаешься со всей природой и говоришь — да, это так...»

Такие у философа *Якоби* мы находим подобное переживание: (см. выше) «это было странное, совершенно независимо от всяких религиозных понятий, представление бесконечной длительности, которая внезапно ясно сознавалась мною и с такой силой захватывала меня, при моих размышлениях о вечности, что я громко кричал, вскакивал и впадал в некоторого рода обморок».

3. В третьих случаях обострения контекста космического и друг. связываются с обострениями восприятий и ощущений.

Об этом свидетельствует *Биконсфильд* когда он говорит: «мои ощущения бывают невероятно остры и интенсивны и все предметы кажутся мне оживленными и мне представляется, что я ощущаю быстрое движение земного шара».

Эвро-патологически, все эти формы гипермнезии (с обострением той или иной формы контекста) имеют громадное значение, в понимании генезиса всех тех творческих приступов, которые обозначаются субъективно как «вдохновение», «интуиция», «творческий экстаз» и проч. К переживаниям, обозначаемым «интуицией», относятся все те гипермнезии, которые главным образом, ведут к обострению всех видов контекстных переживаний.

1. В выше приведенном примере философа *Якоби*, им переживается в гипермнезии «интуиция бесконечной длительности». Ясно, что эта «интуиция бесконечной длительности» может дать толчек к тому или иному философскому творчеству того или иного характера. Точно также переживания *Бикон-*

сфильда, который в состоянии гипермнезии ощущает „движение земного шара“, и которому все предметы кажутся оживленными, а ощущения „невероятны и остры и интенсивны“, могут быть источником для тех или иных „интуиций“ при построении той или иной теории. Ведь в этом состоянии „самые сложные проблемы разрешаются играючи“ (говорит Ницше):

„Я чувствовал только одно, что я так невероятно богат идеями, такой необычайной ясности и проникновенности и такой необычайной силы по отношению ко всему тому, за что я брался, что всякое познание представлялось моему духовному взору также ясно и отчетливо, как отчетливо все было моему физическому взору“, говорит также об этом состоянии философ Филон Александрийский.

Несомненно, генез философских систем, построенных на идеалистических построениях (Платон и др.) имеет своим источником такие „интуиции“ — гипермнезии. Повидимому, эти переживания настолько сильны, и убедительны, что даже физик-экспериментатор Дэви, далекий от спекулятивно-метафизических обобщений, в своей гипермнезии, (пережитой им после случайного отравления) в экстазе вскрикивает: „Весь мир состоит из идей и впечатлений, из удовольствия, и неудовольствия“. Несомненно, все такого рода гипермнезии являются не только источниками „интуиций“, но и сами по себе являются теми переживаниями, которые определяются как „интуиция“ (при различных открытиях и изобретениях). Мы увидим в следующих главах, что есть еще и другие формы таких „интуиций“. Здесь же отметим, что эту форму, трактуемую здесь как форму интуиции можно обозначить как гипермнестическую форму интуиции (в отличие от ниже трактуемых форм парамнестической и амнестической интуиции). Точно также в этой же гипермнестической интуиции, сопровождаемой повышенной ассоциативной деятельностью, повышенной аффективностью и экстазом, мы должны признать то переживание, которое у поэтов и композиторов обозначается „вдохновением“. Если эти гипермнезии или гипермнестические „интуиции“ с обострением космических чувств („бесконечности“ и пр.) сопровождаются галлюцинациями или псевдо-галлюцинациями, то они дают повод к религиозно-метафизическим построениям основателей религиозных систем (Лютер, Саванаролла, Магомет и пр.) В особенности гипермнезии эпилептиков, часто сопровождающиеся такими галлюцинациями имеют склонность к такого рода религиозно-метафизическим системам.

443

ЭВР — при парамнестических переживаниях.

Парамнезии как диссоциативные симптомы творческих приступов.

В отличие от предыдущих гипермнестических форм симптомов диссоциативности, сопровождающих творческие присту-

пы, мы в этой главе рассмотрим другую большую группу диссоциативных симптомов, которые мы обозначаем парамнестическими. Парамнезией, обыкновенно, обозначают ложную репродукцию памяти. Вернее было-бы сказать ложные обострения репродуктивных способностей.

Если гипермнезия есть обострение больше в смысле количественном, то парамнезия есть обострение репродуктивных способностей в смысле качественном, причем, если мы говорим об обманах репродуктивных способностей, то мы должны подразумевать не только обманы памяти в узком смысле этого слова, но и те обманы памяти, которые сопровождаются обманами чувств (т. е. иллюзиями и галлюцинациями). В этом смысле под группу гипермнестических процессов отнесем здесь не только такие виды парамнезий, как „Deja vu“, но и все формы иллюзорных и галлюцинационных переживаний, сопровождающихся обманами памяти.

Эвропатологически такое деление, как это мы увидим далее, будет иметь большое практическое значение, как в смысле классификации эвроактивных приступов, так и в смысле построения симптоматологии этих приступов.

ЗВР—в состоянии переживания Deja vu («Иллюзия уже виденного»).

«Deja vu»—как симптом Dis'a.

О том своеобразном переживании, которое определяется как иллюзия «уже виденного» («Deja vu французов») была речь в одном из выпусков «Клинического Архива Гениальности и Одаренности» в работе д-ра Скворцова (10), который иллюстрировал симптом Deja vu, как творческий симптом у различных художников слова, как русских так и иностранных, поэтому для иллюстрации (примерами) этого симптома мы ссылаемся на эту работу, где имеется большой материал по этому вопросу. Из этого материала мы можем заключить, что это переживание не чуждо почти большинству художников слова, только оно переживается в различных формах у различных людей. Причем несомненно, что эти художники слова пользуются этой формой парамнезии в целях творчества (сознательно или бессознательно—это другой вопрос) как диссоциирующим механизмом (также как гипермнестическим механизмом).

По существу своему этот род парамнестического переживания состоит в том, что психический комплекс, переживаемый в настоящем, в реальной обстановке сливается с обостренным контекстом из прошлого (гипермнезия контекста прошлого), а потому это переживание (настоящее) воспринимается как «прошлое», «пережитое», «уже виденное». Тут происходит подстановка реального настоящего в гипермнестическую рамку прошлого, а потому получается «иллюзия» «уже виденного» (парамнезия).

ЗВР—при иллюзорных переживаниях.

Иллюзия как симптом Dis'a.

О том, что творческий приступ может протекать в состоянии иллюзорных переживаний, а потому, следовательно, диссоциативным симптомом таких творческих приступов может быть иллюзия—служат нам следующие примеры творческих приступов Рафаэля и каррикатуриста Попова. О том, как создавал Рафаэль своих знаменитых Мадонн, свидетельствуют следующие слова его друга Браманта, цитируемые немецким романтиком Ваккенродером в его книге: «Размышление отшельника любителя изящного, изданной Л. Тиком» (здесь цитируем по Бюлл. Литер. и Иск. 1914 г. № 18, стр. 1051).

В этой книге Ваккенродера, в главе под заголовком «Видение Рафаэля» приводятся слова Браманта (друга Рафаэля), из которых можно заключить об иллюзорных (resp. галлюцинаторных) переживаниях Рафаэля при его творческих приступах. Здесь Брамант рассказывает, как он однажды спросил Рафаэля, откуда тот берет те образы Мадонн, которые он изображает на своих полотнах с таким совершенным мастерством. На это будто Рафаэль открыл ему, как свою тайну, тот источник, откуда возникли те образы, служившие ему моделью для изображения его Мадонн. Источник этот—«видение» (галлюцинация или иллюзия). Описывается это переживание Брамантом таким образом: «Однажды, когда Рафаэлю долго не удавалось написать изображение Мадонны, когда «непрестанное беспокойство волновало дух Рафаэля», и когда «темное чувство души никогда не хотело преобразиться в светлое явление» и возбуждение его, вследствие этого, достигло таких размеров, что «внутренний дух его более и более распламенялся», он однажды ночью вдруг от сильного волнения проснулся и увидел следующее. «Во мраке ночи (говорит Брамант) *взор Рафаэля привлечен был светлым видением на стене **) против самого его ложа. Он взглянул в него и увидел, что висевший на стене еще недоконченный образ Мадонны, блистал кротким сиянием и казался совершенным и *будто живым образом*. Так он выражал свою божественность, что градом покатались слезы из очей изумленного Рафаэля. С каким неизъяснимо-трогательным видом он смотрел на него очами слезными и каждую минуту казалось, ему *этот образ хотел двигаться. Даже мнилось, что он двигается в самом деле.*

Но чудеснее всего, что Рафаэль нашел в нем именно то, чего искал всю жизнь и о чем имел темное и смутное предчувствие. Он не мог припомнить, как заснул опять, но, вставши утром, будто вновь переродился: видение навеки врезалось в его душу и чувства. И с тех пор Рафаэль стал писать своих Мадонн с этого «видения».

* Курсив везде наш (Г. С.).

Рафаэль был бессилен создавать что-либо «Рафаэлевское», пока не пережил иллюзию (resp. галлюцинацию) живого изображения Мадонны на стене, где висел еще не законченный образ Мадонны, который «блистал кротким сиянием и казался совершенным и будто живым образом»... «Даже мнилось, что он двигается в самом деле. Но чудеснее всего, что Рафаэль нашел в нем именно то, чего искал всю жизнь»..... т. е. эта иллюзия послужила ему тем прообразом, моделью, о котором он сказал: «Я прилепился к одному тайному образу, который иногда навещает мою душу»... Отсюда можно заключить, что это «видение» ему появлялось не один раз. Тут мы имеем яркий пример, где психическая диссоциативность в виде иллюзорных переживаний служит определенным симптомом творческого психомеханизма величайшего мастера кисти.

ПОПОВ

бывший каррикатурист (больной свердловской нервной лечебницы) может нам также служить аналогичным примером: После того, как он заболел в 1920-22 году тяжелой психиастенией с насильственными движениями головы и с навязчивыми идеями, иллюзиями и псевдо-галлюцинациями, ипохондрическими жалобами и проч. симптомами, он между прочим страдал еще такими иллюзиями навязчивого характера.

Когда больной Попов смотрел на обои с рисунками, то из этих рисунков и узоров обоев ему навязчиво вылезали всякие «рожи» «чертей», «сатаны» и всякой «нечисти» и фантастические образы неприятного и оскорбляющего для него характера (он был очень религиозен), так что эти образы навязчиво заставляли его брать карандаш, чтоб их зарисовать на бумаге, и только тогда он находил себе от этих неприятных переживаний успокоение. (Собств. наблюдения в нервной больнице г. Свердловска в 1921 году).

ЭВР в галлюцинаторном переживании.

Галлюцинация как симптом Dis.

Здесь мы приводим примеры, где творческий приступ совершается при тех или иных формах галлюцинаторных переживаний, независимо от того, какой род галлюцинаций (слуховая, зрительная) имел место в том или ином случае. Точно также здесь нас пока не интересует вопрос о характере галлюцинаций (в смысле дифференциации настоящей галлюцинации от псевдо-галлюцинаций).

Вильям Блэк

английский художник и поэт, живший с 1757 по 1827 г., представляет яркий пример, как под влиянием галлюцинаторных переживаний он делается художником, причем осо-

бенность этого случая в том, что все его произведения живописи были непосредственно плодами его галлюцинаций, благодаря которым фантастические и мнимые образы, а также давно умершие люди и пр. представлялись ему живо и совершенно отчетливо «как на яву». Все свои галлюцинации он воспроизводил на полотне поразительно правдиво, хотя он не получил никакого образования и, следовательно, не мог все эти образы заимствовать из книг.

Некий Allan Canningham свидетельствует о том, как и с каких моделей Блэк писал свои картины. Так, однажды вечером к нему, Блэку, пришел один из его приятелей и застал его за работой: он писал картину и именно, — изображение Лотта из библии. Писал он с большим усердием человека, перед которым сидит капризный натурщик. Он вглядывался время от времени в одно место, как будто смотрел на натурщика и рисовал, опять вглядывался и опять рисовал, а между тем перед ним решительно никого не было.

— «Не мешайте мне», шепчет художник ему, «мне тут один позирует».

— «Позирует вам?», спрашивает приятель удивленно, где же он и кто он такой? Я решительно никого не вижу».

— «Но я его зато вижу», отвечает Блэк с гордостью, здесь он, а его имя Лотт. Вы можете о нем читать в святом писании. Он позирует мне сейчас для его портрета».

Таким образом, Блэку служили моделью его же галлюцинации. Точно также как галлюцинации зрительные служат ему моделью в живописи, так галлюцинации слуховые служат ему источником поэтического творчества. Он говорит: «Я пишу стихи, когда дух мне приказывает, и в момент, когда я пишу, я вижу как слова по всем направлениям летят по комнате»..

Из этого мы видим, что все его творческие приступы выливаются у него в форме зрительных и слуховых галлюцинаций. Его стихи как бы притекают откуда-то извне, со стороны какого-то другого источника, он только их слышит и записывает. Об этом он сам писал в письме от 25 апреля 1803 года, где он сам объяснял каким образом создано было одно из его больших произведений. Он пишет: «Я писал это произведение непосредственно *под диктовку* по 12, а иногда по 30 стихов *зараз без всяких обдумываний и помимо моей воли*».

Время, которое понадобилось для того, чтобы написать, как будто бы и не было, и таким образом существует это невероятное произведение, на создание которого кажется, будто понадобилась бы длинная жизнь, а на самом деле оно создано положительно без всякого труда и без всякой подготовки. (3)

Виганд (художник)

также рассказывает, что способность об'ективировать умственные образы развилась у него до такой степени, что

впоследствии он начал смешивать созданные его волею образы с реальными личностями. (Биттнер «Верит или не верит 1899 г. ст. 39-40).

Палестрини

пытался выразить в своих композициях те песни, которые как ему казалось, пел невидимый ангел. (1)

Бальзак

при описании Аустерлицкого сражения, слышит пушечные выстрелы, ружейные залпы, стоны раненых.

Говорил о своих героях, как о живых людях и жил с ними одной жизнью. Однако, при этом все же не забывал, что является их творцом и ставил границы своим галлюцинационным переживаниям.

Кардан.

«Дух» сообщал Кардану сведения о невозможном мире, давал советы, «вдохновлял» его.

448

Е. А. Салнас

признавался, что яркое восприятие описываемого места иногда совершенно уносило его вдаль от письменного стола. Однажды, сидя в кресле, он так ясно представил себе вершину швейцарской горы, что невольно вскрикнув, обеспокоил домашних. (Измайлов. Загад. Дионис. Кн. VI, Вестн. Евр. 1916 г.).

Башикер (живописец)

представлял себе действительно существующими фантастические образы, которые он воспроизводил на полотне и видел их перед собой (1).

Саванарола

утверждал, что ему нисходит небесное откровение и что приходится выдерживать битвы с демонами.

Гофман

говорил часто своим друзьям: я работаю, сидя за фортепиано, с закрытыми глазами и воспроизвожу то, что подсказывает мне кто-то со стороны...

Спинелли (живописец).

Вазари рассказывает, когда он (Спинелли) после многих бесплодных попыток нарисовал, наконец, Люцифера во всем его безобразии, то последний явился ему во сне и укорял его, зачем он изобразил его таким уродом. Этот образ потом в продолжении нескольких лет преследовал и едва не довел его до самоубийства.

Ломброзо приводит его как пример того, как искусство может вызвать душевную болезнь (1).

Повидимому, об'ективированная галлюцинация стала его бредом преследования.

Тартини

«Дух» помогал ему написать сонату.

Ван Гельмонт

уверял, что «дух» являлся ему во всех важных случаях жизни, и один раз, в 1633 году он увидел даже свою собственную душу в форме блестящего кристалла.

Флобер

сущал во рту вкус мышьяка, которым отравлялась героиня его романа г-жа Бовари, и ощущения эти были настолько реальны, что вызвали два раза под ряд рвоту. (Измайлов. «Загадки Дионисия»).

Диккенс

во время творческой работы переживает, по собственному его признанию, галлюцинации слуха и зрения; видит своих героев, записывает их слова: «Я не сочиняю содержания книги, удостоверяет он в своих самопризнаниях, *но вижу ее и записываю*». (Грузенберг Псих. Твор.).

Гуно

переживает в процессе творчества, по собственному его признанию,—галлюцинации зрения и слуха, отчетливо видит Ромео и Джульетту и слышит часами голоса своих персонажей: «я слышу пение моих героев с такой же ясностью, как я вижу окружающие меня предметы». Я провожу часы, слушая Ромео или Джульетту или фра Лоренцо или другое действующее лицо и веря, что я слушал их целый час, я вижу отчетливо их обоих. (Цит. по Грузенбергу. Псих. Творч.).

Reynolds. *)

Ему было достаточно внимательно посмотреть на свою модель полчаса, занося при этом некоторые штрихи на полотно, чтобы впоследствии продолжать работу уже в отсутствии оригинала, который заменялся ярким образом фантазии.

*) Цит. по В. П. Осипову (курс общ. учения о душевных болезнях), который говорит, что в этом случае дело идет о несомненной психопат. конституции, связанной с развитием галлюцинаторных способностей, но все-таки правильнее допустить, что яркие обравы Reynolds'a не преступали границу галлюциноидов.

Этот фантастический оригинал проэктировался в пространстве, усаживался в кресло художника, заставлял его позировать. Такой способ работы давал возможность Reynolds'у писать в год 300 портретов, пользовавшихся громадным успехом.

Он заболел душевным расстройством, потребовавшим пребывания в лечебном заведении в течение 30 лет. Здоровье его восстановилось и вместе с тем восстановилась его способность к галлюцинаторному писанию портретов.

Мартини (живописец).

Всегда видел перед собою картины, которые писал, так что однажды, когда кто-то встал между ним и тем местом, где представлялось ему изображение, он попросил этого человека посторониться, потому что для него невозможно было продолжать писать, пока существовавший лишь в его воображении оригинал был закрыт. (Ломброзо «Гениальность и помешательство», стр. 16).

450

Гросси

рассказывал, что однажды ночью, после того, как он долго трудился над описанием призрака Прина, он увидел этот призрак перед собою, и должен был зажечь свечу, чтобы избавиться от него (1).

Стринберг.

Герой романа «Сын служанки», за которым скрывается, конечно, сам автор, следующим образом описывает галлюцинации зрения и слуха, пережитые им в моменты творческого экстаза... всплывают новые лица, он (писатель) видит как они вторгаются в действие, слышит, как они говорят». (Цит. по Грузенбергу. Псих. Творчество).

Крамской.

Во время работы над картиной «Христос на распутье», по собственному его признанию, «много думая молился, страдал и довел себя до галлюцинации». «На каждого человека, говорил он, хоть раз в жизни находит раздумье,—пойти-ли направо или налево; расширяя дальше мысли, можно догадываться о подобных исторических кризисах... И вот—признается Крамской—я однажды, когда особенно был этим занят, гуляя, работая, лежа и т. д., вдруг увидел фигуру, сидящую в глубоком раздумьи... кто это был? По всей вероятности это была галлюцинация». (Цит. из «Психол. Творчест.» Грузенберга).

Мункаччи.

Когда он писал свою картину «Христос перед Пилатом» он видел галлюцинацию в образе лучистого видения. «Вдруг

однажды лучистое видение промелькнуло перед глазами художника», после чего он набросил упорно не дававшийся ему лик Христа». (Цит. из Психол. Творч. Грузенберга).

Державин.

Грот приводит рассказ Державина («Соч. Державина», академическое издание, т. VII, жизнь Державина стр. 349) о галлюцинациях зрения пережитых поэтом в момент творческого вдохновения, когда он заканчивал свою оду «Бог». Доказательством, как воображение его (Державина) было разгорячено, говорит Грот, служит рассказ его об окончании оды. Не дописав последней строфы, уже ночью, он заснул, перет зарею вдруг ему показалось, что кругом по сторонам — яркий свет, слезы ручьями полились у него из глаз. Он встал и при свете лампы *разом написал* последнюю строфу. (Цит. из Психол. Творчеств. Грузенберга).

Мопсан.

В рассказе «Lui» рисует он явление, известное в науке под именем Autoscopie externe. Рассказ написан под непосредственным переживанием этого явления Мопсаном. В «Lui» Мопсан рассказывает, как, вернувшись однажды вечером после дня, проведенного в одиночестве и нервном возбуждении, герой рассказа находит дверь квартиры отпертой, войдя в комнату он видит человека, сидящего в кресле и греющегося у камина. Он протягивает руку, чтоб опустить ее на плечо сидящего, кресло пусто... С этой минуты во мраке ночей он будет жить в невероятном страхе увидеть снова таинственного двойника, созданного его галлюцинацией.

В 1889 г. Мопсан переживает следующую галлюцинацию. В то время, как он сидел за письменным столом, дверь его кабинета отворилась, и в комнату вошла его собственная фигура, села против него, опустив голову на руку, и начала диктовать то, что он писал. Когда он кончил и встал с места, видение исчезло.

Таким образом мы видим, что к группе паранестических переживаний в форме различных «интуиций» могут быть отнесены:

- 1) иллюзорные переживания,
- 2) галлюцинаторные переживания.

В первых случаях диссоциативными симптомами служат тот или иной вид иллюзий. Творческий процесс протекает как иллюзорное переживание. Во вторых случаях диссоциативными симптомами служат галлюцинаторные переживания (слуховые, зрительные, смешанные и пр.) и творческий процесс протекает галлюцинаторно.

ЭВР—в аутистических переживаниях.

Аутистические переживания как симптомы Dis.

Творческие процессы могут протекать также в аутистических переживаниях. Как известно, Bleuler (19) аутизмом обозначает то своеобразное психическое состояние, когда человек вследствие его психического расщепления личности, оторван от реальной жизни настолько, что находится в противоречии к этой реальной жизни.

Под аутистическим же мышлением Bleuler обозначаем то состояние, когда человек дает волю фантазии (в мифологии, во сне, в некоторых болезненных состояниях), причем мысль здесь настолько отрывается от действительности и не желает (или не может) знать эту действительность, что она не обращает внимания на противоречие с действительностью, а следует исключительно цели, поставленной инстинктом и аффектами.

Например, ребенок или взрослый мечтает наяву и воображает себя героем, изобретателем и держит себя таковым, в то время как в действительности этого нет. Действительность находится в противоречии с таким мышлением и она не только игнорируется, но прямо активно отбрасывается, вообще больше не мыслится.

В более рассудительных формах аутистического мышления, особенно в мечтах наяву, действительные соотношения только отчасти отбрасываются или перерабатываются, и только в исключительных случаях образуются нелепые сочетания идей; тем свободнее зато распоряжаются материалом представлений, сон, шизофрения отчасти и мифология. Тут аутизм доходит до полного растворения самых обыкновенных понятий.

Вообще символы при аутистических переживаниях употребляются вместо действительных понятий, различные понятия сводятся (сгущаются) часто в одно понятие.

Аутистическое мышление по Bleuler'у осуществляет наши желания, но одновременно также и наши опасения.

Играющего ребенка оно делает героем, в религии оно дает вечную жизнь, справедливость, в сказке—реализируются мечты, больному—создает реальности, которые для него реальнее чем действительность. В бреде величия оно делает его богатым, великим и проч.

Аутистические переживания, однако, имеют громадную эвропатологическую ценность. А именно в следующих случаях:
1) Там, где интеллект ищет новые пути для исследования и изобретения, он должен в известном смысле сбросить обычные пути и формы мышления и вообразить себя в новых, до сих пор неизведанных положениях. В таких случаях субъект способен из реального мышления «перебросить» себя хоть на время в аутистический мир, или в аутистические пути мышле-

ния и логики,—это свойство является для него ценным и тогда он прибегает к аутизму мышления. Творческие гипотезы, аналогии, противоречивые сопоставления и парадоксы, выдвинутые фантастические проблемы, научные утопии и проч. и проч. есть именно результат такой потребности аутистического мышления в тот момент, когда реальное знание еще недостаточно в этой области. И ни одно реальное открытие как в науке, так и в других областях не обошлось и не обойдется без этих аутистических переживаний. Все наше реальное знание и изобретения науки и техники имеют своими предтечами такое именно творчество аутистического мышления. Так напр.—научным основам химии предшествует аутистическая алхимия, основанная на фантазиях аутистического мышления. Современному научному обоснованию учения о гипнозе предшествует аутистическое представление о «месмеризме», «магнетизме» и т. д.

Таким образом, творческие наклонности человека заставляют его прибегать к аутистическому мышлению там, где реальное знание наше не полно, а практическая потребность к познанию побуждает нас к тем или иным подсобным формам мышления, чтоб найти пути для углубления знания. Но как только наше реальное знание обогащается, тотчас же аутистические пути оставляются.

2) Там, где реальная действительность тяжела и несносна и есть стремление поставить себя в более лучшую действительность, возникают аутистические образы и представления, мечты на яву, фантастическая реальность, погружающая себя в состояние Pseudologia Phantastica, создается поэтическое творчество вымысла (аутизма)—художественное творчество всех видов: аутизм словесных образов и представление (поэзия, литературные формы творчества) аутизм пластический и изобразительно-красочный (живопись, скульптура), аутизм звуковых переживаний (музыка) и т. д.

3) Там, где различные одновременные представления (гипотезы, идеи, образы) в свете логики опытного мышления не сходятся в нечто единое и синтетическое, тогда аутистическое мышление соединяет все эти противоречивые представления в нечто единое, так что величайшие противоречия эти соединившись хотя-бы в нечто утопическое, невозможное, однако создают для творческой мысли (реальной) новые возможности и перспективы.

Таким образом, аутистическое мышление и вообще аутизм, несмотря на то, что результаты аутистического мышления кажутся нам в свете реалистического мышления нелепицей, однако имеет и свою ценность.

О таком аутизме мы можем говорить, как о творческом аутизме, и именно потому, что благодаря ему (аутизму) способствуется развертывание творческих комплексов. Таким образом такой творческий аутизм есть, по существу говоря,—

одна из наиболее распространенных форм «интуиций», в особенности среди живописцев и вообще среди людей художественного творчества. Эта форма, как мы увидим далее, резко отличается от той гипермнестической формы «интуиций», о которой была речь выше. Здесь мы будем говорить об аутистической форме «интуиции».

Слово «интуиция» обычно понимаемое в туманно-метафизическом смысле—«ясновидения» понимается нами иначе. Если проанализируем слово «ясновидение» или «интуицию» с чисто психопатологической точки зрения, то это явление есть ни более, ни менее как обыкновенное «видение» (без частицы слова «ясно»). Но под влиянием шизоидированного восприятия это обыкновенное «видение» предметов внешнего мира, воспринимается нами *аутистически*, а потому иначе, нежели обычное нормальное восприятие, и иначе вот в каком смысле: нормальное восприятие есть синтетическая амальгама свежего реального раздражения на наши органы восприятия, сливающиеся с раздражениями старыми (уже бывшими в старом опыте). Таким образом, напр., «видеть» предмет есть оптический процесс восприятия новых свежих раздражений плюс старые следы оптических восприятий того же предмета; взятые из прежнего опыта, а потому этот процесс в то же время есть процесс «узнавания» этого предмета. Тут, упрощенно говоря, процесс «видеть» предмет сопровождается процессом «узнавание» предмета. При диссоциативном же восприятии аутистического состояния, этот процесс протекает иначе.

Здесь свежее новое восприятие *не синтезируется со старым опытом* этого процесса. Здесь «видеть» предмет не есть «узнавать» этот предмет, т. е. предмет воспринимается не как уже «виденное», а как нечто новое, а потому как «ясновиденное», «ибо всякое «новое» невиданное, поражает нас больше чем то, что мы «видали» и «узнавали». *Вот это то «новое», невиданное*, которое мы воспринимаем в тех же самых вещах и предметах, которые мы тысячу раз видели и воспринимали как «узнавание» и есть теперь «интуитивное» «ясновидение». Это переживание есть не более и не менее как одна из форм аутизма или одна из форм аутистической «интуиции».

Пример аутистической интуиции представляет из себя «интуиция» живописцев-импрессионистов.

Импрессиониста художника не интересует реальный «фотографический» внешний мир, он для него кажется «пошлым», «неинтересным», и потому «неинтересным», что он вызывает в нем привычные ассоциации и представления «узнавания». Но как только тот же импрессионист на тот же объект внешнего мира (скажем на тарелку с фруктами) посмотрит расщепленно «шизоидными глазами», то вследствие этого он потеряет контекст привычного «узнавания» в них обычных фруктов, и начнет воспринимать не как «узнавание», а как «видение», как новое «неузнанное», как будто до сих пор никогда невиденное

«интуитивно». У живописцев есть свой термин для такого рода воспринимания внешнего мира. Они говорят—«нзивно видеть», т. е. видеть глазами, отбросившими опыт прежних восприятий, видеть архаическими глазами ребенка (или дикаря) на предмет, вызывающий в нем созерцание или удивление новизны. Вот почему импрессионист «влюбляется» в *Natur Morte* и «открывает» в них «что-то новое» для себя и других благодаря «интуиции», т. е. выражаясь на психиатрическом языке, благодаря саморасщеплению, благодаря оптическому аутизму. В этом оптическом аутизме отбрасывается «фотографический» контекст «узнавания», отбрасывается контекст оптических восприятий и заменяется «архаическим», «наивным» аутистическим видением. Здесь происходит как будто новое «восприятие» «глазами будто никогда не видевшими» эти фрукты натурморты, а потому открывающими «новый мир» в тех же фруктах, которые ему до сих пор при обыкновенном «узнавании» казались для письма красками, скучными. Такова аутистическая интуиция (в отличие от других форм интуиций—гипермнестической, галлюцинаторной, иллюзорной и т. д.) По существу говоря, аутистическая «интуиция» есть «амнестическая интуиция» т. к. в этом процессе расщепления, у данной личности происходит амнезия реального «узнавания» предметов (амнезия по отношению к контексту реального «узнавания»). Правда, эта амнезия часто вызывается искусственно у живописцев с целью как можно больше быть «наивнее», но тут мы должны напомнить, что имеются различные переходы от легких ступеней аутизма до самых крайних тяжелых состояний. В зависимости от этого амнестическая «интуиция» будет иметь ту или иную степень эвропатологической ценности. «Амнестическая интуиция» есть противоположный процесс гипермнестической интуиции. При «гипермнестической интуиции» происходит «ясновидение» благодаря «мобилизации» и «обострению» всей скрытой памяти, всех скрытых комплексов, а потому, *контекст обостряется, здесь же при «амнестической интуиции» контекст расщепляется, а потому «виденное» представляется как новое, как «видение», как «интуиция» аутистическая.* В другом отношении «амнестическая» интуиция есть процесс, противоположный «*Deja vu*». Если в переживаниях «*Deja vu*» переживается «иллюзия уже виденного» (т. е. невиданное кажется виденным), то здесь в амнестической (resp. аутистической) интуиции наоборот «виденное кажется *не* виденным».

Творческая личность, находясь в таком состоянии, т. е. в состоянии, когда он переживает эту амнестическую (resp. аутистическую) интуицию «не узнает» окружающего, отрывается от него настолько, что окружающими объясняется как «разсеянность», как «забывчивость», или как «чужачество». Многочисленные примеры, известные в литературе, относимые к «чужачествам» и «странностям», «разсеянности» и «забывчивости» великих людей—есть именно эти состояния аутизма, в моменты

их переживаний такой амнестической интуиции. Проиллюстрируем несколько таких примеров.

Загоскин

Аксаков рассказывал, что Загоскин перед написанием романа «Юрий Милославский» был весь погружен в эту мысль, охвачен совершенно. Его всегдашняя рассеянность, к которой привыкли и не замечали, до того усилилась, что все ее заметили и все спрашивали друг у друга, что сделалось с Загоскиным.—Он не видит с кем говорит и не знает, что говорит. Встречаясь на улице с близкими приятелями, он не узнавал никого, не отвечал на поклоны, не слышал приветствий. Он читал в это время исторические документы и жил в 1612 году. (Измайлов, Загадки Дионисия. Вестник Европы, 1916 г.). Здесь мы видим, что Загоскин жил в аутистическом мире, потеряв контекст настоящего (реального), у него создалась амнезия к этому реальному, благодаря чему он никого «не узнавал» из близких и знакомых; он оторвался от мира реального и «перебросил» себя аутистически в эпоху 1612 года. Иначе говоря он переживал амнестическую (resp. аутистическую) «интуицию».

456

Ньютон

Повидимому, тоже самое произошло и с Ньютоном, когда д-р Стокли рассказывал о нем: «Раз у Ньютона были гости. Ньютон, желая угостить их, пошел в рабочую комнату за вином, но долго не возвращался. Оказалось, что он вовсе забыл об ожидавших его друзьях, и преспокойно засел за работу». Он «не забыл» в обыкновенном смысле слова, а впал, вероятно, в аутистическое состояние в вышеприведенном смысле. (Цит. стр. 69, Ньютон, биограф. соч. Маракуева).

Росси

Такой же процесс амнестической интуиции (resp. аутистической интуиции) во время творчества переживал, и Росси: «собственная, реальная жизнь начинает ему казаться какой-то далекой и похожей на грезу. Он с содроганием замечает, что на стремительный поток сменяющихся в нем чувств «он глядит уже чуждыми ему глазами и прислушивается чуждыми ему ушами» (И. И. Лапшин: «О перевоплощаемости в художественном творчестве», стр. 242).

Итак, мы можем говорить здесь об особой форме интуиции (в противоположность предыдущим формам—гипермнестическим и парамнестическим), которая имеет свою симптоматику в виде симптомов аутизма, благодаря чему эта форма «интуиции» выделяется нами как аутистическая интуиция или (иначе) как амнестическая интуиция.

Несомненно, что в тяжелых формах аутизма, где имеются на лицо те или иные иллюзорные или галлюцинаторные пере-

---

живания, такая «амнестическая интуиция» должна сопровождаться теми или иными иллюзиями и галлюцинациями. Сами по себе большинство творческих приступов, протекающих в состоянии галлюцинации или иллюзорности (эндогенного происхождения), должны быть рассматриваемы как выражение «амнестической интуиции».

Само собой разумеется, что от самой формы искусственного «саморасщепления» до тяжелых форм аутизма с галлюцинациями может быть целая скала аутизмов и соответственно этому целая скала различных форм «амнестических интуиций», изучением которых должна заняться в будущем специальная эвропатология.

В. Диссоциативные симптомы творческих приступов со стороны эмоциональной сферы.

457

В отношении эмоциональных симптомов того или иного творческого приступа, мы сумеем также отметить самые различные степени и самую различную квалификацию этой эмоциональности. Начиная с маниакальных, эпилептических и др. форм возбуждения, и кончая притуплением (или отсутствием) аффективных переживаний—все самые различные степени и формы эмоциональности—могут окрашивать творческий приступ и служить симптомами Dis. Причем характерно отметить, что те личности, которые переживают свой творческий приступ при притупленном (или при отсутствии эмоциональности)—готовы совершенно отрицать самую необходимость «вдохновения» и даже самое существование «вдохновения» как такового. Примерами проиллюстрируем эти соотношения.

ЭВР в состоянии маниакального возбуждения.

Симптомы маниакального возбуждения как симптомы Dis.

Гуго-Вольф

все свои музыкальные произведения создал в состоянии маниакального возбуждения. Он переиес 5 таких приступов, из которых первые три приступа дали все произведения Вольфа. За время *первого приступа*, т. е. за время с 1888 г. по 1890 г.—он написал одну за другой подряд 53 *Mörke Lieder*, 51 *Goethe Lieder*, 44 испанских песни, 17 песен на слова Эйхендорфа и десяток песен на слова Келлера и первые итальянские песни, всего около 200 песен.

2-й приступ с 1891 года начинается с ноября и кончается в декабре. Этот короткий приступ дает 29 итальянских песен, составивших его первый том итальянских песен.

3-й приступ с 1896 года по 1897 дает второй том итальянских песен, Клавираусцуг «Коррегидора», все темы для оперы «Manuel Venegas» и половину 1-го акта этой оперы.

4-й приступ с 1897 до 1898—бесплодный год.

5-й приступ с осени 1898 по 1903 бесплодные годы.

Таким образом, произведения этого композитора создавались исключительно в состоянии маниакального возбуждения *).

Гете.

Мебиусом было констатировано, что Гете был подвержен периодическим гипоманиакальным приступам, во время которых разворачивались его творческие приступы и наиболее плодотворная продуктивность (2).

Пушкин.

О том, что у Пушкина возбуждения маниакального (или гипоманиакального) характера чередовались с периодами депрессии констатировано было д-ром Я. В. Минцом (см. Кл. Архив Гениальности и одаренности, выпуск II-й за 1925 год статью «К патографии Пушкина» д-ра Минца). Этим автором было констатировано, что периоды, депрессии были для Пушкина бесплодными, а периоды, связанные с возбуждением, наиболее продуктивными.

Марк Сиракузский.

По словам Аристотеля Марк Сиракузский писал хорошие стихи пока был «маниаком», но, выздоровев, совершенно утратил способность писать стихи (1).

Жерар де Нерваль

был подвержен приступам маниакально-депрессивного психоза. Во время маниакальных приступов он приобрел свою творческую силу настолько, что его друзья (Т. Готье) спрашивали, должны ли они сожалеть о нем или завидовать ему, так как в этом состоянии маниакальных приступов он создавал необычайные по своему достоинству вещи. Сам поэт спрашивал себя не было ли для него худшим из несчастий именно то, что «безумное я было вытеснено властью я разумного».

Во время этих маниакальных состояний он сам отмечал, что «творческая деятельность тогда у меня была удвоенная.

*) Подробно о его творческих приступах в связи с его приступами маниакального возбуждения см. Кл. Архив Гениальности и одаренности 1925 г. Выпуск III, мою статью «Механизм эвроактивных приступов», стр. 174—179.

Мне казалось, что я все знаю, все постигаю; работа доставляла мне бесконечное наслаждение. Приобретая снова то, что люди называют разумом, я терял силу и наслаждение».

Одно из его лучших творений «Сильвио», а также «Aurelia» были созданы в приступе маниакальной экзальтации (4).

Гаршин,

страдавший маниакально-депрессивным психозом, перенес целый ряд приступов маниакального состояния. В один из таких приступов он воспроизвел свои переживания, результатом чего было написано его произведение «Красный цветок».

Г. Штиглиц.

Немецкий лирик Генрих Штиглиц (1801—1849), страдавший периодическим психозом, в своем творчестве был всецело зависим от маниакальных приступов. Из нижеследующей характеристики его сестры Шарлоты Штиглиц в письме к их другу, мы видим во-первых, что поэт, как периодик, был подвержен разным колебаниям его психической жизни, то он впадал в состояние возбуждения и повышения психического тонуса, то в состояние депрессии. От этих колебаний зависят его периоды резких контрастов,—то полного бесплодия и бездеятельности, то периоды необычайной творческой продуктивности. «Штиглиц—или лучше сказать теперь уже несуществующий Штиглиц, ибо того настоящего Штиглица, увы, теперь нет,—в этом периоде своей болезни действительно находился в невменяемом состоянии. Чем больше вы его узнаете, тем более вы заметите то замечательное свойство—переживать приливы и отливы творческих сил. После известного периода зстоя в один прекрасный день набухают его творческие приливы и, оплодотворяя его, буквально, заполняют всего Штиглица во все направления. Тогда он не только пишет стихи, но также самые разнообразные письма дюжинами. В это время он буквально живет иначе, иначе любит, читает иначе, смотрит на себя и на других более ясными глазами, и вообще все его силы творческие как-бы мобилизованны и сосредоточены. Часто бывало его дразнили и говорили, что, вероятно, он находится в связи и зависит от какой-то кометы, ибо его приливы и отливы наступают так неравномерно и внезапно, что, правда, я уж сама начала верить в это» (3).

Гоголь.

У Гоголя также приступы депрессии чередовались с приступами гипоманиакального состояния. Вначале эти депрессивные состояния были коротки и не продолжительны, зато преобладала гипоманиакальная экзальтация. Но, впоследствии, депрессивные приступы удлинялись и делались все тяжелее, в то же время гипоманиакальные состояния укорачивались и

теряли свою чистоэмоциональную окраску (притупление аффективной сферы). Пока эти гипоманиакальные состояния были господствующими—продуктивность Гоголя была на высоте, но, по мере того, как депрессия начинала преобладать и делаться длительной и эмоциональной—характер гипоманиакальных экзальтаций стал все более пропадать, творчество его стало угасать, так что период создания 2-го тома «Мертвых душ» и вообще последний период его жизни отличался резким понижением его продуктивности, как в качественном, так и в количественном отношении. Таким образом период, отличавшийся маниакальными возбуждениями, был периодом творческих подъемов (26).

ЭВР—в состоянии возбуждения эпилептоподобного характера, а также при других состояниях нервно-психического возбуждения.

460

Симптомы нервно-психического возбуждения (эпилептоподобного и проч. характера) как симптомы Dis.

Глинка,

страдавший нервным расстройством, доходившим до галлюцинации, пишет: «В промежутках между припадками, страдания становились тусклее, я сидел за фортепиано и невольно извлекал фантастические звуки, в которых отражались мои фантастические же, тревожившие меня, ощущения». По этому поводу Глинка отмечает у себя чрезвычайное «раздражение нервной системы», которое действовало на воображение (6).

Даргомыжский.

Он пишет по поводу сочинения «Каменного Гостя»: «При нервическом моем состоянии у меня расходилась творческая жилка, как бывало лишь в молодости. Это в самом деле странное явление: сидя за фортепиано, больной и сгорбленный, я в 5 дней подвинул своего «Каменного Гостя», как бы здоровый и в 2 месяца не подвинул» (6).

Вебер

во время творчества возбуждался и выходил из себя, так что довел себя этим до преждевременной могилы.

Бернс

говорит о своем вдохновении:

«Мои страсти бушуют во мне, как демоны, пока не найдут исхода в стихах . . . как только были написаны стихи, он чувствовал себя облегченным и успокоенным.

Вайрон

говорит:

«Все конвульсии разрешались у меня обыкновенно рифмами».

Беллини

переживал творческий приступ, как процесс «кипения» мыслей», граничивший с полной утратой сознания: «кипят, кипят во мне мысли»—пишет он в своих самопризнаниях—«когда я начинаю думать о движении, в котором, мне кажется—заключается такая глубокая, такая таинственная загадка.

Она представляет мне жизнь природы до такой степени непонятной и в то же время столь грандиозно великой, что я порой дохожу до экстаза, становлюсь бурным: мною овладевает такой энтузиазм, что я перестаю сознавать,—где я, что я делаю, с кем нахожусь» (7).

ЭВР—сексуальное возбуждение.

Симптомы сексуального возбуждения как симптомы Dis'a.

461

Ретиф.

«Музой вдохновительницей французского романиста Ретифа была—по собственному его признанию— красивая девица в белой юбке, в корсете, в шелковых чулках», вид которой разгорячал «охладевшее» воображение писателя. В автобиографическом романе «Господин Николя» Ретиф описывает следующий эпизод из своей жизни: «В воскресенье утром в улице Тиктон я увидел красивую девицу в белой юбке, в корсете, в шелковых чулках и розовых башмачках с высокими тонкими каблуками, которые бесконечно больше шли-бы для ножки женщины, чем принятые современной модой. Я был восхищен, остановился и, разинув рот, глядел на девушку. Еще дорогой я набросал уже первую главу романа: «Я—документальный историк побед, одержанных милой ножкой красавицы» и пр. Писать я начал на другой день. Но так как мое воображение несколько охладело, то я вышел из дому, чтобы еще раз взглянуть на свою музу». (Цит. из «Психол. Творч.» Грузенберга).

Гете.

«На 72-ом году от роду, летом на мариенбадских водах Гете влюбился в девятнадцатилетнюю девушку и страдал, вздыхал, бегал за нею, как мальчик. Красавица не пожелала быть гретхен, и, расставшись с нею, он заболел от горя. Тогда написал он свою безумно страстную «Мариенбадскую эллегию». Переписал ее тщательно латинским шрифтом на веленовой бумаге и прикрепил шелковым шнурком к красному сафьяновому переплету с истинно-немецкой аккуратностью. «Ах, я научился страдать и терпеть не хуже юного Вертера»...

...«зачастую я сочинял стихи в ее объятиях (in ihren Armen) и тихонько отбивал такт гекзаметра прикосновением пальцев руки к ее спине». (Цит. из «Психол. Творч. Грузенберга»).

ЭВР в состоянии депрессии.

Симптомы депрессии (страдания и чувство несчастья), как симптомы Dis.

В этих случаях депрессивные состояния сопровождаются творческим приступом, как диссоциативные симптомы эмоциональной сферы, причем в одних случаях эта депрессия сопровождается тяжелым состоянием страдания, беспокойства, крика и физической боли (Мюссе). В других случаях—страданием и страхом уничтожения его жизни. Здесь творческий приступ похож на эпилептический припадок (Берлиоз). В третьих случаях сопровождается пессимизмом, «ипохондрическими» переживаниями, отчаянием, слезами (Шуберт, Шопенгауэр, Надсон). Иллюстрируем сказанное следующими примерами.

462

Тассо

говорит в одном из своих писем: «Я несчастлив и недоволен всегда, но, в особенности, когда сочиняю» (цит. Ломброзо—«Гениальность и помешательство», изд. 1893 г.).

Мюссе Альфред пишет:

«Творчество волнует меня, вызывает во мне дрожь. Исполнение на мой взгляд всегда слишком медленное, заставляет дрожать, биться мое сердце, и я со слезами, с подавленными криками даю жизнь идее, которая сперва опьяняет меня, но которой на другой день я смертельно стыжусь, которая делается мне противна. Если я изменяю ее, то бывает еще хуже, она исчезает, лучше позабыть ее и ждать другой идеи. Но эта другая является такой туманной, такой грандиозной, что мой несчастный ум не в состоянии охватить ее. Она гнетет, мучает меня, пока не сделается возможной для ее осуществления, пока не начнутся другие страдания, родовые муки, настоящая физическая боль, определить которую я не могу.

Вот как проходит моя жизнь, если я позволю господствовать надо мною гиганту-артисту.

Итак, лучше жить, как я мечтал, лучше предаваться всевозможным излишествам и убить этого грызущего меня червя, которого, подобные мне люди, скромно называют вдохновением и которое я прямо называю «моим недугом» (4).

Берлиоз.

«В моей теперешней груди образуется пустота и мне кажется, что сердце, под влиянием какой-то непреодолимой силы, испаряется. Затем вся кожа на моем теле начинает гореть»

и болеть, я делаюсь красным с головы до ног, мне хочется кричать, звать на помощь, хочется, чтобы кто-нибудь меня утешил, помешал бы моему уничтожению, удержал бы во мне убегающую жизнь, но идея смерти не представляется мне в эти минуты, мысль о самоубийстве мне невыносима. Я не хочу умирать, напротив, я хочу жить, жить с удвоенной в тысячу раз энергией. Я чувствую страстное желание счастья и такую жажду деятельности, которую могу успокоить лишь громадным всепожирающим бешеным наслаждением, которое было бы равномерно моей неизмеримо сильной чувствительности».

Шуберт

(немецкий поэт), был подвержен депрессивным приступам, сопровождавшимся ипохондрическими переживаниями, благодаря этим приступам его продукция усиливалась, «изливая эту ипохондрию» в его литературных произведениях. Сын его пишет о нем таким образом: «... что он в этом состоянии написал, окрашено в резко мрачный свет. Чувствуется во всем (написанном) разочарованность и отчаяние. Что раньше ему казалось в розовом свете, теперь окутано все мраком... зато во всем созданном в таком освещении он мог с мастерством связать тонкое знание жизни, с тонким анализом и излагать в строгой последовательности. Правда, все, что было написано в этом настроении—не было продуктом его веры, исходящей из глубины его сердца, но зато никогда не достигал большей мощи его творческий дух, как в этом состоянии ипохондрической озлобленности».

463

Шопенгауэр

Вся философия пессимизма Шопенгауэра, все его творчество со всем его непониманием—есть ни более, ни менее, как воплощение его депрессивной конституции (3).

Надсон

О том, что в состоянии депрессии рождается «вдохновение», у Надсона видно из этого стихотворения:

«Но кто поймет, что не пустые звуки
Звонят в стихе неопытном моем,—
Что каждый стих—дитя глубокой муки,
Рожденное в раздумьи роковом?
Что каждый миг святого вдохновенья
Мне стоил слез, не видных для людей,
Немой тоски, тревожного сомненья
И скорбных дум в безмолвии ночей».

ЭВР переживается в состоянии притупления аффекта или же при отсутствии аффекта.

Притупление аффекта или отсутствие аффекта как симптом Dis.

В этих случаях замечательно то, что переживаемый творческий приступ очень слабо окрашивается эмоционально, а потому жалобы таких лиц, что им не хватает «огня», «страсти», или же, что «огонь горит вяло», как у Чехова. Другие же просто отрицают всякое «вдохновение», потому что у них отсутствует всякая аффективная окраска творческого приступа.

Чехов называет такое творчество «лимонадом», в котором отсутствует «спирт». Многие из таких лиц могут творить в любое время, как, напр., Троллон.

Приведем несколько примеров.

Джонсон

уверял всех, что человек с одинаковым успехом может писать, когда ему угодно, следовательно, без всякого «вдохновения».

Щербина.

«Нет, не тогда восторгом я пылаю,
В мгновенье творчества *блаженством не горю* *).
Когда свой стих возвышенный слагаю,
С холодным разумом я братски говорю.
Не зная никаких безумных вдохновений,
Спокоен я и сердцем и душой,
И без смешных возгласов и движений,
С расчетом вывожу я строку за строкой.
Но в те, ни для кого незримые мгновенья,
Меж невнимательной, бесчувственной толпой
Восторгу предаюсь, иль полон сокрушенья,
Гляжу вокруг себя, всезрящею душой
И чувствую в груди зародыши творенья (4).

Чехов.

«Для литературы во мне не хватает страсти и, стало быть, таланта. *Во мне горит огонь ровно и вяло без вспышек и треска*, оттого-то не случается, чтоб я за одну ночь написал сразу листа 3—4 или, увлекшись работою, помешал себе лечь в постель, когда хочется спать».

Измайлов (8) цитируя эти слова Чехова, говорит:

«И едва ли он согласился бы поверить своему литературному собрату, еслиб тот стал уверять его в своих «наитиях». И свои, и чужие современные писания казались ему «лимонадом», в котором отсутствует спирт. «В наших талантах много»

Курсив наш (Г. С.)

фосфора, но нет железа... кто из моих сверстников дал миру хоть одну каплю алкоголя? Мило, талантливо, вы восхищаетесь и в то же время не можете забыть, что вам хочется курить».

Троппен (англ. романист).

Когда ему говорили, что писателю нужно подстерегать вдохновение. «быть в ударе», он страшно сердился и уверял, что это тоже самое, как еслиб стал дожидаться вдохновения сапожник. Своим примером он, действительно, подтверждал справедливость своего изречения и писал по часам с механической точностью, заноса по 250 слов в каждые $\frac{1}{4}$ часа, не изменяя своей привычки даже во время морских путешествий, если, конечно, ему не мешала морская болезнь.

ЭВР протекает в сопровождении творческих синэстезий (сопутствующие ощущения).

Симптомы синэстезии, как симптомы Dis.

Под творческими синэстезиями мы понимаем те психические переживания (в форме тех или иных ощущений), которые сопутствуют творческому приступу. Как переживания, с виду как будто, с творческим приступом ничего общего неимеющие, однако эти синэстезии часто играют роль диссоциирующих моментов (аналогично всем другим симптомам Dis), а потому как-бы облегчающими разряжение той кумулятивной силы, которая из латентного состояния переходит в активно-творческое. Эти симптомы сопутствующих синэстезий нужно рассматривать, как добавочные симптомы к основным симптомам, сопровождающим творческий приступ.

Пестрый мир синэстетических переживаний и ощущений настолько разнообразен, что об этом можно было написать отдельную работу. В рамках нашей работы, как попытки построить схему учения о симптоматологии творческих приступов, мы ограничиваемся иллюстрацией некоторых типичных групп.

Ниже мы приводим примеры следующих форм творческих синэстезий.

1. Осязательные синэстезии.
2. Обонятельные синэстезии.
3. Оптические синэстезии.
4. Слуховые синэстезии.
5. Синэстезии комплекса сложных ощущений.

Проиллюстрируем в примерах.

I. Осязательные синэстезии.

Вагнер— во время сочинения раскладывал на стульях и вообще на мебели яркие куски шелковой материи, которую он по временам ощущивал.

2. Обязательные синестезии.

Шиллер —

во время приступа творчества кладет на стол гнилые яблоки.

3. Оптические синестезии.

Вебер.

Однажды Вебер, задумывая похоронный марш (Генрих IV) сидел в саду при ресторане. Стал накрапывать дождь, кельнеры убрали стулья в опустевшем саду и сложили их в причудливую, но внушительную по размерам группу. «Посмотрите-ка, сказал композитор своему собеседнику, разве это не выглядит как грандиозный победный марш. Чорт побери, что за звуки труб. Я могу пустить это в ход» (27).

Гайди

во время работы возбуждал себя блестящим предметом, рассматривая алмаз на кольце своего пальца. Без этого кольца он не работал (27).

Виктор Гюго.

Никогда не мог работать, не имея перед собой свою бронзовую собачку.

4. Слуховые синестезии.

Гейне.

Музыка вызвала особенное настроение, вдохновлявшее его к поэтическому творчеству.

Шиллер

писал Гете:

«Ощущение у меня происходит без определенного и ясно-го предмета; это образуется лишь потом, сначала идет известное музыкальное душевное настроение, а за ним у меня уже следует поэтическая идея.»

а) Синестезия абсолютной тишины и уединенной обстановки.

Карлейл

был очень требователен к этому. Он устроил особую комнату, где не проникал ни один звук.

Джорж Элиот

не мог слышать скрипа пера Люиса.

Чайковский

нуждается в полном уединении и тишине, он пишет об этом так:

«В течение нескольких часов я не должен видеть ни души и знать, что и меня никто не видит и не слышит, сочиняя я

имею привычку петь, громко петь, и мысль, что меня слышат меня стесняет. Я имею в моем распоряжении фортепиано тут же в спальне, без этих условий я писать не могу, по крайней мере спокойно и легко».

Гете

говорит, что часто предпочитает писать карандашом, так как скрип и брызги пера будили его из состояния ясновидящего творчества и в зародыше уничтожали задуманное произведение.

б) Спизэстэзия среди шума друзей и шумной обстановки.

Мерзляков

написал песню «Среди долины ровныя» в гостях в шумной обстановке.

«Он разговорился о своем одиночестве, говорил с грустью, потом взял мел и на открытом ломберном столе написал почти половину песни. Потом ему предложили перо и бумаги, он переписал написанное и кончил тут же всю песню».

Дмитриев. Из запаса моей памяти. Цит. по Измайлову Заг. (Дионисия Вест. Европ. 1916 июнь).

Скрябин

во время композиции просит любимую тетку присутствовать.

Моцарт

сочинил пьесу для двух скрипок 17-го июля 1786 г. На рукописи имеется приписка «Unter Kegelscheiven».

Доницетти

сочинял везде и в любой обстановке. «Увертюру к Линде» он сочинил в обществе друзей в Бергамо, при чем принимал, повидимому, полное участие в их веселой беседе (27).

Гольдсмит

написал свою лучшую вещь в шумной обстановке.

Остин

пишет обыкновенно в гостиной, в шумной обстановке.

Шарлота-Бронте

постоянно отрывалась от писания и отправлялась чистить картофель.

Вальтер-Скотт.

мог работать в обществе детей, шумевших и прыгавших вокруг него.

Чехов

писал почти походя, т. е. между посторонним делом и разговором, мог подойти к столу и подвинуть начатый рассказ на 2—3 строки.

Мусоргский.

На рукописи «Женитьба» отмечено:

«Писано гусем в квартире Стасовых, при значительном толкании народов».

5. Синэстэзия целого комплекса сложных ощущений.

Тютчев.

Аксаков так передает о создании известного стихотворения: «Слезы людские, о слезы людские». Однажды в дождливый осенний вечер, возвратясь домой на извозчичьих дрожках, почти весь промокший, поэт сказал эти стихи встретившей его дочери. Пока его раздевали он продиктовал ей это стихотворение. Здесь, прибавляет Аксаков, почти нагляден тот истинно поэтический процесс, который внешнее ощущение капель частого осеннего дождя, лившего на поэта, пройдя сквозь его душу, претворяет в ощущение слез и облекает в звуки, которые сколько словами, столько же самою музыкальностью своей воспроизводят в нас впечатление дождливой осени в образе плачущего людского «Горя. (Аксаков, биограф. Тютчева).

З о л я

себя привязывал к стулу во время работы.

Мусоргский

сообщал Стасову, что его «Intermezzo» — русское, что оно внушено ему одной русской картиной, глубоко запавшей в его воображение, а именно: зимой 1861 года он был в деревне своей матери, в Псковской губернии, и однажды, в прекрасный зимний, солнечный день, в праздник, он увидел целую толпу мужиков, шедших по полям и с трудом шагавших по сугробам снега, многие из них поминутно проваливались в снег и потом с трудом опять оттуда выкарабкивались.

«Это, рассказывал Мусоргский — было все вместе и красиво, и живописно, и серьезно. И вдруг вдали показалась толпа молодых баб, шедших с песнями и хохотом по ровной тропинке. У меня мелькнула в голове эта картина в музыкальной форме и само собой неожиданно сложилась первая шатающаяся вверх и вниз *) мелодия Int mezzo, веселые смеющиеся бабенки представлялись мне в виде мелодии, из которой я потом сделал среднюю часть или «Трио».

*) Курсив наш. Г. С.

Вагнер

окружал себя пышной роскошью как средством, дающим внешний импульс к композиции.

Вагнер пишет Листу:

«Дьявол роскоши вселился в меня, и я разукрасил мой дом, елико возможно, более привлекательным образом. Я должен снова вступить в мир фантазии; чтоб погрузиться в сферу мого воображения, моя фантазия нуждается в помощи, моя сила воображения — в поддержке».

Альфред Жюссе

слагал свои стихи при торжественных свечах, в полном одиночестве, за столом, на котором стояло два прибора для его милой, воображаемой женщины, которая должна была вот, вот притти и разделить с ним ужин.

Монтескье.

надевал свежие манжеты, перед тем, как сесть писать.

Д'орбиньи.

одевал перчатки во время приступа творчества.

Г л ю к

приступал к работе в старательно выбранном платье.

Гвидо-Рени

во время работы окружал себя особой пышностью; он одевал на себя при этом великолепные платья, а ученики в почтительном молчании прислуживали.

Итак, мы видим здесь, что творческий приступ в отношении симптомов эмоциональных, может быть самой различной окраски: начиная с симптомов маниакального возбуждения, эпилептического экстаза, эротического возбуждения (и других видов возбуждения) и кончая состояниями, где имеется притупление эмоциональности или даже его отсутствие. Точно также, депрессивные переживания, сопровождающиеся страданиями, могут также окрашивать творческий приступ и быть диссоциативными симптомами. Таким образом, формулируя эти соотношения, мы можем это соотношение выразить таким образом:

ЭВР-может иметь симптомом Dis в отношении эмоциональности — такие формы эмоциональных состояний:

Dis—Маниакальное возбуждение.

Dis—Эпилептическое возбуждение (экстаз).

Dis—Паралитическое возбуждение

Dis—Сексуальное возбуждение, и все другие виды возбуждения

Dis—Отсутствие или притупление аффекта.

Dis—Депрессивное состояние (чувство страдания).
Dis—Чувство страдания с агрессивной реакцией к своему творческому приступу.

С. Диссоциативные симптомы творческих приступов со стороны волевой сферы.

Каждый творческий процесс, помимо всех других симптомов, сопровождается еще теми или иными волевыми симптомами (или, вернее, симптомами волевых реакций) патологического характера, так как все творческие процессы переживаются как что-то принудительное, как вторжение посторонней воли. При чем, эта волевая диссоциативность во время творческого приступа может быть выражена в самых различных формах. Начиная со слепого бессознательного или импульсивного принудительного состояния, автоматизма и одержимости, и кончая волевой реакцией, носящей характер борьбы против этой творческой принудительности, в общем, всю пестроту симптомов волевых реакций в творческих процессах, можно было-бы свести к следующим характерным группам:

Творческий приступ протекает:

1. Как что-то принудительное (как волевая одержимость.)
2. Как состояние полного автоматизма и волевой пассивности.
3. Как состояние полного автоматизма и слепого волевого подчинения в состоянии бессознательности.
4. Как слепое импульсивное волево подчинение творческому приступу, наступающему внезапно, как эпилептический припадок.
5. Как волево сопротивление творческой принудительности, выражающейся борьбой и агрессивными действиями.
6. Группа волевых симптомов, которые носят характер сопутствующих движений творческим процессам. Эта группа волевых симптомов выделяется нами как группа симптомов творческих «синкинезий»!

Все эти группы волевой симптоматики в процессах ЭВР проиллюстрируем примерами.

ЭВР в состоянии принуждения. Личность, переживающая это состояние, оценивает его, как переживание, которое происходит помимо его воли, как одержимость и его волевая реакция выражается или соактивностью, или совершенной пассивностью.

Симптомы Dis выражаются состоянием принудительности.

Гете

говорила Экерману насчет своего «вдохновения» следующим образом: «Каждое творчество высшей породы, каждое

значительное *aperçu*, каждое изобретение, каждая мысль, которая приносит плоды и имеет последствия, не находится ни в чьей власти и выше всякой земной власти.... Это нечто родственное демоническому, *которое поступает с человеком как сильнейший, как ему угодно, тогда как он думает, что действует по собственному побуждению*»... (27).

Доницетти.

О его творчестве говорится так: «Таким образом человек жил постоянно в своих звуках и обыкновенно идеи были сейчас же запечатлены. Перо, каждый кусок бумаги, *принуждали его к письму*, и то, что он писал, он играл и пел сейчас же в открытом поле, у подножья горы и т. д. Этим талантом импровизации он мог удивить и увлечь самое избранное общество. Увертюру к Линде он сочинил в обществе друзей в Бергано, при чем принимал, повидимому, полное участие в их веселой беседе (27).

Альфieri

с наступлением осени *не мог противиться* овладевавшему им *невольному побуждению* к творчеству до того сильного, что он должен был уступить и написать шесть комедий.

На одном из своих сонетов он собственноручно сделал надпись: «Случайный. Я не хотел его писать».

Моцарт

часто говорил, что мысли его творений возникали в нем *невольно* как во сне.

Дю-Буа-Раймон

говорил о своем творчестве: «У меня были в моей жизни некоторые хорошие впечатления и я наблюдал при этом за собой. Они приходили *вполне невольно*, без того, чтоб я хоть раз думал о вещи» (27).

Стриберг

рисует в романе «Сын служанки» картину экстаза художника, как процесса непроизвольного творчества, протекающего «помимо его воли и участия»: «он чувствует вдруг какой-то странный жар в теле; мозг работает усиленно и старается привести в порядок воспоминания прошлого, сгладить некоторые из них и усилить иные. *Всплывают новые лица, он видит, как они вторгаются в действие, слышит, как они говорят.* Ему кажется, будто он их видит на сцене. Через несколько часов в голове его готова двух-актная комедия. Это был тяжелый, но в то же время и приятный труд; если только вообще это можно назвать трудом, так как *он протекал совершенно самостоятельно—помимо его воли и участия*» (7).

ЭВР—в состоянии волевого автоматизма—сознаваемый как автоматизм в виде состояния одержимости.

Волевой автоматизм, как симптом Dis.

Клара Эйзелъ-Кильбургер.

472 Современная писательница Klara Eysell-Kilburger говорит о себе: «я должна заметить, что я никогда не была «писательницей» в том смысле, что я по своему желанию могла бы написать какое-либо произведение. Всегда у меня решающим моментом была инспирация. Часто она мною так завладевала, что лишала меня сна и аппетита и приковывала к письменному столу до тех пор, пока работа моя не была закончена. У меня были такие годы, в продолжение которых, на ряду с почти сознательной продукцией в писании романов, происходила параллельно другая поэтическая продукция романов, которая протекала в сновидном состоянии. Если я, напрягаясь, должна была работать сознательно над каким-либо романом, то меня принуждало вечером около 9 часов вечера брать опять перо в руки и чужим для меня почерком писать стихи»... (3)

В предисловии своей книги «Klänge aus einen Jenseits» эта же писательница пишет: Я сама не уверена—писала ли я сама эту книгу или я писала под диктовку неизвестного мне существа. Часто моя рука писала 10 стихотворений подряд без всякой остановки. Вся книга написана без малого в 14 дней, не считая того, что $\frac{1}{3}$ часть написанной книги при просмотре была мною выброшена. Не считая маленьких отделок и подчисток, книга сохранила в общем всю свою первичную концепцию. Были моменты, когда я чувствовала себя подчиненной чужой личности..... тогда я понимала, насколько я участвовала в созидании этой работы. Мои мысли, если можно так выразиться, у меня отнимались из-под рук и оформлялись. Часто также я была в таком положении, что, помогая этому чужому, я также сопротивлялась ему... (3).

Л. Н. Урванцев.

Драматург Л. Н. Урванцев переживал подъем творчества как произвольный процесс творчества «словно кто-то водил его рукой и писал его пьесу»: «когда моя небольшая пьеса «Роза и василек», написанная стихами, была отпечатана, пишет он в письме к С. О. Грузенбергу от 7 апреля 1921 года: «я прочел ее вслух, и она мне настолько понравилась, что я невольно сказал:

«И хоть убейте меня, а такого произведения я не мог написать». «У меня самого получилось впечатление о работе над этим произведением, что словно кто-то водил моей рукой и писал эти стихи, эту пьесу». (7)

Росси.

Росси называет себя «каким-то инструментом, на котором в нем играет другое существо» (7).

Даргомыжский

при сочинении «Каменного гостя» говорил: «усилия нет, пишу не я, а какая то сила неведомая» (7).

Моклер.

Камилла Моклер сравнивает себя с телеграфистом, который автоматически записывает переданный ему текст телеграммы: «я пишу очень скоро, никогда не останавливаюсь, почти как телеграфист, который записывает телеграмму... так, должно быть, возникают во сне образы и слова, которые проносятся спящие, просыпающиеся от звука своего собственного голоса» (7).

Яков Беме

также говорит о своем творчестве, что он пишет помимо собственной воли, как бы, «под диктовку вдохновляющего духа» сообщаемого ему «великое и дивное знание».

Тургенев

по словам Пича—«брался за перо... под влиянием внутренней потребности, не зависевшей от его воли»: образы его фантазии возникали «неизвестно почему и откуда и все более осаждали его и загавляли его, — какими они ему представлялись, записывать, «что они говорили ему» (7).

Серов

также ссылается на таинственный, неведомый голос, который «напевает» ему мелодии в минуты творческих озарений, когда, по его словам, «фантазируется, как нельзя лучше»: «Я иногда сажусь к клавишам, ничего не обдумав предварительно, и перебираю звуки до тех пор, пока появится какая нибудь мысль; тогда уже пойдет совсем другая игра, фантазируется, как нельзя лучше, и иногда вынесу из этого хаоса несколько удачно вылившихся фраз и сейчас замечу их на нотной бумаге; иногда же, вовсе не подходя к органу, я вдруг сочиняю целый мотив, который мне как будто кто-то нашептывает. Вот тебе подробно мой procede (способ)» — пишет Л. Н. Серов в письме к В. В. Стасову от 6—10 августа 1840 года. «Иногда какой-то внутренний голос предупредительно мне нашептывает», — признается А. Н. Серов В. В. Стасову (в письме к нему от 20 ноября 1840 г.) — (Цит. из Грузенберга «Психология творчества»).

Эвр — полный автоматизма и слепое волевое подчинение, в состоянии бессознательности.

Симптомы Dis в виде бессознательного автоматизма.

В этих случаях творческий акт протекает автоматически без участия волевой активности данной личности и *бессознательно*. Примеры такого волевого автоматизма при бессознательном состоянии мы приводим в главе о бессознательных приступах творчества (см. ЭВР. — в состоянии сновидения, гипноза, истерического припадка и т. д.)

Эвр — наступает как импульсивное состояние, захватывающее личность внезапно, как эпилептический припадок.

Симптомы Dis характеризуются внезапным импульсом, похожим на эпилептический припадок.

474

Приведем примеры:

Якоби

говорит о своих творческих приступах таким образом:

«Это было странное, совершенно независимое от всех религиозных понятий представление бесконечной длительности, которая *внезапно ясно сознавалась мною и с такой силой захватывала меня* при моих размышлениях о вечности a parte ante, что я громко кричал, вскакивая и впадал в некоторого рода обморок. Мысль об уничтожении, которая *всегда мне представлялась ужасной*, и еще ужасней и невыносимее представлялась мне идея вечного продолжения. Я мало по малу начал реже подпадать под ее влияние и уже думал, что совсем от нее отделался, как вдруг на 25 году жизни она снова возобновилась у меня». (Цит. по Лапшину «Философ изобр.» стр. 46).

Бальзак.

Золя (Roman naturaliste) говорит о Бальзаке: «он работал под влиянием импульса, который для нас остается тайной. Он был всегда жертвой какой-то причудливой силы: иногда он ни за какие сокровища в мире не мог бы написать ни одной строчки, а другой раз он *вдруг среди улицы или во время оргии почувствует* словно прикосновение горящего угля к голове, к рукам, к языку; одно, случайно произнесенное слово вызовет в нем целый мир мыслей, которые рождаются, бродят и созревают и вот художник делается смиренным орудием в руках какой-то деспотической силы.»

ЭВР—в состоянии принудительности с отрицательной агрессивной реакцией.

Состояние принудительности с отрицательной агрессивной реакцией как симптому Dis⁴д.

В этих случаях агрессивная реакция выражается борьбой или в отрицательных агрессивных действиях к своему творческому приступу, как к одержимости (см. ниже пример *Гаррингтона*). Часто эта борьба или агрессивные действия относятся к тем силам, которые якобы мешают реализации творческого приступа.

Гаррингтон

воображал, что мысли вылетают у него из уха в виде пчел и птиц и прятался в беседку с метлой в руке, чтоб разогнать их (1).

Саванаролла

утверждал, что когда к нему нисходит небесное откровение, ему приходится выдерживать битвы с демонами. (1).

Нюссэ

на свой приступ творчества, подобный тяжелому припадку аффективной эпилепсии, дающий ему тяжелые страдания, реагирует тем, что отдается всевозможным излишествам, чтоб бороться со своим «вдохновением-недугом».—Он сам говорит об этом так: «итак лучше жить, как я мечтал, лучше предаваться всевозможным излишествам и убить этого грызущего меня червя, которого подобные мне люди скромно называют вдохновением и которого я прямо называю моим недугом».

Клара Эйзель-Кильбургер

говорит о своем творчестве: «Были моменты, когда я чувствовала себя подчиненной чужой личности... тогда я понимала насколько я участвовала в созидании этой работы. Мои мысли, если можно так выразиться, у меня отнимались изпод рук и оформлялись. Часто также я была в таком положении, что, помогая этому чужому, я также сопротивляюсь ему (3).

ЭВР при творческих синкинезиях (сопутствующие движения).

Творческие синкинезии как симптомы Dis.

Под творческой синкинезией мы понимаем такое психическое (или психо-физиологическое) переживание, которое является сопутствующим при каком-нибудь творческом акте. Так, например, Аристотель, во время творческого акта должен непременно ходить, или академик Майков, чтоб его творческая мысль хорошо развивалась, вынимает веревочку из кармана и крутит ее руками. В этих случаях акт накручивания веревочки или хождение во время творчества—переживания как будто ничего общего с творческим процессом не имеющие, играют роль психических сопутствующих движений (отсюда и название—синкинезия) по отношению к главному акту творческого процесса. Причем, эти сопутствующие движения играют роль диссоциативного фактора, облегчающего акт творчества. Эти сопутствующие движения каждому хорошо известны, каждый их наблюдает ежедневно на других людях, даже в их повседневном творчестве. Приведем несколько примеров.

476

Аристотель

мог творчески работать на ходу, поэтому он всегда со своими учениками двигался, отчего школа его получила название «перипатетиков».

Пуанкаре

сделал серьезное открытие в ту минуту, когда поднимался на ступеньку омнибуса, неподготовленный к открытию никакими предыдущими размышлениями.

Майков Л. Н.

Имел привычку во время беседы незаметно вынимать веревочку из кармана и крутить ее руками. (Цит. по Лапшину *Изобрет. философии* стр. 122).

Кант

приводит пример из английского журнала «Spectator». Один адвокат имел привычку, произнося речи, наматывать на палец веревочку. Однажды он потерял ее и запутался в ходе своей аргументации,—отсюда выражение: «потерял нить в своей речи». (Цит. по Лапшину *Изобрет. философ.* стр. 122).

Зодя

во время работы себя привязывал к стулу.

Глюк

во время работы или на концертах, где исполнялись его сочинения, делал самые странные движения.

К двигательным синкинезиям также нужно отнести и следующий случай:

Поэ

чтоб точнее представить себе, что переживает данная личность, делает соответствующее выражение мимикой и этим вызывает те чувства, которые ему в данный момент нужны.

Приложение.

Диссоциативные симптомы творческих приступов, вызываемых чисто экзогенным путем (искусственно или случайно).

Все констатированные нами до сих пор симптомы Dis, сопровождающие творческие приступы в большинстве случаев суть симптомы эндогенного происхождения и мы им уделили до сих пор главное внимание. Но такими диссоциативными симптомами могут быть еще и те из них, которые вызываются искусственно или случайно, вследствие экзогенных причин, а потому эту группу необходимо выделить как диссоциативные симптомы экзогенного происхождения. Мы здесь не собираемся дать исчерпывающий обзор этих симптомов, но для полноты и цельности нашей схемы сделаем лишь краткий перечень отдельных групп симптомов экзогенного характера.

Сюда относятся главным образом все те состояния, когда данное лицо, в целях вызвать творческий приступ, искусственно диссоциирует себя путем отравления алкоголем, опиумом, гашишем и пр. наркотиками.

ЭВР в состоянии алкогольного опьянения.

Алкогольное опьянение как симптом Dis.

Употребление алкогольных напитков с целью диссоциировать себя из состояния «нормальности» для цели вызова творческого приступа общеизвестно. Из общеизвестных примеров укажем на следующий:

Гофман (поэт и композитор)

мог исключительно творить только в состоянии опьянения. В нюансировании своих творческих настроений путем алкоголя, Гофман достигал виртуозности. Он не был вульгарным пьяницей, но он сознательно делал самые различные смеси из алкогольных напитков, чтоб вызвать тот или иной творческий приступ.

Поэ

таюже принадлежит к тем творческим типам, которые искали свое вдохновение в алкоголе. Вся фантастика его произведений и весь вообще характер его творчества вытекает из творческих приступов, вызванных под влиянием алкоголя.

Когда мы говорим об алкогольном творчестве, то мы не можем не вспомнить о трагической фигуре Эдгара Поэ того американского поэта, у которого ярче чем у кого-либо выражен этот род творчества. Натура, одержимая резко патологическими склонностями, которые разрушали в нем его жизнь, он благодаря тем же склонностям создавал жизнь в искусстве, проникнутую насквозь этой патологией.

Его поклонник Бодлер говорит о нем: «этот несравненный поэт, этот неопроверженный философ, которого всегда цитировать приходится там, где касается проявления болезни духа», и который (по словам того же Бодлера) «пил водку, как варвар, а не как одержимый алкогольным пороком эстет». Из неудержимо-патологических побуждений его больной натуры—он предавался пьянству так, что и его смерть последовала от запоя... Он должен был так пить, и так кончить, чтоб в своей пато-трагической жизни испытать то, что составляло содержание его творчества. Вот почему он прав, когда говорит относительно себя и своих патологических переживаний, в своем автобиографическом произведении «William Wilson» следующее: «я охотно вам покажу, что я отчасти был рабом тех сил, над которыми мы, люди, никогда не будем господами; мне кажется, что вы согласились бы с тем с чем нельзя вам не согласиться, что на свете, где испытано было не мало, еще ни один человек не испытал всего того, что я испытал». И, действительно, никто так ярко не испытывал такое яркое дарование, которое бы разряжалось таким трагическим способом посредством самого отчаянного пьянства».

Чарльз Лэм

уверял, что вино или водка проясняют его ослабевшую фантазию, обогащают юмор и заставляют мысль выливаться в красивые образы.

ЭВР—в состоянии отравления себя опиум, гашишем, эфиром и друг. наркотиками и ядами.

Психическое состояние при отравлении гашишем, опиум и пр. наркотич. средствами и ядами—как симптом Dis.

Де-Квинси]

принадлежит к тому типу творческих, где наркотика сыграла необычайную роль в создании фантастики сноподобных видений в его творчестве.

Систематическое потребление опиума дало ему прозвание «потребитель опиума» («Opiumesser»). Потребление опиума большими массами было для него существенным элементом его жизни, который в одно и то же время и обогащал его жизнь и уничтожал, делая его несчастным при тяжелых физических муках болезни. Он был счастлив в своих новых богатых переживаниях, но в то же время потребление опиума подтачивало его жизненную энергию. Если к потреблению опиума его принуждала все более и более болезнь, то этим же потреблением, вызывая мир грез опьянения этим опиумом—он уходил далеко от однообразия и однотонности повседневности. В своих переживаниях под влиянием отравления опиумом, де-Квинси имел необычайные переживания в восприятии времени, пространства и всего окружающего, и это он воплощал в своем творчестве. Эти переживания он изложил в своих «признаниях» (вышедш. в 1821 г.) и позже в «*Suspiria de Profundis*» и др. (3).

Мопассан.

По собственному его признанию, у него есть, если не целые произведения, то отдельные страницы, написанные под влиянием наркотиков, например, отдельные места в «*Sur l'eau*». Наркотические средства он стал употреблять в борьбе с невралгиями (употреблял эфир, морфий, кокаин, гашиш). К эфиру он начал прибегать в качестве лекарства против невралгии, мало по малу стал привыкать и злоупотреблять. Он описывает его действие таким образом: «то не сон, не грезы, не болезненные видения, вызываемые гашишем или опиумом, то—необыкновенное обострение мышления *), новая манера видеть вещи, судить и оценивать жизнь, сопровождаемую полной уверенностью в том, что эта манера и есть истинная. Это возбуждение сопровождается радостью и опьянением. Мопассан с благодарностью вспоминает это состояние, сменявшее собою его тоску и страдание (29).

Пуанкаре.

Диссоциативное состояние психики при творческом приступе под влиянием кофеина переживает Пуанкаре. Пуанкаре рассказывает о происхождении главных его открытий так: Целые 2 недели, пишет он, я силился доказать, что невозможна функция подобная той, которая впоследствии названа фуксовской. Тогда я был еще очень несведущ. Каждый день садился за работу, проводил за ней час или два, но несмотря на испытание множества комбинаций, все мои усилия оказывались тщетными. Однажды вечером, против обыкновения, я напился черного кофе и это помешало заснуть. Мысли стали рождаться во множестве. Я чувствовал, как они сталкивались между собой, пока 2 из них как-бы сцепились и образовали стойкое соединение. На следующее утро я открыл существование ряда фуксовских функций, после чего мне осталось

*) Курсив наш (Г. С.).

только проредактировать выводы, что отняло всего несколько часов (8).

О творческих приступах, где диссоциативным симптомом служило состояние, вызванное отравлением химическими веществами, см. выше главу: ЭВР в состоянии гипермнезии, обусловленной действием химических веществ (случай Дэви).

ЭВР—в состоянии лихорадочных переживаний при инфекционных болезнях.

Лихорадочное состояние, обусловленное инфекционными болезнями как симптомы Dis.

Примеры психической диссоциации в творческих приступах, где эта диссоциация вызывается лихорадочным состоянием, см. выше главу: «ЭВР—в состоянии гипермнезии при лихорадочных переживаниях».

480

ЭВР—после физической или психической травмы.

Физическая или психическая травма как симптом Dis.

Примеры психической диссоциации в творческих приступах, где эта диссоциация была вызвана физической или психической травмой—см. выше: «ЭВР в состоянии гипермнезии, обусловленной физической или психической травмой».

ЭВР—в паралитическом состоянии.

Паралитическое состояние как симптом Dis.

Случай, где психическая диссоциация при творческих приступах вызывается паралитическим состоянием см. выше главу: ЭВР в состоянии гипермнезии вследствие органических заболеваний центральной нервной системы.

ЭВР—при психических переживаниях, вызываемых искусственным изменением кровообращения.

Переживания, вызываемые при искусственном изменении кровообращения как симптомы Dis.

К этой группе симптомов относятся следующие способы диссоциировать себя в целях облегчения или в целях содействия вызову творческого приступа экзогенным путем.

Глаз

выставлял свой рояль к палящему солнцу и сочинял, таким образом, обе свои «Ифигении».

Павзело

сочинял в постели, при этом закутывался в бесчисленные одеяла, чем вызывал искусственный прилив крови.

Боссюэт

работал в холодной комнате, но тепло укрывал голову. Клял теплые припарки на голову во время творчества.

Фокс

после сытного обеда уходил в свою рабочую комнату и обвязывал вокруг головы салфетку, смоченную водой с уксусом.

Куйас

работал лежа вниз лицом на ковре.

Дюма-сын

перед тем, как «инспирировать» себя к работе ночью привык раз 5 основательно покушать.

481

1. Пре-эвротические симптомы и пост-эвротические симптомы творческих приступов.

Под «пре-эвротическими» и «пост-эвротическими» симптомами творческих приступов мы понимаем все те симптомы, которые предшествуют ЭВР и следуют вслед после окончания ЭВР.

Дело в том, что при переживании творческих приступов, в зависимости от характера симптомов диссоциативности, которые сопровождают этот ЭВР, могут быть те или иные переживания, как до приступа, так и после приступа. Так как эти симптомы при изучении симптоматиологии творческих приступов могут иметь громадное эвропатологическое значение, то мы их здесь также вкратце упомянем, для цельности схемы нашей клинической классификации диссоциативных симптомов ЭВР.

Пре-эвротические симптомы ЭВР.

Большинству случаев ЭВР предшествуют те или иные симптомы, служащие как-бы предвестниками того, что наступает ЭВР. Причем, опять таки, эти симптомы или смутно предчувствуются данным творческим лицом, или предчувствуются определенно, причем в обоих случаях творческим лицом делаются те или иные приготовления.

Или, наконец, творческая личность совсем не предчувствует, что сейчас наступит ЭВР.

Во многих этих случаях эти пре-эвротические симптомы носят характер как-бы случайностей. Однако, эвропатология в будущем должна пролить свет на характер этих случайностей,

чтоб найти ту или иную закономерность. Как примеры пре-эвротических симптомов отметим следующие:

Большую частью все синэстэзии и синкинэзии (см. соответствующие главы) служат такими пре-эвротическими симптомами, причем в этих случаях синэстэзии и синкинэзии сознательно готовятся творческим лицом, например:

Шиллер кладет на стол гнилые яблоки перед творчеством.

Вагнер куски шелкозой материи для ощупывания.

Гайдн смотрит на блестящий предмет.

Аристотель начинает ходить по аллее, чтоб настроить себя пре-эвротически.

Вагнер, *Мюссе*, *Монтескье*, *Глюк*, *Гвидо-Рени*, *Д'орбини* создают себе ту или иную торжественную обстановку для создания в себе той или иной синэстэзии.

Другие: *Шиллер*, *Гейне*, создают себе «музыкальное настроение».

Карлейл, *Джордж Элиот*, *Чайковский*, *Гете* пре-эвротически настраивают себя в абсолютной тишине.

Другие же: *Мерзляков*, *Доницетти*, *Гольдсмит*, *Вальтер-Скотт*, *Мусоргский* и др. наоборот настраивают себя пре-эвротически в шумной обстановке. (Обо всех этих синэстэзиях см. соответствующую главу о синэстэзиях). У некоторых пре-эвротическим симптомом служит бессонница. Так, например, *Тургенев*: «Я работал по настоящему только тогда, когда у меня бессонница», признавался он Флоберу.

У других такими же пре-эвротическими симптомами служат барометрические изменения. Так, например, *Альфиери* называл себя барометром, до такой степени изменялись его творческие способности, смотря по времени года — что с наступлением сентября он не мог противиться овладевшему им невольному побуждению писать, до того сильному, что он должен был уступить и написать шесть комедий.

Пост-эвротические симптомы ЭВР.

Сюда относятся все те переживания после творческого приступа, которые могут служить симптомами того или иного, только что пережитого ЭВР.

Так, некоторые переживают после творческого приступа — амнезию.

Тассо

по окончании приступа творчества часто не понимает того, что он минуту тому назад излагал.

Вальтер-Скотт.

После того как им был предиктован роман «*Айвенго*», он не сохранил о нем ни малейшего воспоминания, за исключением основной идеи романа, задуманной им еще до болезни. Следовательно, здесь мы имеем амнезию как пост-эвротический симптом.

Многие имеют пост-эвротическим симптомом то или иное страдание. Примеры:

Мюссе

настолько тяжело переживал последствия творческих приступов, что для того, чтоб заглушить эти тяжелые пост-эвротические переживания, предавался всяким излишествам.

Леонид Андреев.

После того, как написан был рассказ «О семи повешенных», *первые дни он чувствовал себя совершенно больным.*

Другие наоборот: пост-эвротическим симптомом у них служит чувство счастья и высшего удовлетворения.

Так, Жерар де Нерваль, Гуго Вольф, Чайковский и многие другие—сожалеют об утраченном приступе, как о счастливых минутах.

Чувство облегчения, очищения (катарсис)—переживают многочисленные поэты и художники, точно также как пост-эвротический симптом. Например:

Тургенев.

«Я не могу, он (образ) овладел мною: я думаю вместе с ним, *не могу успокоиться*, пока он не превращается в живое существо».

Бернс.

Говорит: «Мои страсти бушуют во мне, как демоны, пока не найдут исхода в стихах»... *Как только были написаны стихи, он чувствовал себя облегченным и успокоенным.*

В ы в о д ы.

Из всего вышеприведенного здесь фактического материала мы видим, что симптомами творческих приступов (ЭВР) может быть та или иная форма психической диссоциативности интеллектуальной или эмоционально-волевой сферы. Констатированные нами симптомы Dis соединим в отдельные группы.

А. Симптомы Dis интеллектуального ряда.

1. Dis—*может быть как состояние бессознательности:*

Dis—сновидение, тогда мы имеем ЭВР в состоянии сновидения.

Dis—гипнотическое состояние, тогда мы имеем ЭВР гипнотический.

Dis—истерический припадок, тогда мы имеем ЭВР истерический.

Dis—медиумический транс, тогда мы имеем ЭВР в состоянии транса.

2. Dis—*может быть «подсознательное» состояние.*

Определяется теми, кто переживает это состояние, таким образом: «как во сне» или «как сомнамбулическое состояние» и проч.

3. Dis—*может быть состояние со-сознательности* т. е. состояние, в котором данное творческое лицо чувствует себя в состоянии полного сознания, но творческий приступ совершается как бы без его ведома, а потому он является как бы невольным соучастником.

4. Dis—может быть как состояние гипермнезии различного происхождения, а именно:

Dis—гипермнезия эпилептического происхождения, тогда мы имеем ЭВР эпилептический.

Dis—гипермнезия истерического происхождения, тогда мы имеем ЭВР истерический.

Dis—гипермнезия маниакального происхождения, тогда мы имеем ЭВР в маниакальном состоянии.

Dis—гипермнезия травматического происхождения тогда мы имеем ЭВР в состоянии травмы (психической или физической).

Dis—гипермнезия при лихорадочно-инфекционных заболеваниях, тогда мы имеем ЭВР в состоянии лихорадочно-инфекционных заболеваний.

Dis—гипермнезия в состоянии алкогольного опьянения, тогда мы имеем ЭВР в состоянии алкогольного опьянения.

Dis—гипермнезия при отравлениях гашишем, опиумом и пр. наркотиками (токсикологическая гипермнезия), тогда мы будем иметь ЭВР в состоянии наркотического отравления.

Dis—гипермнезия паралитического происхождения, тогда мы имеем ЭВР в паралитическом состоянии.

5. Dis—может быть состояние парамнестических переживаний, причем в таких формах:

Dis—состояние *Deja vu*, тогда Эвр протекает в состоянии «Иллюзии уже виденного».

Dis—иллюзия (галлюциноид, псевдо-галлюцинация), тогда Эвр состояние иллюзорных переживаний.

Dis—галлюцинация, тогда Эвр галлюцинаторное состояние.

6. Dis—состояние аутизма, тогда Эвр протекает в состоянии аутизма.

В. Симптомы Dis эмоционального ряда.

1. Dis—*может протекать при повышенном аффекте, экзальтации, возмущении, «чувстве счастья» и проч.* При чем это возбуждение может быть этиологически различного происхождения. А именно:

Dis—эпилептическое возбуждение (экстаз), тогда Эвр протекает в состоянии эпилептического возбуждения.

Dis—маниакальная экзальтация, тогда Эвр протекает в состоянии маниакального возбуждения.

Dis—паралитическая эйфория (и другие формы возбуждения), тогда Эвр протекает в состоянии паралитической эйфории.

2. Dis—*может протекать при пониженном (или притупленном аффекте или извращенном аффекте).*

Dis—в состоянии притупления аффекта, тогда Эвр протекает в состоянии притупления аффекта.

Dis—отсутствие аффекта. Эвр протекает при отсутствии аффекта.

3. Dis—*может протекать в состоянии депрессии.*

Dis—состояние депрессии и страдания. Эвр тогда протекает в состоянии депрессии и страдания.

Dis—состояние депрессии и страдания с агрессивной реакцией (по отношению к своему же Эвр), тогда Эвр протекает в состоянии депрессии с агрессивной реакцией.

С. Симптомы Dis волевого ряда.

1. Dis—как принудительное состояние, тогда Эвр протекает в состоянии принудительности.

2. Dis—*волевой автоматизм, сознаваемый* данным лицом как таковое, тогда Эвр протекает как автоматическое состояние, сознаваемое данным лицом.

3. Dis—*автоматизм несознаваемый* (безсознательный). Данное лицо переживает Эвр, совершает автоматически все волевые процессы в безсознательном состоянии.

4. Dis—в состоянии, где проявляется волевая агрессивность как реакция по отношению к Эвр. Эвр протекает при волевой агрессивности по отношению к этому Эвр.

II. Все перечисленные здесь диссоциативные симптомы, как интеллектуальной, так и эмоционально-волевой сферы в свою очередь происходят или от эндогенных причин или от экзогенных причин, поэтому с другой стороны, все формы Dis должны быть разделены на:

1. Dis—*Эндогенного происхождения.*

2. Dis—*Экзогенного происхождения.*

Симптомы Dis Эндогенного происхождения.

1. Симптомы Dis в творческих приступах, при эпилептических состояниях.
2. » » » » » истерических состояниях.
3. » » » » » маниакально-депрессивных состояниях.
4. » » » » » шизофренических состояниях.
5. » » » » » прочих эндогенных состояниях.

Симптомы Dis экзогенного происхождения.

1. Симптомы Dis в творч. приступ. при алкогольном опьянении.
2. » » » » » наркотических отравлениях (опий, гашиши и проч.)
3. » » » » » инфекционно - делириозных состояниях.
4. » » » » » паралитических состояниях.
5. » » » » » сексуальных возбужден.
6. » » » » » травматических переживаниях (как физических, так и психических травм).
7. » » » » » вызываемых искусственными изменениями кровообращения.

В отношении вопроса об оценке психических переживаний, которые известны под именем творческой интуиции, мы должны сделать следующие выводы.

Творческие «интуиции» суть сами по себе явления психической диссоциации, а потому они подлежат эвропатологическому изучению.

По форме и роду симптомов психической диссоциации интуиции можно разделить на следующие: 3 типические формы с различной симптоматологией:

I. Гипермнестическая форма интуиции.

II. Парамнестическая форма интуиции.

III. Амнестическая (resp. аутистическая) форма интуиции.

I. Гипермнестическая форма интуиции. Все гипермнестические интуиции характеризуются всегда симптомами той или иной формы гипермнезии, причем мы еще раз должны здесь подчеркнуть, что под гипермнезией, мы понимаем не только обострение комплексов памяти (как это обычно понимается в психопатологии), но и обострение других сторон психических переживаний, связанных с тем или иным обострением памяти. Вернее надо было бы сказать: под гипермнезией мы должны понимать обостренную репродукцию прошлого психического опыта как забытого, так и не забытого.

Для изучения симптоматологии гипермнестической интуиции имеют гораздо более эвропатологическое значение те гипермнезии, которые выявляются обострением контекста прошлых переживаний (гипермнезия контекста забытых комплексов). В этих случаях обостряется или уже бывший, но забытый контекст какого-либо прошлого переживания, или же обострение прошлого выражается вновь появившимся новым контекстом этого прошлого. Все эти гипермнестические обострения контекстов в той или иной форме—и есть те «творческие догадки» появляющиеся внезапно и определяемые как «интуиции»

«прозрения», «зрения», и пр. определения этих обостренных контекстов. Только в тех случаях, где эта гипермнезия контекста сопровождается еще так наз. «панорамными видениями, или «кинематографическими видениями», или же прямо галлюцинациями (напр. у эпилептиков), такие гипермнезии уже носят характер «откровенный», «нзитый» и если в них развертываются религиозно-мистические комплексы то они уже носят характер религиозно-мистических «откровенный».

II. Парамнестическая форма интуиции. Эта форма интуиции характеризуется обострением репродуктивных способностей, связанных с обманом памяти, обманом чувств и восприятий. Сюда относятся все формы иллюзорных переживаний (*deja vu* иллюзии) и галлюцинаторные переживания.

Следовательно, всякая парамнестическая интуиция основана всецело на симптомах иллюзорных (*deja vu* и пр. формы иллюзии) и на симптомах галлюцинаторных (все виды галлюцинации).

III. Амнестическая форма, или иначе аутистическая форма интуиции, определяется нами так потому, что эти переживания базируются на амнезии контекста реального переживания, отсюда, следовательно, и расщепленность данного комплекса от реального мира. Поэтому весь этот комплекс, потерявший свой контекст (потерявший свою локализацию в реальном сознании своего прошлого), переживается аутистически, оторванно, получая как-бы новый контекст, а потому всплывает как «интуиция», как созерцание чего-то нового, до сих пор невиданного. Тут происходит обратный процесс *deja vu* хорошо знакомое, «виденное» (или «слышанное») воспринимается как нечто незнакомое «никогда не виденное».

IV. Гипермнестическая форма интуиции свойственна и симптоматична для гиперкинетических конституций (эпилепсия, истерия, циклофрения и другие гиперкинетические переживания психики, связанные с травмой, — инфекцией, алкоголизмом, наркоманией и проч.).

V. Амнестическая (resp. аутистическая) форма интуиции, симптоматична для гипокинетической конституции психики (шизофрения, парафрения).

VI. Парамнестическая интуиция симптоматична для всех психических конституций без исключения, где переживаются парамнезии, иллюзии и галлюцинации.

VII. Амнестическая (аутистическая) форма интуиции играет большую роль в творческих процессах изобразительного характера (живопись, скульптура). Гипермнестическая интуиция играет большую роль в творческих процессах научно-умозрительного характера и вообще там, где играют роль чисто интеллектуальные способности. Также в музыке репродуктивно-

исполнительной (искусство передачи игры чужих произведений). В музыке же к мимозическому поведению играют роль оба рода интуиции (амнестическая и гинермнестическая).

О преобладании парамнестических форм интуиции в какой-либо определенной области творчества—пока мы не можем сказать. Надо полагать, что эта форма интуиции может быть свойственна при всех родах творчества.

Литературные источники, на которые автором делаются ссылки:

1. Ломброзо—«Гениальность и помешательство» рус. изд. Павленкова 1892 г.
2. Мебиус—«Ueber das Pathologische bei goethe». 1898.
3. Birnbaum K.—Pathologische Dokumente Berlin 1923 г.
4. Рибо.—«Творческое воображение» 1905 г.
5. Осипов В. П.—Курс учения о душевных болезнях, Госиздат 1923 г.
6. Лапшин И. И.—Философ. изобр. и изобрет. в философии 1922 г.
7. Грузенберг С. О.—Психология творчества, Минск, 1923 г.
8. Измайлов—«Загадки Дионисия», Вестник Европы 1916 г., июнь.
9. Миц Я. В.—К патографии Пушкина—«Кл. Арх. Ген. и Одар.» вып. 2-й 1925 г.
10. Скворцов К. П.—Симптом—иллюзия уже виденного «как творческий симптом «Кл. Арх. Ген. и Одарен.», вып. 2-й, 1925 г.
11. Д-р Юриан И. А.—Скрябин, опыт патографии, «Кл. Арх. Ген. и Одарен.» вып. 2-й 1925 г.
12. Сегалин Г. В.—О задачах европатологии как отдельной отрасли психопатологии—«Кл. Арх. Ген. и Одарен.», вып. 1-й 1925 г.
13. Сегалин Г. В.—Патогенез и биогенез великих людей—«Кл. Арх. Ген. и Одарен.» вып. 1-й 1925 г.
14. Сегалин Г. В.—Гипостатическая реакция ген. одарен. «Кл. Арх. Ген. и Одарен.» вып. 1-й 1925 г.
15. Сегалин Г. В.—Структура евро-реактивных типов «Кл. Арх. Ген. и Одарен.» вып. 3-й 1925 г.
16. Сегалин—Механизм выявлен. евро-реактивных приступ. «Кл. Арх. Ген. и Одарен.» вып. 3-й 1925 г.
17. Сегалин Г. В.—Психо-эвротическая пропорция Ген. и Одарен. «Кл. Арх. Ген. и Одарен.» вып. 4-й 1925 г.
18. Сегалин Г. В.—Сдвиги психо-эвротической пропорции Ген. Одар. «Кл. Арх. Ген. и Одарен.», вып. 4-й 1925 г.
19. Bleuler E.—Dementia praecox oder grüppe der schizophrenien 1911.
20. Цит. из Булет. литерат. искусств № 18, 1914 г.
- 21.—Зписки Смирновой.
22. Максим Петри—«Таинственн. явления человек. природы» 1867 г.
23. Бюхе М. А.—«Творчество в науке и технике» 1920 г.
24. И. Г. Оршанский—«Сон и бодрствование с точки зрения ритма. 1878, стр. 119.
25. Д-р Л. Левенфельд—Гипнотизм и Искусство.
26. Д-р. Баженов—«Болезнь и смерть Гоголя» Рус. мысль 1902 янв. и февр.
27. Д-р О. Фейс—«Генеалогия и психология музыкантов» Москва 1911.
28. Д-р Баженов—Душевная драма Гаршина. Рус. мысль, 1903 № 1.
29. А. Ч. богаревская. Жизнь Г. Мопассана, Рус. Мысль, 1908 г.

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

Гениальности и Одаренности

(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ
ПАТОЛОГИИ ГЕНИАЛЬНО-
ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ,
А ТАКЖЕ ВОПРОСАМ ПА-
ТОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА.

ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д-РА Г. В. СЕГАЛИНА

ВЫПУСК ВТОРОЙ.

Том II.

1926 г.

СКЛАД ИЗДАНИЯ «ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА»
ЛЕНИНГРАД, ПРОСПЕКТ ВОЛОДАРСКОГО, 49.

КНИЖНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

(ЭВРОПАТОЛОГИ)

- Исторические источники, на которых автор основывает свои выводы.
- Посвященный вопросам образования в Европе.
- Одновременно вышедшие в свет:
- ТОМ I. ТРИСТА
- ТОМ II. ТРИСТА
- ТОМ III. ТРИСТА
- ТОМ IV. ТРИСТА
- ТОМ V. ТРИСТА
- ТОМ VI. ТРИСТА
- ТОМ VII. ТРИСТА
- ТОМ VIII. ТРИСТА
- ТОМ IX. ТРИСТА
- ТОМ X. ТРИСТА
- ТОМ XI. ТРИСТА
- ТОМ XII. ТРИСТА
- ТОМ XIII. ТРИСТА
- ТОМ XIV. ТРИСТА
- ТОМ XV. ТРИСТА
- ТОМ XVI. ТРИСТА
- ТОМ XVII. ТРИСТА
- ТОМ XVIII. ТРИСТА
- ТОМ XIX. ТРИСТА
- ТОМ XX. ТРИСТА
- ТОМ XXI. ТРИСТА
- ТОМ XXII. ТРИСТА
- ТОМ XXIII. ТРИСТА
- ТОМ XXIV. ТРИСТА
- ТОМ XXV. ТРИСТА
- ТОМ XXVI. ТРИСТА
- ТОМ XXVII. ТРИСТА
- ТОМ XXVIII. ТРИСТА
- ТОМ XXIX. ТРИСТА
- ТОМ XXX. ТРИСТА

К патологии детского возраста великих и замечательных людей:

Д-ра Г. В. Сегалина.

Изучая феноменологию великих и замечательных людей, мы до сих пор в наших предыдущих работах останавливали внимание на особенности генетики, структуры психомеханизма творческой личности и творческих приступов *).

Теперь в этой работе обратим внимание на патологию детского возраста великих и замечательных людей.

Если мы будем исходить из того положения, что великий или замечательный человек есть результат скрещения 2-х родовых компонентов, из которых один компонент вносит психотическое (resp. психо-невротическое) начало; другой компонент вносит начало одаренности, то эти 2 начала должны так или иначе, в той или иной закономерности, проявиться в феноменологии (resp. симптоматологии) творческой личности, во всех этапах его развития. Детский возраст, следовательно, как один из таких этапов развития—должен также иметь ту же двоякую симптоматику (о которой мы не раз уже трактовали):

- а) Симптомы диссоциативные и
- в) Симптомы кумулятивные **).

Осветить вопрос о том, как проявляется эта симптоматология у ребенка—будущего великого человека в отношении симптомов диссоциативных—вот задача настоящей работы.

Прежде всего, тот неоспоримый факт, что тот ребенок, который в будущем делается великим человеком, рождается в семье, где так или иначе конституционально заложена психотическая (resp. психоневротическая) отягченность, уже сам по себе создает аномальные условия развития ребенка и его быта.

Что та семейная обстановка, из которой выходит этот ребенок, изобилует душевными или нервными заболеваниями, мы уже указывали в других наших работах (см. мою работу «Патогенез и биогенез великих и замечательных людей» Кл. Арх. Гениальн. и одарен. вып. I-й, 1925 г.). Семьи, где рождаются такие дети—суть такие семьи, которые основаны на, так называемых, «несчастных браках». Под понятием «несчастный брак» мы подразумеваем наличие тех семейных отно-

*) **) См. мои статьи в предыдущих выпусках этого «Архива». За 1925 год, а также в 26 году.

шений между обоими сторонами супружеской четы, которые вытекают из патологических особенностей психики данных родителей. Например, отец Достоевского, как человек с тяжелым патологическим характером и как алкоголик, не мог создать нормально-здоровую семью, уж в силу своих резко патологических особенностей. Те тяжелые и кошмарные условия быта семьи Достоевского логически вытекают из патологии личности отца-Достоевского. В этом смысле мы понимаем, что семья Достоевских представляет из себя тот тип семьи, который основывается на «несчастном браке», создающий кошмарные условия быта подобных семей. Эти особенные, несомненно патологические условия быта семейной обстановки не есть случайное явление, так же как фамильная отягченность великих людей не есть случайность. «Несчастный» (resp. патологический) брак и патологические условия семейного быта великих людей—есть логическое следствие фамильной отягченности великих людей. Патологические условия фамильного быта великих людей надо так же тщательно изучать, как и генетические условия его происхождения.

Изучать этот вопрос по тем биографическим данным льстивых биографов, которые любят украшать своего героя—великого человека и изображать его, как рожденного в семье, где царит быт «счастливой Аркадии»—было бы величайшей ошибкой.

Наоборот, изучение условий быта таких семей привело автора к заключению, что великий человек есть почти всегда выходец из «семейного ада». Патологические условия семейной обстановки поэта Байрона и условия семейной обстановки Максима Горького, несмотря на громадную разницу исторических эпох и громадную разницу социально-экономических условий, в этом отношении подпадают одному и тому же закону: семейные отношения и семейный быт переломляются резко патологически в таких семьях.

Приведем ряд примеров для иллюстрации этого положения.

Тургенев.

Насколько была тяжела семейная обстановка Тургенева можно судить по той характеристике, которую сам Тургенев давал о своей матери и об отношениях между собой его родителей. Тургенев отзывается о своей матери, как о «взбалмошной», дикой, бессердечной и жестокой женщине, которую он никогда не любил, и которая его тоже презирала. Она часто секла ребенка Тургенева и настолько жестоко обходилась с ним, что он ребенком пробовал бежать от своей семьи. Также жестоко обходился с ним его отец. Между отцом и матерью Тургенева были постоянные ссоры, и отношения между ними были так же ненормальны, как ненормальны были отношения и к их ребенку—будущему великому писателю. Сам Тургенев говорил, что он вырос среди побоев и истязаний.

Достоевский.

Насколько патологическая была семья и семейный быт семьи Достоевских, достаточно напомнить о том, что отец Достоевский страдал запойным пьянством и был прямо таки «свирепый», жестокий и угрюмый человек, с тяжелым патологическим характером, за что и был задушен своими же крестьянами. Неудивительно, что жена, дети и все домашние боялись его, как жестокого и ненормального человека. Дети его страшно боялись, дрожали перед ним и опасались, как бы малейшим неудачным ответом, например, на уроках с ним, или малейшей ребяческой шалостью не вызвать у него вспышки гнева и суровости. Отец был чрезвычайно нетерпеливый и вспыльчивый человек: при малейшем промахе—сейчас же раздавался неистовый крик. Дети очень боялись его уроков. На этих уроках дети по часу и более не смели не только сесть, но даже облокотиться на стол: «стоят, бывало, как истуканы, склоняя и спрягая попеременно». Детская шалость строго преследовалась и запрещалась. Детей никуда не пускали из дому (кроме школы), им никогда не давали ни копейки карманных денег, когда они учились в школе, и крайне нуждались даже в сапогах. Все эти патологические свойства отца Достоевского вызвали озлобление у детей, а также создавали ненормальную семейную обстановку.

Некрасов.

О тяжелой семейной обстановке Некрасова нам известны из биографии его следующие данные. Отец его, Алексей Сергеевич, по своему аномальному душевному складу был невозможно-тяжелый человек в семейной обстановке, чем в достаточной мере отравлял жизнь матери писателя (очень образованной женщины с хорошими способностями и с литературными наклонностями. Некрасов рисует образ матери, как светлый образ и в самых лучших красках). Это был внешне блестящий, но душевно-ненормальный, грубый и пустой человек, выросший «красивым дикарем» (по отзыву близких), едва умевший подписать свое имя. Всю свою жизнь проводил в картежной игре, в авантюрах, в разврате, в кутежах. Отец Некрасов был тиран своей семьи и своих крестьян. Сам Некрасов, в характеристике отца своего, отзываясь о нем, как об угрюмом невежде, дикаре, деспоте и палаче. Из этой характеристики можно судить о том, какова была семейная обстановка Некрасова.

Белинский.

Не менее тяжела и ненормальна была семейная обстановка Белинского, которая вытекала из патологического характера душевного склада обоих родителей Белинского. Отец был не только резкий, тяжелый и невыносимый человек в семейной

обстановке, но и для окружающей его среды. «Меня терпеть не мог, ругал, угнетал, придирался, бил нещадно», говорит писатель о нем. Отца своего Белинский ненавидел всей душой: будучи гимназистом, он декламировал свою ненависть к отцу отчаянно-восторженными возгласами героев Шиллера. Тяжелую семейную обстановку усложняла также и мать Белинского своим не менее (если не более) тяжелым патологическим характером. Белинский отзывался о своей матери таким образом: «Грудь я не знал... Она была охотница рыскать по кумушкам, чтобы чесать язычок... Чтоб я не беспокоил своими криками, она душила меня и била. Она отличалась «неистово бешеным характером, отличалась неумеренным темпераментом и своенравной независимостью».

Пушкин.

Как известно, семья родителей Пушкина также не принадлежала к тем семьям, где ребенок мог бы развиваться в относительно «нормальных» условиях. Недаром школьный товарищ Пушкина, Корф, охарактеризовал эту семью, как семью «взбалмошных». И, действительно, патологический характер обоих родителей создавал ту тяжелую семейную обстановку, как и в других таких семьях. Отец Пушкина был тяжел и неровен в своих настроениях и поступках: то раздражителен до того, что мог быть агрессивным; то был чрезвычайно скуп, то мотал и сорил деньгами. Точно также и мать была неуравновешенная, вспыльчивая, деспотическая и эксцентричная натура. Ее психогатический характер усугублял ту ненормальную обстановку, в которой вырос Пушкин.

Александр Блок.

Брак родителей Блока (мы подразумевали первый брак, от которого родился поэт Александр Блок) был с самого начала «несчастливым» браком, вытекшим логически из патологических свойств супругов Блок. Это обстоятельство и заставило после кратковременной семейной жизни родителей вскоре разойтись. Отец—Блок, помимо других его патологических свойств («мрачный демонический характер», «странное поведение» и проч. отзывы близких), отличался садизмом и «жестоко» мучил свою жену, по словам сестры—это обстоятельство и заставило их разойтись. Также патологическим характером обладала мать Блока. Эксцентричная, экзальтированная, капризная и легко возбудимая натура, с неровным характером мать Блока страдала истерическими (или истероэпилептическими) припадками и вообще была в нервно-психическом отношении—больным человеком. Если брак ее был несчастлив, вследствие садизма ее первого мужа, то вряд ли ее болезненная натура сама по себе в состоянии была создать нормальную семейную обстановку.

Леонид Андреев.

Тяжела была семейная обстановка Леонида Андреева. Отец часто и запойно пьянствовал, часто буйствовал и скандалничал. Был суров и жесток в семье, так что его боялись, и все перед ним трепетали. Также и мать—патура эксцентричная, чудачка с патологическим (шизоидным) характером дополняла ненормальность семейной обстановки, где вырос Л. Андреев.

Кеплер.

Отец Кеплера—Генрих Кеплер—вел бродячую жизнь и плохо жил со своей женой, часто пропадал без вести, бросая свою семью на произвол судьбы. Своих детей не любил и не заботился о них. Патологический характер матери Кеплера, отличавшейся вспыльчивостью, сварливостью, злопамятством, вряд ли мог располагать к созданию относительно нормальной семейной обстановки, несмотря на ее другие положительные качества.

Ленау.

Отец его—Франц Ленау—«легкомысленный», развратный до крайности, кутила и азартный игрок. Жизнь его полна авантюры. Мать поэта принуждена была выйти за него замуж (против воли ее родителей, которые не хотели выдать свою дочь за «морально-низкого» человека), ибо стояла под угрозой родить от него «незаконнорожденного» ребенка. Семейная жизнь у них была несчастна настолько, что мать поэта принуждена была разойтись с ним. Будучи уже женатым, он совращал других богатых девушек с целью заставить их выйти замуж, чтоб обогатить себя этим браком.

Гюи Мопасан.

Семейная жизнь родителей Мопасан была также весьма и весьма «горькая и несчастная», по тем же причинам, что и в предыдущих случаях. С одной стороны отец—развратник и авантюрист, увлекавшийся бесконечными любовными авантюрами и приключениями настолько, что мать Мопасана принуждена была, чтобы положить конец тяжелой семейной жизни, вредно отражавшейся на детях, разойтись с ним и взять воспитание детей на себя без отца. С другой стороны мать, несмотря на все ее достоинства в смысле хорошего влияния и развития в детях литературных вкусов, была одержима истерическим (или истеро-эпилептическим) характером, страдала припадками и приступами патологического возбуждения, (кроме того, пыталась не раз покончить жизнь самоубийством). Конечно, патологический характер матери также не способствовал созданию нормальной семейной обстановки для детей.

Байрон.

В семье, где рос Байрон, дело обстоит не лучше, если не хуже предыдущих. Также отец—воплощение разгула, разврата, с бесконечными любовными похождениями, наполнявшими скандальную хронику того времени. Также мать—ненормальная, которую сам Байрон называл «фурией», ибо ее припадки бешенства доходили до буйства и агрессивных действий, а потому сам Байрон нередко называл ее «Мистрис Байрон—Furious». Какова семейная жизнь такой четы—можно себе легко представить.

Перейдем теперь к объекту нашего исследования—к ребенку, будущему великому человеку, вышедшему из такой семьи, и посмотрим, каковы его биологические особенности.

Если читателю вздумается из любопытства проследить сотню—другую биографий великих людей с целью, чтоб проследить, как биографы отзываются о здоровье того ребенка, будущего великого человека, которого он избрал объектом своей биографии, то мы всегда у них найдем обычную, почти трафаретную характеристику здоровья этого ребенка приблизительно в таких выражениях:

«Это был ребенок слабый, хилый»; или: «это был болезненный ребенок». И, что замечательно, как будто все биографы сговорились давать такую трафаретную характеристику об этих детях, как будто болезненность и слабое состояние здоровья—есть стихия этих детей.

Если же, паче-чаяния, читатель найдет, как исключение, отзыв биографа о «цветущем» или о «здоровом» состоянии данного ребенка, то—увы! при проверке этого отзыва по более детальным и достоверным архивным источникам, окажется, что биограф этот имел в виду физическое здоровье данного ребенка, но упустил из виду психическое здоровье, или наоборот.

Так или иначе, как правило, можно сказать: *всякий ребенок, из которого в будущем развивается великий человек,—обязательно будет болезненный ребенок или физически или нервно-психически.*

И это явление мы должны рассматривать не как случайное явление (как это думают многие авторы), а как закономерное явление биологии детей, будущих великих людей.

С нашей точки зрения эвропатологического подхода к этому вопросу (см. мои работы в предыдущих выпусках «Архива» 25-го года) это явление делается нам понятным и естественным.

Механизм выявления скрытой до сих пор одаренности (resp. гениальности) есть результат процесса расторможения. А процесс расторможения есть результат диссоциирования здорового невро-психического статуса, в свою очередь результатом является нарушением здоровья в каком бы то ни было отно-

---

шении: туберкулез, люэс, рахит, всякие диатезы, алкогольная наследственность, нервно-душевная отягченность,—словом, все, что может нарушить равновесие (здоровье) в отношении нервно-психического статуса—есть в то же самое время расторможенние и «раскрепощение» скрытой кумулятивной энергии одаренности (resp. гениальности).

Положение: «mens sana in corpore sano» справедливо лишь по отношению к человеческому «средняку», а к гению или выдающемуся человеку оно не применимо, ибо его природа совершенно другая.

Приведем здесь ряд примеров болезненности детей—будущих великих людей.

Байрон.

По словам биографов, Байрон будто родился с укороченным ахилловым сухожилием, а потому остался на всю жизнь хромым. Кроме того, он был одержим, по словам других биографов «золотухой» и рахитом и вследствие этого страдал искривлением ног. В нервно-психическом отношении он страдал еще ребенком такими припадками бешенства и гнева из-за самых ничтожных причин, что близкие опасались за его жизнь.

С 16 лет у него начались эпилептические припадки.

В школе считался неспособным и тупым учеником.

Бальзак.

Большая голова—непропорциональная по размерам к туловищу—отмечается его биографами, а также его современниками. О его психической болезненности отмечается следующее: «когда ему было 14 лет, директор Коллегиума прислал матери письмо, в котором просил ее как можно скорее приехать к сыну. Оноре (писатель) был одержим странной болезнью, похожей на лунатизм: он как будто спал с открытыми глазами, часто не слышал, что ему говорят, и чрезвычайно похудел. Доктор не мог понять болезнь; его взяли вскоре домой для поправки здоровья».

Ницше.

Больным ребенком, как физически, так и психически, родился также и Ницше. То обстоятельство, что 2½ лет ребенок-Ницше произнес только первое слово, говорит не только о запоздалом развитии ребенка, но и о том тяжелом наследственном недуге Ницше, который впоследствии послужил причиной катастрофы его психической жизни. Уже с детских лет Ницше нервный ребенок. Он страдал жесточайшими головными болями.

Эти жестокие головные боли были чрезвычайно болезненны и длительны: они продолжались будто по ½ года (по словам Мебиуса).

Ньютон.

О физическом здоровье Ньютона биографом отмечается следующее: «При рождении был так мал и слаб, что его мать говорила, что его можно поместить в кружку (quartglass).

С большим трудом его вырастили и весьма мало надежд было на то, что это будет жизнеспособный ребенок». Несомненно он был очень болезненный ребенок. Плохо учился в школе.

Наполеон.

Болезненный ребенок. С детства был подвержен патологическим вспышкам гнева, доходившим до бешенства. Точно также уже с детства начались у него судорожные припадки. Так однажды в школе он был подвержен наказанию за какую-то провинность. Это на него так подействовало, что с ним случился судорожный припадок. Начальник школы принужден был из-за этого снять с него наказание.

498

Кеплер.

«Хилый, слабый, болезненный ребенок, настолько, что его болезнь мешала ему учиться (говорит биограф) и была крепостом его жизни».

Галлер. (Haller).

Болезненный слабый ребенок. Страдает рахитом.

Тургенев.

О физической дефективности Тургенева свидетельствуют также следующие данные: «У меня кости черепа так тонки (говорит Тургенев), что если кто из товарищей хлопнет по голове—мне делалось дурно». После, будучи взрослым, он говорил Полонскому: «Дотронься до моего темени—у меня до сих пор не срослись кости черепа».

И, действительно, впоследствии, после смерти, когда вскрывали тело Тургенева в 1883 году в Буживале (во Франции), секционными данными было подтверждено, что кости черепа были так истончены, что при нажиме гнулись под пальцами, как тонкая пластинка. Если вспомнить к этому еще те обстоятельства, что Тургенев-ребенок отличался непропорционально большой головой, и что посмертные данные веса мозга Тургенева дали большой вес—сравнительно, то нет сомнения в том, что Тургенев в детские годы страдал каким-то хронически болезненным процессом, вызвавшим эти отклонения от нормы.

Альфieri.

С юности страдал «расстройством лимфатической системы». Болезненный и слабый ребенок, подверженный судорогам и психическим ненормальностям. 8 лет у него уже отмечается 1-й приступ меланхолии. В этом состоянии он делает попыт-

---

ку отравиться, но неудачно. Эти депрессии неоднократно повторяются затем опять. В состоянии такой же депрессии 19 лет он снова покушается на самоубийство.

Писарев.

Биограф отмечает Писарева также ребенком слабым, болезненным, «физически дряхлым» и серьезным не по летам. «Труслив и пуглив и нервен, постоянно нюнил». Плаксив. Достаточно было самого незначительного повода, чтоб он начал плакать. Плакал каждый день. Отец сек его за плаксивость. Когда отец появлялся на его крик, ребенок Писарев кричал умоляюще: «папа, секи, секи, только не больно».

Спенсер.

Слабое и хилое здоровье Спенсера заставило его родителей взять его из школы, вскоре же после поступления туда. Маленький Спенсер не обнаруживал никаких способностей к предметам, которые требовали памяти (языки, история).

Лермонтов.

Болезненный ребенок. В детстве страдал какой-то длительной и тяжелой болезнью, которая, повидимому, наложила отпечаток на всю его жизнь. Как это страдание отразилось на его душевной жизни, Лермонтов дает понять в описании детства Саши Арбенина: «болезнь, говорит он там, имела важные следствия и странные влияния и на ум и характер Саши: он выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой. В продолжении мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он привыкал побеждать страдания тела, увлекаясь грезами души»... Чтоб поправить здоровье больного внука, бабушка Лермонгова розила его на 11 году на Кавказ. Он был ребенок чрезвычайно замкнутый, необщительный, к людям относился с презрением, чем отталкивал от себя окружающих.

Эмерсон.

Болезненным ребенком рос также и Эмерсон. Психическая ненормальность, замкнутость были присущи и ему: он был сильно отягощен наследственностью.

Гоголь.

В отношении физического здоровья Гоголь уже ребенком представлял тип астеника. Впалая грудь, узкая грудная клетка с узкими плечами, худощавый, болезненный, физически слабый, он никогда не имел здорового и свежего цвета лица. Лицо всегда вытянутое, нос длинный. Биограф Шенрок говорит про него: «он был болезненный ребенок. Лицо его было какое-то прозрачное, он сильно страдал от золотухи, из вшей у него

текло. Также и в психическом отношении. Гоголь еще с раннего детства проявлял много психических аномальностей, которые впоследствии развились в настоящую душевную болезнь.

Чехов.

За большую голову, по пропорции не соответствующую его небольшой фигуре, товарищи по школе прозвали его «головастиком» или «бомбой».

В психическом отношении Чехов был мальчик «вяловатый» и «сыроватый» (как его характеризуют близко знавшие его). Помимо этого, это был мальчик замкнутый, малообщительный и выглядел «букой». К играм с детьми его не тянуло, и он оставался в стороне. Ни детской резвости, ни подвижности в нем совсем не было. Также учился плоховато.

Адам Смит.

Адам Смит рос также слабым болезненным ребенком. Уже с детских лет отличался психическими ненормальностями: «был баснословно рассеян, временами до того забывался, что разговаривал сам с собой; эта привычка сохранилась у него на всю жизнь». Также сторонился от всяких детских игр своих сверстников. Несомненно, мы здесь также имеем дело с ненормально замкнутым ребенком, выходящим за пределы нормального аутизма детей.

Джемс Уатт.

С самых малых лет отличался слабым и хилым здоровьем. С самого раннего возраста страдал ужасными головными болями, причинявшими ему не мало страданий впоследствии и в зрелые годы. Ребенком он был чрезвычайно замкнут, рассеян, «склонен совершенно забываться в своих собственных мыслях» (как говорит биограф). «Когда головные боли начинали его мучить, он становился молчалив и придирчив, всем недоволен и уходил куда-нибудь в поле или в горы». К 14 годам его болезнь (и головные боли, в частности) очень мешала систематическому образованию мальчика и стравляла его от правильных школьных занятий. Его товарищи по школе утверждали, что он в школе не только не считался успешным учеником, а наоборот, — «туповатым» и очень медлительным.

Шелли.

«Болезненный, с хрупким здоровьем ребенок». Болезненность его особенно сказывалась в нервно-психической организации Шелли, которая представляла собой «комочек дрожащих нервов» (по словам окружающих). Вследствие этого он в школе считался ненормальным ребенком, и его называли «сумасшедший Шелли». Он отличался странностями и был подвержен галлюцинациям.

Чаттертон

характеризуется также биографами, как натура с резко выраженными ненормальностями психики: необычайно возбужденный, импульсивный характер, с ранней юности склонный к самоубийству.

Мальтус.

Мальтус родился с заячьей губой, вследствие чего страдал всю жизнь плохим, невнятным произношением.

Попэ.

Вследствие своей болезненности был уродлив, постоянно ребенком страдал головными болями.

Бентам.

Был карлик ростом, говорил о себе, что у него совершенно не было икр.

Мирабо.

По словам биографа, родился «с искривленной ногой и приросшим языком с двумя образовавшимися зубами».

Руссо Ж. Ж.

Болезненный от рождения, Ж. Ж. Руссо страдал помимо всего гипоспадией.

Болезненными детьми отмечаются биографами также и следующие великие и замечательные люди (причем, выражения — «слабый ребенок», «хрупкое здоровье», «хилый и болезненный» — суть выражения обычные и весьма частые):

1. Марк Аврелий.	19. Бородин.
2. Кардан.	20. Микель Анджело.
3. Виктор Гюго.	21. Леонарди.
4. Григорович.	22. Батрон.
5. Гельмгольц.	23. Шиллер.
6. Кеплер.	24. Пристли.
7. Джордж Элиот.	25. Спиноза.
8. Лист.	26. Демосфен.
9. Бэкон.	27. Кант.
10. Паскаль.	28. Вольтер.
11. Декарт.	29. Надсон.
12. Локк.	30. Даргомыжский.
13. Попэ.	31. Диккенс.
14. Флакман.	32. Белинский.
15. Моцарт.	33. Монтескье.
16. Глинка.	34. Дарвин.
17. Бланки.	35. Гейне.
18. Загоскин.	36. Даламбер.

---

37. Фенелон.

38. Кернер.

39. Вальтер-Скотт.

40. Сенека.

41. Стефенсон.

Приведенный здесь список примеров болезненности детского возраста не есть исчерпывающий список, и также не есть специально подобранный список. Читатель может этот список продолжить без конца, если он захочет проверить. Но, повторяем — для этого он должен брать материалом не биографии льстивых биографов, цель которых дать читателю разукрашенный образ героя. Он должен взять материалом те биографические первоисточники, где факты констатируются в целях субъективного исследования в неприкрашенном виде.

502

Итак, из всех вышеприведенных данных мы видим, что великий или замечательный человек в своем детском возрасте есть всегда ребенок болезненный *sui generis*. И это явление не есть случайное, а является закономерным явлением биологии детского возраста великих и замечательных людей. Иначе говоря: великие и замечательные люди вербуются исключительно из среды тех людей, которые детьми должны проявлять с одной стороны симптомы скрытой или активной одаренности (кумулятивные симптомы), с другой стороны симптомы явной или намечающейся физической или психической (resp. психо-невротической) болезненности (симптомы диссоциативные). Иллюстрированные здесь болезненности детей — будущих великих людей — и есть те диссоциативные симптомы детского возраста, о которых была речь. О кумулятивных симптомах (вундеркинлизм и проч. будет речь особо).

Эвропатология и эндокринология.

Д-ра И. Б. Галант (Москва).

Основатель европатологии, как науки, исследующей гения, талант и его творчество с психопатологической точки зрения. Г. Сегалин развивает теорию гениальности, которую можно было бы назвать *теорией гипостатической реакции*. Сущность этой теории сделается нам ясной лишь после некоторого знакомства с основами учения Сегалина о гении и гениальности.

На основании обширного генеалогического материала Сегалин приходит к заключению, что:

1) *Всегда* наряду с наследственной одаренностью у антецедентов или десцендентов великого или замечательного человека имеется наследственная психопатическая отягченность, т. е., иначе говоря, наследственная одаренность у великих и замечательных людей симбиозирует с наследственной отягченностью (в той или иной форме).

2) Часто замечается, если наследственная одаренность идет по одной линии предков, то наследственная отягченность идет по другой линии предков.

3) В лице данного великого или замечательного человека эти обе линии так или иначе скрещиваются, и, таким образом, он является биологическим результатом этого скрещения.

4) Основные вариации такого скрещения сводятся к следующим типам:

а) Основная вариация: по отцу одаренность, по матери психопатическая отягченность, или наоборот;

б) по отцу или матери одаренность, а отягченность с обеих сторон.

Эти неопровержимые факты эмпирии наводят Сегалина на мысль, что психотическое начало, встречающееся с такой строгой закономерностью в каждом случае гениальности и одаренности, вне всякого сомнения оказывает вполне определенное влияние на ход, развитие и проявление гениального начала в человеке, и, вот, чтобы выяснить, какова роль психотического начала в деле выявления гениальных задатков у великих людей, Сегалин прибегает к менделизму, специально к учению о доминантности и рецессивности признаков при наследственной их передаче от предков к потомкам.

503

Доминирующие задатки пробивают себе путь кнаружи и проявляют себя во внешности индивида, в его *фенотипе*. Рецессивные же задатки не проявляют себя и остаются скрытыми, недоступными простому наблюдению. Под влиянием известных условий, иногда даже под влиянием воздействия среды рецессивные задатки могут проявить себя в фенотипе и превратиться таким образом в доминантные признаки фенотипа.

Понятия доминантности и рецессивности геределогии претерпели в эвропатологии метаморфоз в таковые гипостаза и эпистаза с сохранением первоначального смысла соответствующих понятий учения менделизма, ибо гипостаз обозначает группу задатков, остающихся в скрытом состоянии, под эпистазом же разумеют те задатки, которые выявляют себя свободно и не дают выявиться скрытым задаткам гипостаза.

«Таким образом, говорит *Сегалин*, между *скрытыми* гипостатическими задатками и *открытыми* эпистатическими задатками организма существует определенное соотношение, — они исключают как бы друг друга — антагонистичны между собой. Но стоит только какой-либо причине устранить эти господствующие эпистатические задатки, т. е. как только устраняется тормоз, тогда начинают выявляться наружу эти гипостатические задатки, до сих пор как-будто бывшие неизвестными данному организму.

Но для того, чтобы выявились эти скрытые задатки, должен быть введен какой-то третий момент, нарушающий это нормальное соотношение между эпистазом и гипостазом. Должен быть введен новый диссоциирующий момент, устраняющий господство эпистатических тормозов, вследствие чего появляются у особей при скрещении новые признаки, до сих пор не бывшие у данного вида».

Понимая под эпистатическим состоянием психики то состояние сознания, которое развертывает активно все свои обычные психические свойства и признаки со всеми своими психическими атрибутами, а под гипостатическим состоянием психики все скрытые, так называемые подсознательные свойства психики, не проявляющиеся потому, что эпистатические свойства психики, т. е. весь аппарат сознания тормозит всякое проявление гипостатических свойств, *Сегалин* относит задатки гениальности и одаренности к гипостатическим свойствам психики и думает, что тот диссоциирующий момент, который освобождает гипостатические задатки одаренности от тормозов эпистатической психики, одаряя их кинетической энергией, есть психотическое начало. Только психотический момент, уничтожающий цельность и гармоничность эпистатического аппарата сознания, может быть тем диссоциирующим началом, которое освобождает гипостатические силы одаренности. Этот психотический момент, который всегда вводится путем скрещивания в биологическую цепь одаренной линии предков, несомненно должен играть именно такую роль.

«В этом и заключается весь биологический смысл того, что всегда линия одаренных предков скрещивается с линией предков психотических. в результате чего является гений, талант, замечательный человек. Гений (или талант) является как воплощение активного выявления такого психомеханизма, где антагонистическое соотношение эпистаза с гипостазом заменено, благодаря диссоциирующему действию психотического компонента, такой новой психической структурой, где гипостазу не мешают эпистатические тормозы для выявления себя; или же, во всяком случае, тормозы эти так конституционально изменены, что гипостатической энергии одаренности не препятствуется постоянно, или при случае, быть активной. Так произошло с отцовской линией одаренных *Гоголя*, когда эта линия скрестилась с материнской линией, которая внесла это диссоциативное начало психотизм, благодаря чему кумулятивная энергия одаренности в лице *Гоголя* стала активной, язвой».

Как в случае *Гоголя*, так везде, где мы встречаемся с выдающимся гением и талантом, психотизм является как бы вызывающим и определяющим началом творческих сил индивида, при чем психотическое это начало не должно непременно корениться в отягчающей наследственности, а может быть приобретено в жизни, может быть экзогенного характера:

«Разве это не самый лучший эксперимент природы,—спрашивает *Сегалин*,—когда в «нормальном» Брехисе нет художника, а в маниакально-паралитическом Брехисе с постепенно разрушающимся аппаратом сознания—Брехис, феноменальный художник, благодаря случайному разрушению его тормозящего аппарата (заметьте, именно случайному), ибо, не будь этого случая заболеть прогрессивным параличем, этот Брехис остался бы ничто. Клинические наблюдения над творчеством душевнобольных нам дают бесчисленные примеры таких экспериментов, именно в таком смысле».

Как пример освобождения гипостатических гениальных задатков от тормозящих сил эпистаза при помощи экзогенных диссоциирующих эпистатический аппарат моментов *Сегалин* приводит следующий случай:

«Известный композитор *Н.* в своих периодически наступающих припадках творчества оглушает себя алкоголем, и весь этот период он пьет; он делается дипсоманом. Его лечат от этого запойного пьянства. Лечение удается с успехом. Он перестает пить, но пропадает вместе с тем и его творчество. Он перестает творить. Но, чувствуя свои творческие силы и чувствуя сильную потребность в выявлении этих скрытых гипостатических сил, он, проклиная своего врача, вылечившего его от алкоголизма, снова прибегает к «выходу из себя», к опьянению и творчеству. Таких примеров можно бы привести без конца. Они общеизвестны даже и не-специалистам. Прodelы-

вая эти эксперименты более грубо эмпирически и случайно на таких примерах в жизни почти наглядно, та же природа продельывает то же самое более тонко и закономерно, но несколько иначе, со всеми теми великими людьми, которые, чтобы выявить свою потенциальную энергию одаренности, получают для «выхода из себя» необходимый им фактор, уже не искусственно-экзогенно и не случайно, а наследственно-эндогенно, или, так сказать, конституционально; там искусственный «выход из себя» — здесь наследственный «выход из себя». У одного в форме гипоманиакальных приступов, у другого в виде галлюцинаторных переживаний, у третьего в виде эпилептических экстазов и т. д. Разница в обоих случаях лишь в том, что в одном случае — «выход из себя» вызывается искусственно, посредством алкоголя, в другом при помощи яда, находящегося в крови и введенного наследственным механизмом эндогенно внутри самого организма. В обоих случаях смысл один: устраняется эпистатическое начало психики, как нечто тормозящее. Выходит на сцену гипостатическое начало психики, бывшее заторможенным, пользуясь устранением этого эпистатического начала хотя бы на миг, на час, на месяц (смотря по тому, какая форма «выхода из себя»).

Механизм выявления гипостатических задатков гениальности и одаренности, при котором скрытая энергия творческих сил при устранении тормозов эпистаза выплывает на поверхность, *Сегалин* называет *гипостатической реакцией одаренности*, и т. к. в этой гипостатической реакции заключается вся сущность процесса творчества, то мы правильно назвали теорию гениальности *Сегалина* теорией гипостатической реакции.

Что касается *степени одаренности* и качественных различий ее у разных индивидов, то они по теории гипостатической реакции находят свое объяснение таким образом, что если количество накопленной энергии одаренности при гипостатической реакции велико, то, при наличии этой гипостатической реакции, это количество переходит в качество (т. е. делается тот «скачок» перехода из количества в качество, который всегда мы замечаем во всех диалектически протекающих процессах в природе), и тогда мы имеем феноменальную одаренность («тантов», «гениев», «замечательных» и других феноменально творящих людей).

Полученный нами здесь запас знаний об эвропатологии и теории гипостатической реакции гениальности убеждает нас, что эвропатология очень близко соприкасается с психиатрией, а именно постольку, поскольку психотический момент играет роль при проявлении гениальности. Но в таком случае эвропатология не может обойтись без эндокринологии, как вспомогательной науки, ибо, как неоднократно доказано, железы с внутренней секрецией оказывают сильное влияние, как на состояние здоровой психики, так и на развитие душевных болезней.

ней. Кречмер, ¹⁾ напр., высказывается по разбираемому нами вопросу следующим образом: «Что эндокринная система имеет существенное влияние на психику, специально на качественные особенности темперамента, является эмпирическим фактом, который, по отношению к щитовидной железе, благодаря опыту врачей при кретинизме, микседеме, Cachexia strumipriva и Базедовой болезни, по отношению же к половой железе благодаря такому при экспериментах с кастрацией, неопровержимо доказан».

Чтобы окончательно выяснить вопрос, каково значение эндокринологии, как вспомогательной науки, для эвропатологии, необходимо вспомнить здесь все, что мы знаем об эндокринологии в связи с психиатрией. Лишь после этого мы сумеем сделать шаг дальше и рассматривать саму эвропатологию в связи с эндокринологией.

Заболевание желез с внутренней секрецией сопровождается нередко психическими симптомами, которые, хотя и не комбинируются таким образом, чтоб дать нам одно вполне определенное из известных нам психических заболеваний, все же ясно говорят нам о том, что имеется причинная связь между внутри секреторными железами и психикой.

При *пюриглярной недостаточности*, если таковая развивается в молодости, наблюдаются черты инфантильной психики. Более выраженная инфантильная психика отмечается при инфантилизме, где психическое развитие не дозревает до конца и наряду с зрелыми психическими чертами попадает множество инфантильных черт. Получается довольно оригинальная картина «смешанной психики» с преобладанием инфантильных черт, которая и характеризует психику при выраженном инфантилизме.

Инфантильные черты психики наблюдаются и при евнухоидизме, при котором, однако расстройства со стороны психической сферы нередко находят свое выражение в легких изменениях одной только аффективности, часто эпилептического характера.

Инфантильная психика дает еще себя знать при заболеваниях мозгового придатка, которые постоянно сопровождаются психическими расстройствами. Гиперфункция мозгового придатка, особенно гигантизм сопровождаются психическим инфантилизмом. Помимо этого, психические расстройства при заболеваниях мозгового придатка выявляются, как индолентность, безучастность, вялость, неповоротливость и ограниченность жизни сферы чувств. Больные не только беззаботно веселы, но эвфористичны и эретически весело настроены. Это душевное настроение гипофизарнобольных до того характерно, что оно получило в немецкой литературе название *Hypophysärstimmung*

¹⁾ Kretschmer, E. *Körperbau und Charakter*. 3. Auflage. S. 189. Berlin, Springer. 1922.

„гипофизарное душевное настроение“ по v. Frankl-Hochwart). Эпилептиформные припадки и обмороки встречаются также при гипофизарных заболеваниях. Очень редко можно наблюдать при этих заболеваниях тяжело меланхолические состояния (Westphal наблюдал таковые при *Dystrophia adiposogenitalis*). Эпилептические и шизофренические картины психотизма видел при заболеваниях мозгового придатка Büchler.

Шишковидная железа, заболевая, ведет к ускоренному развитию в интеллектуальной сфере и сфере чувств, в особенности к преждевременной половой зрелости и усиленной сексуальной возбужденности. Эпилептические припадки при гипофизарных заболеваниях встречаются.

Несравненно разнообразнее картины психотических или психотическоподобных состояний, сопровождающих заболевания щитовидной железы. Смотря по тому, подлежит ли гипо- или гиперфункция щитовидной железы, есть возможность подразделить и заболевания в две группы и в психиатрическом отношении. *Morbus Basedowii*, вызывая повышение всех витальных процессов, причиняет и таковое психических феноменов. Больные чувствительны, возбуждены, слезливы, раздражительны. Капризны, непостоянны, беспокойны, боязливы. Наблюдается у них лабильность настроения, повышенная реактивность и внушительность, склонность к психогенным расстройствам и тесные отношения к маниакально-депрессивному психозу. Депрессивные и маниакальные состояния встречаются у них одинаково часто и сопровождаются одни заторможенностью, другие возбужденностью функций. Лабильность настроения импонирует иногда, как смешанное маниакально-депрессивное состояние. Попадаются и другие психотические состояния с галлюцинациями, бредовыми идеями, делириантами и амнестическими симптомами.

При гипофункции же щитовидной железы отмечается понижение всех психических процессов. Легко поэтому догадаться, что при *Cachexia Strumipriva* и миксэдеме мы найдем психическую деятельность больного замедленной и отметим пониженную способность восприятия, слабую память и понижение деятельности всех психических функций вообще. Вспышки раздражения и импульсивные действия и поступки встречаются. Описаны при этих тиреоидных заболеваниях тяжелые депрессивные состояния, бредовые идеи, галлюцинации и т. д.

Врожденный миксэдем и кретинизм сопровождаются этими же самыми психическими расстройствами в более сильной форме и вместе с тем как бы более элементарной. Слабоумие и идиотия — обычные явления при миксэдеме и кретинизме. По некоторым авторам идиотия встречается и при заболеваниях зобной железы (*Idiotia thymica*).

Заболевания подпочечников тоже имеют свои психические симптомы. Гипоплазия и аплазия коры надпочечников влечет за собой грубые расстройства в развитии мозга, вплоть

до энцефалии с соответствующими картинами психического недоразвития. При morbus Addisonii же встречаются нервно-психические расстройства подобного рода, как мы их описали при заболеваниях других желез с внутренней секрецией: повышение с последующим понижением аффективных процессов, кверуляторные настроения, маниакальные состояния и состояния страха, патологическая утомляемость, апатия и безучастность, доходящие до полного ступора, эпилептообразные расстройства, делириантные картины и т. д.

Уже этот краткий и сжатый обзор заболеваний эндокринных желез с сопровождающими их психическими расстройствами убедительно говорит за то, что влияние эндокринных желез на психику не менее велико, чем на соматику и ведут эти заболевания нередко к *выраженным сомато-психическим синдромам*, каковы сомато-психический синдром евнухидизма, монголизма, микседемы и т. д. Вполне понятно поэтому, что психиатры начали искать связь между психическими болезнями и расстройствами эндокринных желез: и Hoffman¹⁾ представлял себе биологические основы циркулярного психоза:

«Мы допускаем существование двух антагонистических гормонов, находящихся в тесной коррелятивной связи между собой, один гормон депримирующий (d), другой гормон эвфорирующий (e). Обыкновенно эти гормоны находятся в состоянии равновесия, так что качественная сторона обоих имеет определенное отношение к их сумме:

$$e + d = x: e = d = \frac{x}{2}$$

Если в организме количество одного гормона увеличивается благодаря гиперфункции определенного субстрата железы — причиной чему может быть половая зрелость, климактерий, старческая инволюция, беременность и т. д., то оно может быть парализовано в своем действии, благодаря повышающейся продукции антагониста. Однако, при известной границе, которая, смотря по зародышевым задаткам специального случая, каждый раз различна, нарушение равновесия этой пары гормонов обнаружится в форме маниакально-депрессивных аномалий настроения и в зависимости от того, какой гормон преобладает, мы будем иметь сдвиг аффективности с среднего положения в сторону положительного или отрицательного полюса. Одно парциальное расстройство состоит, таким образом, в нарушении равновесия антагонистических гормонов, которое может быть обусловлено различными причинами, другое в невозможности репарировать это расстройство, которое об'является в психике лишь после переступления через некоторую предельную (пороговую) границу (Schwellenwerth). Оба эти расстройства будут в зависимости от различной их интенсивности

¹⁾ Hoffman H. Vererbung & Seelenleben S. 122. Berlin, Springer, 1922.

обнаруживаться в ряде количественных различий. Расстройство внутрисекреторного равновесия может основываться на продолжительном периодическом преобладании одного из этих двух гормонов; оба гормона могут, однако, чередоваться в роли преобладающего начала. Это расстройство остается скрытым, пока господствуют стабильные отношения, т. е. если порог раздражения резонантности аффективного аппарата особенно высок и если в данном организме репродукционная способность стоит на высоте. Если же порог раздражения низок, то мы имеем то лабильное состояние, которое соответствует циркулярному реактивному типу».

В настоящее время наши знания о связи психических заболеваний с эндокринной системой приняли более определенный характер, и мы в состоянии найти тесные отношения, нередко этнологические, между данным психозом и одной или несколькими из эндокринных желез. Маниакально-депрессивный психоз, dementia praecox и эпилепсия, как те психозы, эндокринная природа которых особенно прилежно изучалась, и который может быть больше, чем другие психозы, косвенно соприкасаются с эндокринологией а будут нас здесь более всего интересовать. Dementia praecox (шизофрения) раньше других психических заболеваний навела психиатров на мысль, что эндокринная система играет роль в развитии этой болезни. То обстоятельство, что шизофрения развивается главным образом в период половой зрелости, а климактерий является другим периодом жизни, в котором замечается накопление (хотя и меньшее) заболеваемости шизофренией, что во время беременности, в puerperium'e и в лактационном периоде болезнь эта ухудшается, что расстройства менструаций, dys- и amenorrhoea очень часто совпадают с началом заболевания шизофренией или предшествуют ему—все это наводило на мысль, что половые железы поддерживают причинную связь с шизофренией в том смысле, что расстройства этих желез вызывают или обостряют процесс шизофрении. Взгляд этот получал поддержку в том обстоятельстве, что при шизофрении встречаются соматические аномалии, характерные для дисфункции половых желез, как евнухоидное, инфантильное строение тела, волосяной покров эндокринного происхождения и др. С другой стороны при шизофрении наблюдались расстройства других внутрисекреторных желез. Базедовоидные и тетаноидные явления, патологические накопления жира микседематозный Habitus. Находим при этом в крови изменения, характерные для Morbus Basedowii, Мухомет и гипофизарных расстройств, те же расстройства обмена веществ и эпилептические припадки, как они встречаются при различнейших внутрисекреторных расстройствах. Существует ли, однако, между всеми этими внутрисекреторными расстройствами и шизофренией та причинная связь, которую подозревают между ней и расстройствами половых желез—вспрос не выясненный.

При маниакально-депрессивном психозе, особенно в более легких случаях, встречаются все признаки тиреотоксической возбужденности, при депрессивных состояниях попадают миксэдематозные явления. Хотя отношения между маниакально-депрессивным психозом и внутренней секрецией половых желез считаются весьма вероятными, так как attacks этого психоза охотно совпадают с половой зрелостью, с беременностью, с климактерием и т. д. всем же расстройствам щитовидной железы, а именно в сторону гипертиреозидизма должны скорее считаться эндокринными этиопатическими моментами маниакально-депрессивного психоза. Очень часто при маниакально-депрессивном психозе в фазах заболевания констатируется увеличение щитовидной железы.

Что касается эпилепсии, то нет ни одной инкреторной железы, которую не сделали бы ответственной за это заболевание, и которая не служила бы основой для теории эпилепсии и для нового ее лечения. Уж одно это обстоятельство говорит за то, что те действительные отношения, которые существуют между эндокринной системой и эпилепсией, далеко не выяснены. Констатирована, однако, несомненная связь между эпилепсией с одной стороны и эпителиальными тельцами (Parathyreoideas) щитовидной железой, половыми железами, мозговым придатком и надпочечниками с другой.

Вот приблизительно все существенное из новых психиатрически-эндокринологических достижений нашего времени. При всей их недостаточности эти достижения не позволяют нам сомневаться в том, что эндокринная система, собственно ее расстройства, играют весьма важную, можно даже сказать определяющую роль при развитии душевных болезней. Но в таком случае значение эндокринологии, как вспомогательной науки, для эвропатологии едва ли менее велико, ибо по теории гипостатической реакции психотическому элементу приходится в меньшей мере отдавать роль фермента, приводящего в брожение латентные гениальные задатки. Психотический же этот элемент может быть любая душевная болезнь, выраженная или же находящаяся *in status nascendi*, только замечающаяся, зарождающаяся. Иногда психотический этот элемент есть только психопатия или психопатически окрашенная душевная жизнь. Одним словом, теория гипостатической реакции не исключает какого бы то ни было рода психотизма из круга тех психических состояний, которые выводят творческие силы из подгнета тормозящего их эпистаза и таким образом все психиатрически-эндокринологические достижения делаются достоянием эвропатологии, которая с своей стороны должна способствовать углублению этой отрасли наших знаний.

Но если нам теперь ясно, что эндокринология имеет весьма близкое отношение к эвропатологии, поскольку задачи психопатологии и психиатрии являются и задачами эвропатологии, то возникает вопрос: имеет ли эндокринная система

прямое влияние на развитие гениальных способностей, прямое, а не косвенное, через то психотическое начало, которое вызывает гипостатическую реакцию?

Нам кажется, что этот для эвропатологии принципиально весьма важный вопрос можно разрешить в положительном смысле, а именно так, что эндокринная система стоит не только в связи с *диссоциативным компонентом* (психотическим) одаренности и гениальности, но и с *кумулятивным компонентом одаренности*, способствуя выявлению качественно и количественно высших степеней гениальности (кумулятивный компонент!), и есть возможность говорить об *эвроэндокринологии*, как специальной отрасли эвропатологии.

Что эндокринная система оказывает влияние и на кумулятивный компонент одаренности и гениальности, должно явствовать из того обстоятельства, что внутрисекреторные железы действуют не только на развитие больной психики, но и на развитие здоровой душевной жизни. Это можно между прочим заключить из того, что в определенных фазах жизни человека, как половая зрелость и климактерий, когда происходят под влиянием усиливающейся или ослабевающей функции желез с внутренней секрецией коренные изменения в соматике такого рода изменения происходят и в психической сфере, которые обыкновенно ведут к дальнейшему усовершенствованию психических способностей.

Если принять во внимание, что эндокринная система, как позволяют думать новые исследования, воздействует на мозг и на центральную и вегетативную нервную систему вообще, то мы легко убеждаемся, что все наши психические функции находятся под постоянным благотворным или угнетающим действием инкрегорных желез и нет никакого сомнения, что и кумулятивный компонент одаренности всецело находится под постоянным влиянием желез и внутренней секрецией.

Трудно, однако, сказать, какие именно инкреторные железы действуют на кумулятивный компонент одаренности. Правильнее всего предположить, что действие это *плюригландулярное* и что весь эндокринный аппарат в целом при правильной коррелятивной функции благотворно влияет на кумулятивный компонент одаренности. Есть, однако, основание думать, что некоторые внутрисекреторные железы имеют специфическое влияние в том или другом смысле на развитие психики. Так по Keith'у особенности европейской расы находят свое объяснение в превалирующей функции гипофиза, монгольской расы в таковой щитовидной железы, а черной расы — в таковой подпочечников. Если принять во внимание, что европейская раса является самой одаренной, то в виду превалирующего у этой расы действия мозгового придатка, одаренность этой расы придется писать на счет гормонального действия именно этой железы. Но в таком случае мы имеем право предполагать, что

кумулятивный компонент одаренности вообще стоит под прямым благотворным действием мозгового придатка. Чтобы подтвердить правильность этого нашего предположения, следовало бы изучать в будущем при помощи новейших методов исследования мозговой придаток великих людей в целях открытия того фактора, который способствует развитию кумулятивного компонента одаренности. В этом исследовании мы видим ближайшую задачу *эвроэндикронологии*.

513

„О мозге ученых, в связи с проблемой взаимоотношения между величиной мозга и одаренностью“ *).

Д-цент А. А. Капустин (Москва).

По вопросу взаимоотношения между величиной мозга и одаренностью существуют два диаметрально противоположных мнения; одни авторы, как Hansemann, Rauber, Nacke, Бехтеев и др. склонны разрешить данную проблему в положительном смысле, другие, как Савич, Пэрна и пр. как будто такого взаимоотношения не усматривают; напр. Пэрна считает, что «ум и талант могут существовать и при малом мозге»; по Савичу «вес мозга, безусловно, неверное мерило: мозг выдающихся людей, как Либих, весил меньше среднего» и т. д. Следует отметить, что Пэрна и Савич огромную роль в развитии одаренности приписывают разного рода гуморальным влияниям. Пэрна прямо утверждает, что «не мозг, а та или иная особенность в комбинации гормонов есть основа ума, как и таланта».

Мы ни в малейшей степени не склонны преуменьшать значения эндокринного аппарата в развитии как всего организма в целом, так и головного мозга в частности; мы считаем, что до настоящего времени решительно никем не доказано существование необычной комбинации гормонов у особо выдающихся людей; в равной мере не доказана возможность экспериментально гуморальным путем влиять на развитие одаренности и притом не только на субъекта с анатомически несовершенным головным мозгом, но даже на субъекта, располагающего обычным типом мозгом, т.-е. без заметных аномалий строения.

Наш опыт, приобретенный при изучении головного мозга трех известных ученых, дает нам право высказать свои выводы по вопросу корреляции между величиной мозга и одаренностью. С любезного разрешения глубокоуважаемого Директора Неврологического Института (имени проф. Кожевникова) проф. Гр. Ив. Россолимо мы имели возможность изучить головной мозг проф. А. Я. Кожевникова, проф. С. С. Корсакова и проф. П. И. Бахметьева.

*) Доложено во Втором Всероссийском съезде зоологов, анатомов и гистологов в Москве 5-го мая 1925 года.

Нет необходимости, на наш взгляд, доказывать, что все эти лица с полным правом могут быть признаны учеными *par excellence*. Достаточно сказать, что А. Кожевников является основателем Московской неврологической школы; С. Корсаков поражал замечательно сильным интеллектом, а П. Бахметьев, как оригинальный исследователь, всем известен своими исследованиями по анабиозу. Из своей работы, посвященной подробному описанию головного мозга вышепоименованных ученых *), мы приведем только те данные, которые дают возможность отметить отличительные, по нашему мнению, признаки во всех трех случаях.

Мозг проф. А. Я. Кожевникова.

Вес при вскрытии был равен 1520 гр.; при всех измерениях обнаружено заметное преобладание левого полушария по сравнению с правым; громадное количество борозд третьей категории в лобной и отчасти в теменной долях; в области левой лобной доли, помимо всех основных борозд при существовании таких борозд, как средняя лобная борозда (*Eberstaller*), *s. frontalis obliquus* (*Marchand*) *s. fronto marginalis* (*Wernicke*), *s. supraorbitalis* (*Broc*) имеется больше 20 мелких борозд, отчего получается очень сложный рисунок лобной поверхности (см. рис. № 1).

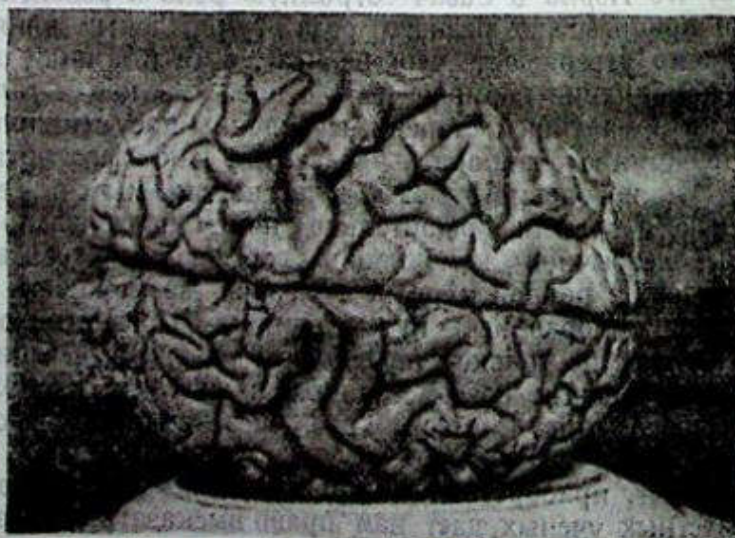

РИС. № 1. ФОТОГРАФИЯ ГОЛОВНОГО МОЗГА ПРОФ. А. Я. КОЖЕВНИКОВА.

Очень много (до 30) мелких борозд находится в области правой лобной доли. Равным образом, в области теменных долей можно отметить большое число мелких борозд.

*) См. А. Капустин. «Об архитектуре головного мозга ученых». Сборник в честь 40-летнего юбилея врачебной научной и преподавательской деятельности проф. Г. И. Россолимо.

Angulus Rolandicus для правого полушария равен 70° , для левого— 75° .

Мозг проф. С. С. Корсакова.

Мозг С. Корсакова при вскрытии весил 1603 гр.; angulus Rolandicus для правого полушария равен 80° , для левого— 85° .

При всех измерениях обнаружено заметное превосходство левого полушария по сравнению с правым. В отношении левой лобной доли можно отметить наличие четырех лобных извилин и до 25 мелких борозд; в правой лобной доле можно

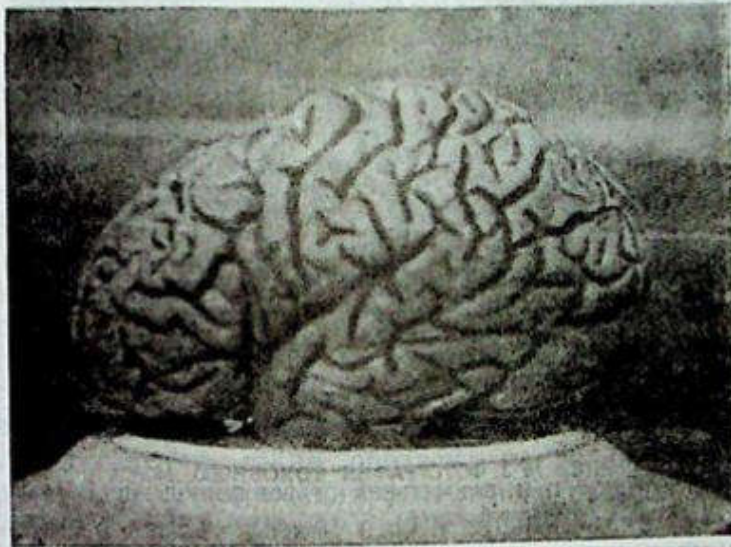

РИС. № 2. ФОТОГРАФИЯ ГОЛОВНОГО МОЗГА ПРОФ. С. С. КОРСАКОВА (ЛЕВОЕ ПОЛУШАРИЕ).

указать изрезанность передней центральной извилины; на ее выпуклой поверхности имеется до 30 мелких борозд (см. рис. № 2).

Сложный узор имеют также теменные доли.

Мозг профессора П. И. Бахметьева.

Мозг П. Бахметьева при вскрытии весил 1485 гр., angulus Rolandicus справа равен 70° , слева— 75° . Заметное преобладание в развитии левого полушария по сравнению с правым. В отношении лобных долей мозга можно отметить наличие 30 борозд третьей категории, в разных направлениях пересекающих наружную поверхность левой лобной доли; справа таких борозд имеется 26 (см. рис. № 3).

Сложный вид имеет поверхность об. теменных долей, благодаря наличию ряда мелких борозд.

В целом, головной мозг во всех трех случаях отличается множеством борозд третьей категории, вследствие чего можно

признать каждый мозг гипергирэнцефалическим, превышающим своим весом среднюю весовую величину, характерную, напр., для головного мозга великороссов (1398 гр.) при несомненном преобладании в развитии при всех измерениях (высота, ширина, длина, роландов угол) левого полушария по сравнению с правым с преимущественным развитием лобной и отчасти теменной доли.

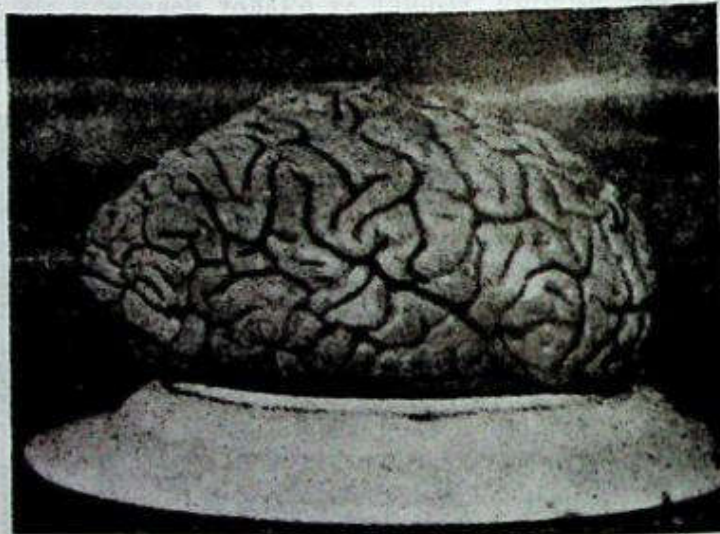

РИС. № 3. ФОТОГРАФИЯ ГОЛОВНОГО МОЗГА
ПРОФ. Д. И. БАХМЕТЬЕВА (ПРАВОЕ ПОЛУШАРИЕ).

Можно признать, таким образом, что «значительной одаренности данных ученых соответствует необычно сложенная архитектура головного мозга» (*Капустин*).

Мы не станем подробно приводить литературу предмета; остановимся лишь на некоторых работах, подтверждающих наши наблюдения.

Mauger описал головной мозг *E. Hoeschel'*я; оказалось, что вес мозга *Геккеля* равен 1575 гр.; левое полушарие было более сильно развито, чем правое, при чем верхняя и средняя лобные извилины были покрыты довольно значительным количеством борозд.

Бехтерев и *Вейнберг* описали головной мозг *Д. Менделеева*; вес мозга был равен 1571 гр.; было отмечено большое количество борозд в лобной и теменной долях, гл. образом, левого полушария. Приблизительно то же самое отметили *Spitzka*, *Hansemann* и др.

Словом, ряд исследователей определенным образом признают прямое соответствие между величиной мозга и одаренностью.

Данные сравнительной анатомии и антропологии нисколько в общем не противоречат выставленному нами выше положению.

Еще со времени Meunert'a, известно, что чем выше стоит животное по зоологической лестнице, тем сложнее построен головной мозг, в особенности плащ.

Нет нужды указывать на ту разницу в развитии плаща, что отличает головной мозг человека от мозга хотя бы человекообразных обезьян; она хорошо известна по работам многих исследователей, напр., Elliot, Smith'a, Mott'a, Brodmann'a, Kappers'a и мн. друг.

Brodmann с очевидностью показал, как третья лобная извилина постоянно возрастает в своей величине в восходящем ряду животных, достигая высшего развития у человека. По автору лобная область (regio frontalis) у человека составляет 29% всей корковой поверхности, тогда как у шимпанзе—17%, у собаки—7%, а у кролика всего 3,4%.

Установлено также, что мозг таких народностей, как готтентоты, отличается от мозга европейцев тем, что у готтентотов поверхность лобной доли существенно меньше, чем у европейцев.

В наших случаях лобная доля, как мы выше видели, особенно богата складчатостью и, как мы сейчас увидим, левая доля значительно по размерам превосходит правую.

Например, в головном мозгу *А. Кожеевников* расстояние от лобного до затылочного полюса по краю *fis pallii* равно для правого полушария 29 сантим., расстояние от лобного полюса до роландовой борозды при том же измерении равняется 16,5 сантим.; таким образом, на долю лобной доли приходится 56,8% протяжения; для левого полушария те же расстояния равны 30 сантим. и 17,5 сантим., т. е. левая лобная доля занимает 58,3% протяжения в общем левая лобная доля в % отношении превосходит правую своей протяженностью на 1,5%.

У *Корсакова* в отношении правого полушария мы получим: расстояние от лобного затылочного полюса по *fis pallii* равняется 27 сантим., расстояние от лобного полюса до роландовой б. по тому же краю равно 15 сантим.; на долю правой лобной доли приходится 55,5%; для левого полушария те же расстояния равны 28 сантим. и 16 сантим.; на долю левой лобной доли приходится 57,1% протяжения; левая лобная доля превосходит правую на 1,6% протяжения.

У *Бахметьева* в отношении правого полушария мы имеем: расстояние от лобного до затылочного полюса 27 сантим., расстояние от лобного полюса до роландовой борозды 16 сантим., на долю правой лобной доли приходится 59,2% протяжения; для левого полушария: первое расстояние равно 28 сантим., второе—17 сантим., таким образом на долю левой лобной доли приходится 60,7% протяжения; в общем левая лобная доля превосходит правую в отношении протяжения на 1,5%.

Во всех трех случаях мы имеем значительную пространственную протяженность лобной доли, при чем левая из них превосходит правую на 1,5—1,6% протяжения.

О значении лобных долей мозга в нервно-психической жизни человека существует обширная литература. Назовем Flechsig'a, Bolton'a, Goltz'a, Munk'a, Wernicke, Edinger'a, Monakow'a, Бехтерева, Хорошко и многие другие; в последнее время вышли работы О. Foerster'a, Feuchtwanger'a и др.

В нашу задачу не входит разбор теорий о функциях лобных долей; отметим только самый факт, который является весьма знаменательным—лобная доля в наших случаях представляется необычайно развитой, что, разумеется, говорит за весьма важную роль лобных долей в продуктивном творчестве высоко одаренной личности.

Таким образом, развитие плаща нарастает от низко стоящих позвоночных до высших; среди человечества развитие плаща нарастает от низко стоящих в культурном отношении народностей до европейцев; среди высоко одаренных европейцев также следует констатировать необычно осложненную архитектуру головного мозга по сравнению с тем, что встречается в повседневной секционной практике.

Исследования последних лет, например Van't Hoog'у, Минковского позволяют признать за внутренним слоем зерен мозговой коры значение резервуара, готового для дальнейшей дифференциации по типу бывшего в течение филогенетического развития; по Van't Hoog'у надъядерные слои развиваются исключительно на счет внутреннего зернистого слоя.

520
Может быть, у высоко одаренной личности имеет место дальнейшая дифференциация внутреннего зернистого слоя, тем более, что в лобной (*regio granularis*) и в теменной (*regio postcentralis*) доле внутренний слой зерен так богато представлен.

Возможность дальнейшей корковой дифференциации становится вероятной с тех пор, как Каес доказал реальность увеличения до 40-летнего возраста горизонтальных корковых волокон. Остановимся теперь на тех случаях, когда, как указывает Савич на Либиха, вес мозга весит меньше средней величины.

Здесь, прежде всего, необходимо иметь в виду, что подобно тому, как не существует т. н. универсальной одаренности, так, конечно, трудно себе представить высоко одаренного человека, у которого весь плащ в равной мере, если так можно выразиться, был бы необычно сложен в своем развитии.

При изучении мозга Геккеля Маугер мог убедиться, между прочим, и в том, что *regio calcarina* оказалась чрезвычайно развитой; наружная поверхность затылочной доли также была богата бороздами; Haesckel был, прежде всего, т. н. Augenmensch, т. е. довольно тонкий наблюдатель.

Можно думать, что в тех случаях, когда вес мозга является ниже средней величины, мы имеем перед собой как бы очаговую гипертрофию отдельных корковых полей сообразно

индивидуальным особенностям склада той или другой одаренной личности, благодаря чему общий вес мозга и не превышает весовой величины.

Здесь уместно напомнить, что ряд авторов, в том числе *Зернов, Чернышев*, давно уже указали на невозможность заключать о прижизненной одаренности, исходя из одного весового признака мозга или одной его складчатости.

Наше заключение о необычайно осложненной архитектуре мозга в наших случаях основывается: во-первых, на весовом показателе, во-вторых, на складчатости мозга, в-третьих, на преимущественном развитии, главным образом, лобных долей мозга.

Последнее, на чем следует остановиться, это на корреляции центральной нервной системы с эндокринными железами, т. е. на т. н. гормоно-невральной корреляции.

Не вдаваясь в изложение истории вопроса о взаимоотношении между нервной системой и гормональным аппаратом, скажем лишь, что исследования последних лет, например, *А. Догеля, Biedl'a, Greving'a* и многих других, доказали существование в инкреторных органах своего рода «инкреторных» нервов, чем доказывается полная возможность нервного влияния не только на весь гормональный аппарат, но и самый механизм инкретции.

Нисколько не преуменьшая действительного значения эндокринной системы для центральной нервной системы, можно признать совершенно недоказанным, по крайней мере до настоящего дня, возможность проявления высшего творчества одаренной личности вне зависимости от развития головного мозга.

Если нам говорят, что «гистологическая архитектура мозга—это музыкальный инструмент, а гормоны—это тот артист, который на нем разыгрывает целые симфонии» (*Немилов*), то мы можем ответить на это так: как бы ни были хороши артисты, никакой симфонии они не разыграют, если музыкальный инструмент из рук вон плох,—в этом заранее можно быть уверенным.

Мы далеки от того, чтобы проблему взаимоотношения между величиной мозга и одаренностью считать решенной; дальнейшие исследования, надо надеяться, помогут объяснить эту корреляцию; имеющийся запас наблюдений все-таки позволяет предвидеть положительное решение проблемы в сторону признания определенной кардинальной значимости величины головного мозга для проявления разных степеней одаренности.

Выводы, которые, по нашему мнению, можно сделать,—следующие:

1) Данные сравнительной анатомии, антропологии указывают на постепенное прогрессивное развитие мозговой коры по мере перехода от низших позвоночных к высшим, от низших рас к европейцам.

2) Головной мозг выдающихся ученых отличается совокупностью признаков, не типичною для мозга средне-одаренного представителя той же народности.

3) Лобные доли, являясь необычайно развитыми у лиц с высокой одаренностью обуславливают собой возможность проявления выдающейся творческой деятельности.

4) Существующие до настоящего времени наблюдения позволяют предвидеть при разрешении проблемы взаимоотношения между величиной мозга и одаренностью признание принципиальной значимости величины головного мозга для проявления одаренности.

5) Фактические данные современной эндокринологии не отрицают принципиальной значимости величины головного мозга для проявления одаренности.

ПАТОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

О душевной болезни С. Есенина.

И. Б. Галант (Москва).

Алкоголизм у поэтов и литераторов до того обычное явление, так тесно связанное с жизнью богемы, представляя ак-бы самую существенную часть этой жизни, что никто в этих кругах не задумывается над алкоголизмом, и пьянство здесь такая же «нормальная» необходимость, как творческий гений. Когда по газетам распространилась весть о совершенном Сергеем Есениным ночью с 27 на 28 декабря 1925 г. в гостинице «Англетер» в Ленинграде самоубийстве (через повешение на трубе парового отопления), и авторы статей, посвященных памяти погибшего поэта, задавали себе временами вопрос о возможных причинах, побудивших несчастного поэта погубить свою жизнь, то они в общем отказывались от неблагоприятного труда найти «последнюю причину» самоубийства Есенина, хотя всем известно, что Есенин—отчаянейший алкоголик, и сам поэт воспевал свой алкоголизм, как будущего своего палача! Один только Авербах ¹⁾ осмелился упомянуть последствия алкоголя и горловую чахотку, как те осложнения, которые привели Есенина к концу. А между тем появившаяся недавно в печати посмертная поэма Сергея Есенина: «Черный человек» ²⁾ едва ли может еще кого-нибудь заставить сомневаться в том, что поэт страдал тяжелой душевной болезнью, сделавшею ему жизнь не в мочь:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен!
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То-ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
Толь как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

¹⁾ Леопольд Авербах. Памяти Есенина. «Известия» № 298 (2631). 31 декабря 1925 г.

²⁾ Есенин, С. Черный человек. «Новый мир». Книга первая.—Стр. 5-9 Москва, январь 1926 г.

Уже эти начальные стихи поэмы «Черный человек» говорят нам ясно о том, что поэт себя чувствует очень больным и что он готов видеть в алкоголе причину своей болезни.

А кому лучше, чем самому *Есенину*, знать, где кроется источник всех его несчастий, и кто виноват в появлении «пре-скверного гостя» — Черного человека?

Но что ж это за Черный человек? Кто он такой?

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица,
Ей на шее ноги
Маячить больше не в мочь.
Черный человек,
Черный, черный, —
Черный человек

На кровать ко мне садится.

Черный человек

Спать не дает мне всю ночь.

Черный человек

Водит пальцем по мерзкой книге,

И, гнусая надо мной,

Как над усопшим монахом,

Читает мне жизнь

Какого то прохвоста и забулдыги,

Нагоняя на душу тоску и страх.

Черный человек,

Черный, черный...

Душевная болезнь *Есенина* начинает яснее вырисовываться и определяться в тех строках, где он впервые знакомит нас с Черным человеком. *Есенин* страдает мучительной бессонницей, до того мучительной, что Черный человек говорит:

Я не видел, чтоб кто-нибудь

Из подлецов

Так ненужно и глупо

Страдал бессонницей.

В долгие мучительные часы бессонницы *Есенин* переживает ужасные минуты страха и тоски и страдает несказанно от угрызений совести. Его жизнь — «мерзкая книга», по которой водит пальцами Черный человек и читает про «прохвоста», «забулдыгу», «скандального поэта», «вора», «жулика», «авантюриста», который

Проживал в стране

Самых отвратительных

Гр мил и шарлатанов.

В декабре в той стране

Снег до дьявола чист;

И мятели заводят

Веселые прялки.
Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.
Был он изящен,
К тому же поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою.

В последних стихах мы безусловно имеем дело с сексуальным комплексом Есенина, с *амбивалентным* сексуальным комплексом, который волновал поэта то приятно, то неприятно («скверная девочка» — «милая») в одно и то же время почти. *Амбивалентность аффектов* — тяжелый психопатологический симптом, встречающийся чаще всего у больных ранним слабоумием (*dementia praecox*, шизофрения), но встречается он, конечно, и при других душевных болезнях.

525

До чего амбивалентный, сексуальный комплекс глубоко засел в душе Есенина и отчаянно его мучил, можно заключить по тому обстоятельству, что в этой же поэме Есенин вторично останагливается на нем:

Не знаю, не помню,
В одном селе, —
Может, в Калуге,
А может в Рязани, —
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...
И вот стал он взрослым,
К тому же — поэт,
Хоть с небольшой
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою.

Этот раз поэт не вытерпел сказа **Черного человека:**

— Чорный человек!
Ты — прескверный гость!
Эта слава давно
Про тебя разносится.

Я взбешен, раз'ярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

Этот «Черный человек» есть ни что иное, как галлюцинация поэта, столь характерная алкогольная галлюцинация. Обычно алкоголики, допившись до белой горячки, видят черных кошек и других черных мелких животных (мышей, пауков и т. д.), а Есенин видит черного человека, в которого он воплощает потом (отчасти!) в поэме самого себя, и этот Черный человек мучит и терзает Есенина угрызениями совести и другими слуховыми галлюцинациями, лишая его совершенно сна.

И если Черный человек пытается внушить Есенину примирение с жизнью, то поэт гордо и повелительно отвечает отказом:

В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах,
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым
Самое высшее в мире искусство.
— Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай.

Поэма «Черный человек» дает нам, таким образом, ясную типичную картину *алкогольного психоза*, которым страдал Есенин. Это типичный алкогольный бред с зрительными и слуховыми галлюцинациями, с тяжелыми состояниями страха и тоски, с мучительной бессонницей, с тяжелыми угрызениями совести и влечением к самоубийству. Этот тяжелый алкогольный психоз и повел Есенина к тому самоубийству, которым он закончил 28 декабря 1925 г. свою печальную жизнь несчастного поэта.

Что касается самого творчества Есенина, то критика видит в этом творчестве образец величественной лирической поэзии, а Авербах (1 с.) говорит о Есенине, как о «величайшем лирике нашей современности». Если все это верно, и если верно то, что говорит Литовский*): «Что бы Есенин ни писал, он прежде всего лирик», то мы можем смело сказать, что Есенин—вели-

*) О. Литовский, «Памяти Сергея Есенина» — «Наша газета» № 1. 1926 г.

чайший лирик пьянства, и вряд ли мы найдем в мировой литературе такую пьяную лирику, которую можно было бы сопоставить с Есенинской.

Мы имеем прежде всего в виду книжку стихотворений Есенина, озаглавленную: «Москва Кабацкая» (Ленинград 1924 г. стр. 43).

В этой «Москве Кабацкой» отражается та своеобразная психика алкоголика, которая характеризуется явлениями, имеющими в основе притупление эмоционально-волевой сферы.

Прежде всего бросается в глаза столь характерный цинизм алкоголиков. Притупление чувства стыда, притупление элементарных чувств «благопристойности», растармашивают алкоголика к цинизму слов и поступков.

Притупление этического чувства вызывает у него поступки, которые доводят его до звероподобных состояний разнузданности диких инстинктов. Все эти состояния делают его в большей или меньшей степени антисоциальным.

Есенин в этой «Москве Кабацкой» отражает свою психику, где поэтическое творчество тесно переплетается с алкогольным цинизмом и с типичной разнузданностью эмоционально-волевой сферы алкоголика.

Поражает нас у Есенина особенно тот пробуждающийся зверский инстинкт совершать преступления, который отмечается часто у пьяниц, и который П. С. Коган¹⁾, отмечая его у Есенина, почему-то обозначает «буйственной Русью», «бушевавшей в его (Есенина) душе». При виде людей в кандалах Есенин лелеет мечту, что и сам он зарежет человека и чувствует, что «сам он разбойник и хам и по крови степной конокрад». «Москву Кабацкую» Есенин начинает следующим четверостишием:

Все живое особой мечтой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То наверно был мошенник и вор.

Под влиянием алкоголя Есенин теряет всякий стыд, теряет все истинно человеческие чувства, делается даже антисоциальным и говорит обо всем этом самым разнузданным языком алкоголика:

Не ругайтесь. Такое дело!
Не торговец я на слова,
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.
Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же смог я ее донести?
Брошу все. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

¹⁾ П. С. Коган, Есенин «Вечерняя Москва» № 298 (608) 31 декабря 1925 года.

Позабуду поэмы и книги,
 Перекину за плечи суму,
 Оттого, что в полях забулдыге
 Ветер больше поет, чем кому.

Провоняю я редькой и луком
 И, тревожа вечернюю гладь,
 Буду громко сморкаться в руку
 И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи,
 Лишь забыться и слушать пургу,
 Оттого, что без этих чудачеств
 Я прожить на земле не могу.

Такая потребность «дурака валять» и демонстрировать свои цинические поступки может позволить себе только алко-голик—«Оттого, что без этих чудачеств я прожить на земле не могу»—признается Есенин.

Притупление чувств у Есенина доходит до того, что он не питает ни к кому больше чувств любви, не чувствует себя ни с кем и ни с чем связанным. Пробуждается антисоциальный инстинкт босяка-бродяги, находящего удовлетворение в одном только цинизме слов, поступков, образа жизни. А между тем это только вступительные стихи к «Москве Кабацкой»!

В тех же вступительных стихах, в «Волчьей гибели», преследуют Есенина кровавые миражи:

Мир таинственный, мир мой древний,
 Ты, как ветер, затих и присел.
 Вот сдавили за шею деревню
 Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
 Зметалась звенящая жуть.
 Здравствуй ты, моя черная гибель,
 Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город! Ты в схватке жестокой
 Окрестил нас, как падаль и мразь.
 Стынет поле в тоске волоокой,
 Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи
 И легка ей чугунная гать.
 Ну, да что же! Ведь нам не впервые
 И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче-колко,
 Это песня звериных прав,
 Так охотники травят волка,
 Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногова недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром отдаешься ножу.
Как и ты, я, отовсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты, я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зареюсь в снегу...
Все же песнь отмщенья за гибель
Пропеют мне на том берегу.

Известно, что у *Есенина* никогда врагов не было, а тем паче «железных врагов». *Эммануил Герман*¹⁾ пишет: «Жизнь *Есенина* материала для трагедии не давала. Ему везло. Любимый, рано признанный, он легко, как свое тело, нес тяжелеющую с каждым днем славу». Но пропитанная алкоголем фантазия *Есенина* видит везде и всюду смерть, кровь, а звериный инстинкт, всхлеснутый волнами алкоголя, требует кровавой мести.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
поет *Есенин*, влюбившись в ярого, раздирающего клыками на части «двуногова недруга», волка.

Единственные реальные «враги», про которых *Есенин* может повествовать—это московская милиция.

Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке,
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали.

В Тигулевке.

Благодарю за дружбу граждан сих,
Но очень жестко
Спать там на скамейке,
И пьяным голосом
Читать какой-то стих
О клеточной судьбе
Несчастной канарейки.

¹⁾ *Герман*, «Сережа» «Вечерняя Москва» № 298. 31/XII—25 г.

Я вам не кенар!
 Я поэт!
 И не чета каким-то там Демьянам.
 Пускай бываю иногда я пьяным,
 Зато в глазах моих
 Прозрений дивный свет¹⁾.

Московская милиция наверно не грозила смертью Есенину и дала ему, как мы видим, только повод вскружить себе голову поэтической спесью. А между тем «Москва Кабацкая» вся усеяна поражающим обилием поэтических образов и метафор, имеющих своим содержанием смерть, кровь, убийство, истязание и т. д. «Деревню славил за шею каменные руки шоссе», «поле давится телеграфными столбами», «черная гибель ходит навстречу», «вся душа в крови», «падаль и мразь», «скелеты домов» и смерть, смерть, смерть, всюду и везде смерть! Эта черная маска смерти, натянутая на «Москву Кабацкую», украшенная красными пятнами крови и чудовищными муками гиены, разве это не те ужасные кошмары, переживаемые больными хроническим алкоголизмом? Кошмары эти принимают временами характер устрашающих видений.

Сторона-ль ты моя, сторона.
 Дождевое осеннее олово!
 В черной луже продрогший фонарь
 Отражает безгубую голову.

Нет, уж лучше мне не смотреть,
 Чтобы вдруг не увидеть хужева.
 Я на всю эту ржавую мреть
 Буду щурить глаза и суживать.

'Так немного теплей и безбольней.
 Посмотри: меж скелетов домов,
 Словно мельник, несет колокольня
 Медные мешки колоколов.

Если голоден ты—будешь сытым,
 Коль несчастен,—то весел и рад.
 Только лишь не гляди открыто,
 Мой земной неизвестный брат.

Как подумал я, так и сделал,
 Но увы! все одно и то-ж.
 Видно слишком привыкло тело
 Ощущать эту стужу и дрожь.

¹⁾ „Стансы“ в книжке стихов: „Страна советская“.— Изд. „Советский Кавказ“ Тифлис. 1925. Стр. 48.

Ну, да что же! Ведь много прочих,
Не один я в миру живой.
А фонарь то мигнет, то захохочет
Безгубой своей головой.

Только сердце под ветхой одеждой
Шепчет мне, посетившему твердь:
— Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть.

Это все «стихи—как вступление к Москве Кабацкой». Но
вот и сама Москва Кабацкая:

Я московский озорный гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин,
В глупой страсти сердце жить не в силе.
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золота овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану;
Прояснилась омут в сердце мгlistом,
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

Прослыл *Есенин* скандалистом просто потому, что он, напившись, действительно поднимал невозможные скандалы, и московская милиция не была в силах, принимая, видно, во внимание, что имеет дело «с величайшим лириком нашей современности», укрощать «великого алкоголика». Дошло дело до того, что *Есенин* из-за своих скандалов должен был предстать перед судом товарищей-литераторов, которые ничего другого предложить ему не могли, как отправиться в психиатрическую больницу лечиться. Из психиатрической больницы *Есенин* бежал и—повесился.

Если пренебречь некоторыми нецензурностями языка в вышеприведенных стихах—(знакомый нам алкогольный цинизм

поэта), — то остается еще удивляться поистине пьяной любви поэта к зверям и всякого рода скоту. Не удостоивая людей своей дружбы, Есенин проникается такой любовью к зверям, что допускает фантазию: будто бы случайно встречающийся ему по дороге скот раскланивается с ним, звери читают его стихи (!), и каждый стих его лечит душу зверя (!), и хочет поэт кормить кобылу из своего цилиндра и подарить свои галстуки первому встречному кобелю.

Эта больная любовь поэта к зверям и связанные с нею больные его фантазии имеют, впрочем, свой корень в здоровой врожденной психической натуре Есенина. Известно, что крестьяне преданно любят свой скот, часто преданнее, чем жену и детей. Как настоящий «мужик», Сергей Есенин в этом отношении не делал исключения, любил он до самозабвения скот и строго выполнил напутствие дедушки на поэтическое его поприще.

И помню дед мне

С грустью говорил:

«Пустое дело...

Ну, а если тянет — пиши про рожь,

Но больше про кобыл»¹).

Необыкновенная, психологически понятная нам любовь Есенина к скоту и зверям наложила особую печать на все его творчество, в котором Есенин особенно часто прибегает к художественным метафорам, в которых скот олицетворяет различные стихии и явления природы:

Тучи с ожереба

Ржут, как сто кобыл.

Плещет надо мною

Пламя красных крыл.

Небо, словно вымя,

Звезды, как сосцы.

Пухнет божье имя

В животе овцы.

Верю: завтра рано,

Чуть забрезжит свет,

Новый под туманом

Вспыхнет Назарет.

Новое восславят

Рождество поля,

И, как пес, пролает

За горой заря²).

¹ Есенин «Персидские мотивы». *Мой путь*. Стр. 33. изд. «Современная Россия». Москва

² Есенин С. «О России и революции». *Тучи с ожереба*. Стр. 33. Изд. «Современная Россия». Москва 1925 г.

или:

Тучи—как озера,
Месяц—рыжий гусь.
Пляшет перед взором
Буйственная Русь)

или:

И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка ²⁾

и т. д.

Эти, сами по себе эксцентричные поэтические образы красноречиво говорят нам о «*мужицкой зоофилии*» Есенина, которая, насколько она является естественным, хотя и немного утрированным явлением, может оправдать временами отгаликивающие, зоофильные метафоры его поэзии. Но зоофилия, как глубоко засевшая, основная черта психического образа Есенина, не только не оставляет его в пьяных его состояниях, но, понятным образом, как всякий основной инстинкт, *всхлещивается* алкоголем, усиливается, выплывая наружу, и принимает *выраженные патологические* черты. Вот как объясняются психопатологически те пьяные зоофильные фантазии, которые встречаются в «*Москве Кабацкой*» и нами выше цитированы.

Куда пьяный Есенин, раскланивающийся по дороге со скогом, направляет свои шаги, не трудно догадаться: в кабак.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... Чорт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь, напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
— Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть знать судил мне бог.

¹⁾ Ibid. *Тучи—как озера*. Стр. 21.

²⁾ Ibid. *Не напрасно дули ветры*. Стр. 26.

Пророчество *Есенина* о неминуемой своей близкой гибели и о пьяной смерти на улицах Москвы не имеет ничего невероятного, ибо поэт все пьет, да пьет, пьет запоем в самой губительной, пропитанной моральной и физической мертвячиной атмосфере:

Снова пьют здесь, дерутся и плачут,
Под гармоники желтую грусть
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.

И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.

Что-то всеми на веки утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвячиной
Над пропащею этой гульбой?

Что то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах,
Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.

Где ж вы те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис лечит,
Что в киргизских степях получил.

Нет, таких не подмять, не рассеять—
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты Рас...сея моя... Рас...сея,
Азиатская... сторона...

И пьяная кабацкая песня не могла, конечно, не отразиться в «Москве Кабацкой». В ней звучит губительный азиатский фатализм и безнадежное отчаяние.

Но вдруг—луч надежды пробивает это непроглядное отчаяние. Поэт ищет спасения в любви к женщине, будь это и «любовь хулигана»:

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз златокарий омут,
И, чтоб прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих, цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой,
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Мы видим, *Есенин* верит в целительную силу любви женщины, и думает он, что для любимой женщины он мог бы оставить пьянство, кабак. Женщина, в которую он влюбляется—

... такая ж простая как все,
Как сто тысяч других в России—
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

Очевидно, это самая обыкновенная проститутка, ибо *Есенин* продолжает писать о любимой женщине:

535

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего
Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не берег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы
Так и грустить о них не надо.

Можно ли ожидать от подобного рода любви, что она спасет *Есенина* от кабака? Ведь это ж большая любовь алкоголика к проститутке, любовь, порожденная алкоголизмом же и отцветающая прежде, чем она успела «расцвести»!

И любовь не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы, как жечь.
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвести.

Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть—не беда!
Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.

Вот как мимолетна и как не глубока любовь, порожденная алкоголем. И что ж тут удивительного! Любовь проститутки — «жечь», чувства, не умеющие расцвести, любовь алкоголика — «чувства перезрелые» — и где ж тут может процветать та душеспасительная любовь, за которую *Есенин* ухватился, как утопающий за соломенку?!

Все же поэт продолжает свою любовь:

Позабуду я мрачные силы
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла бывшая
Наша жизнь, что былой не была...
Голова-ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

Дошел наш поэт до того, что сам удивляется, до чего довела его голова его «удалая»! Та незабвенная, чуть ли не «вечная» любовь, про которую он будет рассказывать другой любимой, оказывается «жизнью, что былой не была»! «Любовь хулигана» или попросту говоря *пьяная любовь*, как все другие кошмары, видения и переживания алкоголика, имеет в себе очень мало действительно реального: вздувают эту любовь одни только пары алкоголя, и испаряется она еще прежде, чем успел испариться, вызвавший ее в жизнь алкоголь.

Любовь была, таким образом, менее всего способна спасти *Есенина* от кабака и запоя. Да и вообще вряд ли что могло спасти его от этих зол. Вся беда в том, что *Есенин*, как он

пишет в одном своем письме к другу своему, поэту *Анатолию Мариенгофу*¹⁾, любил себя «даже пьяным со всеми своими скандалами»—это значит ни более ни менее как то, что *Есенин* ни за что не хотел и не мог расстаться с пьянством.

Такое же стихийное пьянство, как пьянство *Есенина*, неминуемо должно было повести скоро к окончательной развязке, так же скоро, как ко всемирной его известности:

И известность моя не хуже,
От Москвы по парижскую рвань,
Мое имя наводит ужас
Как заборная, громкая брань.

Сильный упадок психической энергии повлек за собой упадок жизненной энергии *Есенина*, ибо эта последняя имела свой источник в творческих силах поэта. Без творческого гения жизнь теряла для *Есенина* всякий смысл. А между тем алкоголь до того затуманил ум *Есенина*, что он не чувствовал себя более способным усвоить пять страниц из «Капитала». Вот какую картину он рисует в «Метели», последнем стихотворении «Страны Советской».

Себя усопшего
В гробу я вижу,
Под аллилуйные
Стенанья дьячка
Я веки мертвому себе
Спускаю ниже,
Кладя на них
Два медных пяточка.
На эти деньги,
С мертвых глаз,
Могильщику теплее станет.
Меня зарыв,
Он тот-же час
Себя сивухой остаканит
И скажет громко:
— Вот чудак!
Он в жизни
Буйствовал не мало...
Но одолеть не мог никак
Пяти страниц
Из «Капитала».

И мог *Есенин* примириться с этой своею умственной тупостью, в то время как он стремился «догнать стальную рать» и сделаться самым первым или одним из первых героев со-

---

¹⁾ Напечатано в „Гостиница для путешественников в прекрасном“, Русский журнал № 1. Ноябрь. Москва 1922. Издательство „Вольница“, Редактор: Н. Савкин.

временности? И разве не чувствовал *Есенин*, что ему, при невозможности оставить пьянство, грозит полная гибель, как человеку, поэту и мыслителю?

Предсмертные стихи *Есенина*, написанные им собственной своей кровью, следующие:

До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди:
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой,
Без руки и слова.
Не грусти и не печаль бровей,
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Очевидно, *Есенин* ценил жизнь лишь постольку, поскольку она давала возможность творить новое, небывалое. Не чувствуя в себе больше подобного рода творческих сил и не питая надежды приобрести их, он решил уйти из жизни и мужественно привел это свое решение в исполнение.

Подводя итоги ко всему тому, что нами было сказано о *Есенине*, мы приходим к окончательному заключению, что *Есенин* был не только душевно-больной человек, но и душевно-больной поэт и, вероятнее всего, что поэт наш наложил на себя руки в припадке заострившегося своего психоза. В моей статье: «О суицидомании Максима Горького»¹⁾ я прихожу к тому же заключению, что вероятнее всего допустить, что каждый самоубийца душевно-больной человек, и совершает он самоубийство в пароксизмальном приступе болезни. В случае *Есенина* мы менее всего имеем основание сомневаться в правильности этого взгляда, так как все данные говорят за то, что в последние дни своей жизни он переживал тяжелый душевный кризис и находился, если не в состоянии тяжелого умопомешательства, то в таком сильного умопомрачения.

Перед отъездом из Москвы в Ленинград *Есенин* посетил одного из самых близких своих друзей, поэта *А. Мариенгофа*. Здесь *Есенин* дал волю тем мрачным думам и чувствам, которые владели всем его существом, и мало производил впечатление человека, собирающегося предпринять серьезный литературный труд, чем *Есенин* мотивировал свою поездку в Ленинград. Очевидно, *Есенин* переживал тяжелое депрессивное состояние, которое мы не были бы прочь привести в связь с алкоголизмом поэта.

¹⁾ *Галант И. Б.* О суицидомании М. Горького. Клинич. Архив гениальности и одаренности. Т. 1, выпуск 3. 1925.

Я склонен думать, что самые глубокие корни самоубийства *Есенина* можно найти в одном только хроническом его алкоголизме. Известно, что самоубийство при некоторых алкогольных психозах вещь обычная, и особенно часто мы встречаемся с идеями самоубийства при алкогольном галлюцинозе (Alkoholhaluzinose) или алкогольном бреде пьяниц (Alkoholwahnsinn der Säufer). Пьяницы, страдающие алкогольным бредом, переживают часто, между прочим, тяжелые состояния страха, тяжелые депрессивные состояния и непреодолимое времями влечение к самоубийству и нуждаются поэтому в особенно строгом надзоре. При первом удобном случае алкоголики эти кончают самоубийством.

Хронический алкоголизм *Есенина* принимал время от времени устрашающие формы, и спился *Есенин* до форменного алкогольного психоза. Лечение в психиатрической больнице оказалось, очевидно, мало успешным, ибо мы видим через некоторое время *Есенина*, вышедшего из психиатрической клиники, страдающим тяжелой депрессией. Есть основание думать, что депрессия эта представляла собой выражение того алкогольного психоза, которым страдал *Есенин* и который, очевидно, очень близко стоял к одной из форм алкогольного бреда с идеями самоубийства. Не находясь под надлежащим надзором, *Есенин* не противостоял болезненному влечению и повесился.

Что касается психологического кризиса *Есенина*, то он, как таковой, безусловно, существовал, но вряд ли он мог бы повести *Есенина* к самоубийству, если не страдал бы *Есенин* алкогольным психозом. Тот разлад, который существовал между *Есениным* поэтом и *Есениным* человеком и который был источником психологического кризиса *Есенина*, мог бы при благоприятных условиях легко улечься, ибо он мог бы с течением времени наверстать, как человек, то, что ему природа даровала, как поэту, и *Есенин* мог бы поднять себя, как человека, на тот уровень, на котором он стоял как поэт. Алкоголизм стоял на пути к достижению такой душевной гармонии, и мы наблюдаем у *Есенина* распад, расщепление личности. Это расщепление личности *Есенина* имеет лишь очень отдаленное сходство с шизофреническим расщеплением личности и по существу с этим последним не идентично. При Dementia praecox (шизофрения), мы имеем распад личности в связи с расщеплением основных функций психики. Нарушение правильного хода ассоциативных процессов (диссоциация), расщепление и оупение аффективной жизни с явлениями амбиваленции и «аффективного слабоумия» (affektive Verblödung), аутизм, «потеря функции реального» и т. д. превращают шизофреника в «двуликого Януса», который может одновременно переживать два несовместимых переживания (печаль-радость, плач-смех), два различных мира, чувствовать себя «двойным человеком», т. е. человеком, в котором живут два как-бы самостоятельных начала, неладящих между собой и все же амаль-

гамирующихся и сливающихся в одно!—При такого рода переживаниях, где шизофреник перестает понимать себя и чувствует себя чужим самому себе, где он видит себя осужденным на пассивность, не будучи в состоянии завоевать утраченную цельность душевной своей жизни, совершается медленный процесс разрушения личности с исходом в слабоумие.

«Расщепление» же *Есенина* состоит, как мы уже сказали, в разладе между Есениным—человеком и Есениным—поэтом, разлад, который под влиянием алкоголя делается все безнадежнее, и видит Есенин, что никогда ему не достичь желанной гармонии между поэтом и человеком Есениным. Величие поэта страдает несказанно от унижительной посредственности человека Есенина, и к ужасу своему Есенин временами, как тот шизофреник, замечает, что нелзящие между собой два начала (у *Есенина*—поэт и человек) амальгамируются в одно, а именно так, что величие поэта теряется в оскорбляющей низости человека. Эту «гармонию» *Есенин* менее всего в состоянии перенести и, будучи совершенно беспомощным в своем стремлении к гармонии величия, *Есенин* заливает свое горе вином. Получается тот *circulus viciosus*, тот заколдованный круг, который ведет к алкогольному психозу и к ранней окончательной гибели ударом от своей собственной руки.

«К патографии Скрябина».

Приват-доцента д-ра Н. А. Юрмана.

Появившиеся в конце 1925 года в виде отдельной книги «Воспоминания о Скрябине» Л. Сабанеева дают много новых ценных данных для выявления патологического облика А. Н. Скрябина в добавление к тому, что мною было уже сделано в работе о Скрябине, помещенной в 3-м выпуске «Клинического Архива гениальности и одаренности» 1925 года.

Воспоминания, как на это указывает их автор, охватывают, главным образом, 5 последних лет жизни композитора, в течение которых автор «Воспоминаний» был особенно близок к композитору, был почти ежедневным посетителем Скрябинского кружка, но они касаются также и предшествующих годов. Интересно, что автор уже в предисловии к «Воспоминаниям» указывает, что он лично «весьма» склонен Скрябина считать вполне здоровым психически, но хронически пребывавшим в состоянии этой «опьяненности» своими собственными мыслями, и умышленно, нарочно, сознательно поддерживавшим в себе этот наркоз настолько, что когда он ослабевал, то он сам принимал искусственные меры к его восстановлению».

Эту замену научного понятия психоза неопределенным понятием «опьяненности своими собственными мыслями» автор мотивирует тем, что если «очень «объективно» признать Скрябина просто ненормальным», то это «поставило бы под некоторый вопрос и все его творчество». Такого рода опасения автора, конечно, в значительной мере способствовали и мнения тех психиатров, с которыми Сабанееву пришлось беседовать по поводу личности и творчества Скрябина, так как для них все «было слишком просто и решлось в нескольких жестких формулах». Вот эти мнения: «Ваш Скрябин, мой дорогой—просто сошел с ума», говорил мне один профессор, и он даже назвал имя этой психической болезни, которая сопровождается «мегаломаническими идеями». Многие не понимали, почему это мы так много и долго возмемся с этими его бредовыми идеями, стараемся в них что то разгадать, что то расшифровать. «Правда не стоит труда, у нас в клинике есть больные, у которых еще позатейливее идеи найдутся», говорил автору покойный профессор В. Сербский. «Если ломать мозги будете, сами с ума сойдете», наставительно закончил он... Мы «знаем,

541

что в настоящее время вопрос о соотношении между творчеством и душевной болезнью в психиатрии рассматривается не так просто и признание наличия у творческой личности душевного расстройства в той или иной степени еще не дает повода для отрицательного отношения к его творчеству. Еще до сближения со Скрябиным автору сообщали, что «у Скрябина «прогрессивный паралич и что он сходит с ума», «страшные легенды» о Скрябине, как это ни странно, но определенно мешали его признанию—они своею странностью как бы выдавали ему плохой «психиатрический» аттестат, и тем клали какую то тень и на его творчество». И в данном случае сам Скрябин в вопросе о значении душевного расстройства для творчества интуитивно был на более верном пути, так как, по словам Сабанеева, «для самого Скрябина все эти опасения и аргументы не существовали. Для него самое слово безумие было не ужасным, а едва ли не желательным. Он откровенно звал к безумию, к сгоранию в каком то огне...» Относительно наркоза вином Скрябин говорил: «когда то мне это бывало нужно при сочинении, но сейчас мне это уже не нужно. Когда я писал Третью симфонию, у меня на рояли стояла бутылка коньяку, а теперь никогда ничего не стоит, как видите. Но все-таки, иногда нужно бывает опьянение, чтобы преодолеть какие то психические грани...» Как знаменательно в смысле наших современных воззрений на соотношение между душевным расстройством и творчеством это указание на необходимость опьянения для преодоления «каких то психических граней». В другой раз Скрябин говорит: «Тогда мне нужно было это возбуждение внешнее, физиологическое..., а теперь я в нем не нуждаюсь, потому что у меня иные способы постоянного возбуждения. Я теперь преодолел все это — это не аскетизм, а преодоление. У меня теперь постоянная опьяненность, но не грубая, не физиологическая». По словам Сабанеева «Скрябин все время имел вид как бы немного захмелевшего, в его глазах была какая то вакхическая поволока, словно затуманение взора... И сам он это знал и чувствовал, и ценил это в себе, называя это «опьяненностью» своей. Интересно с нашей точки зрения то объяснение, которое дает Сабанеев этой «опьяненности». Он спрашивает «не вправду ли был он несколько как бы подхмелев, не вином, а какой то иной сущностью, но которая в итоге также нарушала логические умозрения, также парализовала земной здравый смысл, также вела к какому то обнажению психики, к проявлению во вне таких идей, которые в нормальном сознании пробегают только на заднем плане сознания, как кошмарные призраки, как нечто иррациональное и чуждое...» Сам Сабанеев, считая в предисловии Скрябина психически здоровым, в дальнейшем уклоняется от определения психики Скрябина только как состояния «опьяненности». Описывая фантастические мечты Скрябина о Мистерии — «Последнем празднике человечества», он прямо заявляет: «да — это был

безумец». Сабанеева в Скрябине «раздражало именно то, что он больше ценил в своих мыслях, — эта страшная, болезненная, психопатическая оторванность от реального мира, та самая оторванность, которая нас всех почти, — друзей, заставляла с испугом спрашивать себя: «в чем дело? Кто в его лице с нами? Безумец, или человек, которого мы не понимаем?» «В глубине души» Сабанеев, «все-таки всегда считал, что тут дело не совсем ладно, и чрезмерное развитие этих иррационализмов в Скрябине всегда заставляло... думать о какой-то «области навязчивых идей» в его психике». «Неужели эта грандиозная «Мистерия» в итоге будет только материалом для психиатра?» спрашивает Сабанеев. В линии художественных настроений Скрябина Сабанеев замечал «устремление — с одной стороны — к схеме, с другой к разложению ритма на отдельные спазматические импульсы. Правда, великий гений его прикрывал до последних моментов эти качества красотами вдохновения, но чувствовалось в этом все-таки нечто от «больной психики» и схематичность и деритмизация, столь характерные для психопатологического творчества».

543

В «Воспоминаниях» подтверждается психический облик отца Скрябина как «мало даровитого человека, упрямого и крутого деспота и даже самодура». Сам Скрябин, несмотря на противоположность взглядов, воззрений с отцом, считал себя очень похожим на него «не только наружностью, но и нравом, и характером и вкусами». «И его упрямство у меня обратилось в известную твердость характера. Я тоже, когда уже раз что решу, так сделаю, что там ни произойди» говорил Скрябин. Интересен тот резкий перелом в образе жизни Скрябина, который произошел, повидимому, под влиянием его второй жены Т. Ф. Шлецер и который ярко обрисован в «Воспоминаниях». «Новая жизнь начиналась с «эпохи Татьяны Федоровны» — раньше же было что-то иное, враждебное и нелепое...» «Раньше я нуждался в этих внешних возбуждениях», сознался однажды Скрябин Сабанееву, «я ведь тогда очень беловую жизнь вел... Мы сживали с Васильем Ильичем (Сафоновым) в Эрмитаже до утра, вы знаете, нас запирали там официанты на ночь и уходили, чтобы утром опять отпереть». Сам Сафонов, уже после смерти Скрябина, говорил Сабанееву: «Ведь Саша же пил тогда много. Ему спьяну и Мистерия сочинилась. Он так пил, что на всю жизнь опьянел...» Старые ученики и приятели А. Н. единогласно утверждали, что раньше он был «совсем наоборот», что не было более увлекающегося и «воспалющегося» человека, что он не мог сидеть вообще равнодушно около особы женского пола, и что были у него похождения и менее безвредные и очень многочисленные». Хотя автор «Воспоминаний» и не решает определенного вопроса о том, — «угасло ли все это сейчас само собою, или было вытеснено мягкой, но властной рукой Т. Ф.», тем не менее сам же на той же странице заявляет, что «сильна ее держава» была,

что «она не любила женщин и стремилась всеми мерами уменьшить их количество в своем и А. Н. кругу». За время знакомства с Сабанеевым «не менее двадцати представительниц прекрасного пола получили «отставку» от дома. Им дано было понять, что без них тут лучше себя чувствуют». Но с другой стороны следует предполагать, что в этом отношении произошло что то и в самом Скрябине, помимо влияния Т. Ф. За все время знакомства и близкой дружбы со Скрябиным Сабанеев «ни разу не видел его ни «ухаживающим» за кем бы то ни было, даже наедине, в товарищеской обстановке, говорящим чтонибудь такое, из чего можно было бы заключить о наличии у него этих эмоций. Он был всегда с дамами почтителен, в высшей степени корректно-джентльменски себя вел, но никогда ничего подобного на пробуждение «интереса» у него Сабанеев не заметил. «Этот несомненно очень чувственный и страстный человек, про которого Сафонов некогда писал в своем «акrostихе»:

Бурной жизни треволненья
Испытав как человек...

который вел действительно очень рискованный образ жизни раньше, — теперь был полным домоседом» и «за все время жизни с Т. Ф. Скрябин ни разу уже не увлекся по настоящему никем...»

Интересен взгляд самого Скрябина на соотношение между творчеством и эротикой. «Я давно уже убедился, что творческий акт теснейшим образом связан с эротикой», говорил он автору «Воспоминаний». «Я определенно знаю и по себе, что творческое возбуждение имеет даже все физиологические признаки сексуального возбуждения... И заметьте, как связано творчество художника с этой сферой: как только слабеет судожник в этой сфере, так слабеет он и в творчестве, максимумы творчества — максимумы эротизма... Например у Вагнера — этот максимум падает на «Тристана и Изольду», а «Парсифаль» — уже явный упадок, старчество... Нельзя при этом не заметить, что связь между творчеством и эротикой, повидимому, более сложная и если не всегда, то во многих случаях, творчество является сублимацией сексуального чувства и именно «Тристан и Изольда» в этом отношении — является блестящим примером. «Тристан и Изольда», как известно явились результатом того глубокого чувства, которое питал Вагнер к Матильде Везендонк и которому не суждено было вылиться в более близкие отношения. Можно, конечно, только предполагать, что и у Скрябина эротизм физиологический, проявлявшийся у него так ярко в более молодые годы, сублимировался в эротизм творческий после появления на сцене его жизни Т. Ф. Шлецер, которая так ревниво оберегала его от всяких посторонних увлечений и человека, который вел очень рискованный образ жизни раньше, превратила в «полного домоседа». Характер чувства,

---

которое питал Скрябин к Т. Ф., определяют следующие его слова: «Ведь я по настоящему любил одну только Марусю, но за то Т. Ф. умеет лучше меня держать в руках». И как результат этой сублимации и получилось, что «настоящий Скрябин начинался в его представлении только с «Мистерии», только с той эпохи, когда эта идея стала его целью, — а раньше было что то иное, подготовительное и предварительное; новая же жизнь начиналась с «эпохи Татьяны Федоровны».

Что произведения этой эпохи были насквозь пропитаны сексуальностью, заключали в себе «бездну эротизма», показывают многие страницы «Воспоминаний». Привожу наиболее яркие в этом отношении слова самого Скрябина: «ведь Мистерия это акт эротический, акт любви. Вот как любовь между мужчиной и женщиной оканчивается актом излияния семени — так и в Мистерии... и вот это (он наиграл последние такты сонаты) — это есть излияние и затем то ослабление, которое всегда бывает, исчезновение в небытие, «ведь не надо думать, что в Мистерии будет, как у нас теперь... как это бывает. Наоборот, наш сексуальный акт есть ничто иное, как прообраз Мистерии, как тот же акт, но распылившийся в миллиардах отражений, в отдельных мелких поляриностях. В этом и есть материализационный процесс — все распыляется, все разбрызгами проникает мироздание, и поляриность эротического акта тоже распыляется, разбрызгивается. Не Мистерия будет подражать нашему «акту», а мы сейчас подражаем будущей Мистерии». К этому можно еще прибавить характеристику Скрябина, даваемую автором «Воспоминаний» — «страшным эротизмом, предельно обостренным и предельно утонченным была наполнена эта творческая индивидуальность. Эротизм был едва ли не самым характерным психологическим свойством Скрябина: вся его наружность свидетельствовала об этом, эти тонкие, истомленные черты лица, чувственная «ямочка» на подбородке, какая то истома в движениях, когда он им начинал придавать значение, опьяненный взор».

Все те патологические черты в характере Скрябина, на которые мною было указано в моей предшествующей о нем работе, находят себе яркое подтверждение и на страницах «Воспоминаний». Следующие строки обрисовывают его инфантилизм, детскость — и не смотря на свои сорок лет, был всегда очень молод внешним образом, очень подвижен и легко прыгал как юноша, даже как мальчик, и имел вообще вид несколько «легковесный». Он бывал «капризен» по детски, по детски боязлив перед обывательскими опасностями». Автор «Воспоминаний» приводит яркие примеры патологической мнительности Скрябина, боязни «всяких зараз и бактерий». Как характерна, например, эта боязнь есть сушки, упавшие с тарелки на скатерть. — «Раз она упала, уже ее нельзя есть. На скатерти могут быть бактерии, мы руки ведь кладем на скатерть... вообще мало ли что». Как пример резких колеба-

ний настроения можно указать на следующие слова Скрябина — «я испытываю такое счастье, что весь мир может утонуть и захлебнуться в нем... Иногда у меня такие приступы тоски и отчаяния, которые никто не в состоянии понять». Мазохизмом звучат слова Скрябина о том, что «всякое такое болезненное ощущение, всякую боль надо претворить в наслаждение. Ведь в этом же вся мистерия». Иллюстрацией Скрябинского аутизма могут служить следующие слова автора «Воспоминаний» — «с некоторой боязнью я прикасался к внутреннему миру Скрябина — он пугал меня своей оторванностью от обыкновенного, естественного мышления. Чем ближе было соприкоснуться с этим миром, тем яснее была эта оторванность. Иногда думалось, что действительно А. Н. воспринимал мир как призраки, как ряды сновидений, что для него реальность сна и яви была почти тождественна, — что он жил не в действительном мире, а в фантастическом, в котором без натяжки можно было предположить, что он созидает этот мир». Для обрисовки психики Скрябина интересен описываемый Сабаневым в «Воспоминаниях» спор Скрябина с Вяч. Ивановым о мессиях рас, о конечных мистериях. Во время спора Скрябин, правда из «деликатности» по отношению к себе, «в неопределенных тонах», Христа ставил в число простых, «будничных» мессий, «подготавливающих человечество к приятию настоящего, «праздничного» мессии, творца Мистерии, воссоединителя человечества с «мировым духом», место которого очевидно предназначал для себя. В этом отношении, в смысле выявления у Скрябина параноидного симптомокомплекса характерны и следующие слова, сказанные однажды Скрябиным Сабаневу: — «Вы не знаете, как тяжело», сказал он мне раз поздно вечером, когда я один остался у него: «как тяжело чувствовать на себе все бремя... он замялся — «все бремя мировой истории...» Наконец, следует упомянуть о словах Скрябина о том, что у него «ни разу не было ни обмороков, ни галлюцинаций», для появления которых «нужно известное истончение физического организма, иногда просто болезнь даже...» Очевидно, говоря об обмороках и галлюцинациях он не имел в виду те тяжелые нервные припадки, которыми он страдал и которые описывает в своих письмах к Беляеву тетка Скрябина, Л. А. Скрябина.

Помимо данных, которыми ярко и определенно обрисовывается патологичность психики Скрябина, в «Воспоминаниях» мы находим ряд страниц, посвященных тонкому психологическому анализу того влияния, которое такого рода патологические, гениально одаренные личности как Скрябин производят на близко соприкасающихся с ними лиц. Не избежал этого влияния, этой индукции, и сам автор «Воспоминаний», несмотря на свой определенный «позитивизм». «Если он был безумным», пишет Сабанев, «то это было увлекательное безумие. И в его присутствии это безумие пьянило, как вино. Какими то иррациональными частями своего подсознательного существа

начинал я не то что «верить», а как то странно свыкаться с идеей Мистерии, с этой фантастической мечтой о «последнем празднике человечества» — о чем то страшно грандиозном, торжественном и радостно-трагическом. Какая то жгучая, не то блаженство, не то тоска светилась в его глазах и сообщалась мне, позитивисту и «естественнику», привыкшему к ясному языку эксперимента и точному голосу математических формул». На стр. 181, 182 и 183 «Воспоминаний» автор их еще более подробно, тонко обрисовывает ту «тепличную, насыщенную и душную атмосферу», «атмосферу крайнего, изолированного преклонения, почти обоготворения личности», в которой жили Скрябин и кружок близких к нему лиц и в которой идея Мистерии, идея самообожествления самого Скрябина постепенно все более и более заражала друзей Скрябина. «Нервность» Скрябина «несомненно привязывала к нему, как бы приковывала, — а его страшная убежденность, с которой он говорил, невольно, заражала, почти гипнотизировала. Эта тепличная атмосфера... создавалась в этих условиях сама собою, как результат известного отбора эмоций и настроений. И чем дальше, тем успешнее шел отбор, атмосфера все специфизировалась, и свежие люди в ней уже не могли выдержать, ретировались, а новые подбирались уже по принципу сродства».

547

Для того же, чтобы понять, какие гениальные произведения росли в «этой страстной, роскошной и душной теплице» можно только рекомендовать читателю ознакомиться со страницами «Воспоминаний» (281, 282, 283), описывающими, по словам автора, «памятную для него фантастическую ночь, перед очарованием которой вряд ли устояли бы какие-нибудь иные, с иным содержанием ночи», в течение которой Скрябин ознакомил его с эскизами своего, так и не увидевшего свет «Предварительного действия».

Том II

1926 г.

СКАЛАД ИЗДАНИЯ ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРОСПЕКТ БОЛШАРОВАГО 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО

— 139 —

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

Гениальности и Одаренности

(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ
ПАТОЛОГИИ ГЕНИАЛЬНО-
ОДАРЕННОЙ-ЛИЧНОСТИ,
А ТАКЖЕ ВОПРОСАМ ПА-
ТОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
д-ра Г. В. СЕГАЛИНА

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

Том II

1926 г.

СКЛАД ИЗДАНИЯ «ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА»

ЛЕНИНГРАД, ПРОСПЕКТ ВОЛОДАРСКОГО, 49

ИЗДАНИЕ РЕДАКТОРА

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

Технология и оборудование

(ЭВРОПАТОЛН)

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ
ПАТОЛОГИИ ТЕХНОЛОГИИ
ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ
А ТАКЖЕ ВОПРОСАМ ПА-
ТОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д-РА Л. В. СЕЛАВНА

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

Том II
1938 г.

Уралобллит № 3648.

Тираж 1000.

г. Свердловск, типография «Гранит» Уралполиграфа. Заказ № 1587.

Эвропатология гениальных эпилептиков.

Форма и характер эпилепсии у великих людей.

Д-ра Г. В. Сегалина.

Приступая в этих главах к изучению европатологии гениальных эпилептиков, мы должны сначала остановиться на вопросе имеются ли, прежде всего, эпилептики великие люди вообще, и, если таковые имеются, то не составляют ли они такую малочисленную группу, чтобы можно было делать какие-либо европатологические выводы. Затем, другой вопрос, который при этом возникает, это следующий: к какой форме эпилепсии принадлежит это заболевание у великих и замечательных людей. Не отличается ли эпилепсия у великих людей какими нибудь особенностями? Все эти вопросы должны быть предварительно освещены прежде, чем приступить к изучению той специальной части, которая нами выделяется, как «специальная европатология гениальных эпилептиков». Освещением этих вопросов и займется настоящая работа, поскольку рамки статьи позволят нам это сделать. Но предварительно сделаем несколько замечаний по поводу современного состояния вопроса об эпилепсии вообще.

Еще очень недавно в круг понятия «эпилепсия» включались самые различные клинические состояния: мигрень, дипсомания, нарколепсия, пикнолепсия, эпизодические сумеречные состояния, аффект-эпилепсия, эпилептическая психопатия и проч. моносимптоматические эпилептоидные заболевания (помимо, конечно, самой гениальной эпилепсии). Все эти самые различные формы, входящие в понятие «эпилепсии», рассматривались, как клиническое выражение (или проявление) одной и той же патологической причины, вызывающей все эти явления (Samt, Крепелин, Aschaffenburg, Gaupp). По воззрению этих авторов вся пестрота эпилептических состояний является как бы выражением единой эпилептической конституции, элементы которой могут быть заменены друг другом в эквивалентах.

В настоящее время такое единое понятие об эпилепсии под влиянием критики (Kleist'a и друг.) начинает заменяться множественными конституциональными единицами (вместо единой эпилептической конституции с различными проявлениями), соединяющимися друг с другом, или же они проявляются клинически, как отдельные моносимптоматические болезни. Получается так, как будто вместо одного эпилептического ген'a должен быть целый ряд таких самостоятельных ген'ов. Несмотря на то, что учение о конституции в отношении эпилепсии этими новыми тенденциями как бы расширяется, однако, еще все таки не дока-

551

зано, что все эти различные формы и проявления эпилепсии имеют действительно различные гены, точно так же, как еще не доказано, что все эти формы есть проявления одного гена.

Так или иначе такая попытка выделения отдельных эпилептоидных заболеваний, как заболеваний, представляющих самостоятельные конституциональные единицы — есть уже шаг вперед в учении об эпилепсии. С точки зрения таких новых тенденций весьма интересно будет проанализировать эпилепсию у великих людей с ее специфическими особенностями. Мы увидим далее, что те авторы, которые стоят на точке зрения существования множественных конституциональных единиц в эпилепсии, найдут здесь еще одно подтверждение своей идеи.

Дело в том, что у великих людей (как это мы увидим далее) существуют в большинстве случаев определенные формы эпилептического заболевания, т. е. иначе говоря, у них имеется определенная эпилептическая конституция (если мы будем говорить языком тех авторов, допускающих существование множественных конституциональных единиц в эпилепсии). Иначе говоря: *гениальная (или выдающаяся) одаренность, если она сочетается с эпилепсией, то обязательно сочетается с определенной формой эпилепсии (или вернее с определенной формой эпилептической конституции).*

Какая это будет форма эпилепсии — увидим после, пока же ответим на первый вопрос, который мы ставили в начале: имеется ли достаточное количество эпилептических или эпилептоидных заболеваний у великих людей, чтоб можно было говорить вообще о какой либо форме эпилепсии у великих людей?

На основании всех собранных автором сей работы, предварительных материалов, в существующей литературе, можно определенно заключить, что имеется до 30 имен великих и замечательных людей, у которых можно констатировать наличие тех или иных эпилептических или эпилептоидных заболеваний. Такое количество составляет уже настолько изрядную группу, чтоб можно было сделать тот или иной вывод при изучении этой группы. Правда, истории болезни отдельных частей этой группы еще недостаточно полны и во многих отношениях их следует пополнить новыми изысканиями. Однако, уже на основании того, что имеется, можно сделать те или иные выводы и на основании имеющихся у нас данных приступим к освещению основного вопроса, поставленного нами целью этой работы.

Итак, какая форма эпилепсии присуща великому и замечательному человеку, если он заболевает эпилепсией?

Частично ответим на этот вопрос сейчас же, в самом начале. Так называемая гениальная эпилепсия совершенно исключается у великих людей: т. е. иначе говоря, совершенно исключается у великих или замечательных людей возможность появления такой формы эпилепсии, где бы исходным состоянием было эпилептическое изменение личности в смысле прогрессирующего

эпилептического слабоумия. *Такой эпилепсии у великих или замечательных людей не бывает.*

По крайней мере, на нашем материале мы не могли найти ни одного случая, и с нашей точки зрения совершенно исключается такая возможность. Мы здесь об этом заявляем в самом начале разбора наших случаев, дабы раз навсегда устранить то возможное недоразумение, которое всегда и раньше возникало при разборе этого вопроса еще у прежних авторов. Вопрос о возможности эпилепсии у великих людей — старый спор, который всегда базировался на недоразумениях (например, спор о том, была ли эпилепсия у Наполеона). Спор этот всегда основывался на различных содержаниях, вкладываемых в понятие «эпилепсия» различными авторами того времени, когда учение об эпилепсии было еще более расплывчато, нежели теперь. Например, те, которые отрицали у Наполеона эпилепсию, как болезнь (несмотря на наличие достоверно доказанных припадков эпилептического характера), аргументировали свое отрицание тем, что, дескать, у Наполеона не было того непереносимого признака эпилепсии — эпилептического слабоумия (подразумевая при этом гениальную эпилепсию); наоборот, говорят эти авторы, Наполеон — человек выдающегося ума и способностей, — следовательно на этом основании он не мог быть эпилептиком. Другие же авторы, утверждавшие эпилепсию у Наполеона, подразумевали не гениальную форму эпилепсии, а другие формы. Таким образом, существовал спор, основанный на недоразумении в толковании понятия «эпилепсия». Чтоб не возникла возможность такого недоразумения, мы в начале нашей работы и предупреждаем: о гениальной эпилепсии у великих людей говорить не приходится потому, что этой формы эпилепсии у них нет, и, следовательно, она не может входить в круг наших исследований.

553

О какой же эпилепсии здесь может быть речь?

Чтоб ответить на этот вопрос, приведем несколько историй болезни великих и замечательных людей. Приведем следующие имена: Лев Толстой, Достоевский, Чайковский, Байрон, Эдгар Поэ, Наполеон, Флобер и другие. Все они страдали припадками эпилептического характера. Для этого приведем историю болезни каждого, где мы и увидим характер и форму этих припадков. Причем считаю нужным оговориться, что полнота истории болезни того или иного лица зависит лишь от недостаточности материала, имеющегося в данный момент у автора этой работы, а не от недостатка его в литературе вообще. В некоторых случаях приводятся очень краткие данные лишь потому, что положения автора в них достаточно иллюстрируются.

Наполеон I.

О наследственности его известно следующее: отец — алког олик. Умер будто-бы от рака в молодые годы. Рисуеться в биографическом материале, как человек «лишенный нравственных чувств» и как человек с патологической психикой. Сестры Наполеона —

истеричны. Брат — «жадный и чувственный эгоист». О матери Наполеона говорится, что она была «властная, умная, серьезная и решительная особа». Внешность Наполеона самого по Ломброзо изобиловала многими физическими признаками дегенерации: мал ростом (1 метр 51 сантиметр), несоразмерные и непропорциональные туловищу руки, короткие ноги, непропорциональные другим частям тела. Окружность черепа не превышала средней величины. Голова мезоцефала с вдавленными висками также имела много аномалий: громадные челюсти, выдающиеся скулы и глубокие впадины глаз, редкая борода. Асимметрия лица; голова сидела глубоко между плечами. Спина несколько согблена, странные явления гиперэстэзии. Комната Наполеона топилась до июля месяца. Чувствовал запахи, которых никто не замечал (галлюцинация обоняния). Чрезвычайно чувствителен к метеорологическим явлениям, например: предчувствовал перемену погоды. Становился невыносим в туманные сырые дни. Страдал частыми мигренями. Постоянные подергивания правого плеча и губ, а во время приступов гнева — и икр; «я, вероятно, был очень рассержен (сознавался он после горячего спора), потому что чувствовал прожание моих икр, чего давно со мной не случалось». Пульс 50 — 55 ударов в минуту. О его судорожных припадках свидетельствуют следующие данные. Еще будучи учеником в Бриенской военной школе, с Наполеоном сделался судорожный припадок, когда однажды он был подвергнут наказанию, и начальство школы было так перепугано, что немедленно сняло с него кару.

По свидетельству Констана, 10 сентября 1804 года у Наполеона был припадок, а несколько часов спустя «у него было удушье, характерное для эпилепсии». очевидцам этого припадка Наполеон запрещал говорить. Констан свидетельствует, что видел сам Наполеона в эпилептическом припадке.

Об эпилептических припадках Наполеона мы имеем еще целый ряд исторических данных, свидетельствуемых в мемуарах целого ряда лиц, которые вовлекались в неприятное положение невольных свидетелей этих припадков. Так, известен и описан в мемуарах случай с актрисой Жорж, которая была так испугана припадком, случившимся с Наполеоном ночью, когда она была у него во дворце, что принялась кричать и этим привлекла в спальню не только слуг, но и самую Жозефину. Когда Наполеон пришел в себя, то сильно избил Жорж за этот поступок. Затем, одна придворная дама, г-жа Ремюза, сопровождавшая в Майнц двор, в своем дневнике говорит, что с Наполеоном ночью сделался сильнейший припадок, а так как в ту эпоху в комнатах не было звонков, и даже не нашлось в тот момент под рукой свечи, то Жозефине пришлось полуодетой пойти к дежурному ад'ютанту и попросить свечу. Она провела ночь в страшной тревоге, ожидая кризиса, и когда все миновало, отдали строгий приказ, — ничего не рассказывать, но об этом быстро узнали все. Актриса Жорж настойчиво уверяла, что у Наполеона была падучая болезнь.

Констан в своих мемуарах, говоря о Наполеоне, рассказывает, как однажды ночью из спальни Жозефины раздались стоны и крики. Вбежав туда, Констан увидел Наполеона распростертым на постели, без движения, с судорожно прижатыми к груди руками и с открытым ртом. Придя в себя, он объяснил, что все это произошло вследствие тяжелого кошмара. Талейран также был свидетелем припадка, который случился с Наполеоном в Страсбурге, когда он однажды гневный «вылетел, как ураган» из комнаты Жозефины, схватил Талейрана за руку и, втащив в соседнюю комнату, запер за собой дверь. Там он упал и в конвульсиях стал кататься по полу, со стонами и пеной у рта. Придя в себя, он попросил Талейрана никому не говорить о случившемся. Через полчаса он отправился в Карлсруэ. К психическим симптомам эпилепсии можно отнести следующие данные. Моментальные затмения сознания, столь характерные для эпилептиков, констатировал еще Ломброзо. Уольселей заявлял, что план Бородинского сражения не удался, благодаря «временной парализации умственных способностей» Наполеона (*Revue Bleues, Mars 1894*). Точно также под Дрезденом будто — «внезапное затмение ума помешало ему принять необходимое решение, и он потерял благодаря этому плоды своей победы». Наполеон был чрезвычайно вспыльчив по поводу самых ничтожных поводов. Эта вспыльчивость доходила у него до бешенства. В состоянии такой вспыльчивости он мог прибегнуть к насилию и агрессивным действиям, например, избить любого человека. Таким диким вспышкам гнева он был подвержен еще с детства. Однажды он дал пинка ногою Вольнею, сказавшему при нем, что «Франция желает Бурбонов». Бертье он ударил кулаком, когда тот не во-время приветствовал его титулом «короля французов». Своего адмирала он бил хлыстом так же, как своих конюхов, если они не так быстро исполняли его приказания. Своего брата Людовика он раз швырнул из комнаты. Не терпя задержек в своих волевых проявлениях, он швырял в огонь одежду свою, которую ему не удавалось одеть сразу. Часто в припадке гнева своего, он с досады бил себя по голове, а иногда этот гнев оканчивался судорожным припадком. Сам Наполеон говорил о своей аффективности и раздражительности таким образом: «Мои нервы всегда возбуждены, а если бы моя кровь не текла так медленно, то я давно бы сошел с ума».

555

К другим его психическим особенностям, характеризующим его эпилептическую натуру, принадлежит его крайний эгоизм и эгоцентризм, доведшие его в своем развитии до возведения своего «я» до крайних пределов. Этот эгоизм проявлялся в нем еще с детства — он не знал ни стыда, ни совести в проявлении своего чудовищного эгоизма.

В соревновании он не терпел соперников, колотил своих товарищей без пощады за то, что не преклонялись пред его «я», в то же самое время обвинял своих жертв в том, что они побили его. По его мнению, «человек должен управляться своими соб-

ственными эгоистическими страстями: страхом, алчностью, честолюбием, соревнованием. Кто им противится, тот погибает». И действительно, этим правилом Наполеон руководствовался всю жизнь и никогда от него не отступал. Ради этого правила он не брезгал ничем. В разговоре с Жозефиной он говорил: «Я не такой человек, как другие, а законы морали и приличия созданы не для меня». И действительно, для Наполеона цинизм, наглость, скрытность, подкупы, обманы, преступные услуги какого угодно сорта—все средства были хороши, лишь бы они вели к его цели.

Из этих всех данных бросается в глаза, что припадки Наполеона, констатируемые теми или иными свидетелями, всегда отличаются тем, что им всегда предшествовало то или иное аффективное переживание, следовательно, носили психогенный характер, присущий аффект-эпилептикам, поэтому мы можем без сомнения говорить, что эпилепсия Наполеона есть ни что иное, как аффект-эпилепсия. Вся картина его болезни, все особенности его психики говорят в пользу такой диагностики.

Чайковский.

Как известно, Чайковский страдал припадками с потерей сознания, об этом говорит Фейс*), об этом говорит также Модест Чайковский (брат композитора). Такими же припадками страдал дядя и дед Чайковского. К сожалению, мы не имеем подробного описания этих припадков. Но мы имеем определенные указания на то, что припадки эти всегда связывались с эмоциональными переживаниями Чайковского, следовательно, носили психогенный характер. Об этом говорит также Игорь Глебов («Чайковский», изд. центрального кооперативного издательства «Мысль» 1922 г.), который пользовался источниками, еще не опубликованными и почему то не пожелал ащими опубликованию и, следовательно, имел основание «между прочим» высказаться о связи припадков с аффективностью Чайковского. Игорь Глебов об этой связи говорит следующее (стр. 85):

«Организм Чайковского был как-бы аккумулятором. В нем до какого то предела скоплялся заряд жизненных ощущений и впечатлений. Потом следовал внезапный разряд — *нервный ли припадок**)*, мимолетный и быстро, бесследно исчезающий, или же длительное, острое, нервное расстройство. Обычно все это совпадало с *тягостными событиями и испытаниями порой чисто житейского порядка*, но могло и не совпадать, а отзываться как-бы на расстоянии. Раз совпав с запутанными отношениями, разряд нервной энергии вызывал необходимость в ином направлении жизни и работы и в перемене обстановки. Так было в жервый год жизни мальчика Чайковского в Петербурге, когда связанные с отъездом из Воткинска и со вступлением в новый круг жизненных отношений перемены потребовали от хрупкого, чувствитель-

*) Освальд Фейс «Генеалогия и психология музыкантов», Москва 1911 г.

***) Здесь и дальше курсив наш (Г. С.).

ного организма ряда сложных приспособлений и усиленной работы воображения, впечатления от которой скапливались и, наконец, вызвали нервное потрясение (замечание автора, — так было, как я упоминал, еще и в Воткинске, в связи с первыми музыкальными впечатлениями, так было и потом не раз в жизни Петра Ильича). Результат таких разрядов был всегда благодетелен для здоровья, и таким образом, сама природа, помимо воли обладателя этим чудным организмом, регулировала правильность жизнеповедения и в момент высокого давления как бы сам собой во время открывался клапан парового котла, чтобы выпустить скопившиеся пары» (стр. 85 — 86).

Из этого отрывка Глебова мы можем заключить, что припадкам предшествовали обычно переживания «тягостных событий и испытаний порой чисто житейского характера», т. е. попросту говоря — связанные с переживаниями неприятного характера. Так было всегда и в юности — мальчиком и после, в разных периодах жизни. Кроме того, из этих данных Глебова мы также можем заключить, что эти эмоциональные (resp. аффективные) переживания не всегда отреагировались припадком, иногда он выливался в психический эквивалент — в форме длительного «нервного расстройства».

Таких «нервных расстройств» с припадками или без припадков мы имеем в жизни Чайковского целый ряд. Приведем их здесь хронологически.

8 лет от роду (в июне 1849 г.) Чайковский во время его пребывания в pensione заболевает корью и заболевает «нервным расстройством» и страданием «спинного мозга» (по словам биографа). Это «нервное расстройство» и страдание «спинного мозга» видимому и есть начало тех эпилептических или эпилептоподобных припадков, связанных с повышенной раздражительностью и аффективностью этой эпохи его жизни, ибо, по словам биографа — «от скромного, послушного мальчика не осталось и следа. Он стал ленив, капризен, раздражителен, несдержан». «Эта эпоха в жизни Чайковского была тем переходным моментом, когда впечатлительная душа его, не столько борясь, сколько находясь в оппозиции ко всем близким и далеким, из мальчишеского упрямства и бунтарства не желала налаживать отношений в смысле видимого послушания и примерности». Конечно, дело тут не в мальчишеском упрямстве и бунтарстве 9-ти летнего мальчика, бывшего до сих пор «скромным и послушным», а в том, что он переживал нервный перелом в связи с нервной болезнью. Начались нервные припадки.

Помимо приступов возбуждения раздражительности, вспыльчивости, Чайковский начал страдать приступами тоски и страха смерти. «Тоска вошла в его жизнь с этих пор (говорит биограф), как доминирующее начало. Поступивши в 1850 году в училище правоведения, за время его пребывания в этом училище эти приступы продолжались. Тоска его была такого рода, что обращала внимание даже посторонних». С этих пор эти приступы депрессии и страха смерти Чайковского не покидают всю жизнь.

В 1861 году (21 году от роду) «психический кризис, период мучительных сомнений, отчаяния в моменты отрезвления от лихорадочной погони за удовольствиями», кульминационный пункт праздной эпохи существования Петра Ильича. «Ревнивая самонадеянность и скрытность».

В 1866 году (26 лет от роду) сильный приступ психического расстройства, выразившийся в следующих явлениях: галлюцинации, страхе смерти, омертвлении конечностей».

В 1875 году переживает сильное нервное расстройство, вызванное различными неприятностями, причем доктора воспретили ему всякие музыкальные занятия. Болезнь выразилась в приступах возбуждения, в приступах депрессии и страха. «Острое усиление приступов болезненной тоски»... «во вне проявляющейся в разочаровании в окружающих людях и в возникновении навязчивой идеи о необходимости найти исцеление в совместной жизни с любящим и понимающим все эти стремления человеком. В одиночестве — тоска по людям, при людях — тоска по одиночеству. Напряженнейшее тяготение к смене явлений, к неустойчивости, к постоянному контрасту между буйным изживанием жизненных сил в творческом бдении и между инстинктивным опасением быть одному вне общей жизни, т. е. непременно сжигать себя. В Москве тоска по Италии. В Италии — по Москве». (Цит. Игорь Глебов «Чайковский»).

В 1877 году с 24 сентября по 25 октября острое нервное расстройство, которое окончилось попыткой к самоубийству. Случилось это в связи с женитьбой. Весной 1877 года, увлеченный мыслью об опере «Евгений Онегин», Чайковский получил письмо, содержащее объяснение в любви от бывшей ученицы Московской консерватории М. И. Милюковой. Прошло некоторое время, он получает второе письмо от нее с угрозой покончить с собой. «В моей голове все это соединилось с представлением о Татьяне, а я сам, казалось мне, поступал несравненно хуже Онегина и я искренно возмущался на себя за свое бессердечное отношение к полюбившей меня девушке». Чайковский свиделся с Милюковой. Тронутый ее преданностью, он был окончательно смущен. Чайковский через некоторое время заявил ей, что любви к ней не чувствует и не почувствует, но что если, несмотря на это, она пожелает выйти за него, он готов жениться. Она, повидимому, согласилась. Все это он упорно держал в тайне от всех друзей своих. Май и июнь, в виду отъезда Милюковой, Чайковский продолжать сочинять «Евгения Онегина». Милюкова вернулась, известила Чайковского, он приехал в Москву, и 6-го июля они повенчались. На лето Чайковский уехал к сестре в Каменку, где продолжал работать. Осенью, вернувшись в Москву, он нашел уже новую квартиру, устроенную его женой. Но тут вскоре Чайковский заболевает психически. Он решает покончить жизнь самоубийством. Однажды поздно вечером он пошел на пустынный берег Москвы-реки и «никем в темноте невидимый, вошел в воду почти по пояс и оставался так долго, как только мог вы-

---

держат ломоту в теле от холода». Чувствуя себя больным, Чайковский по телеграмме, присланной по его же просьбе из Петербурга, выехал туда. По совету психиатра один из братьев вскоре увозит его за границу.

Особенно тяжелыми для Чайковского были приступы *страха смерти*. Эти приступы причиняли Чайковскому тяжелые страдания.

Эти приступы у него начались, как мы уже говорили выше, еще мальчиком, в училище правоведения в 1850 году и после этого остались доминирующим началом в его психике. Они повторялись затем в его жизни, время от времени, но особенно резко выступают в острых приступах. Так было в 1861 году (21 года от роду), так было также в 1866 году (26 лет от рода). Здесь биографом отмечается, что эти приступы сопровождались галлюцинациями. Какого характера были эти галлюцинации, — он об этом не говорит. Во время поездки летом, в 1893 году, в Лондон, Чайковский о своем очередном приступе тоски и страха пишет своему племяннику письмо 17/V—93 г.: «я страдаю не только от тоски, не поддающейся выражению словом (в моей новой симфонии есть одно место, которое, кажется, хорошо ее выражает), но и от ненависти к чужим людям, от какого то неопределенного страха и еще чорт знает чего»; «физически это состояние выражается в боли в нижней части живота и в ноющей боли и слабости в ногах».

Из всех этих данных мы можем вывести следующее заключение:

Чайковский принадлежал к семье, где была конституциональная склонность к эпилептоподобным припадкам (дед и дядя были подвержены припадкам). Сам Чайковский страдал припадками, сопровождавшимися потерей сознания. Всегда эти припадки связывались с сильными душевными возбуждениями и аффективностью. Эти припадки нельзя отнести к чисто истерическим припадкам, ибо у него были еще и другие симптомы, говорящие больше за аффект-эпилептические припадки; например, патологические приступы страха, преследовавшие его всю жизнь, связь аффекта с припадком, состояния, похожие на сумеречные состояния, приступы экстатических состояний и вообще вся картина болезни Чайковского напоминает больше аффект эпилептическую картину, где истерические симптомы смешиваются с эпилептическими, а не являются самостоятельным комплексом.

Эдгар Поэ.

О наследственности Поэ нам известно следующее: он происходит из старинного рода, представители которого всегда отличались эксцентричностью и легко возбудимой психикой. Сам Поэ характеризует себя, как потомка рода, который еще издревле отличался сильным воображением и легко возбудимой эмоциональностью. О каких либо определенных душевных за-

болеваниях среди родных, нам неизвестно. Отец Поэ представлял собой дегенеративный тип с неуживчивым характером, который вел бродячий образ жизни и рано умер от туберкулеза. Поэ характеризует своих родителей, как людей слабовольных и, кроме того, страдающих «теми же наследственными недостатками». Сам поэт Поэ уже по внешности представлял собой также выраженный дегенеративный тип; громадный лоб с известными отклонениями в строении черепа, которые говорят о том, что в раннем развитии организма Поэ перенес мозговой недуг, а именно мы имеем гидроцефалический тип черепа. Кроме того, бросается в глаза ассиметрия лица с громадными, блестящими глазами с широкими зрачками (часто у эпилептиков).

Ребенком Поэ отличался черезчур ранним развитием и считался вундеркиндом. Отличался он также необыкновенной возбудимостью, аффективностью, «страстностью» и упрямством характера.

Относительно своего раннего развития сам Поэ говорил о себе: «я пришел к заключению, что мое раннее развитие, большей частью, необычайно... Да! Даже болезненно». Когда началась его болезнь, точно неизвестно. Повидимому, начало болезни совпало с началом полового развития. В это время, когда он учился в высшей школе, начался первый приступ депрессии. Эти приступы депрессии затем повторялись во всю его жизнь. И эти приступы депрессии были совершенно независимо от внешних обстоятельств (хотя окружающие всегда давали объяснения внешними обстоятельствами жизни). Что это так, доказывал, например, приступ, пережитый им в конце 1835 года, когда никаких внешних оснований для депрессии не было, и все таки он пишет своему приятелю: «...все таки, мне часто представляется так, что никакой радости и никакого удовлетворения не мыслимы для меня на этом свете, не возможны; я действительно достоин сожаления, я страдаю от такой разбитости, хуже какой я никогда не переживал. Напрасно я пробовал против этой меланхолии бороться... Мне тяжело и не знаю, отчето». В ответ на это письмо Kennedy удивляется, что его депрессия началась тогда именно, когда началась его блестящая слава и материальное благополучие. В его признаниях о его болезни он часто называет слово «меланхолия». В эти периоды он не мог ничего создавать. Периоды депрессии у него сменялись периодами повышенного настроения, когда и создавались его произведения. Вследствие этих колебаний в настроении Поэ производил то впечатление хорошее, то впечатление человека тяжелого, с которым трудно иметь дело, и с которым приходится ссориться.

Кроме других симптомов эпилепсии Поэ страдает эпилептическими припадками. Поэ сам мастерски описывал эти припадки со всеми pre и post эпилептическими явлениями. В «Мнимом покое» он описывает начало припадка: началась тошнота, меня охватило онемение в руках и ногах и во всех частях туловища, меня охватила дрожь, затем началось головокружение, и вдруг я падаю,

---

как сноп». «После состояния полной бессознательности, следовало слабое возвращение сознания», он чувствует состояние неподвижности, чувство острой боли, которая переносится апатично. Никакой боязни, никаких надежд, никаких движений. Затем после некоторого промежутка наступает шум в ушах; после колющие ощущения, мозжание в руках и в ногах; затем бесконечно длящееся состояние приятно покоя, наконец, он внезапно приходит в себя; подергивание чек; он продолжает несколько минут находиться в состоянии спутанности и непонимания, что происходит с ним, пока мысли и воспоминания опять полностью не возвращаются».

Этим припадкам предшествуют часто экстатические переживания ауры, переживания необычайно о чувства счастья, или же эти состояния происходят взамен припадка (эквивалент). Внезапно он начинает как бы чувствовать необычайные тайны существования; вдруг ему освещаются молниеносно самые недоступные области, куда еще человеческая мысль не проникала». Часто всплывает чувство, что он все это уже давно пережил и что он чувствует связь с прошлыми тысячелетиями. Поэ обозначает эти ощущения как «туманные видения, странные, спутанные, сгущенные представления из времен, когда его память еще не получила свое существование».

Отмечается у Поэ — аффективность и раздражительность эпилептического характера. Эта аффективность служит причиной, что он не мог ужиться со своими близкими и расходился с ними.

Приступы сумеречного состояния были также у Поэ. В состоянии такого тяжелого сумеречного состояния были его поездки в Грецию, а после, очутившись в Петербурге, это сумеречное состояние прекратилось. Наиболее тяжелым симптомом его эпилептического характера были периодические приступы запоя (Dipsomania). Эти дипсоманические приступы у него начались рано. Эту дипсоманию надо рассматривать, как результат его эпилептического заболевания, а не наоборот; эпилепсия не есть следствие его алкоголизма (как можно было бы предположить). Доказательством того, что приступы дипсомании — были следствием эпилепсии — (по мнению Probst'a*) является то обстоятельство, что перед дипсоманией у него наступали ауральные и экстатические приступы, во время которых он развивал необычайную творческую продуктивность; и создание большинства его замечательных произведений всегда происходило перед этими кризисами. Так была, например, создана его «Неугека». Также его знаменитое произведение «Raben» носит все следы такого приступа. Конечно, алкоголизм Поэ умножал и усложнял основную болезнь новыми симптомами: галлюцинациями и делириозными состояниями. Произведения Поэ проникнуты всеми этими симптомами. Большинство из них построено на этих делириозных и галлюцинаторных состояниях.

*) D-r F. Probst, Edgar Allan Poe, München 1908.

Вся картина эпилепсии Эдгара Поэ вырисовывается нам также как аффективная форма эпилепсии. Чрезвычайно экзотичная и аффективная неуравновешенная натура Поэ, его приступы страха, сумеречных состояний, дипсомании и все прочие симптомы убеждают нас в справедливости этой диагностики.

Лев Толстой *).

Для характеристики наследственности Толстого приведем слова одного из представителей рода Толстых — М. Г. Назимовой из ее «Семейной хроники Толстых».

М. Г. Назимова говорит, что *в каждой семье каждого поколения Толстых имеется душевно-больной*, что, действительно, можно отметить в генеалогии Толстых. Помимо душевно-больных еще больше мы имеем в каждой семье членов с психопатическим характером, или имеются препсихотики с шизоидными чертами психики.

Замкнутые, эксцентричные, вспыльчивые, взбалмошные, странные чудаки, авантюристы, юродствующие и склонные к крайнему религиозному мистицизму, иногда сочетаемому с ханжеством, крайние эгоисты, сенситивные и проч.

К таким типам, между прочим, принадлежит один из дворянских дядей Толстого, известный под именем «Американца».

Что касается прямой отягченности, то мы можем отметить по некоторым из близких членов семьи Толстого следующие данные.

Дед писателя по отцу — Илья Андреевич — представляет из себя патологический тип. Сам Толстой упоминает о нем, как об ограниченном человеке в умственном отношении. Он был очень веселый человек, но его веселость носила патологический характер.

В имении его, Полянах (не Ясная Поляна) в Белевском уезде, в его доме был вечный праздник. Бесперывные пиршества, балы, кутежи — делались совершенно не по его средствам. Кроме того, его страсть играть в карты, совершенно не умея играть, его страсть к различным спекуляциям, к денежным аферам довели его до полного разорения. Если к этому бестолковому и бессмысленному мотовству прибавить еще то, что он совершенно бессмысленно отдавал деньги всякому, кто просил, то неудивительно, что этот ненормальный человек дошел до того, что богатое имение его жены было так запутано в долгах и разорено, что его семье нечем было жить, и он принужден был искать себе место на службе государственной, что при его связях ему было легко сделать, — и он сделался Казанским губернатором.

Предполагают, что он окончил самоубийством.

Таков был дед.

Бабушка его также была особа ненормальная и, повидимому, более ненормальная, чем дед.

*) Все здесь приводимые отрывки из истории болезни цитирую из моей работы «Жизнеописание Льва Толстого». Клини. арх. Геннал. и Одарен. Вып. I. 1925 года.

Дочь слепого князя Горчакова, ее сам Толстой характеризует как очень недалекую особу в умственном отношении. Известно также, что она была очень неуравновешенная и взбалмошная женщина со всякими причудами и самодурствами, мучила своих приближенных слуг, а также родных. Была взяточница.

Страдала галлюцинациями. Однажды она велела отворить дверь в соседнюю комнату, так как она там видит своего сына (тогда уже покойного) и заговаривает с ним (покойным сыном).

Из детей этой четы один сын — Илья Ильич (т. е. младший брат отца)—был горбатый и умер в детстве.

Дочь Александра Ильинишна (сестра отца Толстого). Отличалась мистическим характером, жила в монастыре, держала себя, как юродивая и была очень неряшлива (по словам самого Льва Николаевича). Понятно, что здесь речь идет о патологической неряшливости.

Другая дочь—Пелагея Ильинишна—таюже, повидимому, умственно отсталая, юродивая, мистически настроенная, с тяжелым неуживчивым характером (например, плохо жила с мужем и часто расходилась). Ее религиозность переходила в ханжество. В конце концов удалилась в монастырь, впала в старческое слабоумие (несмотря на религиозность, не хотела при смерти причащаться).

Отец Толстого — Николай Ильич был также человек недалекий. 16 лет заболел, повидимому, какой то нервной или душевной болезнью, так что для своего здоровья был соединен в незаконный брак с дворовой девушкой.

Из всех сыновей его (братьев Льва Николаевича) один был определенно нервно психически-больной, Дмитрий Николаевич. В детстве у него приступы капризности были до того сильны, что мать и няня «мучились» с ним. Позже, взрослым, был очень замкнутым, даже с братьями; задумчивый, склонный к мистическому и религиозному юродству, не обращая внимания на окружающих людей; имел странные выходки, странные вкусы, следствием чего был объектом насмешек. Был неряшлив и грязен, без нательной рубашки, одетый только на голое тело в пальто и таким образом являлся с визитом к высокопоставленным лицам. Из юродствующего и религиозного вдруг становился развратным (временами). Часто делался импульсивным, вспыльчивым, агрессивным, жестоким и драчливым, дурно обращался с службой своим, бил его. Страдал смолоду тиком (подергивал головой, как бы освобождаясь от узости галстука)... Умер, как и большинство таких душевно-больных, от чахотки.

Другой брат Толстого — Сергей Николаевич—отличался таюже эксцентричностью и явно патологическими странностями психики. Так, по словам старшего сына Толстого (Льва Львовича), он был эгоистичный и «несчастный человек», мало разговаривающий и чрезвычайно замкнутый человек, часто месяцами

проводил один, взаперти. «Часто на вес дом раздавалось его оханье и аханье». Держал себя всегда странным образом и оригиналом. Выезжал не иначе, как на четверке.

Он был чрезвычайно горд и к крестьянам относился с презрением.

Сын Льва Толстого—Лев Львович—отмечает в своих воспоминаниях, что он страдал в течение 5 лет какой то «нервной болезнью», так что был освобожден от воинской повинности и оправился, будто бы, от этой болезни, когда женился.

Таким образом о психопатической наследственности Л. Толстого нет никаких сомнений.

Теперь перейдем к вопросу о припадках Льва Толстого. Самое характерное и полное описание припадков мы имеем в дневнике его секретаря В. Ф. Булгакова*). На странице 336 этого дневника мы читаем описание такого припадков. Приводим здесь целиком это место.

«...Писал сегодня Л. Н. статью о социализме, начатую по совету Душана для журнала чешских анархистов. Меня он просил не переписывать ее, а оставить до приезда Ал. Л-ны, зная, что ей эта лишняя работа будет приятна.

Ездил верхом с Душаном. Вернувшись с прогулки, проходил через «ремингтонную».

— Хорошо съездили, без приключений. — улыбнулся он и забрал с собой со стола полученную на его имя с сегодняшней почтой книгу.

И ни он, ни я никак не предполагали того, что должно было случиться сегодня. Случилось это вечером**).

Л. Н. заспался и, прождав его до 7 часов, сел и обедать без него. Разлив суп, С. А-на встала и еще раз пошла послушать, не встает ли Л. Н. Вернувшись, она сообщила, что в тот момент, как она подошла к двери спальни, она услышала чирканье о коробку зажигаемой спички. Входила ко Л. Н-чу. Он сидел на кровати. Спросил, который час и обедают ли. Но Софье Андреевне почудилось что-то недоброе: глаза Л. Н-ча показались ей странными.

— Глаза бессмысленные... Это перед припадком. Он впадает в забытие... Я уж знаю. У него всегда перед припадком такие глаза бывают.

Она немного поела супу. Потом, шурша платьем, отодвинула стул, поднялась и снова пошла в кабинет.

Дети — Сергей Львович и Татьяна Львовна — недовольно переглянулись: зачем она беспокоит отца?

Но на вернувшейся С. А. лица не было.

— Душан Петрович, подите скорее к нему!.. Он встал в беспмятство, опять лежит и что-то такое бормочет... Бог знает что такое!

*) Дневник В. Ф. Булгакова: «Лев Толстой в последний год его жизни». Изд. «Задруга», 1918 г.

***) Здесь и дальше курсив всегда ваш (Г. С.)

Все вскочили точно под действием электрической искры. Душан, за ним остальные побежали через гостиную и кабинет в спальню.

Там темнота, — Л. Н. лежал в постели. Он шевелил челюстями и издавал странные, негромкие, похожие на мычание, звуки.

Отчаяние и за ним ужас прокрались в эту комнату. На столике у изголовья зажгли свечу. Сняли со Л. Н-ча сапоги и накрыли его одеялом.

Лежа на спине, сжав пальцы правой руки так, как будто он держал ими перо, Л. Н. слабо стал водить рукой по одеялу. Глаза его были закрыты, брови насуплены, губы шевелились, точно он что-то пережевывал во рту.

Душан всех выслал из комнаты. Только П. И. Бирюков остался там, присев в кресло в противоположном от постели углу. Софья Андреевна, Сергей Львович, я, Татьяна Львовна и Душан подавленные вернулись в столовую и принялись за прерванный обед...

Только что разнесли сладкое, прибежал Павел Иванович.

— Душан Петрович, у Л. Н-ча судороги!

Снова бросились все в спальню. Обед велено было совсем убрать. Когда мы пришли, Л. Н. уже успокоился. Бирюков рассказывал, что ноги больного вдруг начали двигаться. Он подумал, Л. Н-чу хочется почесать ногу, но, подошедши к кровати увидел, что и лицо его перекошено судорогой.

— Бегите вниз, несите бутылки с горячей водой к ногам, горчичники нужно на икры. Кофею, кофею горячего!

Кто-то отдавал приказания, кажется, Душан и С. А-на вместе. Остальные повиновались и вместе с приказывавшими делали все, что нужно. Сухонький Душан бесшумно, как тень, скользил по всем направлениям комнаты. Лицо С. А. было бледно, брови насуплены, глаза полускрыты, точно веки опухли... Нельзя было без боли в сердце видеть лицо этой несчастной женщины. Бог знает, что в это время было у нее на душе, но практически она не потерялась; уложила бутылки вокруг ног, сошла вниз и сама приготовила раствор для клистира... На голову больного, после спора с Душаном, наложила компресс...

Л. Н. был, однако, еще не раздет. Потом я, Сергей Львович (или Бирюков) и Душан раздели его; мы с С. Л-чем (или Бирюковым—даже не заметил) поддерживали Л. Н., а Душан заботливо, осторожно, с нежными уговариваниями больного, хотя тот все время находился в бессознательном состоянии, снимал с него платье...

Наконец, его покойно уложили.

— Общество... общество насчет трех... общество насчет трех...

Л. Н. бредил.

— Записать, — попросил он.

Бирюков подал ему карандаш и блок-нот, Л. Н. накрыл блок-нот носовым платком и по платку водил карандашом. Лицо его по-прежнему было мрачно.

— Надо прочитать, — сказал он и несколько раз повторил: разумность... разумность...

Было тяжело, непривычно видеть в этом положении обладателя светлого высокого разума, Льва Николаевича.

— Левочка, перестань, милый, ну, что ты напишешь? Ведь это платок, отдай мне его, — просил больного С. А., пытаясь взять у него из рук блокнот. Но Л. Н., молча, отрицательно мотал головой и продолжал упорно двигать рукой с карандашом по платку...

Потом... Потом начались один за другим страшные припадки судорог, от которых все тело человека, беспомощно лежавшее в постели, билось и трепетало. Выкидывало с силой ноги. С трудом можно было удерживать их. Душан обнимал Л. Н. за плечи, я и Бирюков растирали ноги. Всех припадков было пять. Особенной силой отличался четвертый, когда тело Л. Н. перекинулось почти совсем, поперек кровати, голова скатилась с подушки, ноги свесились по другую сторону...

С. А-на кинулась на колени, обняла эти ноги, припала к ним головой и долго была в таком положении, пока мы не уложили вновь Льва Николаевича как следует на кровати.

Вообще, С. А-на производила страшно жалкое впечатление. Она подняла кверху глаза, торопливо крестилась мелкими крестами и шептала: «Господи! Только бы не на этот раз, только бы не на этот раз!..» И она делала это не перед другими: случайно войдя в ремингтонную, я застал ее за этой молитвой.

Александре Львовне, вызванной мною запиской, она говорила:

— Я больше тебя страдаю: ты теряешь отца, а я теряю мужа, в смерти которого я виновата!..

Александра Львовна внешне казалась спокойной и только говорила, что у нее страшно бьется сердце. Бледные тонкие губы ее были решительно сжаты.

После пятого припадка Л. Н. успокоился, но все таки бредил.

— 4, 60, 37, 38, 39, 70, — считал он.

Поздно вечером пришел он в сознание.

— Как вы сюда попали? — обратился он к Душану и удивился, что он болен.

— Ставили клистир? Ничего не помню. Теперь я постараюсь заснуть.

Через некоторое время С. А. вошла в спальню, стала что-то искать на столике около кровати и нечаянно уронила стакан.

— Кто это? — спросил Л. Н.

— Это я, Левочка.

— Ты откуда здесь?

— Пришла тебя навестить.

— А...!

Он успокоился. Видимо, он продолжал находиться в сознании.

Болезнь Л. Н-ча произвела на меня сильное впечатление. Куда бы я в этот вечер не пошел, везде передо мною, в моем воображении, вставало это страшное, мертвенно-бледное, накупившееся и с каким то упрямым, решительным выражением лицо. Стоя у постели Л. Н-ча, я боялся сметреть на это лицо; слишком выразительны были его черты, смысл же этого выражения был ясен, и мысль о нем резала сердце. Когда я не смотрел на лицо и видел только тело, жалкое, умирающее, мне не было страшно, даже когда оно билось в конвульсиях; передо мной было только животное. Если же я глядел на лицо, мне становилось невыносимо страшно: на нем отпечатлевалась тайна, тайна великого действия, великой борьбы, когда, по народному выражению, «душа с телом расстается».

Видно, мала еще моя вера, если я боялся этого!

Поздно ночью приехал из Тулы доктор (Щеглов). Но он уже не видал Л. Н-ча. Душан объяснил ему болезнь, как отравление мозга желудочным соком. На вопрос наш о причине судорог приезжий доктор отвечал, что они могли быть обусловлены нервным состоянием, в котором находился Л. Н. в последнее время в связи с наличием у него артериосклероза.

Итак, из всех этих данных видно, что Лев Толстой был подвержен судорожным припадкам. Эти припадки сопровождаются, во-первых, полной потерей сознания, во-вторых, судорогами, начинающимися сначала в отдельных частях тела, а затем переходят в общие судороги всего тела.

Судорога начинается так: «он шевелил челюстями и издавал странные, негромкие, похожие на мычание звуки».

«Губы шевелились, точно он что-то пережевывал во рту»...

«Лежа на спине, сжав пальцы правой руки так, как будто он держал ими перо, Л. Н. слабо стал водить рукой по одеялу». Затем судорога переходит на нижние конечности: — Бирюков рассказывал, что ноги больного вдруг начали двигаться, он подумал, что Л. Н-чу хочется почесать ногу, но, подошедши к кровати, увидел, что и лицо его перекошено судорогой. «Потом... Потом начались один за другим страшные припадки судорог, от которых все тело человека, беспомощно лежавшего в постели,

билось и трепетало, выкидывало с силой ноги. С трудом можно было удержать их)...

Это описание припадков настолько характерно описано (не врачом), классические картины эпилептических судорог настолько ясны, что тут никакого сомнения быть не может в их достоверности.

Также мы видим, что после припадков у больного полная амнезия всего происшедшего, ибо после припадков, поздно вечером, когда Л. Толстой пришел в себя, он удивился Душану, который все время находился у постели больного. — «Как Вы сюда попали?» — обратился он к Дунашу и удивился, что он болен.

— «Ставили клистир? — Ничего не помню»...

Точно также 4-го утром, проснувшись в полном сознании, когда Бирюков рассказал ему содержание бреда, — он доволен был его содержанием.

Об этих амнезиях после припадков отмечает также и сын его, Илья Львович, в своих воспоминаниях о своем отце *). На странице 228 мы читаем:

«...Несколько раз с ним делались какие то необъяснимые внезапные обмороки, после которых он на другой день оправлялся, но временно совершенно терял память**)

Видя в зале детей брата Андрея, пишет он, которые в это время жили в Ясной, он удивленно спрашивал: «Чьи это дети?» — Встретив мою жену, он сказал ей: «ты не обидься, я знаю, что я тебя очень люблю, но кто ты, — я забыл», и, наконец, взойдя раз после такого обморока в залу, он удивленно оглянулся и спросил: «а где же брат Мишенька» (умерший 50 лет тому назад?)

На другой день следы болезни исчезали совершенно».

Итак, мы с достоверностью можем на основании этого сказать, что Лев Толстой страдал эпилептическими припадками с потерей сознания, с эпилептическими судорогами, с бредом во время припадков и с последующей полной амнезией всего происшедшего.

Теперь спрашивается: быть может, этот описываемый припадок был единичный случай в жизни Толстого, и что из этого нельзя заключить, что он был вообще подвержен припадкам. Чтоб осветить этот вопрос, мы также имеем целый ряд данных, говорящих против того предположения, что этот припадок был единичный.

Помимо свидетельства такого авторитетного психиатра, как Ломброзо, говорившего об этом еще чуть-ли не 40 лет тому назад, мы имеем целый ряд свидетельств близких Льву Толстому лиц, из которых ясно видим, что припадкам он был подвержен, как свойственной ему привычной болезни, к которой близкие настолько привыкли и изучили эту болезнь, что даже по продромальным

*) Илья Львович Толстой. «Мои воспоминания». Берлин, изд. Ладьяникова.

***) Курсив здесь и дальше наш (Г. С.).

симптомам узнавали раньше, когда будет припадок. Так, например, в том же описанном выше секретарем Толстого припадке мы читаем:

— «...Входила (речь идет о Софье Андреевне) ко Льву Николаевичу. Он сидел на кровати. Спросил который час и обедают ли. Но Софье Андреевне почудилось что-то недоброе: глаза Л. Н. показались ей странными.

— Глаза бессмысленные... Это перед припадком. Он падает в забытьё... Я уже знаю. У него *всегда**) перед припадком такие глаза бывают»...

Из этого явно следует, что его жена, Софья Андреевна, настолько изучила его припадки, что знает, что такие глаза бывают *«всегда»* перед припадком. Значит, припадков таких она видела достаточно настолько, что она, не будучи медиком, но наблюдательным человеком, как всякий, в ее положении, узнает те привычные ей и знакомые симптомы, предшествующие припадку, картина которых ей представляется, как нечто хорошо знакомое.

О том, что припадки бывали с ним нередко и раньше, явствует также из целого ряда других литературных документов. Так, если мы возьмем воспоминания его дочери А. Толстой («Об уходе и смерти Л. Н. Толстого»), то у ней мы находим такое место (стр. 156):

«Когда он (т. е. Л. Толстой) заговорил, я поняла, что у него начинается обморочное состояние, *которое бывало и прежде***). В такие минуты он терял память, *заговаривался*, произнося какие то непонятные слова»... И дальше на этой же 156 странице: ...«Мы поняли, что положение очень серьезно, и что, *как это бывало и прежде, он мог каждую минуту упасть в беспамятство*. Душан Петрович, В. М. и я стали понемногу раздевать его, не спрашивая его более, и почти перенесли в кровать.

Я села возле него, и не прошло и пятнадцати минут, как я заметила, что левая рука его и левая нога стали судорожно дергаться. То же самое появлялось временами, и в левой половине лица...»

...Мы попросили начальника станции послать за станционным доктором, который бы мог в случае нужды помочь Душану Петровичу. Дали отцу крепкого вина, стали ставить клизму. Он ничего не говорил, но стонал, лицо было бледно, и судороги, хотя и слабые, продолжались.

Часам к девяти стало лучше. Отец тихо стонал. Дыхание было ровное, спокойное...»

Из этого описания другой о припадке, в другом месте дочерью Льва Толстого мы видим, что припадок сопровождается также судорогами и потерей сознания, что припадку предшествуют

*) Курсив наш (Г. С.).

***) Курсив здесь, а также и дальше наш. (Г. С.).

признаки, по которым близкие заранее узнают, что будет припадок: «в такие минуты (т. е. до припадка) он заговаривался, произнося какие то непонятные слова».

На основании этого дочь его, А. Толстая, «поняла», что начинается то состояние, «которое бывало и прежде»: «он мог впасть в беспамятство».

Мы можем из этого заключить, что припадкам этим он был подвержен, как ему нечто настолько свойственному, что по симптомам предвестников узнают наступающий припадок. Будь этот описываемый припадок, как единичный случай, или как нечто редкое, вызываемое исключительным состоянием, то дочь его и близкие не могли бы этими предшествовавшими признаками руководиться, что будет припадок.

Насколько резко и характерно было это состояние перед припадком для родных и близких, видно из следующего описания.

Гольденвейзер на стр. 318 в своем дневнике*) (цитируя записки А. П. Сергеевко), описывает состояние здоровья Л. Н., когда он был подвержен целому ряду припадков в связи с неприятными переживаниями, таким образом:

«...Душан Петрович рассказывал, что 14-го, в тот день, когда Софья Андреевна написала Л. Н. свое письмо, он ожидал, что у Л. Н. будет вечером опять припадок. Л. Н. с утра был слабый, голос у него был вялый и, когда он говорил, губы у него слабо двигались, рот едва открывался. Все это, особенно то, что слабо двигались губы, было для Душана Петровича нехорошим признаком.

Но несмотря на свою слабость, Л. Н. все таки решил после завтрака поехать на прогулку. Душан Петрович попробовал было его отговорить, предлагая ему поехать в экипаже, но Л. Н. сказал, что поедет верхом потихонечку, и что он чувствует, ему будет лучше от прогулки. Душан Петрович не мог больше отговаривать Л. Н., и они поехали. Отехали они шагом. Л. Н. ехал впереди, Душан Петрович тревожился за него: он был слишком слаб. Но, проехав шагом некоторое расстояние, Л. Н. припустил лошадь, а затем остановил ее и подозвал к себе Душана Петровича. Душан Петрович не поверил глазам своим, — это был совсем другой Лев Николаевич, чем $\frac{1}{4}$ часа тому назад, — лицо ожирленное, вежее, голос громкий, и губы, по словам Душана Петровича, совершенно «ожизненные». Самое характерное, что бросается в глаза, это то, что эти припадки появляются всегда после какого либо аффективного переживания Льва Николаевича. — Будь это семейная сцена или неприятность другого характера, потрясающая его легко ранимую эмоциональную сферу (как мы это видим после), он всегда в конце концов реагировал на это аффективное переживание

*) А. Б. Гольденвейзер. «Вблизи Толстого». Том II. Москва 1923.

припадком. Так, описываемые выше припадки с конвульсиями из дневника секретаря Л. Толстого Булгакова относятся к тому тяжелому периоду переживаний, когда у него конфликт с Софьей Андреевной дошел до высшей точки, так что он решился на бегство. Непосредственно эти припадки были вызваны тяжелыми объяснениями по поводу ссоры его дочери с матерью. Эти припадки были чрезвычайно тяжелого характера.

О том, что припадкам всегда предшествовали аффективные переживания неприятного характера, также видно из следующей о письме Черткова к Досеву от 19 октября 1910 года (стр. 326 Гольденвейзер «Вблизи Толстого» т. II изд. 1923 года), где Чертков, говоря относительно только-что пережитых припадков 5-го октября 1910 года, вспоминая прежние аналогичные припадочные состояния, пишет таким образом:

«В июле 1908 года Л. Н. переживал один из тех вызванных Софьей Андреевной мучительных душевных кризисов, которые у него всегда оканчиваются серьезной болезнью. Так было и в этот раз*); он тотчас после этого заболел и некоторое время находился почти при смерти».

Тут уже определенно свидетельствуется Чертковым, что почти все душевные кризисы, или вернее, все тяжелые переживания аффективного характера оканчиваются «серьезной болезнью», т. е. припадком.—«Так было и в этот раз» (т. е. в этот раз, когда были припадки), они зависели от душевных волнений. Это ценное наблюдение Черткова действительно подтверждается; всюду, где только в жизни Толстого отмечается припадок, ему всегда предшествует аффективное волнение. В периоды, же когда Л. Н. не имел этих волнений, у него припадков не бывает.

Таким образом, в аффективном характере этих припадков нет никаких сомнений, и диагностировать у него аффективную эпилепсию мы имеем полное право, тем более, что весь его психический склад и целый ряд симптомов, течение этой болезни, как это мы увидим, все говорит в пользу такой диагностики.

Так, отмеченные Крепэлином и Bratz'ом симптомы: обмороки, головокружения, приступы Petit mal, состояния спутанности, патологические изменения настроения, как симптомы, характерные для этой именно формы эпилепсии, — мы также находим у Льва Толстого.

Мы находим, например, у Льва Толстого симптомы такого головокружения, во время приступа которого он мог терять равновесие и падать на землю, что ясно следует из следующих отрывков другого литературного документа. Так, в «Записках Маковецкого» (Голос минувшего — 1923 г. № 3) мы читаем следующую запись:

«17 октября 1905 г.

Сегодня утром Л. Н. после того, как вынес ведро и возвращался к себе, упал в первой кухонной двери, ведро высоко-

Курсив наш (Г. С.).

чило у него из рук. Его увидат лакей Ваня, когда он уже поднимался. Сам встал, взял ведро, пришел к себе и прилег на диван. Был очень бледен. Пульс слабый, губы бледные, уши прозрачные. Когда поднял голову и хотел сесть, почувствовал головокружение. Потом голове стало легче. Полежал спокойно около часа и начал было заниматься, но потом опять прилег и подремал от 10 до 12 и от 1 до 6-ти. *Вечером говорил, что это с ним уже бывало**)).

— «Помню, с Гротом шел по Пречистенке, шатался. Пошатнулся, прислонился к стене и постоял. Теперь уже 4 дня шатало меня, только не сильно.

Под вечер пульс был слабый — 76, перебоев не было. Утром не выходил».

Из этого обрывка видно, что припадки такого головокружения, во время которых он падал, теряя равновесие, бывали и раньше, и что описываемое падение с ведром — не случайное падение, что также явствует из описания того состояния, которое последовало после припадка.

Точно также Лев Николаевич Толстой был подвержен обморокам.

Как пример, иллюстрирующий эти обмороки, приводим следующий отрывок от 4 августа (Дневника Гольденвейзера на стр. 203):

«...Софья Андреевна стала читать Л. Н. в столовой все ту же страничку из дневника со своими комментариями**). Среди чтения Л. Н. встал и прямой, быстрой походкой, заложив руки за ремешек и со словами: «Какая гадость, какакая грязь» прошел через площадку в маленькую дверь к себе. Софья Андреевна за ним. Л. Н. запер дверь на ключ. Она бросилась с другой стороны, но он и ту дверь — на ключ. Она бросилась с другой стороны, он и ту дверь успел запереть. Она прошла на балкон и через сетчатую дверь стала говорить ему: — «Прости меня, Левочка, я сумасшедшая». Л. Н. ни слова не ответил, а немного погодя, страшно бледный прибежал к Александре Львовне и упал в кресло ***); Александра Львовна взяла его пульс — больше ста и сильные перебои».

Выше, при описании в своем дневнике секретарем Толстого Булгаковым припадка, нам также бросилось в глаза изменение психики перед припадком. Прежде всего мы видим затемнение сознания с состоянием *спутанности*.

Так, в этом дневнике отмечается так:

*) Курсив наш (Г. С.)

***) Речь идет о том месте дневника Л. Н., где он будто, по утверждению Софьи Андреевны, упоминает о своей физической связи с Чертковым, что вызывало у Л. Н. всегда негодование.

***) Курсив наш (Г. С.)

«Наконец, его спокойно уложили.
— Общество... общество на счет трех... общество насчет трех....

Л. Н. бредил.

Записать,—попросил он.

— Бирюков подал ему карандаш и блок-нот.

Л. Н. накрыл блок-нот носовым платком и по платку водил карандашом. Лицо его было мрачно.

— Надо прочитать, — сказал он и несколько раз повторил: разумность... разумность... разумность... Было тяжело, непривычно видеть в этом положении обладателя светлого, высокого разума, Льва Николаевича.

— Левочка, перестань, милый, ну что ты напишешь? Ведь это платок, отдай мне его, — просила больного С. А., пытаясь взять у него из рук блок-нот. Но Л. Н. молча отрицательно мотал головой и продолжал упорно двигать рукой с карандашом по платку...

Аналогичное состояние перед припадком при другом случае, упомянутом выше, описывает и его дочь, А-ра Л.:

«В такие минуты он терял память (говорит она), заговаривался, произнося какие то непонятные слова. Ему, очевидно, казалось, что он дома, и он был удивлен, что все было не в порядке, не так, как он привык.

— Я не могу еще лечь, — сделайте так, как всегда. Поставьте ночной столик у постели, стул. Когда это было сделано, он стал просить, чтобы на столике была поставлена свеча, спички, записная книжка, фонарик и все, как бывало дома.

Когда сделали и это, мы снова стали просить его лечь, но он все отказывался...

Из этих отрывков, описывающих психическое состояние Льва Толстого перед припадком, мы определенно видим, что его психика была настолько помрачена, что мы можем это состояние его психики обозначить, как то сумеречное состояние, которое бывает перед припадком у аффект-эпилептиков. Повидимому, при этих состояниях он галлюцинировал, принимая, например, чужую обстановку в дороге (описанное дочерью Александрой Львовной выше состояние перед припадком случилось в дороге) принимает за обстановку домашнюю, ибо, как она пишет: «он был удивлен, что все было не в порядке, не так, как он привык».

Он требовал, чтоб был поставлен ночной столик, свеча и т. д.

А что у Л. Толстого бывали галлюцинации вообще, свидетельствует также Гольденвейзер.

В его дневнике на стр. 382 есть такая заметка, довольно определенно на это указывающая:

«В дневнике Л. Н. есть запись, указывающая, что ему послышался как бы какой то голос*), назвавший не помню какое число, кажется, марта.

Л. Н. казалось, что он должен в это число умереть, — на это есть несколько указаний в его дневнике».

Конечно, из этого свидетельства Гольденвейзера мы не можем в достаточной степени заключить, когда и при каких обстоятельствах послышался этот голос Л. Толстому; было ли это перед или во время припадка, было ли это во время каких-либо других состояний, ничего из этого заключить нельзя. Но одно несомненно, что Л. Толстой в тех или иных случаях галлюцинациям был подвержен. На это также указывает и Ломброзо.

Отмеченную Крепелином раздражительность и аффективность характера, свойственную аффект-эпилептикам, — мы также можем констатировать у Л. Толстого.

Эту сторону его психики хорошо характеризует сын его. Лев Львович. Из нижеприводимых нами целого ряда отрывков воспоминаний Льва Львовича мы можем довольно определенно представить себе картину этой аффективно-раздражительной психики Льва Толстого.

«...Если он хорошо работал, все весь день шло хорошо, все в семье были веселы и счастливы, — если нет, то темное облако покрывало нашу жизнь».

«...Я вспоминаю, что каждый вечер управляющий приходил к нему разговаривать с ним о делах, и часто мой отец так сердился*), что бедный управляющий не знал, что сказать, и уходил, покачивая головой».

(Воспоминания Л. Л. Толстого «Правда о моем отце» — Ленинград. 1924 г.).

Почти каждый год приезжал Фет в Ясную. Отец был рад его видеть. Фет говорил мало и даже как-то трудно. Иногда, прежде, чем произнести слово, он долго мычал, что было забавно для нас, детей, но мой отец слушал его с живым интересом, хотя редко, даже почти никогда не обходилось без ссоры между ними». (Там же стр. 30).

«...Однажды отец в порыве ярости кричал на него (воспитателя, швейцарца):

«Я вас выброшу из окна, если вы будете вести себя подобным образом».

«...Отец любил сам давать уроки математики...

Он задавал нам задачи, и горе нам, если мы их не понимали. Тогда он сердился, кричал на нас. Его крик сбивал нас с толку, и мы уже больше ничего не понимали». (Там же стр. 48).

*) Курсив наш (Г. С.).

***) Курсив здесь и дальше наш (Г. С.)

«...Иногда таким исключением была болезнь детей, недоразумения с прислугой, или ссоры между родителями, *«всегда бы ш е мне неприятными.»*

«...Я вспоминаю довольно серьезную ссору между отцом и матерью. Я тогда примирил их. Что же было причиной ссоры? Я не знаю, быть может, отец был не доволен чем нибудь, что сказала мать, быть может, просто рассердился он на нее, чтоб дать выход своему плохому настроению. *Он был очень сердит и кричал своим громким неприятным голосом. Еще ребенком питал я отвращение к этому голосу. Мать, плача, защищалась.»* (Там же стр. 49).

«...*«Я не любил его, когда он ссорился с мамой.»* (Там же стр. 86).

«...*«Серьезный, всегда задумчивый, сердитый всегда, и ищущий новых мыслей и определений — так он жил между нами, уединенный со своей громадной работой.»*

(Описание времени кризиса. Там же стр. 97).

«...*«С детства привык к уважению и страху перед ним.»* (Стр. 105).¹

Из этих отзывов сына о своем отце мы определенно видим аффективный характер отца, так что «с детства привык к страху перед ним», ибо «серьезный, всегда задумчивый, сердитый всегда» отец часто ссорился. Ссорился со своей женой, ссорился с друзьями, с прислугой и даже на детей своих он «сердился, кричал» настолько, что «горе нам, если мы их (т. е. заданных им задач) не понимали».

Эта аффективная и вспыльчивая психика преобладала над Толстым, особенно в ту эпоху его жизни, когда его религиозно-мистические идеи и настроения еще не охватили его. Как известно, этот перелом в его психике начался в начале 70-х годов и к 80-м годам закончился. Перелом этот также не произошел случайно, а является логическим следствием структуры аффект-эпилептической психики *).

Крепелин считает симптомом, свойственным аффективной эпилепсии, также приступы патологического страха смерти. Этот симптом мы имеем также у Льва Толстого.

О том, что он страдал от этих тяжелых приступов страха мы увидим сейчас.

Отметим сейчас один из наиболее ярких приступов, с которого, повидимому, и начался последующий ряд таких приступов.

В 1869 году, при поездке в Пензенскую губернию для выгодной покупки нового имения, Лев Толстой останавливается в Арзамасе и там переживает приступ *болезненного страха смерти*, беспричинной тоски.

¹) Об этом см. мою работу: „К патографии Льва Толстого“ Кн. Арх. Ген. и Одар. вып. I. 1925 г.

Он так описывает это переживание в письме к Софье Андреевне от сентября 69 года:

— «Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мною было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи: я устал, страшно хотелось спать, и ничего не болело. Но вдруг на меня напала тоска, страх и ужас, такие, каких я никогда не испытывал».

Сын его Сергей Львович, в своих воспоминаниях («Голос Минувшего» 1919 г. кн. № 1—4) также описывает этот приступ:

— В одиночестве, в грязном номере гостиницы, он в первый раз испытал приступ неотразимой, беспричинной тоски, страха смерти: *такие минуты затем повторялись*, он их называл «*Арзамасской тоской*».

(Это переживание он описывает в «Записках сумасшедшего»).

В Толстовском ежегоднике за 1913 год С. А. Толстая в ею напечатанном отрывке «Из записок Софьи Андреевны Толстой» под заглавием «Моя жизнь» сна, описывая 4-е паломничество Л. Н. в монастырь «Оптиня Пустынь» (в 1877, 1881, 1889, 1910 г.г.) замечает: «сколько напрасных тяжелых ожиданий смерти и мрачных мыслей о ней пережил Л. Н. во всей своей долголетней жизни. Трудно перенестись в это чувство вечного страха смерти...»

Да, эти приступы страха перевернули все существо Л. Н.-ча. Вся его мистика, вся его добродетельность, резиньяция жизни, отказ от барства и пр., вся его мораль и проповедь объясняется нам благодаря этим и другим психопатическим переживаниям.

Отметим также еще особенность в психике Толстого, которая также дополняет картину аффект-эпилепсии.

Это — чрезвычайная сенситивность и эмотивность.

Как известно, Л. Толстой реагировал чрезвычайно сенситивно на всякую несправедливость, на всякое зло. Этой сенситивностью и чрезвычайно повышенной чувствительностью объясняется и чрезвычайно легкая слезливость Л. Толстого.

Л. Н. легко был склонен к слезам при всякого рода эмоциональных переживаниях. Это подтверждается данными наблюдений Гольденвейзера, у которого в дневнике мы читаем (стр. 376):

— «Плакал Лев Николаевич легко, больше не от горя, а когда рассказывал, слышал или читал чтонибудь трогавшее его. Часто плакал, слушая музыку».

Вообще в дневнике его часто отмечается факт, что Л. Н. плачет по поводу того или иного переживания (неприятного или приятного характера).

«Я хотел продолжать разговор, пишет он, но к горлу что-то приступило. Я очень был слаб на слезы. Не мог больше говорить, простился с ним и с радостным умиленным чувством, глотая слезы, пошел»...

«От радости или от болезни, или от того и другого вместе я стал слаб на слезы умиления, радости. Простые слова этого милого, твердого, сильного человека, такого, очевидно, готового на все доброе и такого одинокого, так тронули меня (речь идет о случайной встрече с крестьянином), что рыдания подступили мне к горлу, и я отошел от него, не в силах выговорить ни слова».

Эта резкая склонность к слезам (сенситивность, «чувствительность») замечается еще с детства. Его за это в детстве прозвали «Лева — рева», «Тонкокожий».

Яркие примеры этой чувствительности он приводит в своем очерке «Записки сумасшедшего». Эту черту (повидимому, унаследованную от матери) он сам неоднократно отмечает в своих письмах и произведениях.

После его психического перелома эта слезливость резко увеличилась, а под старость — тем более.

Сам Лев Николаевич сознает связь этой слезливости, когда он говорил: «От радости или от болезни, или от того и другого вместе я стал слаб на слезы»...

Несомненно, что эта повышенная эмотивность, слезливость, резиньяция жизни, и прочее — есть часть симптомокомплекса аффект-эпилептической психики. Если в первый период жизни Толстого до «Арзамасского страха» проявлялся и доминировал вспыльчиво-аффективный полюс аффект-эпилептической психики, то во второй период, после перелома, доминировал другой полюс — аффективно-сенситивный. Как тот и другой в сильных приступах эмотивности реагировал припадками.

Между прочим, сам Лев Толстой довольно хорошо охарактеризовал свою аффективно-раздражительную натуру с ее переходами в сенситивную слезливость в одном полушуточном произведении под названием: «Скорбный лист душевно-больных ясно-полянского госпиталя*»), где он дает «историю болезни» всех обитателей Ясной Поляны, в шутливой форме. Надо сказать, что под этой шуткой дается меткая характеристика.

Характеристикой своей личности начинается этот «скорбный лист» и таким образом:

«№ 1. (Лев Николаевич). Санвинического свойства, принадлежит к отделению мирных. Больной одержим манией, называемой немецкими психиатрами «weltverbesserungs wahn». Пункт помешательства в том, что больной считает возможным изменить жизнь других людей словами. Признаки общие: недовольство всем существующим порядком, осуждения всех, кроме себя, и раздражительная многогоречивость, без обращения внимания на слушателей, частые переходы от злости и раздражительности к ненатуральной слезливой чувствительности**).

*) Илья Львович Толстой, «Мои воспоминания» стр. 97 изд. Ладья-Винова. Берлин.

**) Курсив наш. (Г. С.)

Резюмируя все вышеизложенное, мы приходим к следующему заключению.

Лев Николаевич Толстой страдал эпилептическими припадками, сопровождавшимися судорогами, полными или неполными, с потерей сознания и с последующей амнезией, припадку предшествовали предвестники.

Эти припадки мы диагностируем, как припадки аффективной эпилепсии, на следующих основаниях:

1. Эти припадки развились у Толстого на основе психопатической предрасположенности.

2. Припадки у Толстого всегда следовали после *каких либо аффективных переживаний*.

3. Эти припадки *не вызвали* у Льва Толстого обычного эпилептического изменения психики (в смысле слабоумия): наоборот, несмотря на глубокую старость, его психические функции стояли до конца его последних дней на свойственной ему высоте.

Помимо этого мы можем констатировать, что:

4. Лев Толстой страдал приступами патологического страха смерти.

5. Обморочными припадками и мигренью.

6. Приступами головокружения с потерей равновесия.

7. Галлюцинациями во время припадков.

8. По своему характеру Лев Толстой был одержим аффективностью и раздражительностью с одной стороны, чрезвычайной чувствительностью и слезливостью с другой стороны.

9. Помимо того он был подвержен патологическим изменениям настроения.

10. Вся эта картина аффективной эпилепсии, со всеми главными и второстепенными симптомами, развилась на почве эпилептической конституции.

Байрон.

Род Байронов изобилует душевно нервными больными. Со стороны отца: прадед был импульсивный и ненормальный человек; брат деда отличался таким же сумасбродным и ненормальным характером. Он бил свою жену, тиранил своих слуг, а на своих крестьян нагонял прямо таки ужас; он им казался воплощением дьявола. В минуты успокоения он впадал в другую крайность и целыми часами забавлялся, как дитя, игрушками. Для него делали маленькие кораблики с миниатюрными пушками, и он спускал их на свой пруд, играя в морские сражения. Бабушка поэта была психически больная женщина и мучила всех окружающих. Отец был крайне развратный человек. Сам Байрон — поэт считал его помешанным. По материнской линии: дед со стороны матери — душевно-больной, окончил самоубийством (повесился). Мать Байрона была также ненормальная. Поэт нередко называл ее фурией — «моя милая Алекта»

(имя одной из греческих фурий), — так писал про нее 18 летний Байрон, — «начинает чувствовать последствия своего безумия. Говорю серьезно, я очень обязан вашей матери (письмо это было адресовано Байроном одному из своих друзей) и всей вашей семье в том числе и Вам, что Вы помогли мне укрыться от мистрисс Байрон — furiosa»... Мистрисс Байрон умерла от одного из припадков бешенства. Виновник этого последнего припада был обойщик, представивший мистрисс Байрон черезчур внушительный счет. Кузина Байрона — Мэри Чеворт — также душевно-больная. Дочь Байрона — Аллегра, повидимому, также была ненормальная. Биограф говорит про нее: «она удивляла мечтательностью и своими радостно-мистическими снами на яву».

От рождения у Байрона одна нога была короче другой, отчего поэт остался на всю жизнь хромым. С раннего детства в Байроне обнаружилась крайняя нервность и вспыльчивость, доходившая до крайнего возбуждения гнева и бешенства по поводу самых ничтожных причин. Во время таких приступов аффективности, он часто рвал на себе одежду, однажды, во время такого приступа у него вырвали нож из руки. Иногда эти приступы кончались обмороками или эпилептическим припадком.

Всякое сильное волнение вызывало у Байрона обморок или эпилептический припадок. Когда в первый раз его вызвали по имени в школе в Кембриджском университете, то от волнения он не мог произнести ни слова и упал в обморок. Точно также эпилептические припадки у него были после сильных волнений и аффектов. Первый судорожный припадок был у него 16 лет. Затем известен припадок в театре во время представления пьесы Альфиери «Мигга». Припадки у него же участились во время его греческих походов при его неудачах в походе.

Приступы или обострения эпилептических (или эпилептоподобных) припадков вызывались нравственными потрясениями или неприятностями. Так, например, когда был решен и объявлен поход одной части отряда в Лепанто для взятия этой крепости (во время его участия в греческом восстании), телохранители Байрона и надежнейшие его воины сулиоты отказались идти против каменных стен — на Байрона это обстоятельство так повлияло, что вызвало у него сильнейший припадок, по признакам похожий на эпилепсию. Этот припадок, по его словам, был сильнейшим во всю его жизнь.

Это было в 1824 году (36 лет от роду) незадолго до смерти. Байрон по своему характеру принадлежал к типичным аффективным эпилептикам. За этот аффективный характер считался современниками, даже врачами «сумасшедшим и опасным для окружающих». Отмечаются у него резкие переходы от аффекта, вспышки гнева, к угнетению и «ипохондрию». Вообще, резкая смена характера делала его невозможным в общежитии человеком. Скандалы, авантюры, любовные похождения, разврат, азартная игра, алкоголизм, наркотизм — все это заполняло буйную жизнь поэта.

По словам Ломброзо, Байрон был подвержен также галлюцинациям.

На основании этих данных мы можем заключить, что Байрон был одержим аффективной эпилепсией, ибо припадки у него всегда были связаны с переживаниями неприятного характера — с того или иного вида аффективностью. Все другие симптомы также говорят за это.

Флобер.

О наследственности Флобера нам известны следующие данные. Отец был одержим аффективно вспыльчивым характером. Из-за этой же вспыльчивости между Флобером и его отцом происходили частые ссоры и расхождения. Мать была подвержена галлюцинациям вследствие каких-то приступов нервно-психической болезни. Также старший брат — Ахилл — болел какой-то психической болезнью. Когда Флобер посетил 11 1877 г. дом своих родителей, то он нашел своего брата в таком состоянии: «мой брат (говорит Флобер) ничего не говорит, он впал в тяжелую меланхолию вследствие тяжелого нервного расстройства. Словом, он, по моему мнению, тяжело заболел». Вообще род Флоберов отличается психопатической отягченностью. С детства сам Флобер — писатель страдал эпилептическими припадками. Первый припадок с ним случился в 1843 году во время поездки с своим братом Ахиллом. Уже с детства он был подвержен всевозможным фобиям; например, боязнь темноты и пр. Также с детства он онанист. Подвержен был также галлюцинациям, о чем свидетельствовал сам Флобер. Приступы иступления и патологического аффекта были настолько сильны у Флобера, что он в эти моменты делался агрессивным. Часто такой приступ переходил в форменный эпилептический припадок. Такая аффективность у него вызывалась пустяшной причиной. Помимо всего Флобер, будто, страдал приступами «астмы», «ревматизма» и приступами рвоты.

О том, какими тяжелыми эпилептическими припадками, часто повторявшимися, страдал Флобер, дает наглядное описание его друг Maxim du Camp, в своем литературном воспоминании. Из этого описания ясно видны отдельные симптомы, характерные для этих припадков: судорожные явления, расстройство сознания и обманы чувств. Maxim du Camp пишет в своих воспоминаниях следующее:

«Еще до того, как ему минуло 22 года от роду, Густав заболел тяжелым недугом, который в известном смысле приковывал его к неподвижности. Эта же болезнь обуславливала в нем те странности, которые часто приводили его поверхностно знакомых в неожиданное удивление.

Morbus Sacer есть тот больной невроз, та падающая болезнь, которая схватывала его и повергала в падение. Часто я в своем бессилии и растерянности принужден был присутствовать при этих ужасных припадках. Они всегда наступали одинаково

и протекали с одинаковыми сопровождающимися явлениями. Густав внезапно без всякой причины поднимал голову и делался совершенно бледным; он чувствовал ауру... его взгляд был полон страха... он говорит: в левом глазу у него пламя... Несколько секунд после у него пламя уже в правом глазу: все блестит ему, как золото. Это своеобразное состояние иногда длилось несколько минут. Затем его лицо делалось еще бледнее и получало выражение отчаяния; быстро он идет и бросается в свою кровать и ложится, почерневший и печальный, как будто он живой ложится в гроб. Затем он кричит: «Я держу возжи... Здесь извозчик... Я слышу колокольчик!.. О, я вижу фонарь от гостиницы!..», а затем он издает такой душу раздирающий крик, что остается долго в моих ушах, и начинаются судороги. После этого пароксизма судорог, которые охватывали все его тело, всегда следовал, глубокий сон и несколько дней разбитости».

Из этого отрывка мы видим характерное описание эпилептического припадка, которому предшествуют предвестники наступающего припадка, затем характерное вскрикивание перед припадком, судороги всего тела, после этого—глубокий сон и несколько дней разбитости.

581

Сам Флобер в другом месте списывал свои субъективные переживания до и во время припадков, таким образом: «*Meine Nervenfälle, die nichts sind als unfreiwillige schiefe Ebenen von Ideen und Bildern, das psychische Element springt dann über mich hinaus, und die Bewusstheit verschwindet mit dem Gefühl des Lebens*».

Из этого отрывка видно, что при припадках он теряет сознание. В другом месте он говорит;

«Моя нервная болезнь war ein Abschaum dieser intellektuellen Possen. Каждый припадок представляет как бы в некотором роде «непроизвольные излияния семени художественных способностей» его мозга; сотни тысяч образов вспыхивают при этом сразу подобно фейерверку. Es war eine Verknottung der Seele und des trotz gen Leibes (ich habe die Überzeugung, das ich mehrere Male gestorben bin)».

Характерно отметить аффективный характер Флобера и вместе с этой аффективностью связанные припадки. В этих припадках и во всей сущности комплекс эпилептических элементов как бы перелутан с комплексом истерическим, т.е. представляет именно ту картину болезни, которую Крепелин и Bratz выделили, как особую форму эпилепсии под именем аффект-эпилепсии.

Достоевский.

Весь род Достоевских по отцу представляет из себя ярко выраженную психопатическую семью. Так, уже в отношениях отца Достоевского к деду Достоевского видно, что мы имеем в лице этого деда определенно ненормальную личность. Из биографических данных нам известно,

что 15 лет от роду отец Михаил Андреевич находится в смертельной вражде с дедом, так что покидает родительский дом навсегда и с таким озлоблением, *что даже говорить об отце ему неприятно* и в течение 35 лет не любил даже вспоминать о нем. Достоевский — отец страдал запойным пьянством и был чрезвычайно жестокий, угрюмый, подозрительный, болезненно-недоверчивый человек. Дети его страшно боялись, дрожали перед ним и опасались, как бы малейшею ребяческой шалостью не вызвать у него вспышку гнева и суровости. Все эти патологические свойства характера отца естественно вызвали озлобление у детей, которые не любили отца, а боялись его. О характере отца можно судить по тому, что крепостные крестьяне его же имения убили его за жестокость, задушив его подушкой во время езды в экипаже.

Несомненно, отец — Достоевский был психически больной человек; болезнь его прогрессировала вместе с его запойным пьянством. Результатом этого и было то, что почти все его дети и потомки, включая великого писателя, были людьми психопатического склада, как это мы увидим дальше.

В характере матери Достоевского ничего патологического не имеется. Многочисленные роды истощили ее слабый организм. Умерла она, по видимому, от чахотки.

Михаил — старший брат Достоевского и младший брат его — Николай унаследовали болезнь отца, страдали запойным пьянством. Последний всю жизнь был в тягость Достоевским. Варвара, сестра Достоевского, была несомненно душевнобольная. Она после замужества сделалась богатым человеком, тем не менее страдала до крайности болезненной скупостью. Она, например, никогда не отапливала своей квартиры и проводила всю зиму в шубе, ничего не варила, покупала на всю неделю 2 раза молока с хлебом и тем кормилась. Скупость ее была баснословная.

Убил ее, вероятно, с целью грабежа, один из жильцов, живших с ней в одном доме. Ее сын — был идиот.

Старший сын брата Достоевского, Андрей Михайлович — блестящий, молодой ученый, умер от прогрессивного паралича. Второе и третье поколение вышеупомянутого брата Михаила, страдали также алкоголизмом.

Вообще вся семья Достоевских представляет из себя резко патологическую семью. О своей болезни, т. е. о своих эпилептических припадках сам Достоевский говорил таким образом:

«Мои нервы расстроены с юности». «Еще за 2 года до Сибири, во время разных моих литературных неприятностей и ссор у меня открылась какая то странная и невыносимо мучительная нервная болезнь. Рассказать я не могу об этих отвратительных ощущениях, но живо их помню: мне часто казалось, что я умираю, ну, вот, право, настоящая смерть приходила и потом уходила. Я боялся тоже летаргического сна. И странно — как только я был арестован, — вдруг вся эта моя отвратительная болезнь прошла. Ни в

пути, ни в каторге, в Сибири и никогда потом я ее не испытывал — я вдруг стал бодр, крепок, свеж, спокоен... Но, во время каторги со мной случился первый припадок падучей — с тех пор она меня не покидает. Все, что было со мной до этого первого припадков, каждый малейший случай из моей жизни, каждое лицо, мною встреченное, все, что я читал, слышал — я помню до мельчайших подробностей. Все, что началось после первого припадков, я очень часто забываю, иногда забываю совсем людей, которых знал совсем хорошо, забываю лица. Забыл все, что написал после каторги. Когда дописывал «Бесы», то должен был перечитать все сначала, потому что перезабыл даже имена действующих лиц». (Воспом. В. С. Соловьева.)

Припадки были раз в месяц, в среднем, иногда и чаще 2 припадков в неделю*). Частота припадков зависит от внешних условий жизни. Если он жил в сносных условиях и не волновался, тогда припадки прекращались на много месяцев.

Страхов в своих воспоминаниях дает описание эпилептического припадков, который он наблюдал в 1856 году приблизительно, причем он говорит, что предчувствие припадков у него всегда было. Поздно вечером, часов в 11, Достоевский пришел к Страхову и оживленно беседовал с ним. Разговор касался отвлеченной темы, и Достоевский вскоре впал в экстаз и стал ходить взад и вперед. Страхов сидел за столом. Когда последний в репликах с ним соглашался, Достоевский обращался к нему лицом, причем на лице было выражение высшей степени экзальтированного возбуждения. На момент он останавливается, как будто он хочет найти недостающее ему слово, и вот он открывает рот. «Я наблюдаю за ним с напряженным вниманием, так как чувствую, что он скажет что-нибудь необычайное, какое-либо откровение.

...«Вдруг из его открытого рта вышел странный, протяжный и бессмысленный звук, и он без чувств опустился на пол среди комнаты»... «Вследствие судорог все тело только вытягивалось, да на углах губ показалась пена». «Припадки иногда имели последствием ушибы от падения, боль мускулатуры, красноту лица, иногда выступали пятна на лице. После припадков он чувствовал себя всегда 2—3 дня разбитым, вялым, мысли не вязались, голова не работала, терял память. Душевное состояние его было очень тяжелое, он едва справлялся со своей тоской и впечатлительностью. Характер этой тоски, по его словам (Достоевского) состоял в том, что он чувствовал себя каким-то преступником, ему казалось, что над ним тяготеет неведомая вина, великое злодейство (воспоминания Страхова).

В воспоминаниях Милюкова мы находим описание сумеречного состояния у Достоевского. Достоевский, будто, на улице, при встрече с ним, знакомых обходил, при встрече в обществе не отвечал на поклоны, а иногда относительно людей, ему очень

*) Воспоминания Врангеля, Григоровича и Страхова.

хорошо знакомых, справлялся, кто это такие. Милюков считает, что эти все случаи должны быть истолкованы не как следствие гордости и самомнения, а как следствие его болезни и в большинстве случаев непосредственно после припадка.

Соловьев описывает состояние Достоевского после припадка. «Но он бывал иногда совершенно невозможным после припадка. Его нервы оказывались до того потрясенными, что он делался совсем неменяемым в своей раздражительности и странностях. Придет он, бывало, ко мне, войдет, как черная туча, иногда даже забудет поздороваться и, изыскивая всякие предлоги, чтоб побраниться, чтоб обидеть, и во всем видит себе обиду, желание дразнить и раздражать его... Все то ему кажется не на месте и совсем не так, как нужно, то слишком светло в комнате, то так темно, что никого разглядеть невозможно... Подадут ему крепкий чай, какой он всегда любил — ему подают пиво вместо чая; нальют слабый — это горячая вода... Пробуем мы шутить, рассмешить его, еще того хуже: ему кажется, что над ним смеются. Впрочем, мне почти всегда удавалось его успокоить, нужно было исподволь навести его на какую-нибудь из любимых тем. Он мало-по-малу начинал говорить, оживать, и оставалось только ему не противоречить. Через час — и он уже бывал в самом милом настроении духа. Только страшно бледное лицо, сверкающие глаза и тяжелое дыхание указывали на болезненное состояние его. Но если, случайно, в подобный день он встречался с посторонними незнакомыми людьми, то дело осложнялось». (Воспоминания В. Соловьева).

«В сношениях с живыми людьми болезненное состояние Д-кого часто сказывалось безмерной раздражительностью, почти невероятными и непонятными вспышками. Изможденное лицо, лицо сидевшего в тюрьме... фанатика сектанта, искажалось злобой и приводило в недоумение до испуга, когда он, буквально, накидывался на людей». (Воспом. В. Соловьева).

Из всех этих данных видно, что Достоевский страдал эпилептическими припадками, которые чаще всего наступали после волнений, аффектов или нравственных потрясений. Самый припадок сопровождался потерей сознания, гиперемией лица и общими судорогами. После припадка он ощущал боли в мускулах, забывал все, что происходило раньше (амнезия). Кроме того, он переживал еще типичную психическую ауру, которая переживалась им, как «несказанное чувство счастья», «чувство близости Бога». Также Достоевский переживал сумеречные состояния. Аффективность его характера и раздражительно-неуживчивый характер отмечается всеми лицами, которые с ним так или иначе сталкивались в жизни.

К патологическим симптомам его болезни отметим еще приступы патологического страха смерти и боязнь, что он впадет в летаргический сон. Эти патологические переживания настраивали его ко всякого рода мистическим переживаниям, суевериям и так называемым «загадочным явлениям».

Современники, знавшие лично Достоевского, отмечают, что часто речь его была настоящим экстазом, напоминающим то, что описано на вечере у Епанчиных, где князь Мышкин кончил эпилептическим припадком. В своих воспоминаниях *Стахеев* описывает это таким образом:

«...Сижу, бывало, слушаю, как он, не умолкая, говорит в продолжение целого вечера, и со страхом думаю, что вот-вот он сейчас с'ума сойдет, так возбуждена была его речь, и так быстро, сам того не замечая, он перескакивал с одного предмета на другой; и это оканчивалось иногда припадком».

Этот экстаз характерен для аффект-эпилептика. По словам лиц, соприкасавшихся с Достоевским, «экстаз этот принимал непререкаемый тон пророка и провидца, что часто или отталкивало от него людей, или наоборот, покоряло сердца людей».

Розенталь в своей работе «Страдание и творчество Достоевского» (вопросы изучения личности) № 1, 1919 г.) на основании анализа болезни Достоевского диагностирует у него аффект-эпилепсию.

Платэн.

Немецкий поэт Платэн (Platen) подвержен был тоже эпилептическим припадкам. Об этом он сам свидетельствует в своем дневнике. В записи, датированной 1827 года, в дневнике его, Платэн свой припадок описывает таким образом: «Моя нервная система, которая и так не была совсем здоровой, стала слабеть и расстраиваться вследствие того, что здесь климат такой, протекающий без зимы, а, может быть, также вследствие частого потребления вина и кофе. На 3-й день этого месяца, еще до вечера со мной случился форменный конвульсивный нервный припадок. Я шел с V. ndel, ем и Stadler, ом, с одним архитектором из Берна; недалеко от Sant Maria Maggiore из Villa Massini, где мы смотрели фрески некоторых живых немецких художников, и я со своими спутниками вел горячий спор, как вдруг я потерял сознание и с большой силой грохнулся на землю. Меня привезли в экипаже домой, где я только опять пришел в себя. В продолжение нескольких дней после этого случая, я впал в состояние безграничной меланхолии.

586

Из этого описания припадка Платэн'а мы видим также связь переживания аффекта (во время спора) с эпилептоподобным припадком.

Альфред Мюссэ.

Ломброзо считает Мюссэ эпилептиком. Многие данные говорят в пользу этого положения. Прежде всего говорит за то его чрезвычайно аффективный характер. Об этом, например, свидетельствует артистка Аллан, бывшая с ним в связи (см. письма Аллан, напечатанные в первом апрельском номере «Revue de Paris» в статье Леона Сэтэ). По ее свидетельству, Мюссэ отличался невозможным характером, доходившим до галлюцинаций, и постоянно пил «до чертиков». Жизнь у них была самая несчастная вследствие такого характера Мюссэ. Аллан пишет о нем: «Мюссэ был восхитителен и казался вполне достойным своих прекрасных сочинений, но зато минута блаженства сменялась самыми ужасными контрастами, когда он был одержим каким-то бесом жестокости, надменности, безумия, деспотизма и какой то злобы, доходившей до мрачной экзальтации». При этом Аллан прибавляет: «Я удивляюсь, как он не умер уже сто тысяч раз». Слова Аллан вполне оправдывают Жорж Санд в ее известных похождениях с Мюссэ. Аллан, вследствие такого характера Мюссэ, после бесконечных ссор и примирений, принуждена была окончательно порвать с ним всякую связь. В 1856 году Мюссэ умер «от тоски, отвращения к жизни и абсента» — по словам Додэ.

Ломброзо говорит, что он был галлюцинат и психически больной человек.

Относительно судорожных припадков Мюссэ мы не имеем никаких данных. Но Мюссэ несомненно отличался аффективно-эпилептическим характером.

Петр I.

К числу аффект-эпилептиков надо также отнести и Петра I, который, как известно, отличался чрезвычайно аффективным характером. Приступы возбуждения, жестокости и аффекта могли доходить у него до припадка.

Ришелье.

Наследственность: сестра у него была душевно-больная (она воображала, что у нее спина стеклянная). Ришелье страдал припадками буйства и бешенства, импульсивностью, скоро проходящей. Селли говорит о нем, что у него «сумасшествие имеет характер внезапных и скоро проходящих припадков бешенства». Ломброзо считает его болезнь психической эпилепсией. По словам биографов, он страдал какими-то судорожными припадками, которые несомненно, надо принять за эпилептические припадки, т. к. это больше соответствует всей картине болезни. Страдал в юношестве жестокими головными болями, был очень худощав, имел болезненно-бледный вид, кроме всего всю жизнь болел «мучительными нарывами, какой-то «лихорадкой», «ревматизмом» «каменной болезнью». Из других симптомов эпилепсии мы имеем приступы сумеречного состояния с галлюцинациями эпилептического автоматизма, во время которых он воображал себя лошадью и с громким ржанием бегал вокруг биллиарда. В таких случаях приходилось силою укладывать его в постель, где по прошествии некоторого времени он приходил в себя. Психический и нравственный облик Ришелье рисуется даже его поклонниками не в привлекательном виде, а его врагами — чудовищем. Его жестокость и мстительность доходили до крайностей, так же как и его доброта и мягкость. Честолюбив и властолюбив до крайности. Был очень слезлив временами, мог плакать по пустякам и раз по 15 в день, обладая при этом «сценическими способностями» (истерическая позировка). Очень религиозен — до ханжества, любил священнодействовать. Был одержим припадками «мрачной меланхолии».

Несомненно все, что на основании этих данных из картины болезни Ришелье нам вырисовывается, говорит в пользу аффективной формы эпилепсии.

Юлий Цезарь.

Как известно, Юлий Цезарь был также подвержен эпилептическим припадкам. Об этом нам известно из авторитетного источника Светония (Svetonias), который говорит, что у Цезаря в конце его жизни случались внезапные обмороки, он пугался во сне, а 2 раза у него были эпилептические припадки, которые случались с ним во время его усиленных занятий. Плутарх также говорит, что с Цезарем был припадок во время битвы при Тансе; описания припадка мы не имеем, но если мы вспомним его аффективный, деспотический, разгульный характер и ту жизнь, кото-

---

рую он вел (заставивших многих авторов сравнивать его жизнь с жизнью безумного Калигулы) — то надо думать, что более всего он подходит к аффект-эпилептикам.

Ниже приведем ряд случаев эпилептических и эпилептоидных припадков. Но во всех этих случаях не выяснен еще вопрос о том, надо ли их отнести к аффект-эпилептической конституции или нет. Вопрос этот мы оставляем пока открытым. Приводим их здесь как случаи, где эпилептические припадки в той или иной форме были констатированы.

Огарев.

О том, что Огарев страдал эпилептическими припадками, свидетельствует в своих воспоминаниях жена Достоевского — А. Г. Достоевская. Приводим здесь отрывок из этих воспоминаний на стр. 114 (Воспоминания А. Г. Достоевской, Госиздат, 1925 год).

«Огарев, тогда уже глубокий старик, особенно подружился со мной, был очень приветлив и, к моему удивлению, обращался со мной как с девочкой, какою я, впрочем, тогда и была. К нашему большому сожалению, месяца через три посещения этого доброго, хорошего человека прекратились. С ним случилось несчастье: возвращаясь к себе на виллу за город, Огарев, в припадке падучей болезни*), упал в придорожную канаву, и при падении сломал ногу. Так как это случилось в сумерки, а дорога была пустынная, то бедный Огарев, пролежав в канаве до утра, жестоко простудился. Друзья его увезли лечиться в Италию, и мы таким образом потеряли единственного в Женеве знакомого, с которым было приятно встретиться и побеседовать». (Стр. 114. Воспоминания А. Г. Достоевской, Госиздат, 1925 г.)

Данте.

Ломброзо в своей работе «Нейроз у Данте и Микель-Анжело» утверждает, что Данте страдал эпилептическими припадками. «Это видно из того, что в «Божественной комедии» он часто описывает припадки у себя самого, заключающиеся в том, что он падает и теряет сознание». Ломброзо цитирует соответствующие места. Также приводятся примеры приступов сомнамбулизма в «Чистилище» Данте и приступы экстаза в «Потерянном рае».

Александр Блок.

О том, что Блок был подвержен эпилептическим припадкам, видно из нижеследующего отрывка из воспоминаний о Блоке Вл. Пяста. (Известно, что мать его была припадочная. Повидимому, он унаследовал от нее эту склонность к припадкам):

«Наш разговор перешел на обмороки. Я спросил, случались ли они с Блоком.

*) Курсив наш (Г. С.).

— Нет, только один, но самый незначительный.

— Но, все таки, расскажите.

— Не стоит, да хорошенько не помню. Самый обыкновенный. Мне было тогда лет шестнадцать. Я много читал в тот день; должно быть, кровь прилила к голове, и я упал на мгновение без сознания (курсив мой Г. С.). Вошла мама, и я сейчас же очнулся.

«Я рассказал про свой обморок, тоже бывший со мною лишь однажды.

«В момент падения вся моя жизнь точно пронеслась перед моими глазами. Все ее образы путались с неестественными образами людей, находившихся со мною в комнате, которые проплывали склоняясь снизу вверх, перед моими глазами... Мое падение длилось... и мгновение и вместе — не ошибусь, если скажу — время, равное веку... Но с экстазом, как выхождением из чувственного мира, этот обморок не имел ничего общего. Все образы были из этой жизни чувственные, так сказать, биографические».

Блок (отвечает)—нет, у меня при обмороке ничего даже и этого не было. (Воспоминания о Блоке» Вл. Пяст.1923 г., изд. «Атеней» стр. 28).

589

Диккенс.

Он страдал головокружениями, с потерей памяти, похожими, на эпилептические припадки. Ломброзо определяет его припадки как эпилептические.

Мальборо.

Он был подвержен головокружениям, похожим на эпилептические припадки, и припадкам, которые сопровождались конвульсиями.

Биконсфильд.

Биконсфильд был также подвержен головокружениям, похожим на эпилептический припадок. Еще в юношестве постигла его эта болезнь, которую доктора того времени не могли никак определить. С ним сделался припадок головокружения, притом настолько сильный, что длился целую неделю. Врачи посоветовали ему путешествие, что было сделано, но это лишь немного помогло восстановлению его здоровья.

Перейдем теперь к анализу характера эпилепсии у великих людей. О том, что гениальная форма эпилепсии с ее типичным характером прогрессиентности, и с исходом в слабоумие — совершенно исключается, мы уже говорили выше. У нас нет никаких данных для того, чтоб об этом говорить или вводить эту форму эпилепсии в круг наших рассуждений.

О какой же форме эпилепсии может быть речь?

Из всех приведенных нами здесь случаев, где говорится о судорожных припадках, бросается в глаза одно характерное обстоятельство: всегда этим припадкам *предшествует повышенное аффективное переживание*. Так, Лев Толстой в периоды, когда жизнь его протекает без волнений — припадков не знает, но как только появляются неприятные переживания (более или менее тяжелого характера) — у него они сопровождаются припадками (см. выше). Точно также у Достоевского: в более или менее «хорошее» для него время, припадки его прекращались. Но как только случается какая либо неприятность (а их он имел не мало) — он реагирует припадком. Это обстоятельство (т. е. связь припадков с аффективностью) между прочим подчеркивает в своих воспоминаниях его жена (см. «Воспоминания А. Г. Достоевской», Госиздат, 1925 г.).

О Наполеоне свидетельствует Талейран появление припадка, когда он выбежал из комнаты Жозефины *гневно*, схватив Талейрана, в соседнюю комнату, где и упал в конвульсиях с пеной у рта, следовательно, и здесь аффект вызывает припадок.

О Чайковском говорит его биограф, что обычно припадки (или эквиваленты этих припадков), совпадали с тягостными событиями и «испытаниями, порой, чисто житейского характера» (Игорь Глебов).

У Байрона приступы также вызываются нравственными потрясениями. Так, например, когда был решен и объявлен поход одной части отряда в Лепанто для взятия этой крепости (во время его участия в греческом восстании), телохранители Байрона и надежнейшие его воины-сулиоты отказались идти против каменных стен. На Байрона это обстоятельство так повлияло, что вызвало у него сильнейший припадок. Этот припадок, по его словам, был сильнейший во всю его жизнь. Вообще, этот период неудач вызвал у него учащение припадков.

Платэн описывает свой припадок после того, как пережил повышенную раздражительность при одном споре с приятелями. Точно также у Эдгара Поэ, Флобера, Берлиоза припадки связывались с теми или иными аффективными переживаниями. Это обстоятельство дает нам основание сделать заключение, что великие и замечательные люди подвержены той форме эпилепсии (resp. той эпилептической конституции), которая выделена была Крепелином и Bratz'ом в свое время под именем *аффективной эпилепсии*.

Как известно, Крепелин и Bratz выделяют аффективную эпилепсию как особую форму, где, во-первых, отсутствует прогредиентное течение болезни с исходом в слабоумие, присущее генуинной эпилепсии, во-вторых, где припадки связываются с аффективными переживаниями данной личности, следовательно, носят психогенный характер. Эти 2 основных момента служат теми главными признаками, по которым вышеупомянутые авторы отделяют эту аффективную эпилепсию от генуинной формы.

эпилепсии. Кроме того, вышеупомянутые авторы считают характерными для аффективной эпилепсии еще и следующие симптомы: наличие психопатической предрасположенности, патологические изменения настроения, приступы патологического страха, состояния затемнения сознания с самообвинениями, иногда с галлюцинациями, бывают также сильные приступы возбуждения с затемнением сознания.

Бросается в глаза в симптомокомплексе аффективной эпилепсии по Крепелину смесь симптомов специфически истерического характера с эпилептическими симптомами. Кроме того, еще то, что мужской пол более подвержен этому заболеванию, нежели женский. На основании клинического течения этой болезни Крепелин считает все таки это заболевание ближе стоящим к эпилепсии, нежели к истерии. Имеются ли все данные симптомов у всех нами здесь приводимых имен великих и замечательных людей?

Выше мы констатировали следующие данные:

1. Наличие той или иной формы эпилептических или эпилептоподобных припадков.

2. Наличие связи этих припадков с аффективными или эмотивными переживаниями.

3. Отсутствие того характерного течения, имеющего прогрессирующий характер с исходом в слабоумие. Помимо всех этих симптомов имеются еще и другие характерные симптомы. Психопатическая предрасположенность, считающаяся Крепелином необходимым условием для аффективной эпилепсии, имеется во всех приводимых нами выше случаях. Мы выше приводим данные наследственного отягощения у Толстого, Достоевского, Эдгар Поэ, Флобера, Наполеона, Байрона, Чайковского.

Приступы сумеречного состояния с галлюцинациями и с бредовыми состояниями мы отмечаем у Достоевского, Толстого, Поэ, Чайковского. Приступы патологического страха смерти у Толстого, Достоевского, Поэ, Флобера, Чайковского. Патологические изменения настроения, смена депрессии, экстаза, возбуждения с прочими состояниями мы имеем у всех приведенных личностей почти без исключения. Приступы аффекта с затемнением сознания—у Достоевского, Поэ.

Таким образом, мы имеем все основания для того, чтоб диагностировать аффект-эпилепсию у великих и замечательных людей, как форму преобладающую для них. И если дополнительные исследования по отношению к другим великим и замечательным людям, страдавшим эпилептическими заболеваниями, покажут, что и они подвержены той же форме заболевания, то мы будем иметь основание утверждать следующие положения:

1. Психическая конституция всякого гениально-одаренного человека, у которого есть в наличии эпилептические или эпилептоидные заболевания, есть обязательно конституция аффект-эпилептическая, а не какая либо другая (конечно, возмож-

ные формы симптоматической или органической эпилепсии в круг наших рассуждений не входят: речь идет здесь об эпилептических заболеваниях, связанных с конституцией).

2. Из всех форм эпилептических конституций (если можно говорить об отдельных эпилептических конституциях в смысле Kleist'a) наиболее благоприятной для разряда гениальной одаренности будет — аффект-эпилептическая конституция.

При изучении специальной эвропатологии гениальных эпилептиков мы должны будем это учесть.

Лермонтов с точки зрения учения Кречмера.

Д-ра М. Соловьевой (Смоленск).

Изучение строения тела, связь его с отдельными заболеваниями мы находим уже в давнее время. Всем известны подразделения, выработанные педиатрами на типы конституций — артритическую, лимфатическую, эксудативную; в Германии распространяется французская номенклатура: Type cerebrale, respiratoire, musculaire и digestif, но такое подразделение, благодаря неясности, частичной обоснованности и неточности, не дает понимания о взаимоотношениях тела и психики. Поэтому громадным достижением в этой области является работа Кречмера «Строение тела и характер». В последнее время Кречмеровское учение о связи между строением тела и характером вызвало среди психиатров большой интерес к этому вопросу. Кречмер часто приводит в своих работах иллюстрации (на типах) из среды великих и замечательных людей. Поэтому было бы весьма своевременно с точки зрения учения Кречмера осветить личность Лермонтова. Возможно ли отнести к какой либо группе по классификации Кречмера великого поэта Лермонтова, можно ли найти зависимость между строением тела и его психикой, объяснить некоторые особенности его творчества, считающиеся загадочными и спорными, подтвердят ли полученные выводы, хотя бы частично, учение Кречмера — вот моя ближайшая задача. Имеющийся материал о Лермонтове, его наследственности, некоторых периодах его жизни является весьма скудным. Тем не менее характер этой наследственности определенно обрисовывается приводимыми ниже данными (со стороны матери). О наследственности со стороны отцовской линии нам ничего не известно. Кой-какие данные мы имеем лишь относительно отца Лермонтова. Известно, что Юрий Петрович — отец Лермонтова — был человек вспыльчивый, подчас грубый самодур. Вспыльчивость давала повод к весьма грубым и диким проявлениям. В одну из поездок он поднял руку на свою жену. Немногие, помнящие Юрия Петровича называют его красавцем-блондином, сильно нравящимся женщинам, привлекательным в обществе, веселым собеседником, «Воп vivant» как называет его воспитатель Лермонтова — Зиновьев.

Мать поэта, Мария Михайловна, происходила из рода Столыпиных, отличавшихся строгим выполнением принятых на себя

обязанностей, рыцарским чувством, чрезвычайной выдержкой, правдивостью, вспыльчивостью, упрямством и самодурством. Бабушка *Лермонтова* — Елизавета Алексеевна, урожденная *Столыпина*, дочь Пензенского помещика А. Е. *Столыпина* — человека для своего времени весьма образованного и развитого, увлекавшегося театром, охотника до кулачных боев и побед, давшего своему многочисленному семейству отличное воспитание. Многие из членов этой семьи представляют собою людей с недюжинным характером, самостоятельных и даровитых. Старший брат Елизаветы Алексеевны — Александр Алексеевич — адъютант Суворова, Д. А. — генерал-лейтенант, А. А. — обер-прокурор Сената, с ним был в деятельной переписке *Сперанский*. Одна из сестер бабушки Ек. А. отличалась «неустрасимым характером». Живя близ *Пятигорска* в своем имении, часто подвергавшемся нападению горцев, она мало обращала внимания на опасности. Если тревога пробуждала ее от ночного сна, она спрашивала о причине звуков набата, не пожар ли? Когда ей докладывали, что это не пожар, а набег, то она спокойно поворачивалась на другую сторону и продолжала прерванный сон. Бесстрашие ей доставило в кругу родных и знакомых шуточное название «авангардной помещицы». Сама Ел. Ал. была среднего роста, стройна, со строгими решительными, но весьма симпатичными чертами лица, держалась она прямо, всем говорила ты, никогда не стеснялась высказать, что считала справедливым. Настойчивый и решительный характер ее в молодые годы носил на себе печать повелительности и, может быть, отчасти деспотизма. Строгий повелительный вид доставил ей имя «Марфы-посадницы» среди молодежи — товарищей Михаила Юрьевича по юнкерской школе. Дедушка поэта (по матери) Мих. Вас. *Арсеньев* покончил жизнь свою самоубийством — отравился. Будучи влюблен в княжну, живущую по соседству с их имением, он однажды на балу, устроенном в их доме, тщетно ожидал ее прибытия. Ел. Ал. выслала на встречу княжне своих слуг с отказом. Последняя вернулась домой и прислала М. В. записку, по прочтении которой он принял яд. Умер 42 лет. От брака Е. А. и М. В. была одна дочь, Мария Михайловна. М. М. — мать поэта — с детства была ребенком слабым и болезненным, и взрослая все еще выглядела хрупким, нервным созданием. Она была очень сентиментальна и мечтательна, отличалась исключительной добротой; тяжело больная, в злой чахотке сама обходила нуждающихся крестьян, лечила их, помогала им в беде. В *Тарханах* долго помнили, как тихая, бледная барыня, сопровождаемая слугою — мальчиком, носившим за нею лекарственные снадобья, переходила от одного крестьянского двора к другому с утешением и помощью, помнили, как возилась она и с болезненным сыном. М. М. была одарена музыкальной душой. Посадив ребенка своего к себе на колени, она заигрывала на фортепиано, пела ему, а он, прильнув к ней головкой своей, сидел неподвижно, звуки как бы потрясали его душу, и слезы катились по его личику. Мать передала ему необычайную

нервность свою. Всегда они были вместе — эта тоскующая мать и ребенок. Она писала в альбом стихи, а сын тут же набрасывал свои первые детские рисунки. С мужем М. М. жила нехорошо; вскоре после свадьбы вышли недобрые столкновения из-за проживающей у Ю. П. особы, занимавшей место, на которое имела право только его жена. На 22-м году М. М. скончалась от туберкулеза.

Из этих немногочисленных данных, которые мы здесь приводили о родственниках Лермонтова, вырисовывается характер наследственности Лермонтова. Некоторых из его родственников можно определенно отнести к шизоидам и шизотимикам. Так, одна сестра бабушки (со стороны матери) отличалась «неустрасимым характером» («авангардная дама»). Сама бабушка — «Марфа-посадница» — резкая, решительная, настойчивая и деспотичная особа. Все эти черты характерны для шизотимиков. Дедушка по матери 42 лет окончил самоубийством. Мать нервная, мечтательная, туберкулезная особа, должна быть отнесена к шизоидам. Отец — резко патологический самодур; вспыльчивый, жестокий с грубыми и дикими проявлениями характера, кутила и «легкомысленный в своем поведении». По всем этим данным мы также можем заключить, что он был шизоид.

Перейдем теперь к личности самого поэта.

Родился Лермонтов в 1814 году с 2 на 3 октября со всеми признаками тяжелой физической наследственности — упорной золотухи, рахитизма, повышенной нервности. Развитие характера мальчика мы имеем во втором отрывке из неоконченной повести. Саша Арбенин живет в деревне, окруженный женским элементом, под руководством няни: с нею Саша странствует по девичьим, или же девушки приходят в детскую. Саше было с ними очень весело. Они его ласкали, целовали наперерыв, рассказывали ему сказки про волжских разбойников, и его воображение наполнялось чудесами храбрости и картинами мрачными и понятиями противоположенными. Он разлюбил игрушки и начал мечтать. 6-ти лет он уже заглядывался на закат, усеянный румяными облаками, и непонятно сладостное чувство волновало его душу, когда полный месяц светил в окно на его детскую кроватку. Саша был преизбалованный, пресвоевольный ребенок. Он 7-ми лет умел уже прикрикнуть на непослушного лакея, он умел с презренным видом улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тем природная склонность к разрушению развивалась в нем необыкновенно. В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, усыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный камень сбивал с ног бедную курицу. В этот период он заболевает корью, которая осложняется какой то новой тяжелой болезнью. Характер этой новой болезни нам неизвестен, но известно, что он был при смерти, и тяжелый недуг оставил его в совершенном расслаблении; он не мог ходить, не мог приподнимать ножки. Целые три года оставался он в самом жалком положении. Болезнь имела влияние на характер

Саши: он выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Он начал замыкаться. Воображение стало для него новой игрушкой. В продолжении долгих мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он привыкал уже побеждать страдания тела, отдаваясь аутистическим переживаниям. Он воображал себя волжским разбойником, среди синих и студеной волн, в тени дремучих лесов, в шуме битв, в ночных наездах, при звуке песен под свистом волжской бури. Как Саша Арбенин — Лермонтов перенес трудную продолжительную болезнь. Как Саша Арбенин, он был порой жесток, порой же очень мягок и отзывчив, вступался за крепостных и просил прощения у обиженного. 10-ти лет бабушка везет Лермонтова для поправления здоровья на Кавказ. К этому возрасту относится и его первая любовь.

Вторично поэт влюбляется в возрасте 12 лет. 13 лет бабушка отдает Лермонтова в московский пансион. В пансионе Лермонтов учился хорошо. Из всех этих данных мы видим, что Лермонтов родился физически болезненным ребенком (рахит, золотуха и вообще болезненное состояние). С самого раннего детства у него уже проявлялись черты шизоидной натуры: жестокость, наряду с этим необыкновенная доброта и чувство справедливости, страсть к разрушению, раздражительность, капризность, упрямство, склонность к чрезмерному фантазированию, ранняя влюбленность аутистическая замкнутость, болезненная чуткость и сознание собственного превосходства.

Согласно уговора отца, мальчик до 16 лет должен был оставаться у бабушки, но вот наступил и 16-й год. Лермонтов в это время перенес страшные мучения, которые чуть не довели его до самоубийства. Мысль о самоубийстве мы встречаем в произведениях «Люди и страсти», «Странный человек» и в стихотворениях. Вся борьба между отцом и бабушкой — существами, которых Лермонтов любил много, сосредоточилась на нем. Сначала Лермонтов хотел уехать к отцу, но слезы и скорбь бабушки сделали то, что не могли сделать упреки и угрозы. Отец уехал и вскоре скончался. Смерть отца вызвала у него чрезвычайно сильную реакцию, настолько, что повергла поэта в тяжелое состояние скорби. Он уходил в уединенные места, в лес, поле, на кладбище или проводил бессонные ночи, глядя сквозь окна в ночную тьму, а в голове стучала безысходная мысль покончить с собой. Покой могилы манил его. С таким мрачными думами сидел он у окна своего в Середникове, когда написал свое «Завещание». Висковатый об этом периоде говорит следующее: «Постигшее горе не могло не оставить глубокого следа на характере поэта. Он, что называется, ушел в себя, явилось в нем что-то надломленное. С одной стороны жажда любви, сочувствия, с другой — недоверие к людям и счастью. Он еще больше ушел в природу и в ней отдыхал, и искал облегчения раненой душе своей; не тогда ли в нем родилось обыкновение скрывать от всех все, что было ему особенно

близко и свято. Он весь уходит в аутистическое состояние. Он выказывал людям только внешнюю разгульную сторону свою, то, что немцы называют *galgenhumor*. Это шутки и юмор человека, идущего на смерть и не желающего, чтобы видели, что душа его смертельно поражена. Свое горе по отце он вверял лишь бумаге».

16-тилетним юношей *Лермонтов* поступает в Московский университет. Появление в аудитории этого мрачного необщительного лица поразило товарищей. *Вистенгоф* передает весьма характерный рассказ о том, как держал себя *Лермонтов* в первое время пребывания в университете и какое он производил впечатление на студентов. Тут *Лермонтов* резко выделяется своей замкнутой и эксцентрической натурой.

«Мы стали замечать, что в среде нашей аудитории, между всеми нами один только человек как-то рельефно отличался от других (говорит *Вистенгоф*): он заставил нас обратить на себя особенное внимание. Этот человек, казалось, сам никем не интересовался, избегал всякого сближения с товарищами, ни с кем не говорил, держал себя совершенно замкнуто и в стороне от нас, даже и садился он постоянно на одно место всегда отдельно в углу аудитории, у окна; по обыкновению, подпершись локтем, он читал с напряжением, сосредоточенным вниманием, не слушая преподавания профессоров. Вся фигура этого человека возбуждала интерес и внимание, привлекала и отталкивала. Мы знали только, что фамилия его *Лермонтов*. Прошло около двух месяцев, а он неизменно оставался с нами в тех же неприступных отношениях. Студенты не выдержали. Такое обособленное исключительное поведение одного из среды нашей возбуждало толки. Одних подстрекало любопытство, некоторых сердило. Каждому хотелось ближе узнать этого человека, снять маску, скрывавшую затаенные его мысли, и заставить высказаться. Однажды студенты, близко ко мне стоявшие, считая меня за более смелого, обратились ко мне с предложением отыскать какой нибудь предлог для начатия разговора с *Лермонтовым*. «Вы подойдите, *Вистенгоф*, к *Лермонтову* и спросите, какую это он читает книгу с таким постоянным напряженным вниманием». Недолго думая, я отправился. «Позвольте спросить вас, *Лермонтов*, какую это книгу Вы читаете. Без сомнения очень интересную, судя по тому, как Вы в нее углубились. Нельзя ли ею поделиться и с нами?». Взглянув на книгу, я успел только распознать, что она была английская. Он мгновенно оторвался от чтения. Как удар молнии, сверкнули его глаза, трудно было выдержать этот насквозь пронизывающий неприветливый взгляд. «Для чего это Вам хочется знать? Будет бесполезно, если я удовлетворю Вашему любопытству. Содержание этой книги Вас несколько не может интересовать, потому что Вы не поймете тут ничего, если я даже и сообщу Вам содержание ее», ответил он резко, приняв прежнюю позу и продолжая читать. Как бы ужаленный бросился я от него. *Лермонтов* и далее продолжал держать себя по-прежнему». *Вестин-*

гоф говорит: «Видимо было, что *Лермонтов* имел грубый, дерзкий заносчивый характер, смотрел с пренебрежением на окружающих, считал их всех ниже себя. Хотя все от него отшатнулись, а между прочим—странное дело, какое-то непонятное, таинственное настроение влекло к нему и заставляло вести себя сдержанно в отношении к нему, в то же время завидуя стойкости его угрюмого нрава. Вне стен университета *Лермонтов* точно также чуждался нас. Он посещал великолепные балы тогдашнего благородного собрания, являлся на них изысканно одетым, в сообществе прекрасных светских барышень, к коим относился также фамильярно, как и к почтенным влиятельным лицам. При встрече с нами он делал вид, что будто не знает нас. Большинство чувствовало существование какой то преграды между собою и *Лермонтовым*, преграды, не позволявшей близко с ним сходиться».

В автобиографической драме «Странный человек» *Лермонтов* дает отдельную сцену, в одной из них говорит об отсутствующем товарище *Владимире Арбенине*, под именем которого — *Лермонтов* в некоторой степени рисовал самого себя. *Арбенин* странный человек. То шутит и хохочет, то вдруг замолчит и делается подобен истукану, или вдруг вскочит, убежит, как будто потолок провалился над ним. Ни в один из существовавших кружков *Лермонтов* не входил. С профессорами у М. Ю. были столкновения; так, профессору *Победоносцеву* на его замечание, чтобы *Лермонтов* отвечал то, что именно читал профессор, а не почерпнутое им из других книг, *Лермонтов* ответил: «Это правда, господин профессор, Вы нам этого, что, я сейчас говорил, не читали и не могли читать, потому что это слишком ново и до Вас еще не дошло. Я пользуюсь научными пособиями из своей собственной библиотеки, содержащей все вновь выходящее на иностранных языках». Подобный же ответ был раньше дан профессору *Гастену*. Может быть, вследствие такого столкновения, может быть, вследствие неудачного экзамена, но продолжать курс в Московском университете оказалось неудобным. Он решил перейти в Петербургский, но там ему отказали зачесть предыдущие годы, тогда он решил поступить юнкером в полк и училище, из коего мог выйти уже в 1834 г. и, следовательно, выиграть два года. Своей подруге он пишет, что сами обстоятельства наталкивают его на путь, в душе ему не совсем чуждый. *Лопухиной* М. А. он пишет так: «Не могу представить себе, какое действие произведет на Вас моя великая новость—до сих пор я жил для поприща литературного, принес столько жертв своему неблагоприятному идолу и вот теперь я воин. Быть может, тут есть особая воля Провидения, быть может, этот путь короче всех и если он не ведет к моей первой цели, может быть, по нем дойду до последней цели всего существующего; ведь лучше умереть с свинцом в груди, чем от медленного старческого истощения». По поводу перехода *Лермонтова* в школу юнкеров, *Висковатый* приводит следующее: «Часто приходится слышать недоумение или порицание тому, что *Лермонтов* мог перейти из университета в военную школу, ко-

---

торая представляла своим строем и программой воспитательное заведение; стоявшее несравненно ниже университета. Кажется непонятным, как развитой студент Московского университета мог решиться на такую перемену и не только вступить, но и окончить воспитание в школе». Петербург и общество сразу не понравились *Лермонтову*. Он отстранился от него и ушел в самого себя. По приезде туда в 1832 году он пишет своей приятельнице: «Вы просите назвать, всех у кого я бываю: из всех лиц, с которыми я бываю, приятнейшее общение — это я. Правда, по приезде я навещал довольно часто родных своих, с коими должен был познакомиться, но под конец нашел, что лучший из родственников моих—это я сам». Теперь он еще более уходит в себя, еще больше скрывает от товарищей свой внутренний мир, выказывает только одну сторону — отзыв на их затеи, или же в сердечной скорби глумится над собою и окружающими. Он сразу получил репутацию лихого юнкера. Желание первенствовать было причиной случая, едва не имевшего весьма печальных последствий. Раз, после езды в манеже, будучи еще, по школьному выражению, новичком, подстрекаемый старыми юнкерами, он, чтобы показать свое знание в езде, силу и смелость, сел на молодую лошадь, еще не выезженную, которая начала беситься и вертеться около других лошадей. Одна из них ударила Лермонтова в ногу и расшибла ему ее до кости. Лермонтов проболел несколько месяцев, всю жизнь после этого он слегка прихрамывал. От товарищей М. Ю. любил удаляться; по вечерам, после учебных занятий, поэт часто уходил в отдаленные классные комнаты, стараясь пробраться туда незамеченным товарищами, и там один просиживал долго и писал до поздней ночи. В 1834 году юнкера издавали журнал «*Школьная Заря*». Тут Лермонтов поместил ряд своих поэм, заслуживших ему известность нового *Баркова*. Произведения эти отличались жаркой фантазией и подчас прекрасным стихом, но отталкивали своим цинизмом и грязью. В это время он пользовался репутацией эротического поэта. Бывали случаи, что сестрам и женам запрещали говорить о том, что они читали произведения *Лермонтова* — это считалось компрометирующим. *Пыпин* делает такое заключение о влиянии на Лермонтова лет, проведенных в школе: «Лермонтов, в детстве мало общительный, не был общителен и в школе. Он представлял товарищам своим шуточные стихотворения, но не делился с ними тем, что выказывало его задушевные мысли и мечты, только немногим ближайшим друзьям он доверял свои серьезные работы. У него было два рода серьезных интересов, две среды, в которых он жил, очень непохожие одна на другую — и если он старательно скрывал лучшую сторону своих интересов, в нем, конечно, говорило сознание этой противоположности. Его внутренняя жизнь была разделена и беспокойна. Его товарищи, рассказывающие о нем, ничего не могли рассказать, кроме анекдотов и внешних случайностей его жизни». Два года, проведенные в школе, *Лермонтов* считает страшными годами. Известно, что за разные «шало-

сти» и мелкие проступки *Лермонтов* очень часто сидел на гауптвахте. То он являлся на развод с маленькой чуть, не детской игрушечной саблей, то, отсидев за это, завел саблю больших размеров, которая при его малом росте, казалась еще громаднее и, стуча о панель или мостовую, производила ужасный шум. По свидетельству *Растопчиной* проказы, «шалости» и шутки всякого рода, после пребывания *Лермонтова* в школе гвардейских подпрапорщиков, сделались его любимым занятием. «Насмешливый, едкий, ловкий, вместе с тем полный ума, самого блестящего, богатый, независимый, он сделался душою общества молодых людей высшего круга, он был запевалой в беседах, в кутежах, словом, всего того, что представляла жизнь в эти годы». К этому периоду жизни *Лермонтова* относится его встреча с *Е. А. Хвостовой*, отвергнувшей его любовь в 15 лет. Он снова стал ухаживать за ней из расчета, в чем сознается в письме к *Верещагиной*, мстит за прошлое, компрометируя перед светом и, наконец, когда родители ее считали его уже женихом, он шлет анонимное письмо, в котором уговаривает изгнать *Лермонтова* из дома, при этом описывает про себя всякие ужасы.

В 1837 году, узнав о смерти *Пушкина*, *Лермонтов* следующим образом реагировал на нее: написал стихи на смерть *Пушкина*. Он лежал дома нервно-больной, расстроенный. Узнав подробности от пришедшего к нему *Столыпина* *М. Ю.* вступил с последним в горячий спор. Запальчивость поэта вызвала смех со стороны *Столыпина*, который тут же заметил, что у *Мишеля* слишком раздражены нервы. Но поэт был уже в полной ярости, он не слушал собеседника и, схватив лист бумаги, да сердито поглядывая на *Столыпина*, что-то быстро чертил по нем, ломая карандаши по обыкновению один за другим. Увидав это, *Столыпин* полушопотом и улыбаясь заметил: «la poésie enfante». Наконец, раздраженный поэт напустился на собеседника, назвал его врагом *Пушкина* и кончил тем, что закричал, чтобы он сию же минуту убирался, иначе он за себя не отвечает. *Столыпин* вышел со словами: «Но он совсем сумасшедший». Через четверть часа *Лермонтов*, переломавши с полдюжины карандашей, прочел *Юрьеву* заключительные 16 строк своего стихотворения. За эти стихи он был в 1837 году 26 февраля переведен в Нижегородский гусарский полк на Кавказ, откуда возвратился вновь в Петербург в 1838 году, как говорит *Висковатый*, другим человеком. «Юношеская веселость уступала все чаще припадкам меланхолии». Сам поэт говорил про себя: «Я здесь по-прежнему скучаю». В 1840 году состоялась дуэль между *Де-Барантом* и *Лермонтовым*. Причиной дуэли большинство считает четверостишие, в котором *Лермонтов*, оскорбленный предпочтением, с цинизмом отозвался о предмете страсти *Де-Барант*. *Лермонтов* снова отсылается на Кавказ, где состоит под начальством генерала *Галафеева*. Барон *Россильон*, бывший в отряде *Галафеева* старшим офицером, сообщает следующее про *Лермонтова*: «*Лермонтов* был неприятный насмешливый человек и хотел казаться чем то особенным. Он хвастал своей храбростью,

---

как будто на Кавказе, где все были храбры, можно было кого либо удивить ею. Лермонтов собрал какую то шайку головорезов. Они не признавали огнестрельного оружия, врезывались в неприятельские аулы, вели партизанскую войну и именовались громким именем «Лермонтовского отряда». Длилось это недолго, впрочем, потому что Лермонтов нигде не мог усидеть, вечно рвался куда то и ничего не доводил до конца. Когда я его видел на Сулаке, он был мне противен необычайной своей неприятностью, он носил красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и выглядела почерневшею из-под вечно расстегнутого сюртука поэта. Гарцевал Лермонтов на белом, как снег, коне, на котором, молодецки заломив белую холщевую шапку, бросался на чеченские завалы. Чистое молодечество, ибо кто же кидался на завалы верхом. Мы над ним за это смеялись». Ходил Лермонтов всегда небритым, в походе он отпустил себе баки и дал волю волосам расти и на подбородке — это было против правил формы, но растительность у Лермонтова на лице была так бедна, что не могла возбудить серьезного внимания строгих блюстителей устава. Боевая жизнь Лермонтову нравилась. Ему доставляло как будто особенное удовольствие вызывать судьбу. Опасность или возможность смерти делали его остроумным, разговорчивым, веселым. Лермонтов часто переступал установленные служебные правила, он очень любил «шалости» и всевозможные выходки, за что Краевский называет его «странным». Князь Васильчиков о «шалостях» Лермонтова говорит следующее: «Лермонтов был шалун в полном ребяческом смысле слова и день его разделялся на две половины между серьезными занятиями и чтением и такими шалостями, какие могут придти в голову разве только 15-ти летнему мальчику; например, когда к обеду подавали блюдо, то он с громким смехом бросался на него, вонзал свою вилку в лучшие куски, опустошал все кушанья и часто оставлял всех без обеда. Чем больше и серьезнее он работал, тем, казалось, чувствовал большую необходимость дурачиться и выкидывать разные чудачества». В Пятигорске многие называли Лермонтова выскочкой, задирой, ожидали случая, когда ктонибудь, выведенный им из терпения, прочит «ядовитую гадину». И вот на одном из вечеров 13-го июля 1841 года Лермонтов своей даме сказал остроту о Мартынове. Слово *poignard* раздалось громко по всему залу. В результате со стороны Мартынова последовал вызов и 1841 года 15-го июля Лермонтов был убит.

601

Любовь, играя важную роль в жизни каждого человека, особенно знаменательна в судьбе Лермонтова. Первое увлечение относится, как было уже сказано, к 10-ти годам, затем в 12-ть, 15-ть лет и далее. Иногда было достаточно мимолетной встречи, чтобы сердцем поэта овладело бесплотное видение и заставило его забиться неясным любовным трепетом. Среди многих мимолетных привязанностей, как всеми биографами, так и критиками признана была глубокая и искренняя любовь к В. А. Лопухиной. Интересно проследить его отношение к ней. Любовь их имела

характер неясный, колеблясь между братскими чувством и влюбленностью. Варенька ему казалась изменчивой, непонимающей его, в стихотворениях к ней отразились все колебания чувства от нежнейших привязанностей до горьких упреков, до выражения ревности, негодования, вспышек ненависти, но во всяком случае непритворного душевного страдания. *Лермонтов* и сам не мог дать ясного отчета в чувстве своем; то полный восторженной радости, то мрачного отчаяния, ревности или презрения, он и отходил, и вновь возвращался к любимому существу, полный стыда и отчаяния. Уехав в Петербург, он хранит упорное молчание, хохочет, когда ему говорят о ней, увлекается другими. Но вот она выходит замуж за *Бахметьева*: одно известие о свадьбе возмущает *Лермонтова*, в нем опять пробуждается чувство, он не находит себе места. «Мы играли с Мишеlem в шахматы», рассказывает *Шан-Гирей*, человек подал письмо; Мишель начал его читать, но вдруг изменился в лице и побледнел: я испугался и хотел спросить, что такое, но он, подавая мне письмо, сказал: «вот новость, прочти» и вышел из комнаты. Это было известие о предстоящем замужестве *Лопухиной*. По выходе *Лопухиной* замуж — *Лермонтов* всю жизнь мстит ей, осмеивая *Бахметьева*. *Котляревский* говорит так: «*Лермонтов* был великий мастер любовной песни во всех ее отношениях, конечно, потому, что умел любить: любил он часто и глубоко, и мимолетно и несомненно, что этот порядок чувств был одним из тех, с которыми ужиться ему было всего легче». *Андреевский*, характеризуя *Лермонтова*, высказывает следующее: «Любовь дразнила *Лермонтова* своим неизменно повторяющимся и каждый раз исчезающим подобием счастья. Он любил мстить женщинам за это постоянное раздражение. Едва ли не отсюда произошло его злобное дон-жуанство, холодное кокетство с женщинами, вызывавшие столько нареканий на его память. *Печорин* сам презирает в себе эту недостойную игру с женщинами, но сознается, что никак не может отстать от нее: я «только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радость и страдания, и никогда не мог насытиться: нехоти было бы мне говорить о них с такой злостью, мне, который кроме их ничего на свете не любил, мне, который всегда готов им жертвовать спокойствием, честолюбием, жизнью. Но я не в припадке досады и оскорбленного самолюбия стараюсь сдернуть с них то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взор проникает. Нет, все, что я говорю о них — есть следствие «ума холодных наблюдений и сердца горестный полет». Первое страдание дает удовольствие мучить другого... Я был готов любить весь мир, меня никто не понял, и я выучился ненавидеть». А вот следующие откровенные слова *Лермонтова* о любви и дружбе: «Есть неотъемлемое наслаждение в обладании молодой едва распустившейся души. Она, как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца, его надо сорвать в эти минуты и, подышав им досыта, бросить на дороге; авось ктонибудь под-

---

нимет. Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути, я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше не способен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде; ибо честолюбие есть ничто иное, как жажда власти, а первое мое удовольствие—подчинять моей воле все, что меня окружает. Возбуждать в себе чувство любви, преданности и страха не есть ли первый признак и величайшее торжество власти... Есть минуты, когда я понимаю вампира, а еще слышу добрым малым и добиваюсь этого названия».

Часто посещали *Лермонтова* мысли о смерти, нередко он испытывал власть судьбы. В одном из стихотворений читаем следующее:

«Я предузнал мой жребий, мой конец.
И грусти ранняя на мне печать.
И как я мучаюсь, знает лишь Творец,
Но равнодушный мир не должен знать и далес.
На месте казни гордый, хоть презренный.
Я кончу жизнь свою».

603

В «Герое нашего времени» он говорит: «быть может завтра я умру...» Товарищ *Гвоздев* так о нем рассказывает: «восьмого июля он встретился с поэтом довольно поздно на Пятигорском бульваре. *Лермонтов* был в странном расположении духа, то грустен, то вдруг становился желчным и с сарказмом отзывался о жизни и обо всем его окружавшем. Между прочим, в разговоре он сказал: чувствую, мне очень мало осталось жить. Как у всех психопатических личностей, сновидения играют огромную роль в жизни *Лермонтова*. Через неделю он дрался на дуэли. Неоднократно *Лермонтов* писал о «вещих снах». «Странная вещь эти сны», говорит он *Лопухиной* в своем письме. Сны производили сильное впечатление на поэта; 8-ми летним ребенком он видел сон, о котором говорит 8 лет спустя в своем стихотворении.

Психопатия *Лермонтова* так ярко бросалась всем в глаза, что не могла не быть незамеченной даже не психиатрами. Все критики поэзии *Лермонтова*, признавая глубоко субъективный и автобиографический характер этой поэзии, отмечают, прямо или косвенно, ту или иную психопатическую черту *Лермонтова*. А некоторые прямо говорят о болезненности душевного склада *Лермонтова*. Интересно будет поэтому проследить эти оценки критиков *Лермонтовской* психопатии.

Так, профессор *Петухов* говорит: «В своих произведениях *Лермонтов* отразил собственную личность. Окруженный материальным довольством, родственной любовью и заботами, он, однако же, тяготится жизнью, ищет забвения, тоскует, он презирает судьбу и мир, живет без веры, жалуется на старость «безседин», чувствует усталость, грустит, оплакивает свою жизнь».

все прокликает, как лживый сон, как обманчивую мечту, наконец, главным источником его страданий является неразделенная погибшая любовь. Оценивая *Лермонтова*, как лирика, он говорит: «поэт сперва инстинктивно, затем сознательно приходит к мысли, что главным источником поэтического вдохновения явится не внешний мир со всем разнообразием его красок и звуков, а внутренний мир поэта, его страдающая и томьящаяся душа. Его призвание — поведать людям тайну своих душевных мук. Ему нужно беспокойство, страсти, душевные бури. «А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой». Стихотворение «Не верь себе» имеет характерный для субъективного поэта эпиграф; Les poètes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en sucant leur patte. В стихотворениях, которые считаются особенно характерными для поэзии *Лермонтова*, поэт выразил тревогу души своей, глубокую грусть, тоску бытия, разочарование. В основе этих безотрадных чувств лежала другая психологическая антитеза, столь же субъективная; она сводилась к противопоставлению чувств и понятий, выражаемых терминами: очарование — разочарование, кипучая игра душевных сил и их увядание, расцвет души и ее преждевременная старость, жизнь и смерть.

«Произведения *Лермонтова* так тесно связаны с его личной судьбой, кажутся мне особенно замечательными в одном отношении. Я вижу в *Лермонтове* прямого родоначальника того духовного настроения и того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий, которые для краткости можно назвать ницшеанством...» И далее: «Первая и основная особенность *Лермонтовского* гения — страшная напряженность и сосредоточенность на себе, на своем «я», страшная сила личного чувства: не ищите у *Лермонтова* той прямой открытости всему задушевному, которая так чарует в поэзии Пушкина. Пушкин, когда и о себе говорит, то как будто о другом, *Лермонтов*, когда и о другом говорит, то чувствуется, что его мысль из бесконечной дали стремится вернуться к себе, в глубине занята собою, обращается на себя. Нет надобности приводить этому примеры из произведений *Лермонтова*, потому что из них немного можно было бы найти таких, где бы этого не было. Ни у одного из русских поэтов нет такой силы личного самочувствия, как у *Лермонтова*» (Владимир Соловьев).

«В поэзии *Лермонтова* мы видим пламя ночного пожара, недолгое, неровное, но исключительно яркое, мы видим болезненное умирание погребального факела, подавленный трепет могучей личности, не нашедшей себе места в окружающей обстановке» (Бальмонт).

«В том виде, в каком поэзия *Лермонтова* перед нами — она неразрешимый диссонанс.» (Котляревский).

«Все, все в поэзии *Лермонтова* и рай, и ад». (Белинский).

Спасович, *Мережковский* и др. указывают на процесс деятельности ума *Лермонтова*, имеющий метафизический склад.

Первый говорит: «склонности к мистицизму у Лермонтова не было, но всеми своими помышлениями он стремился к сверхчувственному, к недоступному для нашего ума и больше жил в этой угадываемой области, нежели в мире действительном. Беру поэтическую автобиографию поэта, его «11-е июня 1831 года»: «Моя душа, я помню с детства чудесного искала, я любил все обольщения света, но не свет, в котором я минутами лишь жил — и те минуты были мук полны. И населял таинственные сны я этими мгновениями... Все образы мои не походили на существ земных. О, нет все было ад иль небо в них». — «Желания этой души необъятны, они направлены к чудесному, к тому, чего никогда дать не может земная жизнь, реальное бытие. Ей кажется, что она достигает подобия желаемого состояния, в редкие моменты наисильнейшей страсти».

Личность Лермонтова чрезвычайно ярко выступает в лице Печорина — «Герой нашего времени». «Печорин автопортрет Лермонтова. В нем воспроизведены важнейшие стороны натуры Лермонтова, склад ума его, его психологическое отношение к людям, его социальное самочувствие. Печорин — натура эгоцентрическая, осложненная сознанием своего превосходства перед другими людьми» (Овсяннико-Куликовский).

Овсяннико-Куликовский считает Печорина несомненно нравственным калекой, в том смысле, что одна половина его души, именно лучшая, погружена в род летаргии, не обнаруживается, не функционирует, а проявляется и действует только другая, показная, та, которая могла проложить ему дорогу в свете. Далее он указывает, что Печорин близок к душевному извращению и некоторому моральному недугу, что в человеке, которому от роду 25—26 лет, предающемуся столь интенсивному самоанализу, думающему, что он достиг высшего самопознания — мы вправе видеть в нем симптом болезненного развития души.

«Вспомните Героя нашего времени, вспомните Печорина, этого странного человека, который с одной стороны томится жизнью, презирает ее и самого себя, не верит ни в нее, ни в самого себя, носит в себе какую то бездонную пропасть желаний и страстей, ничем ненасытного, а с другой — гонится за жизнью, жадно ловит ее впечатления, безумно упивается ее обаянием, вспомните его любовь к Беле, к Вере, к княжне Мэри и потом поймите эти стихи:

Любить. Но кого же?
На время не стоит труда,
А вечно любить невозможно...

(Белинский).

«Печорин существо совершенно двойственное, человек, смотрящий в зеркало перед дуэлью с Грушницким и рыдающий, почти грызущий землю, как зверенок Мцыри, после тщетной погони за Верой. Что такое Печорин? Поставленное на ходули бессилие личного произвола» (Ап. Григорьев).

«В последнем очерке «Демон» является лицом двойственным. Тамара не понимает, что он такое, добро или зло в нем.

То не был ангел небожитель
Ее божественный хранитель,
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный

.....
Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет...

Двойственность характерна для всей поэмы «Демона». Лермонтову сродни созданный им образ «Демона», «чей взор надежду губит, едва надежда расцветет».

В стихотворении «11 июня 1831 года» поэт говорит, что привык к этому состоянию, но выразить его не мог бы ни ангельский, ни демонский язык, ангел и демон таких тревог не ведают, в одном все чисто, в другом все зло, и только у человека можно встретить такое сочетание священного с порочным (Незеленов).

Овсяннико-Куликовский дает такое заключение о поэте: «Меланхолик по унаследованному укладу психики, Лермонтов, бесспорно, принадлежал к тому типу неуравновешенных, который характеризуется тем, что впечатления от внешнего и от внутреннего мира в большинстве окрашиваются мрачным колоритом, радости быстро увядают, тоскливое настроение становится затяжным, жизнь обесценивается, ни в чем человек не находит ни отрады, ни утешения, и слишком назойливо навязывается ему мысль о смерти».

«Лермонтов был прежде всего человек с природным меланхолическим складом души... Откуда взялась эта меланхолия — вопрос неразрешимый... Из этой меланхолии вытекала и ранняя серьезность. Всякий, даже легкий вопрос жизни принимал в глазах поэта преувеличенные размеры. Вторым прирожденным даром была сила фантазии. Эта живость мечты находилась также в прямой связи с меланхолическим темпераментом поэта и его замкнутой жизнью... (Котляревский)».

Из этих отзывов различных критиков мы видим, как характеризуется болезненная психика Лермонтова: «страдающая, разочарованная душа», «эгоцентрическая натура», «странный человек», «нравственный калека» «близкий к душевному извращению и моральному недугу», «болезненная душа», «меланхолик», «неуравновешенный человек» и т. д.

Все эти определения психики Лермонтова — не психиатрами — бросаются резко в глаза и напрашиваются на оценку и освещение психопатолога.

Признание Лермонтова поэтом-лириком уже предопределяет его положение в группе шизотимиков. Кречмер говорит; «Как у циклотимиков преобладает объективное, так у шизотимиков решительно преобладает лирическое и драматическое. Это не-

---

обычайно важная черта, которая характеризует произведения обеих групп поэтов с объективностью документа или естественного научного эксперимента».

Возможно ли остановиться на этом определении или должно сделать шаг в ту область пограничных состояний, которая носит название шизоидии или патологических личностей. Для разрешения этого вопроса подойдем к жизни личности и творчеству *Лермонтова* с точки зрения *Кречмера*. Из тех немногих сведений, которые имеются о некоторых родственниках *Лермонтова*, можно с большей или меньшей уверенностью отнести их к шизотимикам и шизоидам; так, одна сестра бабушки (со стороны матери) отличалась неустрашимым решительным характером (авангардная дама), сама бабушка «Марфа-Посадница», решительная, резкая, правдивая, настойчивая, деспотичная, — все указанные черты характерны для шизотимиков. Дедушка (по матери), о характере которого ничего неизвестно, 42 лет отравился вследствие неудачной любви — поступок, заставляющий видеть некоторое отклонение: мать поэта sentimentalная, мечтательная, нервная, туберкулезная, необыкновенной доброты, умерла 22-х лет от туберкулеза — благодаря этим чертам должна быть отнесена к группе шизоидов; отец поэта — резкий, вспыльчивый, легкомысленный, незначительный, с грубыми и дикими проявлениями характера, кутила, веселый собеседник, самодур — по всем данным шизоид. Такая наследственность (шизотимики и шизоиды) среди родственников, наиболее часто обуславливает появление среди потомства аномальных личностей и больных шизофренией. Родился *Лермонтов* рахитичным и золотушным, в течение многих лет оставался болезненным, слабым ребенком. С самого раннего детства в нем проявляются черты, которые считаются наиболее характерными при развитии шизоидной личности, как то: жестокость (он любил мучить животных, нередко был груб), наряду с этим необычайная доброта и чувство справедливости, страсть к разрушению, раздражительность, капризность, упрямство, гиперфантазирование, раннее развитие и болезненная чуткость души. Несмотря на то, что детство *Лермонтова* протекало в благоприятных условиях (он рос, окруженный любовью, лаской и заботами) в нем рано пробуждается недовольство жизнью, склонность к уединению, чувство одиночества, сознание собственного превосходства и отчужденности. С другой стороны — окружающая обстановка: чрезмерная любовь бабушки, богатство, потворство всяким капризам — способствовали еще большему развитию указанных выше черт. Жизнь в себе, аутизм, — основная черта для шизоидов у *Лермонтова* ярко бросается в глаза чуть не с колыбели. Первый конфликт с жизнью (раздоры между бабушкой и отцом, смерть отца), падающий на период полового созревания, служат толчком к тому, что *Лермонтов* окончательно замыкается в себе и становится для окружающих человеком непонятым, таинственным, странным, эксцентричным, оставаясь таковым до смерти.

Товарищи *Лермонтова* чувствуют между собою и им существование какой то преграды, не позволяющей с ним сходиться, Искренним и простым он был с немногими избранными, в которых был уверен (то, что *Кречмер* называет избирательной средой). Графиня *Расстопчина* так рисует его по отношению к кружку:

Но лишь для нас, лишь в тесном круге нашем
 Самим собой, веселым, остроумным,
 Мечтательным и искренним он был.
 Лишь нам одним он речью, чувства полный,
 Передавал всю бешеную повесть
 Младых годов, ряд пестрых приключений...

Во время пребывания в школе юнкеров он поверхностно общителен, без более глубокого контакта с окружающим миром. В нем были поверхность (его отношение к людям) и глубина, т. е. жизнь в самом себе, резко отграниченная друг от друга. *Лермонтов* никогда не растворяется в среде, для него существует «я» и внешний мир, в свое «я» он никого не пускает, боясь, что его не поймут или заденут. Он невыразимо страдал от всякого неловкого прикосновения. Чем старше становился он, тем труднее допускал кого либо в святое-святых своего «я», напротив, старался стать к человеку такой стороной, чтобы всякое случайное задевание его чутких струн становилось затруднительным, говорит *Висковатый*. Между ним и окружающей средой происходят постоянные конфликты (в пансионе, с профессорами и товарищами в школе прапорщиков и на военной службе).

Как герои *Лермонтова* полны капризов и неожиданностей, так и сам поэт; *Печорин* в дождик и холод бывал целый день на охоте; «все иззябнут, устанут, а ему ничего: а другой раз сядет у себя в комнате — ветер пахнет, уверяет, что простудился; ставень стукнет — он вздрогнет и побледнеет, а ходил на кабана один на один; «бывало по целым часам слова не добьешься, зато уж иногда начнет рассказывать, так животики надорвешь от смеха».

Характерна, как для шизоида, смена быстрая настроения у *Лермонтова*; с Кавказа поэт летел в Петербург, из Петербурга вновь на Кавказ, веселился в обществе и возвращался домой печальный, был печален в обществе и ехал веселиться за город, проказничал, как школьник, и вдруг становился угрюм и серьезен... (*Котляревский*).

В жизни и творчестве *Лермонтова* имеется то, что *Влеет* называет амбивалентностью — в нем уживается одновременно глубокая и искренняя любовь с кокетством и издевательством, глубокая грусть с постоянной жаждой выставить себя на показ и рисоваться. Одновременно очарование всем прекрасным и разочарованность во всем, что и дало повод критикам называть его очарованным и разочарованным — одним, и безочарованным другим.

Для *Лермонтова*, как для шизоида и шизофреника, существуют только крайности или Бог, или чорт, ад или рай.

Но все образы мои,
Предметы мнимой злобы и любви,
Не походили на существ земных.
О, нет, все было ад иль небо в них.

Не менее характерной чертой для *Лермонтова* является любовь к противоречиям. «Вся жизнь моя была цепь грустных противоречий» — *Печорин*.

Любовь занимает первейшее место в жизни М. Ю., приносит ему всегда страдания. Как у большинства шизоидов, мы видим у него преждевременное пробуждение сексуального чувства. В любви *Лермонтов* тот же, что и в жизни — то он неожиданно влюбляется, то внезапно остывает, уходит сам, уйдя любит снова. В злом отношении к женщине не малую роль играет опять таки то, что встречается часто, по мнению *Кречмера*, у шизоидов — комплекс, в данном случае комплекс наружности. Как *Байрон*, болезненно преувеличивая свои физические недостатки, он не верил в искреннее чувство женщины. Молитва и преступление, любовь и ненависть находят себе союз, повидимому странный и в то же время неразлучный, как это было и в его собственном сердце «где так безумно, так напрасно, с враждой боролась любовь» (Айхенвальд).

«Ранняя любовь, не понимаемая и оскорбляемая в чуткой душе, заставила его болезненно воспринимать и корчиться от того, что почти незаметно пережито было бы другими, он бросился в крайность». (Висковатый).

В основе всей личности *Лермонтова* лежит дисгармония его душевной деятельности, разлад между чувством и умом. *Печорин* умен и в нем есть чувство, но в душе его нет согласия между умом и сердцем; холодный анализ убивает порывы чувства, сомнения подрывают веру. «Во мне два человека, пишет *Печорин*, в дневнике; один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его. Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки со строгим любопытством, но без участия». В душе *Печорина* пылкость сердца соединяется с холодом скептицизма и разочарования, как это есть в драме «Странный человек». Будучи всегда занят собою, *Лермонтов* и в своих произведениях эгоцентричен. Вся его поэзия имеет автобиографическое значение и в ней отражаются все шизоидные черты его характера.

Кречмер находит тесную связь между строением тела и характером, возможно ли установить таковую и в данном случае. *Лермонтов* был среднего или даже низкого роста с непомерно широким туловищем, с большой головой, сутуловат, немного кривоног, с нежными выхолонными руками; лицо бледное с весьма слабой растительностью; темные волосы с светлым белокурым клочком чуть повыше лба окаймляли хорошо развитый лоб; большие темные глаза казалось вовсе не участвовали в

насмешливой улыбке на красиво очерченных губах. Он обладал большой физической силой, был ловок, смех его был неприятен и резок. Дисгармония психики отражалась и в его наружности. По имеющимся данным его можно причислить предположительно к типу диспластиков, дающих с психической стороны шизоидов и шизофреников.

Таким образом, согласно учения *Кречмера*, *Лермонтов* должен быть отнесен к группе гениальных психопатов. (шизоидов). Благодаря учению *Кречмера*, которое, по мнению его, является лишь началом новых изысканий, есть возможность понять и осветить те черты нашего гениального поэта, которые были загадкой не только для него самого, но и для биографов и критиков.

Для будущего исследователя личность *Лермонтова* даст богатый патографический материал.

Приношу глубокую благодарность профессору *М. П. Куланину* за предложенную им тему, а также за все ценные указания.

К суицидомании М. Горького.

(Дополнительные материалы *).

Д-ра И. Б. Галайт (Москва).

Из многих рассказов Горького, содержащих автобиографические данные к многотрагической жизни Максима Горького, «Рассказ Филиппа Васильевича» (1905), героем которого является Платон Багров, заслуживает особенное внимание. В этом рассказе повествуется о самоубийстве Платона Багрова и о причинах этого самоубийства, мотив очень часто повторяющийся в произведениях Горького. Нетрудно догадаться, что Горький часто рисовал самоубийство, находясь под неимоверно сильным впечатлением совершенного им самим на девятнадцатом году жизни покушения на самоубийство, от которого он чуть не погиб. После этого покушения на самоубийство начался метаморфоз Пешкова в Максима Горького. Понятно, что это событие, которое может быть названо «воскресением к новой лучшей жизни» превратилось в аффективно сильно окрашенный комплекс, который часто осаждал Горького, так что он невольно возвращался к описанию самоубийства, копаясь в тех душевных переживаниях, которые вели его к этому столь пагубному шагу и разбирая различные вопросы этики и житейской мудрости в связи с самоубийством.

Горький до того часто говорит в своих рассказах о самоубийстве и заставляет так часто своих героев покушаться на самоубийство, или кончать самоубийством, что можно говорить о «литературной суицидомании» Горького.

«Макар Чудра», «Скуки ради», «Трое», «Коновалов», «Хан и его сын», «Исповедь», «Жизнь ненужного человека», «Жизнь Матвея Кожемякина» и т. д., и т. д. — в этих и многих других больших и малых рассказах Горького один или несколько из действующих лиц рассказа кончают самоубийством по различным причинам, разбирать которые для нас в данном случае не представляет никакого интереса. Интересно лишь отметить самый факт, что ни один писатель может быть не описывал так много самоубийц, как Горький, факт объяснения которого мы уже дали.

*) См. мою статью «О суицидомании М. Горького» в III выпуске Клин, арх. Гениаль, и одар. за 1925 г.

Из рассказов Горького, основной мотив которых самоубийство героя, особенный интерес представляют те рассказы, в которых мы можем проглядеть историю покушения на самоубийство самого Горького. На один из таких рассказов, на «Случай из жизни Макара», указывает нам Горький сам в «Моих университетах», а про другой про «Рассказ Филиппа Васильевича» он совершенно умалчивает, несмотря на то, что идентичность героя этого рассказа, Платона Багрова, с Максимом Горьким более чем очевидна.

Платон Багров, юноша 19 лет, будучи дворником у профессора, влюбился в дочь этого профессора, в Лидию Алексеевну. Лидия Алексеевна не принимала Платона в серьез всячески над ним шутила и Платон не вытерпев горечи безнадежной любви, застрелился.

Отметим, что когда Алексей Пешков (Горький) покушался на самоубийство ему было тоже приблизительно девятнадцать лет. Эта деталь в сходстве героя «Рассказа Филиппа Васильевича» и Алексея Пешкова была бы, конечно, бесценна если не другие более существенные моменты, служащие доказательством того, что Горький рисовал Платона с модели покушавшегося на свою жизнь А. Пешкова.

Как наружность, так и весь духовный склад Платона напоминает нам юношу Пешкова: «Высокий и костлявый, он был угловат в движениях. Его темные короткие волосы немного вились, глаза смотрели вдумчиво, спокойно, и в скуластом лице было что то значительное».

Что касается личности Платона Багрова, то это был, как и Алексей Пешков, полуинтеллигент из народа, потерявший связь с естественной своей средой и ищущий пока что напрасно «смычки как мы теперь сказали бы, с интеллигенцией. Платон Багров, как Алексей Пешков, читает книги, пишет стихи, не плохие, как говорит Филипп Васильевич:

— Прощай! Душа — тоской полна...
Я вновь, как прежде, одинок,
И снова жизнь моя темна....
Прощай мой ясный Огонек!
Прощай!

и так далее.

Оторванность от своей естественной среды, невозможность проникнуть в круги интеллигенции заставляют Платона Багрова томиться в очень опасном для его чувствительной души одиночестве. Платон страдает под гнетом своего одиночества, ибо, хотя он от природы боязлив и застенчив, жилка общности в нем довольно сильно развита, чтобы одиночество становилось для него тяжелой, угнетающей, нестерпимой пыткой. Дворовые люди высмеивают Платона за то, что он не пьет водки, читает

книжки, не грызет подсолнухи и т. д. «Прислуга дома считает Платона глупым за то, что он не ухаживает за горничными, не сидит у ворот, истребляя семена подсолнухов, и читает книжки. Его поведение в глазах кухарки и горничных было не свойственно дворнику, говорил он много непонятно, — все это раздражало людей кухни».

Интеллигенция же со своей стороны отзывалась о Платоне устами Лидии Алексеевны:

— «Чудак он. — Такой смешной длинный... и все философствует там в кухне... а над ним смеются за это»...

Или устами Филиппа Васильевича;

— «Он слишком самонадеян... считает себя исключительной личностью, и способен забрать себе в голову бог знает, что!»

Между такой Сциллой и Харибдой жил и Алексей Пешков перед покушением на самоубийство. Вспомним, как описывал Горький в «Случае из жизни Макара» одиночество Макара, непонятого ни народом, ни интеллигенцией, и томящегося этим одиночеством до того, что он временами терял самообладание, и его разум совершенно затемнялся...

Когда Платон Багров влюбился и любовь его была отвергнута под шутливыми насмешками, то муки его одиночества и чувство заброшенности и отвержения его всеми обострились до того, что жизнь его в этих условиях не могла дальше держаться, не имея никаких положительных, питающих ее элементов. Платон Багров застрелился и положил этим конец тем мукам жизни, с которыми бороться было ему не по силам.

Так поступил и Алексей Пешков, но с совершенно другим успехом. Пешков застрелился не на смерть и вылез из своей раны. Но не в этом дело.

Горький, рассказывая о последних моментах жизни Макара, перед покушением его на самоубийство (в «Случае из жизни Макара»), отмечает между прочим, что Макар был влюблен не то в Настю, не то в ее подругу и одно ласковое слово женщины могло бы вернуть ему интерес к жизни и спасти его может быть раз навсегда от рокового шага. Рассказывает Горький о любви Макара между прочим и в таком иронизирующе-юмористическом тоне, что приходится заключить, что Горький этому моменту в сущности придавал очень мало значения на общий ход событий. В рассказе же «Филиппа Васильевича» Горький, рисуя Платона Багрова «с натуры» по Алексею Пешкову «вздул горой факт любви Пешкова к Насте, и у Багрова одна лишь несчастная любовь служит основным мотивом самоубийства. Это обстоятельство позволяет нам думать, что вопреки насмешливому отношению Горького к любовным чувствам юноши Пешкова, чувства эти были довольно серьезные, и сами по себе были способны к тому, чтобы вызвать в юноше тяжелое отчаяние, раз они не встречали

взаимности. Вот почему «Рассказ Филиппа Васильевича» имеет большое автобиографическое значение. Он льет много света на любовную жизнь Максима Горького вообще и на роль любовных чувств Пешкова в его решении покончить самоубийством, роль неясно и даже несколько искаженно представленная в «Случае из жизни Макара».

Pseudologia phantastica у Максима Горького.

Д-ра И. Б. Галант (Москва).

Была осень 1892 голодного года, и Алексей Пешков (Горький) странствовал в качестве «проходящего» человека по Кавказу. Работал летом в Сухуме, теперь же находился в дороге между Сухумом и Очемчирами, на берегу реки Кодор, недалеко от моря.

Сидел Алексей прислушиваясь к веселому шуму светлых вод реки Кодор и ловя сквозь этот шум глухой плеск морских волн любовался великолепием кавказской природы и наслаждался «пьяным медом», который пчелы делают из цветов лавра и азалии, и который Алексей выбирал из дуплов старых буков и лип на риск быть искусанным злыми пчелами.

Вкусно позавтракав Алексей Пешков двинулся не спеша в путь. Он недолго шел и вдруг слышит — «тихий стон в кустах— человеческий стон, всегда родственно встряхивающий душу».

«Раздвинув кусты, рассказывает Горький, вижу — опираясь спиной о ствол ореха, сидит баба, в желтом платке, голова опущена на плечо, рот безобразно растянут, глаза выкатились и безумны, она держит руки на оромном животе и так неестественно страшно дышит, что весь живот судорожно прыгает, а баба придерживает его руками, глухо мычит, обнажив желтые волчьи зубы.

— Что — ударили? — спросил я, наклоняясь к ней, — она сучит, как муха, голыми ногами в пепельной пыли и болтая тяжелой головою хрипит:

— Уди-и... бесстыжий... ух-ходи...

Я понял в чем дело — это я уж видел однажды; — конечно, испугался отпрыгнул, а баба громко, протяжно завывала, из глаз ее готовых лопнуть, брызнули мутные слезы и потекли по багровому, натужно-надутому лицу.

Это воротило меня к ней, я сбросил на землю котомку, чайник, котелок, опрокинул ее спиной на землю и хотел согнуть ей ноги в коленях, она оттолкнула меня, ударив руками в лицо и грудь, повернулась и точно медведица, рыча, хрипя, пошла на четвереньках дальше в кусты;

— Разбойник... дьявол...

Подломились руки, она упала, ткнулась лицом в землю и снова завывала судорожно, вытягивая ноги.

В горячке возбуждения, быстро вспомнив все, что знал по этому делу, я перевернул ее на спину, согнув ноги — у нее уже вышел околоплодный пузырь.

— Лежи, сейчас родишь...

Сбегал к морю, засучил рукава, вымыл руки, вернулся и — стал акушером».

Вот с какой быстротой молнии Горький импровизировал из себя акушера! Это могло бы показаться невероятным, и чуть ли не божественным вдохновением, если бы мы не знали, что бабушка Горького, Акулина Ивановна Каширина, с которой Горький провел все свое детство, и которая посвящала своего внука во все свои тайны, была между прочим повитухой, так что Горький имел случай познакомиться уже в детстве с самыми элементарными приемами родовспоможения, тем более, что он невольно присутствовал на родах матери, тети и т. д. При чем мы видим, что необходимость безупречной чистоты, чтобы не сказать дезинфекции, при ведении родов была хорошо известна в народе и практиковалась, насколько чистота в обычных условиях жизни народа практиковаться может. Также узнаем мы, что положение на спине с согнутыми в коленях ногами считается в народе самым естественным положением при родах. Горький настаивает на том, чтобы его «баба» оставалась во все время родов именно в этом положении.

Что касается самой роженицы, которой выпала на долю большая честь иметь Горького, правда в то время чуть ли не бродягу Алексея Пешкова, своим акушером, то она как большинство русских женщин из народа считает недопустимым, чтобы мужчина присутствовал при родах, ругает своего акушера бестыжим, разбойником, дьяволом, бьет его и всячески старается отделаться от него. Напрасно, Алексей твердо решил проявить в данном случае свое искусство акушера и продолжает вести роды:

«Баба извивалась как береста на огне, шлепала руками по земле вокруг себя, и вырывая блеклую траву, все хотела запихать ее в рот себе, осыпала землю страшное, нечеловеческое лицо с одичалыми, налитыми кровью глазами, а уж пузырь прорвался и прорезывалась головка — я должен был сдерживать судороги ее ног, помогать ребенку и следить, чтобы она не совала траву в свой перекошенный, мычащий рот...

Мы немножко ругали друг друга, — она сквозь зубы, я — тоже негромко, она — от боли, должно быть от стыда, я — от смущения и мучительной жалости к ней...

— Х-хосподи, — хрипит она, синие губы закушены и в пене. а из глаз, словно вдруг выцветших на солнце все льются эти обильные слезы невыносимого страдания матери, и все тело ее ломается, разделяемое на двое.

— Ух-ходи ты, бес...

Слабыми, вывихнутыми руками, она все отталкивает меня. Я убедительно говорю:

Дуреха, родим знай, скорее...

Мучительно жалко ее, и кажется, что ее слезы брызнули в мои глаза, сердце сжато тоской, хочется кричать и я кричу:

— Ну, скорей!

И вот на руках у меня человек—красный. Хоть, и сквозь слезы, но я вижу, — он весь красный и уже недоволен миром. Барахтается, бунит, и густо орет, хотя еще связан с матерью. Глаза у него голубые, нос смешно раздавлен на красном, смятом лице, губы шевелятся и тянут:

— Я-а... Я-а...»

Это самоутверждение своего собственного я, которое прослушал Горький в первом крике новорожденного очень любопытно вызывает на различного рода размышления. Можно впрямь подумать, что правы те, которые утверждают, что человек рождается отчаяннейшим эгоистом. Приводят впрочем в доказательство этой истины тот факт, что человек рождается со свернутыми в кулачек ручками. Свернутые в кулак руки символизируют желание захватить весь мир. Когда же человек умирает, то он размыкает руки, как бы показывая, что ему отнюдь ничего не нужно... Получает ли эта символика подтверждение в услышанном Горьким в первом крике новорожденного самоутверждении своего «я» — этот вопрос мы не беремся разрешить...

Однако, будем следить за дальнейшими акушерскими приемами Горького. Горький продолжает свой рассказ:

«Такой скользкий — того и гляди уплывет из рук моих, я стою на коленях, смотрю на него, хохочу — очень рад видеть его! И — забыл, что надобно делать...

— Режь... — тихо шелчет мать — глаза у нее закрыты, лицо опало, оно землисто, как у мертвой, а синие губы едва шевелятся:

— Ножиком... перережь...

Нож у меня украли в бараке — я перекусываю пуповину ребенок орет орловским басом, а мать — улыбается, я вижу, как удивительно расцветают, горят ее бездонные глаза синим огнем — темная рука шарит по юбке, ища карман, и окровавленные, искусанные губы шелестят;

— Н-не... силушки... тесемочка кармани... перевязать пупочек...

Достал тесемку, перевязал, она — улыбается все ярче, так хорошо и ярко, что я почти слепну от этой улыбки.

— Оправляйся, а я пойду вымою его...

Она беспокройно бормочет:

— Мотри — тихонечко... мотри-же».

Нельзя сказать, чтобы наш акушер действовал по всем правилам искусства. Однако, в тех условиях, в которых работал Горький, и другой, более опытный акушер, остался бы пожалуй беспомощным. Не имея, ни ножниц, ни ножа, чтобы перерезать

пуповину, пожалуй ничего лучшего не оставалось, как перекусить ее зубами, прием, которым впрочем пользуются животные, чтобы отделить новорожденного от матери — итак прием вполне естественный. Если же Горький сначала перекусил пуповину и лишь потом перевязал ее тесемочкой, то в этом пожалуй можно усмотреть ошибку, которую легко было бы избежать. А впрочем, можно ли вообще говорить об ошибках там, где все делается самым примитивнейшим образом, так что невольно приходится думать о животных...

Горький продолжает:

«Этот красный человечиче вовсе не требует осторожности; он сжал кулак и орет, орет, словно вызывая на драку с ним.

— Я-а... Я-а...

— Ты, ты! Утверждайся, брат, крепче, а то ближние немедленно голову оторвут...

Особенно серьезно и громко крикнул он, когда его впервые обдало пенной волной моря, весело хлестнувшей обоих нас; потом когда я стал нашлепывать грудь и спинку ему, он зажмурился, забился, завизжал пронзительно, а волны, одна за другой, все обливали его.

— Шуми орловский! Кричи во весь дух...

Когда мы с ним воротились к матери, она лежала, снова закрыв глаза, кусая губы, в схватках, низвергавших послед, но, несмотря на это, сквозь стоны и вздохи, я слышал ее умирающий шепот;

— Дай... Дай его...

— Подождет...

— Дай-ко...

И дрожащими неверными руками расстегивала кофту на груди. Я помог ей освободить грудь, заготовленную природой на двадцать человек детей, приложил к теплоте ее телу буйного орловца, он сразу все понял и замолчал».

Так кончились первые заботы нашего акушера о родильнице и ее сыне. Однако, ему еще предстояло позаботиться о последе.

«По камням прыгает, поет струя светлой и живой как ртуть, воды, в ней весело кувыркаются осенние листья — чудесно! Вымыл руки, лицо, набрал воды полный чайник, иду и вижу сквозь кусты — женщина бесспокойно оглядываясь, ползет на коленях по земле, по камням.

— Чего тебе?

Испугалась, посерела и прячет что то под себя, я — догадался.

— Дай мне, я зарюю...

— Ой, родимый, как-же? В предбаннике надо бы под пом...

— Скоро ли здесь баню выстроят, подумай!

— Шутишь, ты, а я — боюсь! Вдруг зверь съест... А ведь место надобно земле отдать...

Отвернулась в сторону и подавая мне сырой, тяжелый узелок, тихо, стыливо попросила:

— Уж ты — получше как, поглубже, Христа ради, жалеючи сыночка мово, уж сделай поверней».

Эта вера, или вернее суеверие Орловской бабы, что послед надо непременно зарыть в предбаннике, и что если не предать последа земле и его съедят звери, то с новорожденным случится несчастье, принадлежит к бесчисленному числу суеверий, существующих у всех культурных и некультурных народов в связи с родами. В интересной статье, озаглавленной «Die Plazenta als Heilmittel in der Volksmedizin» (Детское место, как лечебное средство в народной медицине) и напечатанной в «Zentralblatt für Gynäkologie» № 27. 1925. Хохлов пытался дать обзор этих суеверий у различных народов с точки зрения целительной силы детского места. Главным образом верят различные народности России (а также и другие народы), что лекарственное употребление плаценты может женщин вылечить от бесплодия. В Мозырском уезде Минской губ., женщины, страдающие бесплодием берут у акушерок $\frac{1}{4}$ ложки превращенной в порошок плаценты, разводят порошок в воде или в водке и пьют эту микстуру в надежде забеременеть. В Малороссии женщины в таких случаях пьют воду, в которой плавают высушенный пупочный канатик, или же пьют несколько капель крови из пупочного канатика новорожденного или, наконец, жуют самый пупочный канатик и т. д., и т. д. Что сказала бы наша Орловка об этих «варварских» женщинах из родственных ей национальностей, которые хотят родить детей, «делая несчастье» урожденных уже детей?..

Зарыв послед, Горький напоил родильницу чаем, накормил ее медом, и сейчас же после этого — итак, несколько часов после родов! — родильница вместе с Горьким двинулась в путь.

«Шли — тихонько, иногда мать останавливалась, глубоко вздыхая, вскидывала голову вверх, оглядывалась по сторонам, на море, на лес и горы, и потом заглядывала в лицо сына — глаза ее насквозь промытые слезами страданий, снова были изумительно ясны, снова цвели и горели синим огнем неисчерпаемой любви.

Однажды, остановясь она сказала:

— Господи, Боженька! Хорошо-то как, хорошо! И так бы все — шла, все бы шла, до самого аж до краю света, а он бы, сынок рос, да все бы рос на приволье, коло матерней груди, родимушка моя...

«...Море шумит, шумит...»

Если я включаю этот очерк об акушерском подвиге Горького в число патографических очерков о Горьком, то это имеет полное свое основание, несмотря на то, что читатель до сих пор может быть не проглядел той связи, которая могла бы существовать между этим подвигом Горького и психопатологическими чертами

его личности. Впрочем, читатель действительно не в состоянии открыть эту связь, т. к. я опустил одну подробность из рассказа Горького, которая одна может открыть ему глаза на эту связь. Вот какова эта подробность.

Когда Горький разводил костер, чтобы поставить чайник, у него завязался с родильницей следующий разговор:

— Первый у тебя?

— Первенькой... А ты — кто?

— Вроде как бы человек...

— Конечно, человек... Женатый?

— Не удостоился...

— Врешь?

— Зачем?

Она опустила глаза подумала:

— А как же ты бабьи дела знаешь?

Теперь совру. И я сказал:

— Учился этому. Студент — слыхала?

— А как же! У нас у попа сын старшой студент, тоже на попу учится.

— Вот и я из эдаких. Ну, пойду за водой...»

Потом за чаем разговор родильницы с ее акушером принял такой оборот:

— «Бросил ученье то?..»

— Бросил.

— Пропился, что-ли?

— Окончательно пропился, мать!

— Экой ты какой! А ведь я те помню, в Сухуме заметила.

когда ты с начальником из-за харчей ругался, так тогда и подумалось мне — видно, мол, пропойца, бесстрашный такой...»

Мы встречаемся здесь с фактом, что Горький сознательно без всякой нужды искажал правду, или попросту говоря — врал, черта характера до того чуждая Горькому, что она вызывает крайнее наше удивление. Нам известно, что Алексей Пешков был крайней честности юноша, не переносил лжи в какой бы то ни было форме и говорил всегда откровеннейшую правду, во вред своим собственным интересам! Как же это могло случиться, что в данном случае Алексей Пешков без нужды, так отчаянно, легкомысленно врал? Где психологическое или психопатологическое объяснение этого удивительного, даже невероятного явления?

Мы видим объяснение фантастической псевдологии (Pseudologia phantastica) Горького в связи с акушерским его подвигом, в том «исключительном душевном состоянии» (по немецки *Ausnahmestadium*), в котором находился Горький, проявляя свою акушерскую деятельность. Что Горький, совершая акушерский свой подвиг, «был в ударе» и действовал под влиянием какого-то вдохновения видно из того места его рассказа, где он говорит, что в «горячке возбуждения!» он сразу вспомнил все, что знал по этому делу (акушерству) и чувствовал себя вполне способным

вступить в роль акушера! Эта «горячка возбуждения» (A u s p a h m e z u s t a n d) не оставляла Горького все время пока он себя чувствовал акушером и только благодаря этому, A u s n a h m e z u s t a n d 'у, который заставил Горького забыть на время действительность, как она в самом деле есть, и окрылила его фантазию до того, что он себя чувствовал настоящим акушером, могло случиться, что Горький дал полную свободу своей фантазии и в другом направлении, и невозможное для Алексея Пешкова сделалось возможным; он говорил ложь, которая будучи следствием исключительного душевного его состояния, следствием «горячки возбуждения», представляет собой ту форму лжи, которая научно обозначается: pseudologia phantastica.

Подвиги никогда не совершаются людьми в «нормальном» душевном состоянии, а в исключительном душевном состоянии, может быть действительно в «горячке возбуждения», как выражается Горький в случае акушерского своего подвига. Недопустимо однако думать, что те A u s n a h m e z u s t a n d e, в которых люди совершают свои подвиги, не будучи «нормальными» — патологичны, ибо в таком случае мы принуждены были бы считать подвиги людей патологическим проявлением их больной душевной жизни, с чем не мог бы согласиться ни один здравомыслящий человек. То исключительное душевное состояние, однако, в котором люди совершают подвиги, будучи таковым, что оно выбрасывает человека из повседневного обычного его душевного равновесия, может легко дать повод к развитию патологических черт характера, как это было в описанном нами здесь акушерском подвиге Горького, где дело скоро дошло до фантастической псевдологии (Pseudologia phantastica *).

621

---

*) Описание акушерского подвига А. Пешкова находится в рассказе Горького: «Рождение человека» — первый рассказ XII тома Собрания сочинений. Госиздат. Ленинград 1924.

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

Гениальности и Одаренности

(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ
ПАТОЛОГИИ ГЕНИАЛЬНО-
ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ,
А ТАКЖЕ ВОПРОСАМ ПА-
ТОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
д-ра Г. В. СЕГАЛИНА

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

Том II

1926 г.

СКЛАД ИЗДАНИЯ «ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА»

ЛЕНИНГРАД, ПРОСПЕКТ ВОЛОДАРСКОГО, 49

ИЗДАНИЕ РЕДАКТОРА

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ

Гигиена и санитария

(ЭВРОПАТОЛОГИ)

ПОСВЯЩЕННЫМ ВОПРОСАМ
ПАТОЛОГИИ ТЕННАЛЬНО-
ОДАРЕННОЙ ЗИМНОСТИ
А ТАКЖЕ ВОПРОСАМ НА-
ТОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д-РА Г. В. СЕЛАВНА

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

Том II

1956 г.

Оклят № 970.

Гор. Свердловск типография «Грани» Уралполиграфа. Зак. № 2285.

Тир. 1000

Музыкальная одаренность и базедовизм.

(Предварительное сообщение)

Д-ра Г. В. Сегалина.

Уже давно автором было замечено, что в семье, где имеется страдающие базедовою болезнью, имеются члены семьи с артистически-музыкальными наклонностями. Но это было только непроверенное и необоснованное наблюдение.

В этом году автор приступил к проверке этого наблюдения на фактическом материале страдающих базедовизмом. Было установлено систематическое наблюдение за всем больными, которые обращались к автору амбулаторно с болезнью Базедова. Каждый больной, страдающий болезнью Базедова, анамнестически исследовался в отношении семейной одаренности. В течение всего 1926 года находилось под наблюдением 43 больных причем наблюдение это дало чрезвычайно интересные результаты. Каждый страдающий в той или иной форме базедовизмом имеет в семейном анамнезе музыкальную одаренность в той или иной степени. Музыкальная одаренность выражалась или в музыкальном или вокальном диллетантизме того или иного члена семьи (брат, сестра, дочь, мать, отец, дядя и проч.) но не обязательно у самого больного. Диллетантизм этот выражался в проявлении музыкального любительства (игра на том или ином инструменте, или пение, начиная с примитивных форм до высшей формы артистического проявления этой музыкальности). Также форма базедовизма варьировалась, начиная с тяжелых степеней со всеми классическими симптомами (резкое увеличение щитовидной железы, пучеглазие, симптомы Грефе, Мебиус, тахикардии, нервно-психических изменений) и кончая легкими, не резко выраженными формами, но достаточно определенными в своих симптомах, чтоб диагностировать как Базедову болезнь. Наблюдения автора, как было сказано выше, ограничиваются 43 случаями*). Количество это, конечно, еще недостаточно для окончательных выводов, но тем не менее, бросающаяся в глаза семейная связь базедовизма с музыкальной одаренностью несомненна.

В 2-х случаях из этих 43 нельзя было установить музыкальной одаренности из-за невозможности установить точных анамнестических данных.

625

Дальнейшее наблюдение должно окончательно выяснять, насколько эту связь нужно рассматривать, как нечто постоянно органическое, а не как нечто случайное.

Приведем здесь для иллюстрации несколько типичных случаев из нашей наблюдений:

Случай 1. Больная Э. страдает сильно выраженным базедовизмом. Exophthalmus, симптом Грефе, Мебиус. Щитовидная железа резко увеличена. Тахикардия. Психика резко изменена в отношении чрезвычайной эмотивности. Брат—отличный певец бас, выступает на больших концертах, как любитель.

Случай 2. Больная молодая девушка Ц. 20 лет. Увеличение щитовидной железы. Exophthalmus, — симптом Грефе, Мебиус'a, тахикардия, резкая эмотивность и слезливость, похудание, брат—артист оперы, тенор, выступает как профессионал на больших сценах в больших городах. Сама больная, ее сестры и другие члены семьи очень музыкальны; играют и поют как дилетанты.

Случай 3. Больная Ш. Г. 40 лет. Страдает резко выраженным базедовизмом, Exophthalmus, симптомы Грефе, Мебиус, Stellwag, тахикардия, резкая эмотивность слезливость и необычайная чувствительность психики. Брат и сын брата музыкальные дилетанты, поют и играют с артистическими наклонностями не только в музыке, но и в других областях искусства (пластика, живопись).

Случай 4. Больная У. Не резко выраженный базедовизм, тахикардия, небольшое увеличение щитовидной железы. Exophthalmus'a нет, но расстроена резко эмотивная сфера с навязчивыми состояниями. Отец—музыкант преподаватель музыки. Сама больная также учительница музыки в музыкальной школе.

Случай 5. Больная П. Страдает Morbus Basedowii (симптомы Мебиус, Грефе, тахикардия, повышенная эмотивность. Увеличение щитовидной железы. Сестра и дочери певчие. Очень способные в музыкальном отношении.

Случай 6. Больная И. Morbus Basedowii, умеренное увеличение щитовидной железы, тахикардия. Две сестры больной—поют как дилетанты и очень музыкальны.

Случай 7. Больная О. З. Страдает базедовизмом, умеренно выраженное увеличение щитовидной железы, тахикардия, Exophthalmus'a нет. Мать и ее брат очень музыкальны как дилетанты (брат матери играет на виолончели).

Случай 8. Больная К-а. Умеренная форма базедовизма, умеренное увеличение щитовидной железы, тахикардия. Брат и сестра больной—музыкальные дилетанты.

Случай 9. Больная П. Лечится от базедовизма. Небольшое увеличение щитовидной железы. Тахикардия, повышенная мотивность. Отец и мать, братья—все очень музыкальны, все поют.

Сама больная не музыкальна.

Случай 10. Больная Е. К. Больна базедовизмом, в умеренной степени увеличение щитовидной железы, слегка выражен Exophthalmus, тахикардия. Сама больная пианистка, брат играет на фисгармонии.

Случай 11. Больной врач Ш. А. 34 лет, страдает выраженным базедовизмом, увеличение щитовидной железы, резкая тахикардия. Дед по отцу—оперный артист. Отец—драматический артист, брат литератор—все с музыкальными склонностями.

Случай 12. Больная А-р. — резко выраженный базедовизм, болезнь с резко выраженным—Exophthalmus'ом, симптомом Grefe и Mobius, увеличение щитовидной железы. Тахикардия. Дочь—талантлива, как музыкантша, выступает как пианистка на концертах.

Случай 13. Больная М-р. — с резко выраженным базедовизмом, Exophthalmus, увеличение щитовидной железы. Симптомы Grefe, Mobius a. Сын музыкант, скрипач.

Случай 14. Больная Ш. Е. Morb's Basedowi, увеличение щитовидной железы, симптомы Grefe и Mobius. Мать музыкальна—поет. Сама больная также музыкальна и поет.

Мы приводим здесь только часть тех случаев, которые мною наблюдались. Так как это наблюдение приводится мною здесь, как предварительное наблюдение, а не как окончательный вывод, то я ограничиваюсь приведенными случаями. Только после дальнейших наблюдений на массовом материале можно будет сделать окончательный вывод, насколько эта связь между музыкальной одаренностью в семье и базедовизмом—есть постоянное сопутствующее явление. Для этого было бы целесообразно, если бы все врачи, наблюдающие болезнь Базедова, опрашивали анамнестически своих пациентов в этом направлении и регистрировали бы эти случаи. Конечно, анамнез должен быть весьма тщательно собран, ибо часто опрашиваемый больной не придает значения музыкальным склонностям выраженным, музыкальным склонностям выраженным весьма примитивно, а потому не считает их «музыкальными» (вкладывая в это понятие нечто большее) и может дать отрицательный ответ относительно музыкальности кого-нибудь из членов семьи. Для нас же и эти примитивные и зачастую скрытой и невыявленной музыкальной одаренности. Конечно, мы должны регистрировать и те случаи, где после тщательного анамнеза не удастся установить такой связи базедовизма с семей-

ной музыкальностью. Эти случаи тем более важны, чтоб установить процент совпадений и несовпадений.

Теоретически объяснить эту связь расстройства щитовидной железы с музыкальностью мы должны таким образом.

Та причина, которая в данных фамильно-биологических условиях вызывает гиперфункцию щитовидной железы, одновременно диссоциирует скрытую музыкальную одаренность из состояния пассивности в ту или иную степень активности. Причина, вызывающая повышенную сенсбилизацию психики у страдающих от увеличения железы, одновременно сенсбилизирует эмотивную сферу (других членов семьи), что способствует выявлению скрытых музыкальных комплексов. Мы имеем здесь ту же самую гипостатическую реакцию одаренности, о которой мы говорили в 1-й кн.*; где вместо «реактива» психического, мы имеем его физиолого-химический эквивалент гиперфункции щитовидной железы. Выражаясь образно, на химическом языке мы должны формулировать это соотношение таким образом: страдающий болезнью Базедова и его ближайший родственник с музыкальной одаренностью — есть результат одной и той же биологической реакции, в одной и той же семье, где один результат этой реакции получился в форме гиперфункции щитовидной железы, а другой результат — музыкальная одаренность. Однако на нашем материале мы констатировали только тот факт, что у всякого страдающего базедовизмом имеется в фамильном анамнезе музыкальная одаренность. Существует ли обратное соотношение (т. е. обязательно ли у всякого музыкально одаренного должно быть в фамильном анамнезе — болезнь Базедова)? — вопрос, который требует дальнейшего освещения и изучения.

628

*; Кд. арх. Гем. и Одар. I вып. 25 г.

Эвро-Эндокринология.

(Эндокринология гениальности).

Д-ра И. Б. Галант (Москва).

В моей статье «Эвропатология и эндокринология»*) я выразил убеждение, что эндокринная система принимает весьма активное участие в развитии и окончательной формировке гениальной личности. Прийти к этому убеждению было сравнительно легко, ибо неоднократно было доказано, между прочим, и Кречмером, что везде, где мы имеем дело с более или менее серьезными изменениями психофизической личности в основе этих изменений лежат те или другие изменения или расстройства в эндокринном аппарате. Нет, конечно, никакого основания не считать гениальность «серьезным изменением психофизической личности», а из этого само собой вытекает, что гениальность так или иначе имеет в эндокринной системе, собственно, в определенных функциональных особенностях этой системы, свою первооснову.

Убеждение не есть еще научно доказанный факт, и если мы действительно желаем развить эвроэндокринологию в строго научную дисциплину как часть обширной области эвропатологии, то нам необходимо точнее определить, какова роль эндокринной системы при развитии гениальной личности, какие именно железы внутренней секреции, в какой мере и каким образом они ведут к гениальности. Можно ли различать определенные типы гениальности в связи с гипер-гипо или дисфункцией определенных эндокринных желез и т. д. Для решения набросанных нами здесь вопросов нам прежде всего необходимо познакомиться с учением о внутрисекреторном аппарате, как целом и с каждой эндокринной железой в частности. Первой главой эвроэндокринологии будет таким образом,

Учение о железах с внутренней секрецией **).

Под железами с внутренней секрецией разумеют такие железы, которые, не имея протока выделяют специфический секрет, который, попадая прямо в кровь, разносится по всему организму

*) См. Клини. Арх. и Ген. и Одар. 1926 г. вып. II.

***) В моем изложении учения об инкреторных железах я придерживался, главным образом, работ А. Lipschütz'a, профессора физиологии Дерптского Университета.

и действует специфически на самые отдаленные части тела. Выделение этого специфического секрета и есть основная и большей частью единственная функция инкреторной железы.

Мы подчеркиваем везде слово «специфический», ибо помимо желез с внутренней секрецией всем органам и клеткам организма свойственно выделять вещества, которые образуются при обмене веществ, и которые попадая из клеток в соки организма играют роль связующих звеньев между всеми частями тела. Большинство этих веществ не специфичны, т. е. они продуцируются равным образом всеми клетками организма. Такова, например, угольная кислота циркулирующая в крови. Угольная кислота имеет огромное значение для деятельности центра дыхания и для регулирования циркуляции крови. Но каково бы ни было значение угольной кислоты для организма, она остается ввиду своей неспецифичности простым гормоном, а не специфическим гормоном железы с внутренней секрецией, ибо иначе нам пришлось бы признать все клетки организма «железами с внутренней секрецией», что в конце концов нельзя было назвать неправильным. Но такая точка зрения не имеет никакой научной ценности и свела бы на нет все учение о железах с внутренней секрецией.

Итак, инкретом или специфическим гормоном мы называем вещество, которое, будучи выделяемо одной только определенной группой клеток со строением железы, имеет вполне определенное специфическое действие на весь организм, на самые отдаленные его клетки. Инкреторные же железы (железы с внутренней секрецией) не имеют другой функции, кроме выделения специфического инкрета, вырабатываемого их клетками. Это последнее верно не по отношению ко всем инкреторным железам. Есть органы, которые выделяя специфический свой гормон в кровь, имеют еще другую вполне определенную функцию. Панкреас продуцирует определенные пищеварительные ферменты, которые через проток, ведущий в тонкую кишку, попадают в эту последнюю: половые железы продуцируют клетки для продолжения рода, которые время от времени выделяются не в кровь, а наружу. Это обстоятельство повело к вопросу, не обладают ли поджелудочная и половые железы двойного рода клетками: клетками продуцирующими специфический их гормон и особыми клетками для наружной секреции. Если это действительно так, то надо допустить мысль, что в каждой такой «двойной железе» обе железы (инкреторные и экскреторные) находясь местно в такой узкой связи действуют друг на друга и в функциональном отношении.

Для определения инкреторной природы какого-нибудь органа лучше всего пользоваться экспериментами на животных. Если удалить у собаки оперативно поджелудочную железу, то в организме происходят значительные изменения. Количество сахара в крови увеличивается, сахар показывается в моче. Наступают и многие другие расстройства обмена веществ, одним словом, получается характерная картина диабета. Можно было

бы думать, что все эти расстройства, получившиеся после удаления поджелудочной железы имеют своей причиной разрыв тех нервных связей, которые до операции существовали между поджелудочной железой и другими органами. Однако легко доказать, что это не так. Классические опыты Mering'a и Minkowsk'ого, состоявшее в частичном удалении pancreas'a позволили судить, что нервный аппарат играет при развитии диабета маловажную роль. Стоит только при операции оставить в организме небольшую дольку панкреаса, чтобы диабет не появлялся, несмотря на то, что все нервные связи панкреаса к другим органам при этом были перерезаны. Трансплантации панкреатической ткани при полном удалении поджелудочной железы воспрепятствуют некоторое время развитию диабета. Как только трансплантированная ткань снова удалена или переродилась появляется характерная картина диабета. Подобного рода наблюдения позволили сделать заключение, что влияние, оказываемое поджелудочной железой на содержание и распределение сахара в организме покоится на том, что поджелудочная железа выделяет в кровь определенного рода специфические вещества, продуцируемые одной только ею. Для того, чтобы можно было говорить о каком нибудь органе человеческого тела, вполне определенно как о железе с внутренней секрецией Gley (Глей) предложил считать обязательными следующие признаки. Орган этот должен быть таковым, микроскопическое строение которого вполне соответствует строению железы. Это условие надо считать тем более неизменным, что все известные нам до сих пор инкреторные железы действительно имеют микроскопическое строение желез. Далее следует добиваться того, чтобы открыть для каждой железы определенное вещество, которое будучи специфическим продуктом этой железы, могло бы считаться виновником тех воздействий на организм, приписываемых именно этой железе. Этот постулат Глея не нашел полного своего осуществления ни для одной железы с внутренней секрецией. Вытяжками из щитовидной железы хотя и удастся вызвать воздействия на организм, равные таковым, вызываемым щитовидной железой. Экстрактом из панкреаса, инсулином, удастся вызвать гормональное действие поджелудочной железы. Вытяжка из половых желез в состоянии вызвать действие на организм равное таковому половых желез в организме. Вытяжки из гипофизарной железы и надпочечников вызывают соответствующее специфическое действие на организм. Химическая же природа этих специфически действующих веществ не выяснена. Благодаря исследованиям Kendall'a в Америке, мы сделали большой шаг вперед к окончательному пониманию действующего вещества щитовидной железы. Другой американский ученый Abel, произвел многозначительные исследования касательно действующего вещества мозгового придатка. Может быть, мы в скором времени добьемся успеха и в отношении гормонов всех других инкреторных желез. В настоящее же время мы обладаем точными знаниями о химической

природе одного только гормона, адреналина, выделяемого надпочечниками. Мы в состоянии добывать это вещество синтетически или искусственно в лаборатории. Но Gley выразил в последние годы сомнение о том, в праве ли мы называть адреналин гормоном; Gley придерживается того мнения, что адреналин, попадая в кровь, так быстро разлагается или растворяется, что он не в состоянии вызывать те действия на сердце, на кровообращение и другие органы которые, мы наблюдаем на эксперименте с адреналином в лаборатории. Как ничтожны бы ни были наши знания о химической природе гормонов, одно все же остается ясным — все эти вещества способны оказать сильное действие на организм даже тогда, когда они выделяются организмом или вводятся в него в самых ничтожных количествах. Как раз адреналин может служить хорошим примером; даже миллионный его раствор вызывает характерное для него действие (сужение малых артерий) то же самое верно по отношению к гормону, добытому Abel'ем из мозгового придатка.

Третий постулат Глея, касающийся желез с внутренней секрецией, ставит условием нахождение в крови действующего гормона данной железы. Дело в том, что вещество, получаемое путем вытяжки из железы вовсе не должно находиться обязательно в крови и отсюда действовать на весь организм. Для поджелудочной железы имеются доказательства касательно этого пункта в смысле Глея. Förschbach сшил двух собак и удалил одной из них поджелудочную железу. Пока оперированное животное живет в симбиозе с другим, нормальным партнером отмечаются у него лишь незначительные расстройства в обмене сахара: очевидно в таком случае инкрет поджелудочной железы переходит из крови неповрежденной собаки в кровь лишенной поджелудочной железы собаки. Hedon вырыл собаке, лишенной поджелудочной железы в кровь сыворотку из венозной крови поджелудочной железы и благодаря этому он получил в течение нескольких часов уменьшение выделения сахара из организма.

Переходя теперь к более детальному рассмотрению отдельных желез с внутренней секрецией, начнем с половых желез, ибо половые железы больше всего действуют на организм, определяя половые его особенности, в половых же особенностях заключаются основные конституциональные признаки противоположных полов. Пол есть самый характерный основной конституциональный признак индивида, а потому и понятно, почему мы считаем половые железы самыми важными среди инкреторных желез. Малейшее нарушение функции половых желез, и мы имеем нарушение основной (половой) конституции данного лица. Аномалии же конституции такого характера особенно бросаются в глаза и отзываются, быть может, на весь организм, особенно на психоконституцию, более пагубно, чем аномалии конституции в связи с расстройствами других инкреторных желез, если они не достигают крайних пределов. Половые железы должны поэтому нас интересовать в первую очередь.

1. Половые железы.

Влияние половых желез на дух и тело известно уже людям в течение тысячелетий. Кастрация производится среди людей безусловно с незапамятных времен. Кастрация мальчиков или взрослых мужчин производилась часто по религиозным убеждениям, как, например, среди скопцов в России. Кастрацию женского организма гораздо труднее произвести, т. к. у женщины половые железы находятся в брюшной полости: последствия кастрации женщины сделались известными лишь в последнее время, после того как удаление яичников было часто произведено при хирургических операциях. Если кастрация производится у мальчика не достигшего половой зрелости, то приостанавливается дальнейшее развитие половых признаков. Как собственно половые органы, так и все другие чисто мужские атрибуты тела остаются недоразвитыми. Кастрата легко узнать по безбородому лицу и высокому голосу. Волосистой покров всего тела недостаточен, в то время как волосы головы хорошо развиты. Часто легко узнать кастрата по сильному отложению жира особенно в лице. Размеры тела у кастрированных в раннем возрасте отличаются от таковых у нормальных мужчин: нижние конечности длиннее обыкновенного (по отношению к туловищу). Хотя умственные способности мало страдают от кастрации, тем не менее наблюдается при кастрации значительное изменение психики. Кастрированный ребенок, достигши половой зрелости, оказывается лишенным *libido sexualis* и не способен вести половую жизнь. Элемент сексуальности целиком отсутствует в духовном его *habitus'e*. И у «позднего кастрата» появляются телесные и духовные расстройства, все же они менее выражены, чем у «раннего кастрата». То, что остается у первого сохраненным из психосексуальной сферы — несовершенно и недостаточно. Впрочем, отмечаются у кастратов помимо сексуальной недостаточности еще другие характерные для них психические особенности, как медлительность, мелочность, мнительность.

У мужчин производится еще кастрация в случаях туберкулеза яичек и опухолей яичек.

Подобного рода наблюдения были сделаны над млекопитающими и другими животными. Интересно отметить здесь опыты произведенные над лягушками, так как эти опыты очень поучительны и показывают, насколько психосексуальные переживания или сексуальные рефлексы находятся в зависимости от гормонов половых желез. Самец лягушки производит оплодотворение таким образом, что он садится самке на спину и обнимает ее передними лапами. Это объятие есть рефлекс, т. е. обнимательное движение следует чувствительному раздражению кожи при участии спинного мозга, но без такового со стороны коры головного мозга. Обнимательный рефлекс может совершиться и тогда, если из всей центральной нервной системы сохранилась та часть спинного мозга, которая иннервирует передние лапки. Кастрирован-

ный самец лягушки не способен обнять самку или же произведенное об'ятие очень слабое. Все же можно сохранить за кастрированным самцом лягушки обнимательный рефлекс, если впрыснуть ему под кожу эмульсию из яичек. Этот сексуальный рефлекс или вернее этот рефлекс, составляющий часть сексуальных отношений между обоими полами, находится т. о. в зависимости от наличия гормонов мужской половой железы. При чем интересно отметить что обнимательный рефлекс вне течки очевидно затормаживается импульсами из других частей мозга. Надо предположить, что сексуальные гормоны влияют на соответствующие тормозящие центры мозга и таким образом устраняют тормозящие импульсы. Мы видим уже на этом простом примере, какие сложные отношения существуют при появлении обнимательного рефлекса. И здесь принимают участие в рефлекторном явлении различные части центральной нервной системы и происходят тормозящие и возбуждающие процессы. Из этого легко заключить, что психосексуальные явления у человека построены на еще более сложных физиологических основах, и что расстройства в психосексуальной сфере могут иметь чрезвычайно разнообразные точки отправления.

Allen и Doisy установили, что у мыши и крысы можно вызвать характерное для течки сексуальное состояние, которое после кастрации больше никогда не появляется, если впрыснуть им под кожу фолликулярную жидкость*) из яичника или экстракта из него. Steinach доказал что трансплантируя яичник кастрированному самцу морской свинки или крысы можно вызвать в нем же и естественность психосексуального состояния: с другой же стороны, делая пересадку яичника кастрированной самке Штейнах наблюдал у нее маскулирование психосексуальных состояний. Подобного рода эксперименты были произведены также над домашними птицами. Из всех этих экспериментов явствует, что психосексуальные особенности противоположных полов находятся в зависимости от половых желез.

Формы психосексуальных переживаний в самом широком смысле этого слова, у мужчин чрезвычайно разнообразны. От нормальных форм мы имеем всевозможные переходы к половым извращениям. Едва ли ошибемся, если допустим, что фетишизм является общим элементом всех сексуальных переживаний. То, что в первую голову придает психосексуальному состоянию характер полового извращения это отклонение от нормального объекта сексуального влечения, отсюда вытекают необходимые изменения в сексуальных рефлексах и изменение формы полового удовлетворения. Здесь возникает вопрос, имеем ли мы какое-нибудь основание связывать половые извращения с расстройствами инкреции. Чрезвычайно трудно ответить на этот вопрос. Мы,

1) Под фолликулом разумеют яйцеклетку с окружающими ее слоями клеток. Фолликулярная жидкость—жидкость, которая накапливается в фолликуле во время созревания яйца. Фолликулярная жидкость, содержит женские сексуальные гормоны.

действительно, в состоянии доказать, что в случаях потери *libido Sexualis*, где расстройство психосексуальных состояний сопровождается физическими признаками кастрации (хотя половые железы налицо), эта потеря стоит в связи с выпадением сексуальных гормонов. В таких случаях евнухоидизма находят микроскопические изменения и в яичках: последние в большинстве случаев вторичны, обусловлены расстройствами в других инкреторных железах, именно в гипофизе. В большинстве случаев расстройств психосексуальных состояний не евнухоидного типа, отсутствуют обыкновенно характерные телесные признаки, если не считать «общих признаков дегенерации». Только у гомосексуальных *Weil* в последнее время установил на основании точных измерений определенный тип строения тела. Все же мы имеем здесь дело с типом характерным не для одних только гомосексуальных и близко стоящих к евнухоидному типу. В некоторых чрезвычайно редких случаях был констатирован психосексуальный гермафродитизм: рудиментарно-мужское психосексуальное поведение наблюдалось у лиц, которые по своей общей конституции приближались к женскому полу и имели лишь единичные маскулинные черты. У некоторых таких больных были найдены одновременно мужская и женская половая железа, после удаления которых маскулинные физические признаки и маскулинные черты психосексуального поведения совершенно исчезли. До сих пор описаны только три случая этой операции. Но, это, конечно, исключения. В большинстве случаев у лиц, страдающих сексуальными извращениями за исключением евнухоидных черт не нашли других физических признаков, которые были бы типичны для данного полового извращения. Вопрос об отношении между строением тела и внутренней секрецией половых желез с одной стороны и психосексуальным поведением с другой, имеет большой интерес не только для патологии психосексуального поведения, но и для понимания нормальных психосексуальных поведений. Каждая эпоха, каждая страна, каждый социальный класс имеет свою собственную сексуальную жизнь, которая находится в постоянном изменении. Мы не можем подойти ближе к пониманию сексуальных обычаев (которые представляют из себя ни что иное, как часть психосексуального поведения) если мы не будем исходить из того положения, что различное психосексуальное поведение может развиваться на одних и тех же физических основах, при равной инкреторной формуле. Психосексуальное поведение очевидно изменяется под влиянием раздражений внешнего мира: центральная нервная система, являющаяся субстратом (сексуального поведения), на который действуют сексуальные гормоны и изменяется, под влиянием этих раздражений. Достаточно указать на то, что часть сексуальности, которая подлежит сублимации или превращению в более «высокую» душевную функцию может быть весьма различной. Сублимация же есть психический феномен, зависимости которого от раздражений внешнего мира не может быть никакого со-

мнения. Подчеркивая здесь влияние внешних факторов на сложение сексуального поведения, мы, конечно, не оспариваем того, что оно находится в зависимости от строения тела и внутрисекреторной формулы; эти последние представляют собой базу, на которой разрастается психосексуальное поведение. В зависимости от данной физической базы реакция на раздражение внешнего мира будет различной, а в связи с этим будет различно и психосексуальное поведение отдельных лиц. Необходимо, однако, подчеркнуть большое значение внешних факторов или так называемых «воспитательных факторов», так как есть основание опасаться, что то огромное впечатление, которое произвело познание о влиянии гормонов половых желез на психосексуальный образ человека затемнило бы совершенно значение тех психических факторов, о которых была выше речь.

2. Мозговой придаток (гипофиз, питуитарная железа).

Мозговой придаток (также гипофиз или питуитарная железа) рассматривается нами на втором месте, хотя в пределах эвроэндокринологии ей принадлежит безусловное первенство над всеми другими инкреторными железами. Дело в том, что высказанное мною в моей статье «Эвропатология и эндокринология»*) мнение, что вероятнее всего гипофиз играет роль кумулятивного фактора гениальности, находит свое подтверждение у американского эндокринолога Bergman'a, который три года раньше меня высказал эту же мысль в другой связи и в другой форме*). Bergman локализирует без всяких оговорок гениальность в мозговом придатке, находя, что преобладающая функция именно этой железы ведет к гениальности. Выдающиеся интеллектуальные способности связаны с качественно высокой функцией передней доли гипофиза (антепитуитарная железа): богатая фантазия и эмоциональная сфера и связанные с ней поэтические таланты имеют свой источник в качественно высоко стоящей задней доле гипофиза (постпитуитарная железа). Все же гениальные и высоко одаренные личности являются, эндокринологически говоря, питуитарно центрическими личностями, т. е. таковыми у которых в центре влияния эндокринной системы на психофизическую личность стоит питуитарная железа и благодаря ее влиянию мы имеем те отличительные признаки, которыми одарено данное лицо.

Если мы тем не менее нашли нужным говорить и в пределах эвроэндокринологии о гипофизе лишь после того как мы познакомились с половыми железами, то это только потому* что приходится считать правильное развитие половой конституции индивиду чуть ли не основой всякого успешного развития вообще. Верно,

*) См. А. Д. ... и О. ... II-я том, вып. II. Стр. 95.

**) Я писал ... статью: «Эвропатология и Эндокринология и personality» я читал ... только месяцев после того, как я написал вышеуказанную мою статью.

конечно, и то, что иногда как раз гипофиз действует на половые железы, так что это развитию индивида дает то или другое направление (поощряя или подавляя это развитие). Но это лишь исключительные или во всяком случае редкие случаи.

Важно отметить те изменения, которые наблюдаются в организме при тех или других отклонениях в функциях мозгового придатка, изменения, позволяющие судить о состоянии инкреторной функции железы.

При увеличении мозгового придатка наблюдаются значительные изменения организма. Бросаются в глаза увеличенные в размерах руки и ноги, увеличен и скелет лица. Поражены не только кости, но и мягкие части тела: кожа тоже утолщена. Говорят в таких случаях об акромегалии, о ненормальном росте конечных частей тела. Больные страдают обыкновенно и психическими расстройствами: они апатичны, вялы, сонны; психосексуальное их поведение нарушено. Явления эти приводят в связь с усиленной деятельностью гипофиза: явления акромегалии во многих случаях исчезали после того, как большие или меньшие части увеличенного гипофиза были удалены оперативно. Гигантизм стоит тоже в связи с расстройствами гипофизарной функции. Гигантизм ни что иное, как акромегалия, которая начала развиваться в раннем возрасте. Обыкновенно находят в случаях гигантизма и признаки акромегалии. С другой стороны появляются у человека после тяжелых повреждений гипофиза расстройства, которые обозначаются «гипофизарным ожирением». Больной бросается в глаза сильным отложением жира, он апатичен, психосексуальное его поведение расстроено. Признаки выпадения функции гипофиза наблюдаются у некоторых лиц уже в очень молодом возрасте. Подрастающий мальчик или девочка поражаются необыкновенно сильным общим отложением жира. Развития половых органов в период половой зрелости не происходит. У мужского пола в таких случаях особенно ярко вырисовывается тип кастрата.

Значение гипофиза для физического и психического развития индивида легко доказать экспериментами на животных. Наблюдали еще ускоренный рост у крыс, в организм которых вводили вещество гипофиза. Эти опыты однако пока что противоречивы. Вытяжки из гипофиза, благодаря которой можно было бы устранить явления выпадения функции этой железы, мы не имеем. В противоположность этому удалось сделать вытяжку из гипофиза, вызывающую в организме целый ряд характерных реакций. Вытяжка эта действует прежде всего на мускулатуру стенок различных полых органов, как мочевого пузыря, кишечника, матки, так что такого рода вытяжка может с успехом быть употребляема, как средство для вызывания схваток (питуитрин).

3. Щитовидная железа.

Не менее важное значение для организма, чем половые железы и гипофиз, имеет и щитовидная железа. Впервые это значение было обнаружено при операциях зоба. Швейцарские хирурги Koehe и Reve din установили, что больные у которых щитовидная железа была безостаточно удалена заболели болезнью которая типичным образом напоминала болезнь давно известную как микседема. Микседема характеризуется тем, что кожа вследствие изменения подкожной клетчатки, пухла и делается тестообразной (особенно это выражено в лице). Больные делаются апатичными, интеллектуальные их способности слабеют. Изменения эти особенно ясно выступают, если удаление щитовидной железы производится в раннем возрасте. Получаются значительные расстройства роста, обусловленные задержкой в развитии костей, о чем легко судить по укорочению трубчатых костей конечностей. Больные владеют очень слабым интеллектом. Этот комплекс явлений напоминает картину кретинизма, расстройство, встречаемое с давних пор в определенных местностях Швейцарии, например, Тироля. Точное исследование показывает, что при микседеме и кретинизме имеется недоразвитие щитовидной железы. Развивающиеся после удаления щитовидной железы картины заболевания идентичны явлениям микседемы и кретинизма, если не принять во внимание некоторые подробности, которые находятся в зависимости от времени наступления болезни или от осложнения другими расстройствами. И у животных можно вызвать подобные картины, удаляя щитовидную железу: такие опыты были произведены на овцах, козках, кроликах, собаками. Интеллектуальный дефект отмечается и у животных, лишенных щитовидной железы. Если при операции зоба хирург оставляет в организме определенную долю здорового вещества щитовидной железы, то постоперативная микседема не появляется. Тот факт, что незначительная часть щитовидной железы вполне достаточна для нормального физического и психического развития указывает на то, что щитовидная железа влияет на организм через посредство гормонов а не через нервные пути, которые связывают щитовидную железу с другими частями организма. Человеческий или животный организм может быть защищен от характерных последствий экстирпации щитовидной железы, если зашить под кожу вещество щитовидной железы. Такой трансплантаж сохраняет свою силу лишь некоторое время; после того, как он потерял свое действие, наступают последствия экстирпации железы. Последствия эти не наступают и тогда, если вводить в организм вещество щитовидной железы животных или вытяжку этой железы. Поразительны те результаты, которые достигаются у микседематозных детей введением вещества щитовидной железы. Идиотически вырожденное дитя может после определенного срока лечения сделаться живым и интеллектуально нормальным. Мы уже говорили о том, что

химическая природа действующего вещества или гормона щитовидной железы еще не окончательно установлена, но все же в достаточной мере выяснена. Мы имеем, очевидно, перед собой вещество, которое получается как продукт расщепления белковых веществ: это вещество содержит иод. Иод играет впрочем в настоящее время значительную роль при лечении недостаточности щитовидной железы. В Швейцарии и в некоторых зобных местностях С. А. С. Ш. примешиваются в целях профилактики и лечения зоба к обыкновенной поваренной соли небольшие количества (5 миллиграммов подкалия = 4 миллиграммам иоду на 1 килограмм соли) иодовой соли.

Если в организм вводится избыток щитовидной железы, то развивается картина болезни, характеризующаяся исхуданием, тахикардией, дрожанием и состояниями психического возбуждения. Развивается комплекс явлений, сходный с таковым при Базедовой болезни. Допускают, что эта последняя болезнь имеет свою причину в увеличенном количестве гормонов щитовидной железы, циркулирующих в крови. Зоб кретинов состоит из ткани характерной для опухоли или из вещества патологически измененной щитовидной железы; зоб же больных Базедовой болезнью представляет собой нормальную ткань щитовидной железы, разросшейся в опухоль.

639

4. Надпочечники.

Первые наши знания о функциях надпочечников и о влиянии их на благосостояние организма мы черпаем в патологии надпочечников. При болезни Аддисона находят тяжелые изменения надпочечников: в большинстве случаев мы имеем дело с туберкулезным их заболеванием. Больные поражают прежде всего медно-коричневым цветом кожи, имеющей почти блеск металла. Быстрая утомляемость, падение кровяного давления и расстройства пищеварения обычные симптомы заболевания. У животных несколько дней после удаления обоих надпочечников наступает смерть. Если пересадить у животных их же надпочечники под кожу, разрушив все нервные их связи с другими органами, так что они остаются в связи со всем остальным телом благодаря своим сосудам, то расстройства в организме на наступают. У крыс, лишенных надпочечников, наблюдается сейчас после операции быстрая утомляемость при движениях, требующих напряжения. До сих пор не удалось повлиять на болезнь Аддисона введением в организм вытяжки из надпочечников: все же такой экстракт действует на организм, но в другом отношении. Хотя действие надпочечников не имеет прямого отношения к психическим функциям, но все же они, благодаря своему действию на вегетативную нервную систему, на сосудистую систему и вообще на большинство внутренних органов, косвенно оказывают большое влияние и на психику. Сердце и кровяные сосуды, гладкие мышцы дыхательных путей, мочевого пузыря, матки, кишечника подлежат влиянию адреналина. Точно также адре-

налин влияет как на слезные, так и на слюнные железы. Обмен веществ стоит тоже под влиянием надпочечников. Всем этим разнообразным действиям вытяжки надпочечников обще то, что все они покоятся на раздражении симпатической нервной системы, имеющей нервные свои окончания в вышеупомянутых органах. Действующее вещество экстракта надпочечников — адреналин, которое, как было уже сказано, мы в состоянии добыть синтетически в лаборатории. Вопрос только в том, оказывает ли свое действие на организм вырабатываемый в организме при нормальных условиях надпочечниками адреналин. В крови, вытекающей из надпочечника (надпочечная вена), содержится больше адреналину, чем в крови, которая течет в надпочечник (надпочечная артерия). Адреналин попадает таким образом в кровообращение. Однако, мы уже упомянули о том, что в последнее время было высказано мнение, что адреналин прежде чем он мог бы оказать свое действие на организм, разрушается или до того растворяется, что о действии на здоровый организм не может быть речи. Этому защищаемому на основании ряда экспериментов мнению Глея стоит противоположное мнение Cannon'a. По Cannon'у содержание адреналина в крови при психических возбуждениях увеличивается. Другие наблюдения показывают, что образование адреналина в надпочечнике зависит от нервных импульсов, при помощи искусственного раздражения идущих к надпочечникам нервных волокон; содержание адреналина в крови, вытекающей из надпочечников, может быть увеличено. Этот факт дает нам понять, как психика может влиять на вегетативные органы и на деятельность мышц: при посредстве адреналина все физиологические функции находятся в зависимости от психики. С другой стороны ясно, что такое влияние на вегетативные органы и мышцы не может остаться без влияния на личность, на мышление, чувствования и поведение человека. Весь комплекс его реакции на окружающий мир находится под влиянием вегетативной нервной системы. Психическая личность отражается до известной степени в вегетативной личности.

5. Зобная железа.

О зобной железе, лежащей под грудной костью, нельзя вполне определенно сказать, что она представляет собой орган с внутренней секрецией. Хотя и верно, что ее удаление у молодого животного вызывает большие расстройства в развитии тела, главным образом скелета, и животное отстает одновременно и в психическом своем развитии. Наблюдались также изменения в клетках ганглий после удаления зобной железы. Расстройства в росте были отмечены при введении зобной железы в организм репс. Однако, другие доказательства того, что зобная железа в действительности является инкреторной железой, у нас не имеются. Эксперименты трансплантации этой железы или введение в организм вытяжки этой железы оказались безрезультатными.

Учение об эндокринных типах.

Учение об эндокринных типах вытекает почти само собой из учения об инкреторных железах. Мы убедились при изучении этих последних, что каждая инкреторная железа при преобладающем своем действии на организм дает характерную психофизическую картину. Эту психофизическую картину трудно смешать с другой какой то бы ни было психофизической конституцией. Подразделение людей на эндокринные типы в зависимости от преобладающей или выпадающей функции какой нибудь одной или группы желез с внутренней секрецией, представляется не только возможным, но и нужным. Такое подразделение возможно и в пределах нормального, ибо не надо думать, что сделавшаяся заметной гипер или гипофункция какой нибудь эндокринной железы сразу же ведет к выраженным патологическим явлениям. Если равновесие эндокринной коррелятивной функции не нарушено при этом серьезно, то психофизическая конституция индивида остается в пределах нормы.

Верман оправдывает возможность существования эндокринных типов в следующих словах:

«Если одна единственная железа определяет историю жизни индивида, то этим самым дана возможность различать эндокринные типы: эндокринный тип получается в результате эндокринологического анализа индивида. Исследуя эндокринные черты в строении тела, в реакциях, в склонности к определенным заболеваниям, в истории рода, в химическом составе крови индивида, можно будет судить о его конституции. Эндокринный тип индивида есть сумма всех этих моментов: он объясняет прошлое индивида и дает возможность предвидеть его реакции в будущем: точно так, как химическая формула показывает, что такое по нашему мнению скелет химически сложного вещества, который определяется благодаря свойствам этого вещества в зависимости от изменяющихся обстоятельств и условий.

Бермановские эндокринные типы таковы:

1. Субтироидная личность. Индивиды этого типа отличаются при недостаточности функций щитовидной железы следующими особенностями: они ростом ниже среднего, кожа у них бледная, волосы сухие. Брови слабо развиты. Глаза лежат глубоко в глазных впадинах, не имеют блеска и глазная щель мала. Посадка зубов неправильная, зубы склонны к кариесу. Конечности холодны и синеваты и склонны к образованию озноба. В интеллектуальном отношении эти личности чрезвычайно разнообразны: это зависит от того, какая другая железа в состоянии взять на себя роль органа, компенсирующего недостаточность щитовидной железы. Если при развитии черепа получилась довольно объемистая *sella turcica* для вмещения в себя сильно развивающегося мозгового придатка, то интеллект может оказаться нормальным или даже сверхнормальным, хотя энергия индивида ниже нормального. Если же такая комбинация невозможна, и компенсация

функции щитовидной железы падает на долю хорошо развитых надпочечников, то получается животный тип психики со слабой способностью контроля своих собственных действий и поступков и вообще психической своей деятельности.

2. Гипертиреоидный тип противопоставляется Вершап'ом гипотиреоидному типу. Дети цветущего здоровья, стройные крепкие, активные, энергичные, хорошо построенные, с прямым широким носом, густыми бровями, с ясными блестящими глазами, хорошими, крепкими зубами, никогда не утомляющиеся, нуждающиеся мало во сне. Обычные детские болезни минуют их. Когда дети эти достигают зрелости, то у них нарастают конфликты, т. к. им трудно приспособиться к людям и обстоятельствам: наступает период «бури и натиска» со страстью к бродяжничеству: находящаяся у них в запасе энергия ищет выхода и эксплодирует. Сила эта может, впрочем, быть легко сломлена, благодаря неожиданному событию, как смерть отца или матери и проч. Эндокринное равновесие скоро нарушается, и если через несколько лет не наступает выздоровление или постоянное равновесие, дело доходит до худших форм недостаточности щитовидной железы.

642

Лица гипертиреоидной конституции хорошо развиты в половом отношении. Они очень восприимчивы и быстры в своих решениях: они импульсивны. Их энергия беспокойна и неисчерпаема: они непрерывно деятельны, страдают часто бессонницей и, лежа в постели, строят планы на будущий день. Но, если гипертиреозик еще к тому тимоцентрик тогда непостоянство характера особенно выражено. У этих лиц бывают припадки ярости в состоянии частичной невменяемости.

3. Гонадоцентрическая личность может служить наилучшим примером того, до чего человеческая жизнь находится под господством желез с внутренней секрецией. Физические признаки недоразвития половых желез очень характерны. Безбородое лицо с опухлыми и красными щеками и детским строением и выражением лица до 30 летнего возраста. Выражение лица молодо, женственно или страдальческое. Позже признаки преждевременного состарения; кожа желтовата, кожеобразна, морщиниста. Голос высокий. Лица эти высокого роста: руки и ноги нежного строения, маленькие. Не менее характерен и духовный образ евнухоидного человека. Он сохраняет за собой навсегда инфантильные черты. Наивно доверчив, рассказывает каждому встречному свое горе и радость, ищет одобрения и благосклонности у окружающих и очень легко переходит от печали к радости. В сексуальном отношении он очень боязлив и застенчив. Простодушный, он не имеет ясного представления о страсти и ревности. Он ищет деятельности на таких постах, где он будет нести мало ответственности. Он женится, чтобы иметь свой домашний очаг, а не для половой жизни. Он обыкновенно не думает предварительно о том, как к этому отнесется жена. Известно,

---

что такие евнухоидные индивиды способны временами продолжать род и что евнухоидизм встречается как что-то фамильное*).

4. Гипергонадальный тип очень часто отличается такими чертами характера, как ярость, насилие и необыкновенная сексуальная чувствительность: имеются все переходы к сатириазу (Satyrgaisis).

Гипофизарных типов Bergman различает двоякого рода; антепитуитарноцентрическую личность и постпитуитарноцентрическую личность. Антепитуитарный тип — мужской тип, постпитуитарный тип — женский тип. Антепитуитарный тип имеет идеальное мужское строение тела, гармоничен физически и психически, в мышлении и практической своей деятельности. Постпитуитарный тип легко поддается сентиментальным чувствам и легко поддается чужому влиянию. У нормальной женщины преобладает постпитуитарная тенденция, у нормального мужчины антепитуитарная тенденция.

5. Постпитуитарный тип имеет влажную, мягкую, безволосую кожу, глаза большие и выдаются вперед, зубы сидят плотно друг к другу, голос высокий. Это традиционно женственная женщина, небольшого роста, стройная, выходящая замуж за героя. Она гордится своими детьми, чувствительна и имеет нормальное сексуальное влечение. Постпитуитарно-центрическая личность может однако, быть беспокойной, гиперактивной, жадной, ищущей перемены места и деятельности. Постпитуитарный эксцесс, как, например, во время беременности, имеет свою причину в постпитуитарной недостаточности или вследствие истощения железы. В отличие от субтероидного типа женщина жиреет, не теряя при этом в интеллектуальном отношении.

6. Антепитуитарный тип это идеальный тип мужчины, высокий, крепкого телосложения, с большими руками и ногами, хотя и в соответствии со всем остальным телом. Лицо более или менее овально с густыми бровями с выдающимися вперед глазами, длинным широким носом, с крепкой нижней челюстью. Зубы большие, особенно верхние средние резцы. Ноги и руки покрыты хорошо развитым волосатым покровом. Этот тип людей стоит высоко в интеллектуальном отношении. Восприимчив и способен господствовать над самим собой, над своими инстинктами и над

---

* В одной из моих последних работ об евнухоидизме (Galant, Eunuchoidismus mulierum verus connatus, Z. für Konstitutionslehre, Bd. XII, стр. 709) я доказываю на основании практических соображений, что следует различать между настоящим евнухоидизмом (Eunuchoidismus verus) и евнухоидным строением тела (Habitus eunuchoidicus). При настоящем евнухоидизме имеется налицо бесплодие у женщины и отсутствие *potentio generandi* у мужчины. При евнухоидном же *habitus'e* половые функции неприкосновенны и имеются налицо евнухоидные черты в строении тела в связи с общим плюригладурным расстройством висцеральных желез, действующих на развитие организма в смысле образования евнухоидных черт.

своими автоматическими реакциями вегетативной нервной системы. Точно также они способны господствовать над другими. Люди высокого ума, практики и теоретики, философы, мыслители, люди, творящие новые мысли и новые вещи, принадлежат к этому типу. Различие между гениями чисто теоретическими (которые умели обнять в своем уме целые миры, но совершенно беспомощны в своих повседневных мелочных делах) и практическими гениями (инженерами и проч.) находит свое объяснение в различии функций аптепитуитарной и адреналиновой железы. Личности как Abraham Lincoln и George Bernhard Shaw принадлежат к аптепитуитарным личностям.

Постпитуитарный женский тип встречается и у мужчин. Это люди невысокого роста, коренастые. Голова кажется не по телу большой. Волосы покров тела недостаточен, хотя волосы головы роскошные. Довольно рано получается на животе отложение жира. Настроения, деятельность и успехи этих людей протекают циклично: это напоминает менструальные периоды у женщин. Эта ритмичность отмечается во всей личности. Эти индивиды любят до самозабвения поэзию и музыку. Многие, великие поэты и композиторы принадлежат к этому женскому питуитарному типу.

Дети субпитуитарного типа выдвигают из своей среды молодых преступников. Кормить их достаточными количествами гипофиза было бы гораздо полезнее, чем десять благотворительных обществ.

7. Адреналиновый тип легко узнать по коже: — кожа более или менее сильно пигментирована. Волосы покров сильно развит. Красноволосые принадлежат к адреналиновому типу. Клыки хорошо выражены. Адреналиновый тип обладает силой и настойчивостью. Это всюду успевающий боец, всегда достигающий намеченную цель. Умственная работа дается ему легко. Он чувствует в себе мощь, необходимую для того, чтобы другими руководить. Не всегда, однако, адреналиновый тип в силах справиться с требованиями жизни, часто такая выдающаяся личность начинает сдавать; полный сил утром, он к вечеру чувствует себя истощенным. Глядишь — прежде он смотрел на сон и отдых, как на ненужные вещи, теперь он сильно начинает нуждаться в них. Если не дать надпочечникам такого типа возможность отдохнуть и собраться с силами, то у него начинает развиваться соответствующая картина адреналиновой недостаточности.

Адреналиновый тип женщины носит маскулинные черты. Если все другие железы на высоте своей функции, и женщина физически женственна, то она, как адреналиновый тип, будет психически вирильна. Еще не так давно такая женщина принуждена была скрывать и маскировать в обществе и перед законом свои инстинкты и невольно чувствовала себя приниженой. В настоящее время эти женщины идут смело вперед и не уступают мужчинам. Первая женщина, которая будет президентом С.-А. С. Ш., будет, вероятно, адреналинового типа.

Гипоадреналинный тип встречается также часто. Физически он мало отличается от адреналино-нормального человека: но если точнее присмотреться, то он значительно от него отличается. Он дает наиболее часто встречающуюся разновидность неврастения. Руки и ноги у него холодные. Кожа его свидетельствует о ненормальном кровообращении: кровяное давление низкое, температура тела ниже нормального, обмен сахара понижен. Он хронически и непоправимо страдает нерешительностью, быстро утомляется, быстро возбуждается, поддаваясь самой ничтожной провокации. Эмоциональное возбуждение приводит его в изнеможение. Гипоадреналинный тип, страдающий недостаточностью надпочечников, возбуждает нередко презрение, как лентяй, хилый и слабоумный.

Адреналинная недостаточность дает себя иногда чувствовать уже в детстве; она выражается в слабом аппетите, в недостатке энергии, как и во многих других затруднениях при развитии. Эти затруднения в школе умножаются. Дитя переходит из школы в школу, от одного врача к другому: никакое воспитание не помогает, ибо надпочечная железа, а вместе с ней и нервная система, не в состоянии справиться с возложенными на них задачами.

645

9. Каждое дитя тимоцентрично ибо зубная железа играет роль главным образом в детстве. Однако, зубная железа по мере приближения половой зрелости все более и более отходит на задний план. В некоторых случаях действие зубной железы подчеркнуто уже в детстве; «дитя-ангел» с полным соответствием пропорций, с хорошо построенным красиво очерченным лицом, прозрачной кожей, которая легко меняет краску, с длинными и на ощупь шелковыми волосами. Это живой ребенок с грациозными движениями, воплощение красоты. Однако, такой тип мало приспособлен к тяжелым конфликтам жизни. Несмотря на хорошую внешность, эти дети склонны к заболеваниям. Это они есть те тимоцентрические типы последующих периодов жизни, развитие которых в будущем зависит всецело от компенсаторных функций других желез, в особенности гипофиза.

Тимоцентрическая личность поражает прежде всего стройной талней, красивыми формами тела, узким тазом. Кожа такая же мягкая, как у детей, и бледная. Волосной покров лица недостаточно развит. Тимоцентрическая личность в практической жизни находится постоянно в невыгодном положении. Мышечная сила и приспособляемость кровообращения незначительны, им свойственно чувство телесной слабости, и делается попытка с их стороны бороться с этим недостатком спортом и атлетикой, но это им не под силу. Имеются у них также всевозможные отклонения от нормы в сексуальном отношении, с тенденцией к гомосексуализму и мазохизму. Вообще «феминный комплекс» составляет часть его психики. Чем больше мозговой придаток остается безучастным в деле компенсации, тем больше в сексуальной жизни и в общественной жизни дефектов.

Самообладание теряется. В детские годы трудно вывести такого индивида на правильный путь воспитания: он ворует и лжет почти бессознательно. Отсутствие чувства ответственности сопровождает его во время всей его остальной жизни. Телесные и духовные несовершенства переплетаются с моральными дефектами.

Совсем другая картина получается, если зобная железа поддерживается щитовидной железой и мозговым придатком. Тимоцентрики превращаются тогда в талантливого человека с блестящим умом: или он делается эксцентрическим гениальным художником (поэтом, писателем) или ученым. Некоторые тимоцентрики приспособляются после бурной молодости к окружающему миру, после того, как гипофиз взял верх и определил т. о. дальнейшую судьбу данной личности. «Рецессивный» тимоцентрик делается телом дородней, его ум успокаивается, и он делается «солидным». Тимоцентрики соединившие в себе блестящий ум и непостоянство, играли большую роль в истории, как знаменитые авантюристы и беспокойные экспериментаторы.

646

Гениальные личности в свете учения об эндокринных типах.

Учение об эндокринных типах имеет свое применение не только к огромному большинству среди одаренных людей, но также к тем редким экземплярам человеческого рода, которых мы называем гениями. Конечно, гении иначе преломляются в свете учения об эндокринных типах, чем обычные люди, тем не менее гениальные личности легко вмещаются в те рамки, которые нам даны этим учением.

Эндокринологическая теория и практика учат, что гениальность имеет анатомическую свою подкладку в мозговом придатке, и только люди с качественно высоко функционирующим гипофизом могут достигнуть тех высот на лестнице психической одаренности, которую мы называем гениальностью. Казалось бы, что такая строгая локализация гениальности в мозговом придатке должна была бы соединить все гениальные личности в одну питуитическую группу, и все гении должны были бы более или менее близко походить друг на друга, как физически так и психически. Между тем опыт и повседневная жизнь нас учат, что гениальные личности, смотря по роду занятий, по условиям жизни и т. д. значительно отличаются друг от друга, значительно отличаются даже тогда, когда они работают в одной и той же отрасли искусства или знания. Как понять это на первый взгляд непонятное явление?

Прежде всего надо припомнить, что мозговой придаток состоит из двух анатомически и функционально различных частей; антепитуитарной железы и постпитуитарной железы: в первой локализуются интеллектуальные способности человека, во второй эмоциональные функции высшего порядка. Качественно

высокая функция апендитуитарной железы дает в результате интеллектуального гения, (гениальные ученые, философы, государственные деятели и т. д.), качественно высокая функция постпитуитарной железы порождает эмоционального гения (гениальные поэты, художники, скульпторы и вообще люди искусства).

Помимо этого не следует забывать, что психоконституция человека никогда не есть результат преобладающей функции какой либо одной железы с внутренней секрецией, а коррелятивной функции всей эндокринной системы. Причем возможности различных комбинаций этой коррелятивной функции не ограничены, а в связи с этим не ограничены и те формы психической деятельности и психической жизни вообще, в которые выливается коррелятивная функция эндокринной системы. Вот чем объясняется, что, несмотря на то, что при гениальности мы всегда имеем дело с одной и той же питуитарной железой, разнообразие гениальных личностей неограничено и нельзя найти ни одной гениальной личности, которая во всем походила бы на другую. Эндокринологический анализ целого ряда гениальных личностей, проведенный Верманом, показал, что гениальная личность находится всецело под влиянием своей эндокринной системы и каждый ее более или менее важный в жизни шаг обусловлен вполне определенными колебаниями в функции эндокринной системы. В виду большой оригинальности и исключительной ясности анализов Верманом мы передаем их в следующем во всем их объеме, очень часто в дословном переводе с английского*).

647

Наполеон I.

Мнения о Наполеоне I, как исторической личности, расходятся. Если бы мы стали приводить все те характеристики, которые давались Наполеону, то мы могли бы убедиться, до какой степени все они противоречивы. Среди всех этих характеристик существует мнение, что Наполеон—«фигура авантюриста и преступника». Если признать даже эту характеристику Наполеона, как простого «преступника», правильной, то все же остается загадочным, как мог этот «преступник» покорить своей воле бесчисленные миллионы людей и вызывать в них к себе чувства благоговения, бесконечную преданность и истинный героизм. И неужели можно отрицать за Наполеоном качества гениального полководца? Вместо того, чтобы характеризовать Наполеона «преступником» и делать из него загадочную личность, не лучше ли осветить эту личность научно и стараться понять, в чем заключалась его гениальность с точки зрения эндокринологии.

Изучать Наполеона не представляет особенных затруднений и трудностей, ибо жил он в эпоху расцвета науки и техники и подвергался бесчисленным наблюдениям и исследованиям.

*; I. Berman. The glands regulating personality. New-York. 1922.

Будучи центральной фигурой своего времени, он находился всю свою жизнь под наблюдением лучших и опытнейших врачей, а также и после смерти. Протоколы о состоянии его здоровья и строении тела в различные периоды жизни доступны нашему изучению. В музее королевского колледжа хирургов в Англии хранятся в фиксирующих жидкостях различные органы тела Наполеона. Д-р Léonard Guthrie обработал весь этот материал в докладе, представленном им в 1913 г. исторической секции интернационального медицинского конгресса в Лондоне.

Для нас весьма важно рассмотреть и оценить некоторые характерные черты его лица и строения тела. Самое характерное в строении его тела, бросающееся постоянно в глаза это—его рост. Наполеон был ростом ниже среднего и умирая, он имел рост в 5 футов и 6 дюймов. Как известно, недостаток или избыток в росте стоят в прямой связи с функциональными особенностями мозгового придатка (Нурорфизис или питуитарная железа). Его резко очерченные линии лица и мощная нижняя челюсть в связи с необыкновенно маленькими, пухлыми руками, длинными прямыми волосами говорят о преимущественном влиянии гипофиза на развитии организма.

Пульс у Наполеона обыкновенно был медленный (по свидетельству его лейб-медика Corvisartia), редко выше 50 ударов в минуту. Сексуальная его жизнь, его *libido sexualis*, была ненормальна. Его сексуальные импульсы поражали эксплозивностью и внезапностью своего появления. Другая их особенность состояла в том, что эти импульсы (если они не удовлетворялись немедленно), так же быстро исчезали, как появлялись. Все женщины были для Наполеона *filles de joie*. Женщины привлекали его не личными своими, социальными качествами, а чисто сексуальной своей стороной. Он никогда не был влюблен, никогда не увлекался долгое время какой-бы то ни было женщиной. Эксплозивная периодичность половой жизни с тенденцией свести ее к одному только удовлетворению животной страсти—таков другой признак питуито-центрических личностей.

Два других явления, не оставлявшие Наполеона всю его жизнь, бросают свет на его эндокринную конституцию. Одно из них—расстройства со стороны мочевого пузыря, на которые он жаловался другому своему врачу, Antommarichi расстройства, которые были у Наполеона с тех пор, как он себя помнит. Раздражимость мочевого пузыря была у него до того велика, что он не мог спать больше нескольких часов подряд. После битв эти расстройства усиливались, так что он должен был на некоторое время отказаться от езды верхом на лошади. Конституциональные затруднения мочеиспускания стоят определенно с связи с функциями гипофиза. Другие питуитарные расстройства, накладывающие свою печать на жизнь Наполеона, это так называемые «мозговые штормы» («*brain storms*») с приступами рвоты, сопровождаемыми припадками с потерей сознания, которые появлялись при внезапных бурных переменах

погоды, физическом переутомлении, умственном напряжении или половом возбуждении. Известно, что такого рода эпилептические тенденции встречаются у лиц питуитарно заболевших, особенно у таких, которые страдают питуитарным непостоянством. У Наполеона мозговые припадки должны быть рассматриваемы, как кризы питуитарной недостаточности у гиперпитуитарного типа. Это предположение имеет свое оправдание в том, что за этими кризами следуют припадки головной боли, характерные для питуитарной гиперсекреции. В молодые годы интеллект Наполеона отличался качествами математического, логического и рационалистического характера, а также удивительной памятью. Такой интеллект есть продукт антепитуитаризма (чрезвычайного развития передней доли гипофиза). То обстоятельство, что Наполеон не терпел ни малейшего возражения и вообще какого-бы то ни было вмешательства в его решения, качество, сделавшее его наиболее бесцеремонным в истории карьеристом, должно быть приписано постпитуитарной его недостаточности. Как известно, постпитуитарная доля гипофиза возбуждает при правильной своей функции чувства симпатии к другим, социальную сублимацию материнского инстинкта, а также склонность к искусству. У Наполеона отсутствовала химическая подкладка для таких инстинктов, у него не было сочувствия к людям, и его завоевания были возможны потому, что он был совершенно слеп к тем бедствиям и страданиям, которые порождала его жадность славы и власти. Лица с постпитуитарной активной или латентной недостаточностью типа Наполеона делаются с годами корпулентнее. Возрастающая корпулентность (ожирение) Наполеона была отмечена и комментирована всеми лицами, наблюдавшими его.

649

Если была бы дана возможность изучать личность Наполеона при его жизни на апогее его славы и военных успехов в связи с достижениями учения о внутренней секреции нашего времени, то пришлось бы определить Наполеона, как питуитарно-центрическую личность с высшим развитием антепитуитарной части при недостаточности постпитуитарной части и при непостоянстве функций обеих частей, что повело к конечному вырождению Наполеона.

Помимо того, неутомимая энергия Наполеона указывает на отлично функционирующую щитовидную железу. Его необыкновенно воинственный характер, живость и гениальность в практических делах указывает на превосходную функцию надпочечников.

Принимая во внимание питуитаризм Наполеона и отмеченные выше соотношения между обоими частями гипофиза, характеризующие развитие его больше в сторону интеллекта при отлично функционирующих щитовидной и надпочечной железах, принимая дальше во внимание военное воспитание Наполеона и характер той среды, которая выдвинула его, — мы

будем иметь те условия, которые неминуемо должны были по-
вести Наполеона к проделанной им карьере.

Что это именно питуитарная железа (а не щитовидная или надпочечная), которая в первую голову и преимущественно формирует духовный облик Наполеона, вытекает ясно из целого ряда соображений. Незадолго до коронавания себя императором Наполеон начал жиреть, что является определенно выраженным питуитарным симптомом. Сравнение портретов Наполеона в различные периоды его возвышения и падения дает в результате увеличения *расширения* на животе и отложение жира в питуитарных областях на бедрах, ногах и т. д. В то же время приблизительно дает себя знать у Наполеона слабость в суждениях, появившаяся, напр., в его походе 1812 г. на Россию. Гениальная его способность предвидения и правильных расчетов достигла кульминационной своей точки в Аустерлице, Иене, Фридланде. После этого она начинает падать. В его проекты вкрадывается черта необычайного, спекулятивного, грандиозного, приводящая к полному несоответствию между выполнением задуманных планов и имеющимися для их выполнения средствами. Функциональная же энергия щитовидной железы и надпочечника остается у Наполеона до конца дней его незатронутой. На это указывают такие факты, как его настойчивость у *st. Al a 'a* где он остается верхом на коне целых три часа до окончания дня, чтобы не заснуть.

А характерная для Наполеона дерзость и жестокость не оставляют его также никогда (надпочечник).

Произведенные над Наполеоном после его смерти исследования вполне подтверждают наш взгляд на его эндокринную конституцию, характеризующую его как питуитоцентрическую личность, которая во второй половине жизни вырождается, благодаря все увеличивающейся питуитарной недостаточности.

Вот протокол аутопсии доктора Ненгу. «Вся поверхность его тела была покрыта толстым слоем жира. На грудной кости (Sternum), обыкновенно самой поверхностной кости тела человека, жировой слой достигал одного дюйма толщины, а на животе $1\frac{1}{2}$ —2 дюйма. На всем теле не попадался ни один волосок, а волосы головы были тонки, чрезвычайно нежны и шелковисты. Весь половой аппарат (слабо развитый)—довольно красноречиво объяснял отсутствие у Наполеона половых желаний. Все время пребывания на Св. Елене Наполеон отличался целомудрием. Кожа была очень белая и нежная, как на руках. Все тело Наполеона отличалось своей нежностью и женственностью. Лобковые волосы были у него фемининного типа. Мускулы грудной клетки были слабо развиты, плечи узкие, а таз широкий». Другими словами, у Наполеона была констатирована характерная для питуитарной недостаточности женственность тела.

Он умер от рака желудка. Но до его смерти было отмечено изменение его психики, свойственное недостаточности централь-

---

ной железы эндокринного его аппарата. Апатия, быстрая утомляемость, беспечность и некоторые другие черты особенно бросались в глаза. Упадок психических сил Наполеона отмечался и в его литературных попытках, напр. в «Осаде Трои» или «Essay» о самоубийстве.

Детский характер этих произведений, как и общего его поведения, ослабление физической его энергии, а также его самодовольствие—все это приводит нас к тому же заключению.

Возвышение и падение Наполеона есть история первоначальной полноценной усиленной деятельности питуитарной его железы и последующего ее упадка. Нет лучшей иллюстрации того, как личность и ее карьера предопределяются особенностями эндокринной системы при содействии факторов воспитания, milieu и других счастливых или несчастных случайностей. Без врожденных особенностей эндокринной системы, все другие внешние факторы не нашли бы опоры для строительства его личности. Но судьба постоянно иронизирует: та самая недостаточность внутренней секреции, которая вела Наполеона к величайшим подвигам и славе, была причиной его падения.

651

Эпилепсия и мигрень у гениев.

Среди гениальных личностей имеются такие, которые страдали припадками эпилепсии или мигрени.

Эпилепсия и мигрень обыкновенно встречаются у людей мало одаренных и часто среди дегенератов и другого рода вырождающихся личностей. Однако, как ни больно это признать, но факт остается фактом, что эпилепсия поражала многих замечательных людей.

Сорок лет тому назад была высказана мысль, что эпилепсия, мигрень и периодически появляющиеся жестокие головные боли—все они имеют своей подкладкой один и тот же патологический процесс в мозгу. Это обобщение не привело к выяснению настоящей причины упомянутых заболеваний. Между тем исследования последних десяти лет в области питуитарной железы сделали весьма вероятным, что эпилептоидные и мигрениподобные симптомы появляются при опухолях и увеличении гипофиза. Исходя из этого, эпилепсию и мигрень начали изучать в связи с расстройством гипофиза. Причем оказалось, что физиономия и общая конституция таких больных, все указывало на питуитарно-центрическую природу этих лиц. Явления, отмеченные выше у Наполеона: медленный пульс, ознобы и повышенная раздражимость мочевого пузыря и проч., имелись в других случаях. У женщин припадки часто совпадают с менструацией, когда нарушается эндокринное равновесие. Наконец исследования x—лучами турецкого седла, который является костным вместилищем гипофиза, пролило много света на этот предмет. Оказалось, что sella turcica бывает узкая или расширенная, иногда с эрозиями, указывающими на отчаянную попытку железы (гипофиза) увеличиться, чтоб удовлетворить

нужды организма. Комплекс явлений, носящий название мигрени, делается теперь понятным. Есть целый ряд факторов, как утомление, сильный холод или очень сладкие питательные вещества (как, например, шоколад), которые вызывают сильный приток крови к железе с последующим ее набуханием. Утомительный умственный труд является возбудителем такого припадка.

При работе мозга приток крови к нему и к железе делается сильнее. Кроме того, умственная работа сопровождается усиленной функцией антепитуитарной железы, если работа интеллектуальная, и постпитуитарной железы, если эта работа эмоционального характера. Мозговая работа вызывает таким образом временное увеличение железы. Если кость, вмещающая в себе железу, черезчур узка, чтобы, позволить железе свободно увеличиваться, то железа оказывает сильное давление на кость, заставляя ее расширяться или изглаживает ее. В результате этого появляются жестокие головные боли, принимающие легко характер мигрени. Двигательные нервы глаза находятся ближе всего к питуитарной железе. Если она сильно набухает, то она может оказать давление на эти нервы, раздражая их или парализуя и, вызывая таким образом вместе с головными болями и различные расстройства глаз. В пользу такого представления о происхождении мигрени говорит также и то, что некоторые гениальные личности, страдавшие мигренью, в то же время имели симптомы со стороны глаз. Что касается эпилепсии, то здесь мы исключительно имеем в виду то большое количество эпилепсии, которые имеют своим основанием эндокринные расстройства. Это эндокринное расстройство связывается также с уклонами в размерах *sella turcica*, ибо встречаются тимоцентрические личности с очень узкой *sella turcica*. Это последнее обстоятельство объясняет вполне наличие в таких случаях эпилепсии.

Периодические вариации в секреторной деятельности других эндокринных желез—в яичниках, щитовидной железе и т. д. могут дать толчок началу припадка. Важно отметить, что если эпилепсия играет роль постоянного фактора в жизни гениальной личности, то мы имеем право утверждать, что предлежит нарушение равновесия в эндокринной системе и, таким образом, имеется вполне ясная причина патологических явлений как в жизни, так и в творчестве гениальной личности.

Фридрих Ницше.

Фридрих Ницше может считаться самым поучительным примером гениальной личности, страдавшей тяжелыми мигренями. По оригинальности и мощи своего ума и по своей оригинальности поэтического дарования, Ницше является крупнейшим из величайших философов человечества. Если мы докажем, что Ницше был неуравновешенная питуитцентрическая личность вполне

выраженного типа, то мы тем самым осветим не только его болезнь, но также и всю его жизнь и творчество.

В серии книг, изданных д-ром George M. Gould в Филадельфии под общим заголовком «Клинические Биографии», этот автор утверждает, что плохое здоровье целого ряда гениальных людей стояло в связи с неизлечимыми расстройствами глаз. В своем стремлении придать больше вероятности этому предположению, он собрал обширный материал, пригодный для изучения этих великих людей. Очевидно, Gould не задавался вопросом, что надо искать за данным заболеванием глаз. Все выводы, которые сделаны ниже относительно эндокринной личности Ницше, основываются на материалах Gould'a, который в свою очередь пользовался двухтомной биографией Ницше, написанной сестрой Ницше.

Для того, чтобы построить эндокринную формулу Ницше, необходимо анализировать сначала все известное нам о его родителях и родственниках. Его дедушка был выдающейся личностью и писал произведения агитационного характера. Отец Ницше был человеком духовного звания. Описание его наружности говорит о нем, между прочим, как о высоком, стройном мужчине с поэтической наружностью. Он обладал музыкальным талантом и был близорук. Это описание выдвигает его, как питуитоцентрика.

Мать была брюнеткой, горячего темперамента и происходила из фамилии, славившейся мощным развитием тела.

Со стороны наследственности, таким образом, мы имеем у Ницше преобладание питуитарных свойств у отца и адреналинопитуитарных свойств у матери. Едва закончилось физическое развитие, Ницше уже напряженно работает над своим интеллектуальным развитием (тоническое действие, следовательно, антепитуитарной железы на мозг уже в достаточной мере дает себя чувствовать). Уже молодым он отличается на научном поприще: на 24 году жизни он был уже профессором по филологии. Уже рано припадки головных болей различной интенсивности и длительности делают его периодически тяжело больным. Головные боли появлялись каждые 2 недели и продолжались 2—3 дня. Наконец, на 44 году жизни какой-то удар положил конец его страданиям: он потерял при этом речь и память и с тех пор, подверженный припадкам, он все более и более вырождался физически и духовно.

В биографии Ницше, написанной его сестрой, имеется несколько его фотографий и репродукций скульптур в различные его возрасты. Рассматривая его лицо в профиль (профиль лица более всего подходит для изучения), а также по бюсту, сделанному Donnorf'ом, мы имеем возможность изучить наиболее выразительные части его головы. С точки зрения эндокринологии особенно бросаются в глаза сильно выступающие супраорбитальные дуги костных выступов, соответствующие бровям. Это определенно питуитарная черта. Брови сами по

себе были у Ницше очень пышные с наклоном к сращению (на переносице), скелет лица, как целое, приострен, череп несколько удлинен и узок, а подбородок широкий и крепкий. Все это говорит за питуитарно-центрическую личность. Жаль, что нет фотографии Ницше со смеющимся лицом, — обстоятельство, лишающее нас возможности судить о состоянии его зубов. Все же, физиономия и общая конституция Ницше, особенности его гения, а также припадки, которые в конце разрушили его жизнь, все это вместе взятое вполне совпадает с нашим допущением, что вся жизнь Ницше, как и жизнь Наполеона была в зависимости от того, что происходило в его sella turcica. Припадки сильных головных болей, диагностированные как мигрень, носили у Ницше такой жестокий характер, что в 1883 г. после появления в свет его *chef d'oeuvre*: *Also sprach Zarathustra* он писал: «Моя жизнь сплошная неудача». Цитаты из его писем, собранные Gould'ом, дают некоторое понятие о страданиях Ницше. В 1888 г. непосредственно перед ударом он сказал: «Я имею в моих глазах динамометр общего моего состояния».

История болезни глаз Ницше говорит за то, что мы имеем у него дело не с простым каким-нибудь дефектом в глазах, а с более глубокой причиной заболевания. Начиная с 15 лет он был примерным учеником. Эссенциальный дефект его глаз был причиной его неудач в детстве. Начиная с юношеского возраста картина меняется. Юношеский возраст является счастливой эпохой для питуитарной железы, когда ее развитие и увеличение стимулирует созревание сексуальных клеток в органах, служащих для продолжения рода. До самого окончания юношеского возраста его интеллектуальные интересы были минимальны и особенно плохо он успевал в математике. Простуды и кашель и часто наступавшие головные боли и боли в глазах не давали ему покоя. По достижении половой зрелости, мигрень сделалась сопровождавшим его везде демоном. После перенесенной в армии дифтерии (которая, возможно, угнетающе подействовала на его надпочечники), припадки делаются тяжелее и его жалобы усиливаются, ибо теперь гипофиз принужден сверх своей обычной работы компенсировать недостаточность надпочечников. Все чаще и чаще мучает его болезнь, и он делается все больше и больше существом, требующим постоянного ухода и достойным сострадания... «Если-бы только мои глаза выдержали... Мне в 30 лет кажется, как-будто бы я прожил 60 лет... Очень часто страдаю желудком, головными болями и глазами. Кислотность меня губит, и все, что я принимаю, за исключением самой легкой пищи, делается кислым... Я ничуть не сомневаюсь, что я жертва серьезного заболевания мозга, и что мой желудок и глаза имеют в нем основную свою причину... я полумертв от страдания и изнеможения». В декабре 1888 года он падает без сознания на улице и был отправлен домой, где он пролежал 2 дня спокойно, потом сделался беспокойным, возбужденным и неуравновешенным. Специфические особенности гения Ницше

свидетельствуют о нем, как о питуитоцентрике, у которого как антепитуитарная, так и постпитуитарная железа необыкновенно хорошо функционировали, однако, равновесие было между ними нарушено таким образом, что постпитуитарная железа одержала верх. Постпитуитарная же железа способна порождать то непостоянство в ассоциативной деятельности мозговых клеток, которое есть основная причина оригинальности творческой мысли.

Лица, у которых имеется преобладающая функция постпитуитарной железы, отличаются живой фантазией и склонны страдать последствиями такой фантазии. Ницше, как мы отметили, был слаб в математике. Его наиболее блестящие идеи являлись ему в состоянии патологического возбуждения. Вот почему многие из его произведений написаны в форме афоризмов и параграфов. Он был в сущности поэт среди метафизиков, что опять таки в лучшем смысле подтверждает наше мнение о Ницше как о питуитоцентрической личности с преобладающей постпитуитарной функцией. Все же его выдающийся критический ум, как и его любовь к музыке свидетельствуют и о сверхнормальной функции антепитуитарной железы. Кратко резюмируя все вышесказанное, мы можем сказать, что общая конституция и физиономия Ницше, его припадки мигрени и постигнувшая впоследствии его болезнь, его влечения и отвращения, его склонности, его таланты—все они говорят, что в лице Ницше мы имеем питуито-центрическую личность с доминирующей постпитуитарной железой и с недостаточной адреналиновой железой.

655

Эпилептические гении.

Как известно, эпилепсия или «падучая болезнь» в общем связана с прогрессирующим вырождением личности. Различного рода прогрессирующие болезненные моменты ведут к изменениям в равновесии эндокринного аппарата, основной причиной которых следует считать недостаточность некоторых из них. Новейшими исследованиями установлено, что при эпилептических припадках следует искать расстройства щитовидной, околощитовидной железы, яичников и яичек, а также thymus'a.

Эпилепсия встречается тем не менее и у гениальных людей: Магомет, Байрон, Достоевский, Флобер—вот несколько известных примеров. Вопрос о том, почему совпадение эпилепсии с гениальностью встречается больше всего у питуитоцентрических личностей находит свое объяснение в том, что эпилепсия в таких случаях есть именно питуитарный симптом и представляет собой борьбу гипофиза со стоящими ему по пути препятствиями. Как сказано, эпилепсия в таких случаях является близнецом мигрени у гениев. Если бы все это было точно установлено, мы имели бы лучшее доказательство того, что гипофиз является доминирующим центром известных интеллект-

---

туальных сил. Для примера возьмем одного из знаменитых эпилептических гениев—Юлия Цезаря.

По Плутаррху Юлий Цезарь был человек хилого сложения, бледный, тощий и был подвержен жестоким головным болям и сильным припадкам эпилепсии. По Cushing'у совпадение «жестоких головных болей с сильными припадками эпилепсии» очень много говорит за то, что оба они питуитарного происхождения. Он женился на 17 году жизни, что может служить доказательством раннего полового развития. Раннее половое развитие надо считать как результат чрезмерно и неправильно функционирующей питуитарной железы. Вскоре после этого он был осужден на смерть диктатором Суллой. вследствие чего появился у него первый из целого ряда последующих эпилептических припадков. Его *libdjo sexuals* была такого рода, что давала повод его солдатам восславлять его выходы в песнях. Первая его жена изменила ему. С этой первой женой, Корнелией, он развелся, ибо «жена Цезаря должна быть сверх всякого подозрения». Женившись после развода еще 2 раза, он имел тем не менее сексуальные связи еще и другого рода, как, например, с Клеопатрой. Эта повышенная сексуальная деятельность есть, очевидно, другая питуитарная черта Цезаря. Интеллектуальные и практические способности Цезаря отличались самыми редкими качествами. В основе их лежало замечательное сочетание функций антепитуитарной, постпитуитарной, адреналиновой и щитовидной желез. Он был оратор, политик, историк, полководец и государственный деятель. О том, как хорошо функционировала щитовидная его железа, красноречиво говорят его 300 личных триумфов. Сидя верхом на коне, он налету, не держась руками, диктовал одновременно 2—3 секретарям. Его гордость и страсть к славе служат выражением хорошо функционирующей антепитуитарной железы.

Все вышеупомянутые особенности его психики хорошо сочетались с некоторыми женскими чертами характера, свидетельствовавшими о таком же удачном развитии и постпитуитарной железы. Вряд-ли какая-нибудь высокопоставленная дама так тщательно ухаживала за своей кожей, цветом лица и волосами, как Цезарь. В уходе за кожей и волосами он до того увлекался, что удалял лишние волосы, не современным, конечно, способом электролиза, а щипцами или ногтями. Прислуга в бане должна была натирать его кожу до того, пока она не делалась похожей на алебастр или мрамор.

Итак, Цезарь, в отличие от других гениальных людей (напр. Дарвина), имел отлично функционировавшие надпочечники и постпитуитарную железу. Однако, он был питуитоцентриком. Бюст Цезаря в музее в Неаполе дает нам копию лица, которое часто попадаетея у питуитарных эпилептиков, и черты лица и череп питуитоцентрика: длинная, широкая правильной кон-

---

фигурации голова, сильно развитые брови с тенденцией слиться, орлиный нос и острый подбородок.

В случаях Наполеона, Ницше, Цезаря мы имеем перед собой мужчин питуитоцентриков с различным течением жизни, с различными склонностями, что объясняется различием в взаимодействии индивидуально созданных эндокринных аппаратов. Теперь мы рассмотрим питуитоцентрическую женщину со странными контрастами в физическом и физиогномическом отношении, в поведении и в характере, находящимися в зависимости от особой вариации в равновесии между обоими долями питуитарной железы.

Ф. Найтингель (Florence Nightingale).

Ф. Найтингель, основательница нового направления в воспитании, представляет для эндокринолога особенный интерес, ибо мы встречаемся у ней с некоторыми особенно ценными данными для эндокринологического изучения личности. Эта выдающаяся женщина нарисована биографом, как человек большого ума и большой энергии.

Жизнь Nightingale, ее упорная борьба за равноправие женщины и ее победа на этом поприще—заставляют думать о наличии у нее мужских черт характера. Будучи женщиной, так называемого высшего круга, судьба ей готовила будущее, соответствующее трафаретам ее среды и ее быта. Однако, недюжинная ее натура не могла удовлетвориться окружающей средой, рутинной окружающей ее жизни. Эта жизнь вызвала у ней горячий протест. Этот протест отражается, между прочим, и на страницах ее дневника. Образ мыслей, чувств и вообще, весь стиль дневника носит чисто мужской характер. Следующее место из ее записок может служить иллюстрацией этого: «я хочу вести некоторое время уединенную и трудолюбивую жизнь в намерении дать созреть тем задаткам, которые дарованы мне богом, дабы они потом служили для прославления его имени. В наше время люди очень поспешны в своем стремлении производить и творить, и в такой же мере скоро конструируют себя. В уединении, в тишине, в спокойном созерцании формировались те люди, которые были призваны оказать влияние на общество». В дневнике она отмечает 7 мая 1852 года, как день, в который она «услышала глас божий», что она «призвана быть спасительницей». Несмотря на ее личные достоинства красивой, импозантной и богато одаренной женщины, она отрекается от личной жизни, во имя этой идеи бросается в борьбу. В упорном преследовании своих идей и намеченных целей, она с течением времени, как ее правильно охарактеризовал ее биограф,—стала «женщиной, одержимой демоном». Все это должно было так случиться именно потому, что ее эндокринный аппарат с ее инкреторными особенностями приближался к мужескому типу. Очень жаль, что мы не имеем в своих

657

руках результатов произведенного над ней гинекологического исследования. Такого рода исследование, вероятно, дало бы новые материалы для подтверждения преобладания маскулинного начала в эндокринной ее системе. Из всех описаний Lytton Strachey особенное для нас значение имеют следующие его слова: «когда у ней наступил пожилой возраст, с ней происходит нечто курьезное. Судьба сыграла с госпожой Nightingale плохую игру. Ее так долго длившаяся фанатическая борьба и общественная жизнь—прекратилась. Ее пыл и страсть в этой борьбе улеглись, и с горькой улыбкой на губах она потом вспоминала о бывшей своей работе, которой она отдавалась с фанатической преданностью. Годы принесли этой гордой женщине ее наказание. Ей не суждено было умереть так, как она жила, т. е. человеком борьбы. Из энергичной, агрессивной и героической природы она превратилась в мягкую, уступчивую и самодовольную женщину. Эти изменения происходили в ней сначала незаметными, и потом, наконец, сделались очень ясными и определенными. Прежняя агрессивная натура исчезла совершенно. Одновременно совершалась соответствующее изменение в ее физической конституции. Перед нами уже не та стройная, угловатая женщина фанатической борьбы с надменными глазами, а совсем другая женщина: огромная, округленная, жирная старая дама со смеющимся во всю ширь лицом. К тому же у ней появилось нечто другое в ее натуре. Ее живой ум, закаленный в молодости в борьбе, сделался совершенно неподвижным. Здесь произошло то, что случается, когда питуитарная гипе р функция, переходит в питуитарную гипо функцию: острое, тонкое, стройное—переходит в жирное, тяжеловесное, неподвижное. Точно те же превращения, которые происходили с Наполеоном по мере изменения функции питуитарной его железы, совершались и с Найтингель. В биографии Найтингель, написанной Сооком, имеется 3 портрета различных периодов ее жизни. Эти портреты свидетельствуют о питуитоцентричности ее личности. Один из этих портретов представляет ее в возрасте 25 лет: «Она высокая, стройная, с густыми короткими темными волосами, очень нежного сложения... превосходные зубы... весьма милой и любезной наружности... она очень напоминает святую». Лицо длинное и овальное, пост-питуитарного типа. Постепенно анте-питуитарная железа берет верх в коррелятивных функциях инкреторного аппарата, наделяя ее маскулинными чертами, изменяя ее лицо и наклонности. Фотография ее в 38-летнем возрасте показывает лицо с четырехугольным очертанием и теми острыми чертами, которые так подчеркивает Strachey. Последний ее портрет, акварель 1907 г. представляет круглолицую старую даму, о которой можно было бы подумать что это бабушка-крестьянка, имеющая пару дюжин внучат. Небольшие красные пятна в области *os Zygomaticum* напоминают о микседеме; это говорит за то, что у Найтингель к старости имелась недостаточность не только питуитарной, но и щитовидной.

железы. Недостаточность этих двух желез вполне удовлетворительно объясняет кардинальные изменения в личности Найтингель, появившиеся с наступлением старости.

Неврастенические гении.

Интеллигенция fin de siècle XIX столетия была крайне возмущена книгой М. Нордау о «Вырождении», в которой многие выдающиеся писатели и ученые были описаны как дегенераты и неврастеники. Возмущение было до того велико, что Bernard Shaw нашел нужным опубликовать своего рода апологию, озаглавленную: «Святость искусства». Несмотря на искусную диалектику Великого Вегетарианца, все еще остается невыясненным, почему творческое напряжение связано с быстрой утомляемостью, общей раздражительностью всех органов и тканей организма. Теперь нам известно, что связь между неврастенией и инкреторными железами обуславливается, главным образом, недостаточностью адреналиновой железы. Более точное исследование неврастенического гения покажет нам, что такой гений есть в сущности питуитоцентрик, у которого, по какой-нибудь причине врожденной (персистирующая зубная железа), или приобретенной (шок, несчастный случай, болезнь), получилась недостаточность в функции надпочечной, щитовидной или интерстициальной железы.

659

Дарвин, как неврастенический гений.

Чарльз Дарвин, как автор книги «Происхождение видов» и величайший революционер в науке XIX столетия, обратил на себя, конечно, внимание всех своих современников и его жизнь и личность сделали предметом многочисленных исследований. Однако, до публикации его автобиографии и воспоминаний его сына оставалось неизвестным, что он страдал большую часть своей жизни хроническими головными болями. Доктор W. A. Johnston высказывал в своей статье (в журнале «American Anthropologist», 1901 года) мнение, что Дарвин страдал неврастенией, основываясь при этом на целом ряде фактов. Однако, неврастения, как теперь принято думать, принадлежит к тем обобщающим словам, которые нуждаются в более точном определении. С другой же стороны неврастения, как это указывает эндокринология, есть результат эндокринных расстройств, главным образом, недостаточности надпочечников. Недостаток взаимодействия, равновесия и компенсации в цепи желез с внутренней секрецией — такова база развивающейся слабости нервной системы. У Дарвина мы безусловно имеем дело с такого рода неврастенией. Дарвин страдал ненормальной утомляемостью, отсутствием стойкости и выносливости, как при умственной, так и при физической работе. Этим недугом он страдал от двадцатых до шестидесятих годов своей жизни. В годы детства он был крепок и здоров, имел страсть к прогулкам и, хотя его учителя не находили его способным мальчиком, все же отмечали за ним силь-

ную любознательность. Хорошее состояние его здоровья продолжалось, повидимому, до 21 — 22 года. После этого начинаются его страдания.

Что представлял собой Д а р в и н в отношении своей эндокринной конституции? — Отец его был разновидностью питуитоцентрической личности с постпитуитарной недостаточностью. Он был ростом в 6 футов два дюйма и чрезвычайно тучный человек. Он хотел сделать из своего сына врача, следуя в этом сохранившейся в семье традиции: Эразм Дарвин, дедушка Чарльза Дарвина был тоже врачом. Его сын однако, не имел склонности к такой профессии и получил в упрек от отца следующие знаменательные слова. «Ты ни к чему другому не пригоден, как стрелять собак и ловить крыс и этим покрываешь пятном позора самого себя и всю нашу фамилию». Кэمبرидж следует после Эдинбурга, он бросается от одного предмета к другому — от медицины к теологии, от теологии к естествознанию. Дружба с естествоиспытателем Henslow окончательно решает его карьеру в пользу естественных наук. Henslow узнал, что пароход *Bea le* принимает научно-исследовательскую экскурсию и рекомендовал Дарвина, как естествоиспытателя, и Д а р в и н отправился в путешествие. Во время этого путешествия он заразил себя невралгией. В Plymouth'e в ожидании отхода корабля, он вдруг почувствовал сердцебиение и боли в области сердца в связи, очевидно, с происходящим гипертиреозом, вызванным возбуждением. Во время путешествия, продолжавшегося пять лет, он часто болел морской болезнью. Штурман передавал, что часто Дарвин, проработав час за микроскопом, говорил ему: «Дружище, я принужден принять горизонтальное положение» и ложился. Он ложился у рабочего стола, потом опять брался за работу, чтобы через некоторое время опять лечь. Утомление часто охватывало Дарвина и он принужден был часто отдыхать. Страдание Дарвина охватило всю секреторную деятельность его тела и действовало, очевидно, истощающе на потенциальную адреналиновую силу организма. Вернувшись в Англию, Дарвин продолжал болеть, при чем состояние его здоровья после женитьбы ухудшилось может быть, в связи с ухудшившимся материальным положением. Он вскоре принужден был оставить Лондон. Шум большого города и частые встречи с учеными друзьями, посещение собраний научного общества, — все это переутомляло его до изнеможения. После такого рода переутомления с ним случались припадки судорог с рвотами и головокружением. Дарвин был принужден подчиниться вполне определенному строгому режиму. Незначительное нарушение этого режима выбивало его из колеи, и он уже был неспособен заняться чем-нибудь. Раннее утро — единственное время, когда Дарвин мог умственно и физически работать. Вечером он был совершенно изнеможен, и каждое движение было для него сопряжено с большим усилием. Кроме всего он страдал бессонницей и какой-то странной чувствительностью

к теплу и холоду. В 1859 году, когда вышла из печати его книга «Происхождение видов», он писал одному своему приятелю, что здоровье ему совсем изменило, что он страдает расстройством желудка, головными болями, что дух и тело его безнадежно разбиты, и жизнь сделалась для него тяжелым бременем. Те двадцать лет, которые он посвятил научным исследованиям, были для него длинной мукой. Больше чем 16 лет, в течение которых он работал над бессмертными классическими своими трудами по биологии, он был самый несчастный среди страдающих людей. Его жизнь была беспрестанным чередованием кратковременной работы с долгодлительным отдыхом. Все же ему удалось опубликовать 23 тома научных трудов и 51 научную статью. Ведя в течение 36 лет как бы санаторную жизнь и подвергая себя лечению продолжительными отдыхами, он в конечном счете выполнил работу, на которую не способны миллионы людей, ведущих самую строгую трудовую жизнь. Что все опасности, связанные с разрушительным действием адреналиновой недостаточности, пережил он благополучно — объясняется исключительным уходом за ним его жены и детей, который как бы снабжал его недостающей эндокринной энергией. Мы привели все эти подробности, желая анализировать инкреторную конституцию этого исключительно гениального человека, и установить, что он действительно страдал неадекватной функцией адреналиновых желез, ибо симптомы хронической, хотя и доброкачественной адреналиновой недостаточности характеризуют историю его жизни. Прирожденный супериоритет гипофиза, и гиперфункция щитовидной железы спасли Дарвина от его адреналиновой недостаточности. Обе железы, вместе взятые, до некоторой степени компенсировали недостаточность адреналиновых желез.

661

Каковы будут другие наши доводы в пользу того, что Д а р в и н, несмотря на свою неврастению, был питуитоцентриком? — Данные физического и физиологического его статуса, а также портреты и фотографии. Он был высок и худощав, по телосложению широк и крепок. Лицо его покрыто легким румянцем, а серые его глаза смотрели из под густых бровей. Большие, выдающиеся уши, прямые волосы, широкий хорошо развитый нос. Все эти черты — питуитарные черты. На фотографии Дарвина, сделанной в 1854 году, виден крепкий плотный подбородок в соответствии с физиогномическими особенностями антепитуитарного типа. Чарльза Дарвина можно, таким образом, характеризовать с эндокринной точки зрения, как человека с гиперфункцией гипофиза при преобладающей функции передней доли над задней. Одновременно надо отметить у него избыток тиреоидной инкреции при недостаточной адреналиновой инкреции. Такая секреторная комбинация снабжает слабое тело великим умом Дарвина. Интересно отметить, что Эразм Дарвин — дедушка Дарвина, представляет нам питуитоцентрика, но только с круглой головой и полным лицом, черты, указывающие на преобладание постпитуитарной функции над антепитуитарной; соответственно

этому он был человек с более спекулятивным умом и поэтической натурой в сравнении с его внуком. Кроме этого, он был более вспыльчивый и имел властный характер.

После 1872 года, когда Дарвину исполнилось 63 года, в его здоровья наметилось изменение к лучшему. Последние 10 лет его жизни состояние его здоровья было до того отрадное, что семья его питала наилучшие надежды. Он стал способен к более усидчивой работе, не чувствуя потом обычной усталости и разбитости. Это должно быть объяснено наступлением гонадопаузы с прекращением деятельности интерстициальных клеток. В связи с этим у мужчин почти всегда наступает усиленная функция надпочечников и лучшее самочувствие, несмотря на повышение кровяного давления. В относительном благосостоянии Дарвина за последние 10 лет жизни мы имеем лучшее доказательство того, какую злополучную роль играла адреналиновая железа в жизни Дарвина.

Оскар Уайльд.

662

История О. Уайльда представляет из себя одну из величайших трагедий английской литературы и жизни. В свое время он привлекал к себе внимание всего мира и еще и теперь остается объектом спора. Как писатель и художник, автор «Портрета Дориана Грея» и «De profundis» принадлежит вне всякого сомнения к величайшим художникам. Как осужденный преступник, он в свое время отбывал два года каторги в Reading'овской тюрьме, а затем, одержимый хроническим алкоголизмом, умер всеми забытый в Париже. Еще и теперь Уайльд остается предметом разговоров, когда дело касается гомосексуальных наклонностей. О. Уайльд был, как известно, гомосексуалист.

Как в других разобранных нами случаях гениальности необходимо и здесь заглянуть в его «наследственность внутренней секреции». Его отец, Sir William Wilde, был хирургом. По его фотографиям мы узнаем, что у него было длинное и широкое лицо, свойственное питуито-адреналино-центрической личности. Соответственно этому верхняя часть лица выражает одухотворенность, нижняя часть его — животную натуру. Он был деятельный практический человек и пользовался большим успехом в жизни. Его жена напоминает Florence Nightingale, как лицом, так и своей фигурой и поведением. Она принадлежала также к питуито-адреналиновому типу строения личности и как таковая имела сходство с мужем. Но так как у женщин антепитуитарный и адреналинный супериоритет ведет к маскулинизму, то мать О. Уайльда должна быть отесана к маскулинному типу женщины. Она была энергичная женщина с агрессивной натурой. В свое время она принимала участие в революционном движении в Ирландии. Таким образом, мы видим, что О. Уайльд по своему происхождению есть результат смешения двух однородных инкреторных аппаратов. Такой процесс может быть сравним с партеногенезом. Известно, что мать О. Уайльда, будучи им

беременна, часто выражала желание, чтоб ее дитя было девочкой. Когда у нее вместо желанной девочки родился мальчик, она была очень огорчена. Этим и объясняется, что она воспитывала своего сына на манер девочки. Она одевала его как девочку, и в тот возраст, когда он уже отчаянно рвал одежду. Она украшала его драгоценными камнями и играла с ним, как с девочкой — куклой. В свете современной психологии и с точки зрения ее эндокринного статуса, такое поведение должно быть рассматриваемо, как пробивающаяся наружу (подавляемая раньше) сильная гомосексуальная страсть. Если бы ее сын уродился строго маскулинным типом, то ее вредное на него влияние не имело бы благодатной почвы и исчезло бы, как только он пришел бы в соприкосновение с внешним миром. Ее временное влияние на его вегетативную систему исчезло бы так же, как только его внутренняя секреция утвердилась бы в своих правах и определила бы по своему его судьбу.

Однако, этому не суждено было осуществиться. Своеобразное взаимодействие функционирующих желез внутренней секреции сделало из О. Уайльда то, что мы называем тимоцентрической личностью. Произошло это так вот почему. Питуито-адреналинная конституция плюс питуито-адреналинная конституция родителей составляют согласно правилам арифметики 2 питуитоадреналинных конституции. Однако, произошло не сложение обоих факторов, а в силу некоторых условий взаимная нейтрализация. В результате такой нейтрализации получилось постоянное преобладание зубной железы с непостоянством двух других взаимонейтрализованных желез.

Что говорит за то, что О. Уайльд был тимоцентрик? — То обстоятельство, что во время полного своего развития он имел все признаки преобладания зубной железы. Мы имеем большое количество хороших фотографий и описаний его внешности, дающих нам возможность судить о нем, как о живом человеке. Очень хорошее описание наружности О. Уайльда дал нам Ненг. de Regnier: «Этот иностранец (Wilde) был высок и был очень тучным человеком. Его своеобразно сложенная фигура делала его гладко выбритое лицо еще более широким. Это было типичное безбородое лицо, как рисуются такие лица на монетах. Руки его... были мясистые и пухлые». Наиболее достойны внимания в этом описании Уайльда его высокий рост и отсутствие или очень скудная растительность на лице. Классическая разновидность тимоцентрического телосложения — высокий рост, детоподобная кожа, незначительная растительность или полное отсутствие ее на лице. Тюремный сторож, охранявший О. Уайльда, рассказывал о внешности Уайльда следующее: «Прежде чем уходить из своей камеры, чтоб пойти на свидание к ожидавшему его посетителю, он каждый раз всячески старался спрятать в своем красном носовом платке свой небритый подбородок». Он стыдился своей скудной растительности на подбородке и на щеках и это принуждало его прятать подбородок. Все вышеизложенное

говорит за тимоцентрическую природу О. Уайльда. Другой важный признак тимоцентричности Уайльда это тембр его голоса. Его голос был описан, как красивый тенор, когда Уайльд говорил при полном душевном спокойствии. Но он становился очень тонким и пискливым, когда он говорил под влиянием волнения. Такой голос говорит за ларинкс, оставшийся частично или целиком на инфантильной ступени развития (как у женщин). За тимоцентрическую конституцию Уайльда говорят еще и большие женоподобные груди. В общем и целом О. Уайльд представлял собой случай *Status lymphaticus — terminus technicus* для обозначения тимоцентрической личности.

664

Как это часто бывает в случаях тимоцентрической конституции питуитарная железа старается компенсировать недостаточную функцию зобной железы. Необыкновенная величина его головы — питуитарная особенность. Стремясь к тому, чтобы занять больше места для своего развития, гипофиз необычайно развил в Оскаре Уайльде любовь к прекрасному, — черта свойственная женской постпитуитарной природе, и в то же время наградила его хорошим интеллектом. Но в обществе, организованном для лиц с чисто маскулинной или чисто фемининной психоконституцией, О. Уайльд должен был потерпеть полное крушение в силу закона естественного отбора, сметающего с лица земли неприспособленные вариации. В тюрьме Уайльд страдал страшными головными болями, что следует связать с изменениями его питуитарной железы. Боли эти он локализовывал над глазами. Такими головными болями он страдал до самой смерти и в значительной степени они должны быть приписаны также действию абсента, с которым Уайльд тоже не расставался до конца своей жизни.

Заключительное слово.

Если мы бросим взгляд на все здесь изложенное и спросим себя, возможна ли эвроэндокринология, как точная наука и самостоятельная дисциплина европатологии, то единственно верный на это ответ будет гласить: да, возможна, и не только возможна наука эвроэндокринология, но и следует от нее ожидать в будущем, может быть даже в не совсем далеком будущем, новые значительные успехи. Новые эндокринологические анализы гениальных и высоко-одаренных людей безусловно расширят и углубят наши знания в этой области, особенно если сама эндокринология будет с успехом продолжать разрешать старые неразрешенные и вновь назревающие задачи.

Весьма возможно, что нам с течением времени после выяснения многих темных в настоящее время пунктов в учении о железах с внутренней секрецией, придется изменить некоторые из наших взглядов на связь гениальности и одаренности с эндокринной системой. Но факт существования этой связи сам по себе неопровержим, как неопровержимо и то, что именно эндокринная система более всех других систем организма специфически.

действует на возникновение и развитие гениальной личности. Стоя на таких твердых, незыблемых основах, эвроэндокринология, как наука об эндокринной личности гения, ничего другого не может сделать, как усовершенствоваться и принести свою далеко не малую долю во всестороннее познание самого может быть загадочного, сложного и величественного явления в мире — гения.

Шизофреническая психина Гоголя.

Драг. В. Семенов.

Историческое изображение болезни Гоголя до сих пор в научной и художественной литературе мы имеем только в сочинении Л. К. автором, Василием Блаженным и смерти Гоголя, Москва 1908 год и профессора Ф. И. Чиж (Болезни Гоголя Верами Вадасови и психологом, 1903 год). В то же время автор верно подмечали те или иные особенности психической болезни Гоголя, в точку зрения психиатрии той эпохи, в которой они жила (начал десятилетия годов), но, конечно, полного анализа и более современного объяснения психической конституции Гоголя дать не могли, ибо невозможно было это сделать, в точку зрения психиатрии той эпохи, предостанностями которой это было. По поводу же жизни, и особенно смерти Гоголя, не дообсуждали, его болезнь можно довести лишь тогда, когда психика была психиатрии школы Блейера, с его учением о шизофрении, которое расширило рамки психиатрии, не только в отношении клиническом, но и психологическом. Мало того, учение о шизофрении разнутало ту китайскую стену, которая стояла между клиникой и психиатрией, вследствие, что пришлось возможности рассмотреть на психический мир человека глазами и тем более на психический мир таких личностей, как Гоголь.

Как устроился ярко в работе Блаженца о Гоголе по суждению Блаженцевской психиатрии? Это и утратил ему идею и Гоголь более, чем делая коллика или вообще человек, померещенного канканально-депрессивного приступа. В этой единственной возможности справедливо в свое время упреснул его Чиж. Только лишь тому же Чиж, давшему более точный анализ психики Гоголя в моментальном интуитивно и только шизофренической болезни Гоголя, без того, чтобы знать эту психиатрию, как психиатрию (ибо шизофреника Блейера издалась в 1911 году, следовательно на 8 лет позже появления монографии Чиж и Гоголя), а в хвалю этой Блейера в своей работе, возмездием, чтобы вкратце подвести и анализ психики Гоголя, когда Гоголь, Тем же более шизофренический Гоголь, Чиж верно и тонко отметил, что является более ценным для психиатрии Гоголя, а психиатрия Блаженца, констатировала эти точки зрения психики Гоголя, и тем же более шизофренический Гоголь.

665

Шизофреническая психика Гоголя.

Д-ра Г. В. Сегалина.

ПатогRAFическое освещение болезни Гоголя до сих пор в русской скудной патогRAFической литературе мы имеем только со стороны 2-х авторов, Баженова (Болезнь и смерть Гоголя, Русская мысль, 1902 год) и профессора Ф. В. Чиж (Болезнь Гоголя Вопросы философии и психологии, 1903 год). И тот, и другой автор верно подмечали те или иные особенности психической болезни Гоголя, с точки зрения психиатрии той эпохи, в которой они жили (начал девятисотых годов), но, конечно, полного анализа и более совершенного освещения психической конституции Гоголя дать не могли, ибо невозможно было это сделать, с точки зрения психиатрии той эпохи, представителями которой они были. По нашему мнению, к освещению психики Гоголя, его конституции, его болезни можно подойти лишь тогда, когда появилась новая психиатрия школы Bleuler'a, с его учением о шизофрении, которое расширило рамки психиатрии, не только в отношении клиническом, но и психологическом. Мало того, учение о шизофрении разрушило ту китайскую стену, которая существовала между жизнью и психиатрией, настолько, что открыло возможность посмотреть на психический мир новыми глазами и тем более на психический мир таких явлений, как Гоголь.

Как чувствуется ярко в работе Баженова о Гоголе отсутствие Блейлеровской психиатрии! Это и мешало ему видеть в Гоголе более, чем меланхолика или вообще человека, подверженного маниакально-депрессивным приступам. В этой односторонности справедливо в свое время упрекнул его Чиж. Точно также тому же Чиж, давшему более тонкий анализ психики Гоголя и подметившему интуитивно и тонко шизофренический облик Гоголя, без того, чтобы знать эту шизофрению, как таковую (ибо шизофрения Блейлера появилась в 1911 году, следовательно, на 8 лет позже появления монографии Чижа о Гоголе), не хватало этой Блейлеровской психиатрии, чтоб вплотную подойти к анализу психики Гоголя более тонко. Тем не менее, шизофренический ген Чиж верно и тонко отметил, что является более ценным для понимания Гоголя, нежели анализ Баженова, констатировавшего только лишь циклофренический ген в сложной психике Гоголя.

667

Нечего и говорить о том, что современному психиатрическому анализу задача эта значительно облегчается, когда мы подходим во всеоружии современной Блейлеровской психиатрии, с одной стороны, и с подготовительными работами вышеупомянутых авторов — с другой стороны. Вот почему, приступая к такой синтетической работе о Гоголе, с точки зрения современной психиатрии мы считаем такой шаг своевременным. Конечно, насколько мы сумеем разрешить эту задачу — судить не нам. Пусть тогда автор и читатель смотрят на это предприятие, как на попытку такой синтетической работы.

I. Наследственность Гоголя.

Изучение психики Гоголя начнем с его наследственности. Отец Гоголя — Василий Афанасьевич Гоголь, страдал, повидимому, туберкулезом легких.

По словам матери Гоголя: «До женитьбы у него 2 года была лихорадка, от которой его вылечил известный в то время доктор Трахимовский (Шенрок I.53). Повидимому, это было не выздоровление, а улучшение, ибо после этого он хворал опять несколько лет и болезнь приняла прогрессивный характер ухудшения. «Муж мой (говорит М. А.—мать Гоголя) болел в продолжении 4 лет и когда пошла кровь горлом, он поехал в Кибинци, чтоб посоветоваться с доктором».

Далее сам В. А. отец Гоголя, пишет в письме своем однажды: «Мне хорошо, но грудью страдаю ужасно и спать едва могу».

Вскоре он в безнадежном состоянии уехал лечиться в Лубны, где и скончался на 44 году жизни. Все эти данные говорят в пользу того, что он страдал туберкулезом легких. В пользу этого говорит также большая смертность его детей.

Из 12 детей — осталось в живых 5 человек. Если еще принять во внимание, что сын его — знаменитый писатель, был ребенком золотушным, с течью из ушей, слабый, болезненный ребенок, впоследствии оставшийся на всю жизнь физически слабым человеком с узкими плечами, впалой грудью, худощавый и никогда не имевший здорового и свежего цвета лица, то все это тем более говорит в пользу туберкулеза отца.

Ермаков*) считает болезнь отца Гоголя сифилисом. Какие у него основания для этого, мы не знаем, никаких данных в пользу этого предположения он не приводит.

В отношении психики — Гоголь отец был человек чрезвычайно мнительный и особенно боялся болезней: также был очень болезненно-раздражительный (В. Каллаш), что при его болезненности неудивительно.

Умер рано — 44 лет.

По линии материнской мы имеем следующие данные о наследственности.

*) Ермаков, «Психология творчества Гоголя», 1924, стр. 14.

Дед матери Гоголя, Танский, после ссылки резко изменился по характеру; из сурового, крутого человека, он стал набожным, всепрощающим, мистиком. В то же самое время, — был человеком склонным к юмору.

Отец матери был также склонен к крайнему мистицизму.

Среди ближайших родственников Гоголя имеются и душевнобольные. Среди них определенно выраженным психозом страдал племянник его Трушковский и затем его мать была также душевно-больная. Таковой ее считал товарищ Гоголя Данилевский и близко знавший семью Гоголя Трахимовский. Трахимовский («Русская Старина» 1888 г. июль), говорит: «М. И. Гоголь была крайне впечатлительна и подозрительна. Бывали дни, недели, целые месяцы, когда впечатлительность М. И. Гоголь доходила до крайних пределов, достигала почти болезненного состояния». Ее подозрительность принимала подчас характер бредовых идей. Затем мы можем констатировать у матери Гоголя болезненные и легкомысленные поступки в практических делах, о чем указывают ее дочери, что она, например, покупала совсем ненужные вещи (даже в кредит), которые приходилось отдавать обратно. Биографы отмечают, что она впадала в какое то «столбнячное состояние» (ступор-кататонический?) говорила нелепости и проч. А. Шенрок — биограф Гоголя, говорит о ее «болезненной мечтательности» и о странной задумчивости, продолжавшейся часами, причем выражение лица резко изменялось. Известно также, что мать Гоголя приписывала сыну весь технический прогресс своего времени: изобретения телеграфа, железных дорог и пр. и не было никакой возможности разубедить в этом. Наконец сам Гоголь считал ее также душевнобольной. Он пишет сестре своей Анне Васильевне (12 апреля 1839 г.) — «Слава богу, наша маменька физически совершенно здорова. Я разумел душевную умственную болезнь, о ней была речь».

Не вдаваясь в анализ болезни мы можем из вышеприведенного констатировать, что мать Гоголя была душевно-больная. Из этих данных мы можем также заключить, что она впадала временами в кататоническое состояние заторможенности (ступор). «столбнячное состояние», в которое она впадала по временам, очень хорошо согласуется с наблюдением Шенрока, который говорит о ее «болезненной мечтательности» и «странной задумчивости», которая продолжалась часами и во время которой изменялось резко выражение ее лица. Кроме того нелепые и несуразные поступки: покупка ненужных вещей, которые приходилось отдавать назад, крайняя болезненная подозрительность и впечатлительность, высказывание несуразных вещей вроде того, что все изобретения техники того времени — телеграф, железные дороги изобретены ее сыном (и в этом нельзя было ее разубедить), — все это в достаточной степени обрисовывает шизофреническую натуру матери.

Из других родственников Гоголя определенно душевно-больными были: помимо вышеупомянутого племянника Трушковского, также родственник Гоголя отец Варфоломей, над которым потешался Трошинский и его дворня (припечатывая, напр., его бороду к столу и заставляя выдергивать ее по волоску или дразня его ассигнациями). Перейдем теперь к самому Гоголю-писателю.

В отношении физического строения тела Гоголь представляет из себя—тип астеника (Кречмер). Впалая грудь, узкая грудная клетка с узкими плечами, худощавый, болезненный, физически слабый, он никогда не имел здорового и свежего цвета лица. Лицо вытянутое, нос длинный. Из ушей у него текло. Ребенком он был золотушным, слабым и болезненным.

Уже из писем его из Нежинской гимназии вы постоянно слышите его жалобы на недомогания, на боли в груди и пр.

Эти жалобы на болезненность Гоголя подтверждаются свидетельством Данилевского, который говорит (Шенрок I. 123) так: «Он был болезненный ребенок. Лицо его было какое то прозрачное, он сильно страдал от золотухи; из ушей у него текло».

И не удивительно Гоголь сын чахоточного отца, умершего рано от своей болезни.

В психическом отношении—это типичный дефективный ребенок. Еще до поступления в Нежинский Лицей, Гоголь в Полтаве, обучаясь и воспитываясь вместе со своими сестрами, отставал в ученьи настолько, что потребовались усиленные занятия с особо приглашенным для этой цели учителем.

Чиж (Болезнь Гоголя. Вопросы философии, 1903) говорит: «Дурное состояние здоровья Гоголя в первые годы его жизни весьма сильно влияло и на его развитие и на его поведение. Следует согласиться с Шенроком (т. I., ст. 126), так характеризующим Гоголя за этот период: «Гоголь долго держал себя ребенком, при чем решительно не обращал в низших классах ничьего внимания: ему даже отводилось не слишком завидное место в свободных товарищеских отношениях, хотя он не отставал от сверстников на обыкновенных мальчишеских проказах в классах и дортуарах, вследствие чего, если и пользовался общею любовью школьников, то не внушал к себе уважения. Над ним часто смеялись и трунили, толкали его, получая от него соответствующее возмездие, в виде насмешливых прозвищ и кличек».

Если на общее развитие Гоголя и на его поведение в первые годы жизни могли отразиться плохое состояние его физического здоровья, то тот же автор Чижа никоим образом не соглашается объяснить плохим физическим здоровьем его из рук вон плохие успехи ученья и ленность к ученью.

И совершенно справедливо. Его неуспешность в ученьи и его лень и неохоту к ученью нужно отнести к его психической дефективности, а не к физической, ибо, как совершенно верно

замечает проф. Чиж, «слабые болезненные дети могут учиться очень хорошо, так как физические упражнения, шалости не по силам таким детям, детское самолюбие их часто страдает от их физической слабости, и они учатся с особым старанием, и, по мере способностей, старания их увенчиваются успехом. Что не слабое здоровье Гоголя было виной его плохих успехов в гимназии, доказывается и тем, что и в старших классах т. е. когда его здоровье было удовлетворительно, он учился также плохо, как и в младших классах. Точно также нельзя обвинять педагогов и гимназию, где Гоголь учился—как это часто делают совершенно несправедливо, ибо из той гимназии вышло не мало образованных и замечательных деятелей.

Дело тут не в способе преподавания и не в его физическом нездоровье, а в особенной психической организации его умственной сферы, в особенном психомеханизме его психического аппарата, как мы это увидим далее.

Гоголь, благодаря своей психической дефективности, плохо учился и ничему не научился, окончивая Нежинский Лицей; и не научился бы будучи в какой угодно гимназии. Наоборот, надо думать, что в гимназии с более строгими требованиями он совсем бы ее не окончил.

Возможно, что если бы не знакомство его семьи с начальником школы—Орлай, который очень заботился о Гоголе и принимал в нем участие и покровительствовал ему—он бы гимназии не окончил совсем. Гоголь не любил учиться и не мог учиться—и так остался на всю жизнь недоучкой—это факт, констатированный всеми исследователями.

Учитель его Кулжицкий писал о нем (Москвитянин, 1854. № 21): «Он учился у меня 3 года и ничему не научился, как только переводить первый параграф из хрестоматии при латинской грамматике Кошанского».

Между тем тупым ребенком он не был и не мог им быть; наоборот Гоголь был чуток, умен, наблюдателен, интеллигентен и даже практичен не по своему возрасту.

Как объяснить такое противоречие?

Тут вы наталкиваетесь на тот вопрос, который всегда ставил в тупик психологов, педагогов и других: как связать умственную дефективность с гениальной одаренностью гениальных детей?

На Гоголе мы ярче всего можем проиллюстрировать это несоответствие после того, как мы осветим особенности Гоголевской психики, к чему сейчас и перейдем.

II. Интеллектуальная сфера Гоголя.

1. Расстройство аппарата внимания у Гоголя.

Первое и главное условие (при наличии других, конечно, условий) для того, чтобы хорошо учиться—необходимо, чтобы аппарат внимания был подчинен воле данного индивидуума,

---

хотя бы настолько, чтобы некоторое время иметь возможность воспринять слушаемое, т. е. иначе говоря уметь сознательно пользоваться своим активным вниманием: внимательно слушать. Это возможно лишь тогда, когда волевая сфера человека и все другие элементы психики настолько между собой сочетательно связаны и в контакте, что одно с другим гармонично сочетаются. Так бывает у здорового человека со здоровой психикой.

Психика же Гоголя страдала расщепленностью: отдельные элементы его психики настолько диссоциированы, что не сочетаются гармонично друг с другом и часто идут вразброд. Обратим внимание на самый основной дефект психики Гоголя, на его внимание:

Арнольди *), знавший хорошо Гоголя, очень тонко подметил основное свойство Гоголевского аппарата внимания:

«Если вы рассказывали ему что-нибудь, говорит Арнольди, он никогда не старался вникнуть внимательно в ваш рассказ, заметить, насколько он был справедлив... Он просто переставал вас слушать, делался рассеянным, и ясно показывал вам, что рассказ не занимает его. Учиться у других он не любил. «Потому что он не мог» справедливо добавляет к этому ценному наблюдению Арнольди проф. Чиж, и именно потому не мог, добавим мы теперь, что фокус внимания сдвигался помимо его воли, помимо его сознания на побочные подсознательные восприятия, которые были сильнее, чем сознательные восприятия, и потому завладевали фокусом внимания, и он делается невнимательным, не слушающим, рассеянным. И эта рассеянность у него несомненно патологическая. Каждый из нас, будучи рассеянным в известные моменты, однако, в состоянии выйти из этой рассеянности при желании или надобности, в то время как из патологической рассеянности это сделать очень трудно, а иногда и невозможно. Это исключает возможность сознательного восприятия или во всяком случае понижает резко настолько, что человек такой сознательно учиться чему-нибудь не может как бы он не хотел. Таков был Гоголь. Он неоднократно и беспрерывно пробовал, старался учиться, потому что жизнь требовала от него настойчиво. Гоголь был очень умный, наблюдательный человек, он отлично понимал, что без знания далеко не уедешь, и он неоднократно пробовал учиться, потому что ему было стыдно наконец за свое невежество (он, например, прятал учебники, впоследствии, когда он хотел свои пробелы заполнить, чтобы, боже упаси, кто не заметил, что он взрослый человек писатель учится элементарнейшим вещам достойным ученика какого-нибудь 3-го класса гимназии). Но он не мог учиться. Он не мог, потому что его расщепленная, дисгармоничная психика шизофреника не давала ему возможности учиться хотя бы удовлетворительно и отбивала у него, в конце-концов, всякую охоту учиться и он делался равнодушным к науке.

*) Мое знакомство с Гоголем. Рус. Вестник. 1862.

Гоголь сознательно учиться и длительно воспринимать не был в состоянии, потому что его аппарат внимания был у него расстроен.

Этот дефект аппарата внимания вытекает из шизофренической расщепленной психики Гоголя, мешая ему что-либо сознательно воспринимать (учиться, слушать и пр.).

Впоследствии, когда процесс расщепления прогрессивно рос вместе с течением его болезни, у него был расстроен и процесс узнавания (осмысление).

2. Расстройство ассоциативного аппарата и произвольного мышления у Гоголя.

Внимательное изучение интеллектуальной сферы Гоголя дает нам возможность констатировать также симптомы расстройства ассоциативного аппарата. Расстройство ассоциативного аппарата является одним из главных симптомов шизофренической психики, отчего расстраивается процесс произвольного мышления. Как известно, здоровый ассоциативный аппарат здорового человека характеризуется тем, что данный ассоциирующий человек может дать целевое направление своим ассоциациям и ассоциативным комплексам. Как бы не увлекался данный индивидуум в сторону от своей цели, он все-таки может всегда дать определенное целевое направление своим мыслительным комплексам, делающим результат такой ассоциативной работы последовательным, логичным, синтетическим.

Шизофреника может сделать это с большим трудом или же совсем не в состоянии этого сделать.

Гоголь, также страдавший расстройством ассоциативной сферы, также не мог мыслить по целевой точке, в особенности к концу его жизни, когда болезнь все более и более вступала в свои права. Тогда произвольное мышление сильно затруднялось.

На это также указывал Чиж, который в своей работе о болезни Гоголя, это расстройство иллюстрирует отрывком письма Гоголя к отцу Матвею (9 февраля 1848 г.). Приводим этот отрывок здесь... «далее мои мысли расхищаются, приходят в голову незванные, непрошенные гости и уносят помышления бог знает куда, бог весть в какие места, прежде чем успеваю очнуться. Все как то делается не во время: когда хочу думать об одном, думается о другом, когда думаю о другом думается о третьем».

Тут это состояние расстройства целевого (или произвольного) мышления лучше всего характеризуется словами:

«Когда хочу думать об одном, думается о другом, когда думаю о другом—думается о третьем»...

...«мои мысли расхищаются, приходят в голову незванные, непрошенные гости и уносят помышления бог знает куда... Бог весть в какие места, прежде чем успеваю очнуться»...

Из этого мы также можем понять, что нить ассоциаций его разрывалась внедрением других ассоциативных комплексов отчего и уносило его «бог знает куда, бог знает в какие места, прежде чем успеваю очнуться». Чрезвычайная сила отвлекаемости побочных ассоциативных комплексов брала верх в больной психике Гоголя, где воля настолько была диссоциирована, расщеплена и слаба, что не могла делать целевую установку внимания, ассоциативного и мыслительного аппарата, и он делался «невнимательным», «рассеянным», «аутистическим», отдавался легко аутистическим мечтам, аутистическому мышлению, аутистическим видениям. Действительность у него уходила... мы увидим после, куда уводило его это аутистическое состояние в его творческих интуициях. Пока же отметим еще другие чрезвычайно важные особенности расстройства ассоциативного аппарата.

Отметим также расстройство ассоциативного аппарата в отношении скорости протекания ассоциативных элементов.

674

Как известно, ассоциативные элементы в шизофренической психике могут протекать по ускоренному темпу, иначе говоря, может быть наплыв идей и быстрое течение ассоциаций или может быть противоположное состояние—полное обеднение или оскудение этих же ассоциативных элементов—заторможенное и вялое течение.

У Гоголя, в течение развития его психики, мы можем констатировать в этом отношении 2 периода.

1-й период, когда у него был чрезвычайный наплыв этих ассоциативных элементов, это был тот 1-й счастливый период его жизни, когда творчество давалось ему легко, приблизительно это та эпоха его жизни, когда им были написаны «Вечера на хуторе близ Диканьки».

В этом периоде мы видим, благодаря такому наплыву ассоциативных элементов, ассоциации получают новые сочетания, случайно встретившиеся идеи связываются в одну мысль, в одно целое, причем логическая связь определяется случайными обстоятельствами.

По мере развития его шизофренической психики, ассоциативный материал оскудевал, наплыв ассоциаций все более и более терял свою скорость и богатство, ко 2-му периоду его жизни психика настолько беднела ассоциативными комплексами, что он невольно стал обращать внимание и жаловаться на это оскудение и опустошение.

3. Аутистические переживания у Гоголя.

Вместе с расстройством аппарата внимания, ассоциативных процессов и произвольного мышления, мы можем отметить у Гоголя аутистические переживания.

Аутистические переживания у Гоголя настолько резко бросались в глаза, что не могли не обратить внимания окружающих Гоголя. Об этом свидетельствуют следующие данные:

Смирнова, наблюдая Гоголя летом в 1837 г. в Бадене, отмечает следующее: «... Гоголь приехал туда больной, но не лечился. Он только пил воды в Лихтентальской аллее и ходил или лучше сказать, бродил один по лугу зигзагами возле Стефанбада.

Часто он был так задумчив, что его звали и не могли дождаться. Если же это и удавалось, то он отказывался гулять вместе, приводя самые странные причины».

В письме к Чижову (Шенрок I. 725) Гоголь жаловался на то, как аутистическое мышление отвлекало его в сторону помимо его воли... «я, например, вижу, что кто-нибудь споткнулся, тотчас же воображение за это ухватится, начнет развиваться, и все в самых страшных призраках. Они до того меня мучат, что не дают мне спать и совершенно истощают силы».

Современник Гоголя, Н. Мизко (литератор) сообщает, что ни один из портретов Гоголя не дает полного понятия о его выражении лица, в особенности глаз, то беспокойно бегавших, то на продолжительное время устремленных в одну точку.

В таком состоянии творец «Мертвых душ» не обращал никакого внимания на окружающее, а потом как-то стремительно просыпался, пытаясь разговором изгладить неприятное впечатление, произведенное его невниманием к обществу. Он пробовал шутить, но это редко удавалось ему. В конце-концов он опускал голову вниз и усердно выбивал дробь пальцами по колену. А когда приходил в себя—страшно конфузился и виновато озирался вокруг. Окружающие в таких случаях старались не смотреть на Гоголя и делали вид, что не обращают внимания на его странности.

675

4. Расстройства восприятия узнавания и обманы чувств.

В 1842 г. Гоголь пишет о своей болезни Балабиной: «с того времени, как только ступила моя нога в родную землю, мне кажется, как-будто я очутился на чужбине. Вижу знакомые, родные лица, но они, мне кажется, не здесь родились, а где-то в другом месте, кажется, видел и много глупостей, непонятных мне самому, чудится в моей ошеломленной голове. Но, что ужасно, что в этой голове нет ни одной мысли»...

Здесь Гоголь сам отмечает ослабление и притупление процесса восприятия (узнавание). Ему все кажется иначе—предметы, лица—принимают другую физиономию, другое значение, другой контекст, и это состояние доходит до того, что начинает сам видеть «глупости» (вместо нормального восприятия действительности). Что подразумевает Гоголь под словом «глупости» мы не знаем, но мы знаем, что это такое извращение внеш-

него мира, что ему «чудится» нечто такое необыкновенное, странное, что Гоголю ясно, что это может быть только тогда, когда голова его «ошеломлена» т. е. неспособна к произвольной деятельности в том смысле, что ассоциативная способность заторможена настолько, что нет «ни одной мысли» нет произвольного мышления.

В письме к Чижову (Шенрок I, 725), он также об этом расстройстве говорит:

...«У меня все расстроено внутри, я, например, вижу, что кто-нибудь споткнулся, тотчас-же воображение за это ухватится, начнет развивать—и все в самых страшных призраках. Они до того мучат, что не дают мне спать и совершенно истощают силы».

Что это за призраки, которые мучили Гоголя и не давали ему спать, мы точно не знаем, но должны допустить, как это делает Чиж, что у него были галлюцинации, а вернее всего, псевдо-галлюцинации, так как Гоголь сознавал, что это были лишь «призраки».

Такое допущение о существовании галлюцинаций не только не противоречит всем всей картине болезни Гоголя, но хорошо согласуется со всеми другими симптомами, со всей картиной психического состояния Гоголя. Чиж в своей полемике с Баженовым, совершенно справедливо возражает: если бы не были галлюцинации у Гоголя то ...«каким путем он делал свои душевные открытия. Каким путем он получал ответы на свои просьбы, когда находился в молитвенном экстазе. Каким путем он узнавал те, по его убеждению, истины, которые он проповедывал с такой самоуверенностью. О каких небесных минутах, пред которыми ничто всякое горе (письмо к Жуковскому от 16 марта, 1847) говорит Гоголь, мы не знаем, но можно допустить, говорит Чиж, что именно это были минуты, когда его посещали небесные видения».

Также непонятно, о каких «чудных явлениях» писал Гоголь 7-8—1841 г. Данилевскому; мы знаем, что свое выздоровление в 1840 году Гоголь считал особою милостью бога, как то считают в подобных случаях многие, но явления, о которых пишет Гоголь были так чудны, что «Рим как святыня, как свидетель чудных явлений, совершившихся надо мной, пребывает вечен». Никогда (говорит Чиж) Гоголь так не выражался о своих выздоровлениях. В том же письме, и это очень важно, Гоголь говорит, что властью вышшею облечено отныне мое слово». Должен же был Гоголь иметь материал для таких заключений, таким материалом могли быть только «обманы чувств» т. е. галлюцинации.

Чиж подтверждает свои выводы свидетельством Боткина, что в 1840 г. были галлюцинации (в то время как письмо о «видениях» написано в 1840 г.). С. Г. Аксаков сообщает: «но я слышал, что Гоголь во время болезни имел какие-то видения, о которых он тогда рассказал ходившему за ним с братскою нежностью и заботой купцу Н. П. Боткину, который случился на

то время в Риме». Предполагать галлюцинации у Гоголя в последние годы его жизни дает право следующий рассказ Кулиша. Когда в 1851 г. Гоголь гостил у Смирновой, он в жары любил приходить в дом и садился на диван в глубине гостиной. Однажды хозяйка нашла его там в необыкновенном состоянии. Он держал в руке Четьи-Миней и смотрел сквозь отворенное окно в поле, глаза его были какие-то восторженные, лицо оживлено чувством высокого удовольствия; он как будто видел перед собой что-то восхитительное. Когда А. О. (Смирнова) заговорила с ним, он как-будто изумился, что слышит ее голос и с каким-то смущением отвечал ей, что читает житие какого-то святого.

Эта сцена, говорит Чиж, более чем вероятно говорит за то, что Смирнова видала галлюцинирующего Гоголя, и что у него была зрительная галлюцинация, ибо «это восторженное выражение лица», устремленные в определенную точку глаза, изумление и смущение Гоголя—все это очень характерно именно для галлюцинанта». Надо принять во внимание то, что Смирнова, будучи не психиатром дает такое правдивое описание галлюцинирующего, то нет сомнения в достоверности этого, даже в свидетельстве Смирновой, которой не все можно доверять.

677

5. Параноический характер Гоголя.

Бросается в глаза весьма яркий симптом психики Гоголя, — симптом, который также отмечается Чижом. Это параноический характер, из которого затем развивается параноический бред величия и преследования, отмеченные также Чижом. Уже с детства замечаем у него свойство совершенно неожиданно, без всякого основания, изменять свои взгляды и отношения к людям, которых он до сих пор уважал, и может, даже любил. Эта изменчивость отношений к людям и вызывает у него высокомерное порицание и презрение и даже враждебное отношение: и потому такое отношение вызывается у него, что эти лица недостаточно были к нему внимательны, недостаточно почтительны или любезны, и этим одним он уже чувствует себя сначала обиженным, затем оскорбляемым, а затем даже преследуемым. Такое развитие отношений к людям, конечно, предполагает наличность чувства своего превосходства над другими. Объективно для развития таких отношений дается тем обстоятельством — натура Гоголя — «загадочная» дает почву для всяких недоразумений и для развития его параноического характера.

Это иллюстрирует сам Гоголь в письме к матери от 1-III 1826 года: «Вряд ли кто вынес столько неблагодарностей, несправедливостей, глупых, смешных притязаний, холодного презрения и прочее. Все выносил я без упреков без роптания, никто не слышал моих жалоб, я даже всегда хвалил виновников моего горя. Правда, я почитаюсь загадкой для всех, никто не разгадал меня совершенно... Нет, я слишком знаю людей, чтобы быть мечтателем. Уроки, которые я от них получил, останутся навеки неизгладимыми, и они верная порука моего счастья. Вы увидите, что

со временем за все их худые дела я буду в состоянии заплатить благодарениями, потому что зло их обратится мне в добро.»

Этот отрывок из письма Гоголя лучше всего уясняет параноидальный характер отношений к людям. Тем более, что он очень скрытен и скрывал свои отношения к «существователям». Он понимал, что при обнаружении этих чувств он себе испортит отношения к людям, которые Гоголь умел всегда использовать. А тут в этом отрывке он проговорился.

С таким же правом мы можем допустить, что Гоголь далеко не все написал, что он думал, и значительно смягчил жалобы на перенесенные преследования.

Гоголь, так сказать с молоком матери всосал благоговение к Д. П. Трошинскому, привык гордиться родством с этим сановником, привык считать его просвещенным вельможей, благодетелем Малороссии: вдруг безусловное благоговение заменяется отрицательным, высокомерным отношением. Совершенно неосновательно объяснять такую перемену тем, что Гоголя оскорбило невнимание Трошинского к его матери, когда к его приезду делали большие приготовления, а между тем его «высокопревосходительство» не благоволил приехать (Шенрок. 1, стр. 135 прим.).

Уже не говоря о том, что Гоголь был всегда почитателем к «властям придержащим», он был настолько умен, что не мог требовать аккуратности в посещениях от больного старика. Необходимо не забывать, что Д. П. Трошинский родился в 1745 г., а умер в 1829 г., следовательно, два года спустя после того, как Гоголь изменил к нему отношение.

«Еще менее имел прав Гоголь отрицательно относиться к Орлаю. Этот гуманный, почтенный директор так снисходительно и заботливо воспитывал Гоголя, что имел полное право на уважение и благодарность гениального юноши. Тем, кто не признает этой черты характера Гоголя симптомом патологической организации его нервной системы, крайне тяжело читать отзыв Гоголя об Орлае».

Нечего и говорить, что отношение к обыкновенным смертным было еще более высокомерно, это «дураки», «существователи», Гоголю тяжело даже жить среди таких ничтожеств.

«Ты знаешь всех наших существователей, всех населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодовольствия высокое назначение человека, и между этими существователями я должен пресмыкаться... Из них не исключаются и дорогие наставники наши». (Письмо к Высоцкому 26-VI, 1827 г.)

6. Бред величия у Гоголя

Такое чувство о незаслуженных неприятностях и преследованиях является логическим выводом его чувства собственного превосходства над всеми. Понятно, что человек, если он убежден в своем превосходстве над другими, будет свысока относиться к «существователям», т. к. они объективно не замечают

этого превосходства и не проявляют соответствующего внимания. Такое равнодушие и непризнание превосходства и обращение с ним в обиходе как со всеми другими смертными, есть уже само по себе тяжкое оскорбление его чувству величия и превосходства. А раз оно систематически оскорбляется — то этим уже оно и преследуется. Таким образом, развивается бред преследования.

Сомнение Гоголя тем более усилилось успехом «Вечеров».

По отношению к своим лучшим друзьям он держит себя так высокомерно, что никто не решался начинать разговор с ним. Чувство своего превосходства над всеми питалось тем более, что нашлись такие из его друзей и знакомых, которые подчинялись его мнениям и которым импонировало это чувство его превосходства.

Спрашивается, что же тут патологического, если человек чувствует свое превосходство, после того как он доказал это на деле, написавши «Вечера на хуторе»? Каждый бы стал так себя чувствовать.

Но в том то и дело, что каждый бы стал чувствовать это преувеличенное чувство превосходства лишь в той области, где вы сильны и создали что-нибудь. Патологическое же у Гоголя то, что он выражал всестороннее чувство превосходства, т. е. какую бы область вы не затронули — он себя чувствует сильным в этой области, несмотря на то, что объективные данные говорят против этого.

Насколько развит был бред величия у Гоголя, видно из жалобы Шевырева, который жаловался Бергу, что Гоголь стал принимать ближайших к нему людей через чур по царски, так что свидания их стали похожи на аудиенцию царственных особ.

7. Ипохондрический бред у Гоголя.

Так же как, у всякого больного шизофренией, у Гоголя можно отметить обилие ипохондрических бредовых идей самого разнообразного характера. Это видно, например, из следующего свидетельства Языкова.

Языков писал брату: «Гоголь рассказывал мне о странностях своей (вероятно, мнимой) болезни; в нем, де, находятся зародыши всех возможных болезней, также и об особенном устройстве головы своей и неестественности положения желудка. Его, будто, осматривали в Париже знаменитые врачи и нашли, что желудок его вверх дном. Вообще в Гоголе много странностей» (Шенрок. 4, стр. 43).

Как и многие шизофренические больные, Гоголь локализовал свою болезнь в желудке (или кишечнике). Несомненно идея, что желудок у него «вверх дном», есть одна из его многочисленных бредовых ипохондрических идей.

III. Расстройство эмоциональной сферы.

Расстройство эмоциональной сферы у Гоголя можно проследить еще с детства. Обычные юношескому возрасту любовные увлечения, выраженные так или иначе у нормальных юношей, совершенно или почти отсутствуют у Гоголя. По свидетельству живших с ним товарищей, как и по письмам—данные о каких то бы то было любовных увлечениях — отсутствуют.

Этот факт говорит очень многое. Этот патологический симптом отразился и на его творчестве в том смысле, что в его произведениях любовь не играет той роли, как у большинства писателей, (за исключением «Тараса Бульбы», где романтическая любовь Андрея описана сравнительно слабее других моментов. Он избегает изображения любви и женщины, так как их плохо знает. Его отношения к Смирновой, по исследованиям его биографов — не говорят в пользу каких бы то ни было любовных увлечений. Все исследования жизни Гоголя говорят за то, что любви у Гоголя не было и существенной роли не играла.

Возможно, что половые влечения Гоголя заменялись мастурбацией. Ломброзо считает это доказанным. Чижевский высказывается в пользу этого предположительно. Так или иначе для сути дела это не имеет значения. Важен предыдущий момент отсутствия или понижения полового чувства, который заменялся тем или иным извращенным эквивалентом этого чувства.

Или онанизмом, или, если онанизма не было—то, во всяком случае, циническими переживаниями какого угодно сорта.

Известно, что Гоголь любил рассказывать циничные анекдоты и рассказывал он их с таким мастерством, с таким удовольствием, что несомненно это было нечто болезненное, а не шутки грубого человека. Чижевский говорит*), что лица с недоразвитыми или угасающими половыми чувствованиями именно склонны к цинизму, любят неприличные фотографии, скабрзные рассказы и т.п. То же самое можно сказать про циничные анекдоты Гоголя**). Он даже хотел печатать свой циничный рассказ «Прачка». Так или иначе цинизм—плод болезненно извращенной психики у Гоголя.

Так или иначе сексуальное чувство резко понижено у Гоголя. Это бросается в глаза как несомненный факт и стоит в связи с его шизофренической натурой. Притупление эмотивных переживаний сказывается во всех отношениях Гоголя как к своим близ-

*) «Тургенев как психопатолог». Вопросы Философии 1899. Статья проф. Чижева.

***) Чижев—товарищ Гоголя—в своих воспоминаниях о нем за 1843 г. пишет:

«Сходились мы в Риме по вечерам постоянно у Языкова, тогда уже больного, Гоголь, Иванов и я. Большею частью содержанием разговоров Гоголя были анекдоты, почти всегда сальные. Молчаливость Гоголя и странный выбор его анекдотов не согласовались с уважением, которое он питал к Иванову и Языкову, и с тем вниманием, которым он удостоивал меня, зазывая на вечерние сходки, если я не являлся без зову».

ким родным, так и к своим друзьям и товарищам. Родственные чувства, столь естественно проявляемые у каждого здорового человека в знакомых каждому реакциях, у Гоголя уже с детства проявляются необычно, неестественно. Гоголь часто прибегает к хитрости, к обману для того, чтоб достигнуть того или иного эффекта у своих родителей. Будучи уже взрослым, он также обманывал свою мать и близких, чем доставлял им не мало огорчений. Такая неразборчивость в средствах при достижениях тех или иных целей — объясняется только притуплением тех чувств, которые делают отношения между людьми этическими.

Гоголь в школе отчаянный шалун, проказник и «выдумщик». Он рвется всей душой из лица домой, для этой цели он прибегает к хитрости — сумеет сыграть на самых затаенных струнах человеческой души. В письме к своим родителям он не без задней мысли старается увеличить свои страдания, чтобы разжалобить своих родителей и чтобы тем привести к избавлению. Так, он пишет родителям: «Мне после каникул сделалось так грустно, что всякий Божий день слезы рекой льются и сам не знаю отчего, а особливо когда вспомню о Вас, то градом так и льются. И теперь грудь у меня так болит, что даже не могу много писать. Простите мне за дерзость, но нужда все заставляет делать. Прошайте, дражайшие родители. Далее слезы мешают мне писать». Он не просит прямо взять его из Нежина, но представляет родителям все посылки для этого вывода.

Просьба выслать денег сопровождается мало вероятной, скорее выдуманной мотивировкой: «еще ежели бы прислали денег мне потому, что моя казна вся истощилась. Один мой товарищ купил за 8 рублей ножик: я просил его, чтобы он дал мне его посмотреть, я забыл ему отдать сейчас, и положил в свой ящик, но через минуту посмотрел в ящик и его уже там не было. Теперь он говорит, чтобы я отдал ему сейчас 8 рублей, а не то так он возьмет все мои вещи и еще пожалуется гувернерам, и они меня накажут со всей строгостью. Простите мне все это. Я вперед уже никогда не буду чужих вещей брать. А когда и попрошу вперед, то буду сейчас отдавать и со всей осторожностью. И прошу Вас, пожалуйста, пришлите мне денег хоть рублей 10, то я отдам ему 8 рублей, а два оставлю на письма».

Самой лучшей характеристикой эмоциональной сферы нам обрисовывает отношение Гоголя к такому сильному горю, как смерть любимого отца.

Первое письмо, которое было послано матери и которое отражает его первую реакцию на такое сильное переживание, открывается «плетением словес» в сентиментально-дидактическом тоне.

На смерть любимого отца Гоголь реагирует таким образом письмом от

1825 года апреля 23 дня. Нежин.

Не беспокойтесь, дражайшая маменька. Я сей удар перенес с твердостью истинного христианина. Правда, я сперва был по-

ражен ужасно сим известием, однакож не дал никому заметить, что я был опечален, оставшись наедине, я предался всей силе безумного отчаяния: хотел даже посягнуть на жизнь свою. Но Бог удержал меня от сего, и к вечеру приметил я в себе только печаль, но уже не порывную, которая наконец, превратилась в легкую едва приметную меланхолию смешанную с чувством благоговения к всевышнему. Благословляю тебя священная вера, в тебе только я нахожу источник утешения и утоления своей горести. Так, дражайшая маменька, я теперь спокоен, хотя я не могу быть счастлив, лишившись лучшего отца, вернейшего друга, всего драгоценного моему сердцу. Но разве не осталось ничего, чтоб меня привязало к жизни? Разве я не имею еще чувствительнейшей, нежной добродетельнейшей матери, которая может мне заменить и отца, и друга и всего — что есть милее? Что есть драгоценнее?» Во второй приписке к этому письму, Гоголь просит прислать ему 10 рублей ассигнациями для покупки книги: «Курс Российской Словесности» и прибавляет: «на свои нужды мне ничего не надо».

Мать под влиянием горести долго не отвечала сыну на это и еще на два письма.

Не может быть никаких сомнений, что Гоголь искренно и горячо любил своего отца, и что смерть его была страшным ударом для юности. Только в приписке к первому письму и в письме, написанном на другой день, звучат простые, непосредственные нотки растерянности, тревоги за близких, отчаяние, что он так далек от них в страшную минуту общего горя: «Ох, чего бы я не сделал, чтоб быть теперь с Вами. Мое нетерпение увеличивается; мне хочется Вас видеть, слушать, говорить с Вами: но пространство разлучает нас. Говорите со мною хотя письменно. Сделайте милость скорей только пишите, прошу вас, умоляю. Ах, Вы не знаете в каком беспокойстве я нахожусь и днем и ночью. Мысли о Вас наполняют мою душу, я с нетерпением ожидаю Вашего письма по первой же почте. Как для меня долго это время».

Но первое проявление чувства облекалось в крайне искусственную надуманную форму. В нем видны сочинительство и фраза, исключая искренность и непосредственность чувства — про изводящая на читателя прямо неприятное впечатление. И это пишет сын своей любимой, но только что овдовевшей матери.

Такая неестественная реакция может быть только объяснена расщеплением и притуплением эмотивных переживаний Гоголя.

Притуплением аффективной сферы Гоголя только можно объяснить и то обстоятельство, что он, несмотря на обилие у него друзей ни к кому не мог привязаться настолько, чтоб можно было говорить о какой либо дружбе с его стороны.

С. Т. Аксаков совершенно верно говорил о Гоголе «Я не знаю, любил ли кто-нибудь Гоголя исключительно, как человека. Я думаю — нет, да это и невозможно... Всякому было очевидно, что Гоголю ни до кого нет дела». То же самое говорит Берг: «действительного друга у Гоголя, кажется, не было во всю жизнь».

Справедливость заключения С. Т. Аксакова и Берга подтверждает сам Гоголь в своих письмах. Так С. Т. Аксакову он писал: «Я был в состоянии всегда любить всех вообще, но любить кого либо особенно, предпочтительно я мог только из интереса». Еще более ясно он высказался в письме к Смирновой от 2-V — 1845 г.: «Теперь же покамест и мне все чужие, и я всем чужой».

Чиж этому вопросу уделяет много внимания, поэтому приведем его освещение этого вопроса. «Казалось бы, что такое заключение опровергается тем обстоятельством, что у Гоголя было много «друзей», много знакомых, с которыми он поддерживал переписку, услугами которых он пользовался. Изучая дружеские отношения Гоголя, необходимо согласиться с мнениями С. Т. Аксакова и Берга, говорит Чиж, потому что действительного друга, за исключением Данилевского, в молодости у Гоголя не было. Гоголя настолько ценили лучшие люди того времени, что он мог выбирать себе друзей: очень многие желали завязать дружеские отношения с гениальным писателем. Но Гоголь так себя держал по отношению к своим поклонникам, что даже благодушный С. Т. Аксаков должен был придти к заключению, что Гоголя, как человека, любить было невозможно. Чиж говорит: «Я решительно не могу понять, как психиатр, д-р Баженов, может объяснить развитие Гоголя обстановкой, в которой он жил. Д-р Баженов говорит: «Его личные отношения сложились так, что он почти не знал Белинского, но хорошо знал Шевырева, не был знаком с Грановским, но был близок с Погодиным, не встречался с Герценом, хотя и слышал о нем». Удивительно, как д-р Баженов не принял во внимание, что каждый выбирает себе подходящие знакомства, сходится с людьми, ему симпатичными по характеру и убеждениям, и потому необходимо объяснить, отчего Гоголь упорно уклонялся от знакомства с Герценом, не сблизился с Белинским и В. П. Боткиным, А. И. Тургеневым и был дружен с Шереметьевой, о. Матвеем. Также совершенно ошибочно д-р Баженов объясняет и развитие убеждений Гоголя духом времени, эпохой: напомним, что Белинский родился в 1810 году, Герцен — в 1812 году, Грановский, Огарев и Станкевич в 1813 году, Бакунин — в 1814 году: очевидно, что в то время, как впрочем, и всегда, были люди весьма различных направлений. Психолог и психиатр должен объяснить почему, на основании каких мотивов, выбирал себе друзей Гоголь, почему он сблизился с Погодиным, Жуковским, Шереметьевой, Смирновой, почему он не писал из-за границы Пушкину, не пожелал сблизиться с Белинским и даже не ответил на его письмо, почему он не сошелся с Грановским и не желал познакомиться с Герценом».

«Гоголь выбирал себе друзей с известной системой: в выборе знакомств не было случайности, и хотя трудно найти что либо общее между Пушкиным и Шереметьевой, однако внимательное изучение переписки Гоголя и его биографии вполне объясняет нам крайне разнородные знакомства Гоголя. Прежде всего поражает, что Гоголь ни с кем не поддерживал дружбы только по

общности взглядов и стремлений; между друзьями Гоголя нет ни одного чисто идейного друга, человека равного Гоголю, одних с ним взглядов и стремлений: Гоголь и не искал таких друзей»

«Всех друзей Гоголя мы можем разделить на две категории; одни ему были полезны, другие были его учениками. Самым близким другом Гоголя была Смирнова, потому что она была и полезна ему и была почтительной его последовательницей.

«Кто не мог быть полезен Гоголю, не разделял его взглядов, не подчинялся ему, тот не мог быть ему другом. Больной поэт не мог интересоваться убеждениями, стремлениями, не мог интересоваться людьми: ему были нужны средства для лечения, средства для жизни без обязательного труда, к которому вследствие болезни он был неспособен, нужны были преданные ученики, признающие его неизмеримое превосходство, и потому он выбирал себе друзей, которые оказывали ему услуги, которые смотрели на него, как на оракула. Казалось бы странно, что Гоголь мог быть дружен и с Пушкиным и с Погодиным, и с Шереметьевой, но Пушкин хлопотал для него о кафедре, давал ему темы для художественных произведений, Погодин давал деньги в займы, принимал в своем доме Гоголя, его мать и сестер, а Шереметьева молилась о его выздоровлении. Пушкин, Жуковский, С. Т. Аксаков, Погодин, Шевырев, Прокопович, Смирнова, Шереметьева, Толстой—все эти друзья были полезны Гоголю: они или добывали ему пособия, или давали займы деньги, хлопотали об его изданиях и т. п. Анненков, Иванов, Языков, Вельгорский, Смирнова удостаивались дружбы, потому что почтительно выслушивали наставления Гоголя, были преданными учениками его и притом также оказывали услуги: Анненков переписывал «Мертвые души», Языков давал деньги в займы, Вельгорские радушно принимали в своем аристократическом доме великого сатирика. Понятно, что при таком подборе друзей Гоголь не мог сойтись с людьми, которые не могли ему быть полезны, не соглашались с ним: так, когда Гоголь убедился, что Белинский не может быть ему полезен в борьбе с цензурой, он прекратил с ним отношения, а про А. И. Тургенева писал: «несет дичь».

«В выборе друзей, в сношениях с ними весьма ясно сказалась патологическая организация Гоголя, его болезнь. Только в молодости он поддерживал настоящие дружественные отношения со своими нежинскими товарищами, но уже и тогда он был скрытен и высокомерен. Потом он выбирал себе друзей с большим знанием людей, поддерживал полезные знакомства и даже сумел найти себе поклонниц в самом высшем кругу общества. Однако, вследствие своей болезни он никого не мог привязать к себе, никто не любил его, как человека. «В воспоминаниях о Гоголе близко знавших его лиц нам приходилось часто слышать какие-то восторженно-умилительные ноты, и при том от таких, которые ценили в нем, как например, покойная княжна Редина, именно человека, а не писателя. В признании за Гоголем чего-то величественного и прекрасного сходились они все, но подтвердить

этого фактически или облечь свое впечатление в строго определенную рамку никто из них не мог, не исключая, быть может, также и Анненкова» (Шенрок, 11, 360). Действительно Гоголь был велик, как гениальный художник, как глубокий знаток человеческих слабостей, но он был больной человек, и потому его друзья и поклонники не могли его понимать, не могли облечь свои впечатления в строго определенную рамку».

«Для психиатра крайне интересно изучить отношения Гоголя к его друзьям, изучить эту сторону его жизни, во-первых потому что тут ярко проявлялась его болезнь, во-вторых, для того, чтобы объяснить, как выбирал друзей Гоголь, как к ним относился. Если бы Гоголь не был болен, то он нашел бы себе других друзей, завязал бы дружеские отношения с передовыми умами своего времени. Если бы он не был болен, то при своей гениальности ясно бы сознавал, что человечество признавало своими вождями и благодетелями только тех, кто вел их вперед к свету».

«Рассмотрение, хотя и краткое, дружеских отношений Гоголя дает новое доказательство его болезни, выясняет, до какой степени болезнь влияла на поведение многострадающего поэта, лишила его возможности любить людей, любить хорошее в людях».

«Понятно, что в жизни писателя самую большую роль должна играть дружба или, по крайней мере, знакомство с писателями, учеными, художниками. Каждый выбирает себе друзей в зависимости от своего темперамента, взглядов, направления, вкусов и потому очень важно рассмотреть литературные связи Гоголя, выяснить, кто были его друзья из среды писателей и ученых.

«Тут прежде всего нас поражает, что чисто интеллектуальные, не деловые отношения у Гоголя были только к Пушкину, да и то можно думать, что даже дружба с Пушкиным была не лишена практической подкладки. Мы, конечно, никогда не узнаем, как относился Гоголь к Пушкину, о чем они беседовали, но следя за жизнью Гоголя, зная, каковы были отношения Гоголя к другим выдающимся лицам, необходимо прийти к заключению, что Гоголь не был под влиянием Пушкина. Гоголю, конечно, была крайне лестна дружба великого поэта, которого он заставил хлопотать у Уварова о кафедре, темами которого он пользовался. В 1835 г. после «На выздоровление Лукулла» отношения Гоголя к Пушкину, очевидно, изменились настолько, что автора «Ревизора» ничуть не интересовала драма, переживаемая в то время Пушкиным. В 1836 г. Гоголь настолько безучастен к Пушкину, что без малейшего колебания оставляет Петербург и, следовательно, лишает себя возможности пользоваться советами и указаниями Пушкина. Впрочем, и в 1834 г. он ничуть не колебался переехать в Киев, и тогда общество и «дружба» Пушкина значили для Гоголя очень мало. Уезжая надолго в 1836 г. из России, Гоголь так мало думал о

Пушкине, что даже не навещил великого поэта, чтобы попрощаться с ним, попросить у него перед долгой разлукой советов и указаний. Само собой разумеется, что Гоголь не мог считать себя виновным в этом недостатке внимания по отношению к гениальному поэту, так много сделавшему для Гоголя. В письме к Жуковскому от 16 апреля 1836 г. Гоголь пишет: «Даже с Пушкиным я не успел и не мог проститься: впрочем, он в этом виноват. Для его журнала я приготовлю кое-что, которое, как кажется мне, будет смешно: из немецкой жизни. Плетневу скажите, что я буду писать к нему из Ахена». Итак, Гоголь даже не находил нужным писать Пушкину; обещанной повести он, конечно, не приготовил».

«Остается невыясненным, знал ли Гоголь о грозе, висевшей над головой гениального поэта; впрочем, это и не важно, так как очевидно, что если он не знал, то это также доказывает его полное безучастие к Пушкину, как и то, если он знал, но не обратил внимания на всю эту трагедию. Оставив Россию, Гоголь не обнаружил ни малейшего интереса к Пушкину, его делам и занятиям».

686

«Как перенес Гоголь известие о смерти Пушкина, нам не известно, так как Данилевский рассказывал Шенроку, что роковое известие было получено в Париже (Шенрок, III, 166), а Золотарев говорит, что Гоголь узнал об этом в Риме. Можно лишь положительно утвердить, что смерть Пушкина ни малейшего влияния на развитие болезни и вообще деятельности Гоголя не имела. Только восторженный и благодушный С. Т. Аксаков мог думать, что зябкость Гоголя была «признаком болезненного состояния нервов, которые не пришли еще в свое нормальное положение после смерти Пушкина». Восторженные, полные благоговения отзывы о Пушкине в письмах Гоголя свидетельствуют лишь о том, что великий сатирик понимал гениального поэта. Если бы Пушкин не погиб так рано, он мог бы влиять на Гоголя лишь своими произведениями, так как Гоголь, конечно, не вернулся бы в Россию, не жил бы в Петербурге, чтобы пользоваться обществом Пушкина».

«Вообще на Гоголя никто и никогда не оказывал заметного влияния, и понятно, что Пушкин не мог иметь влияния на уже возмужалого Гоголя, если его влияние было очень не велико, когда Гоголь был молод, мало известен».

«Дружба Гоголя с Жуковским отличалась большой продолжительностью, более двадцати лет, и большой устойчивостью; тем не менее нам совершенно не понятно, на чем собственно основана была эта дружба. Жуковский был на двадцать шесть лет старше Гоголя, по своему характеру, мировоззрению, деятельности, казалось бы, вовсе не мог быть другом великого сатирика. Право, трудно себе представить, что сближало двух столь несходных между собою поэтов. Однако несомненно, что Жуковский весьма благожелательно относился к своему великому молодому другу, высоко ценил его способности, многократно по-

---

могал ему. Повидимому, благодушный Жуковский даже не пытался влиять на молодого друга, сознавая его превосходство. Как относился Гоголь к Жуковскому, насколько искренно он был ему предан, нам не известно; несомненно, что письма Гоголя к Жуковскому резко отличаются от писанных к другим лицам; тон их всегда почтительный, в них нет поучений и высокомерия; во всех письмах видно желание выставить себя в благоприятном освещении. Изучение писем Гоголя к Жуковскому интересно в том отношении, что по ним легко составить себе суждение о характере и взглядах Жуковского. Как известно, письма эти достигли цели, и Жуковский любовно относился к Гоголю. Мы, однако, не можем вполне доверять искренности этих писем, потому что, как известно, благодаря протекции Жуковского великий сатирик неоднократно получал пособия от Двора. Как-то странно, что Гоголь в 1836 г., оставляя Россию, не подумал написать Пушкину, но не позабыл написать Жуковскому. Однако, это предпочтение Жуковского Пушкину оказалось весьма предусмотрительным: благодаря Жуковскому, Гоголь получал пособия, а Пушкин был бесполезен в этом отношении. Конечно, нельзя отрицать, что Гоголь любил Жуковского больше, чем Пушкина, но дурная сторона стремления с помощью пособий устроить свое «земное положение» в том, что уже плохо верится в искренность и дружбы и убеждений лица, выпрашивающего пособия. Если бы наш великий сатирик был человек здоровый, то ему не было бы оправдания в тяжком обвинении, высказанном Белинским. В самом деле, кто же поверит искренности лица, воскуряющего фимиам за полученные пособия. Но Гоголь в 1836 году был настолько болен, что зарабатывать деньги трудом не мог, что и доказал во время своей жизни в Петербурге. В 1836 г. состояние его здоровья было так дурно, что он тут же не мог жить в обыденной житейской обстановке; как больной, он должен был лечиться, искать обстановки, в которой жизнь была бы наименее мучительна. Только через Жуковского он надеялся получать средства, необходимые для жизни за границей, несколько не сомневался в правильности своих действий и сближается с благодушным поэтом.

«Кто наблюдал, как страдают такие больные, как всецело они заняты своей болезнью, как они стремятся освободиться от своих страданий, тот не удивится, что больному даже не придет в голову вопрос о корректности такого способа добывания средств. Больного ничто, или почти ничто, не интересует, кроме его самого, тяжело страдающего; кто ему полезен, кто облегчает его страдания, тот хорош, добродетелен; все остальные для него безразличны. Больному жизнь так тяжела, так хочется выздороветь, что все средства к облегчению страданий кажутся не только дозволенными, но даже вполне нравственными. Всякий опытный врач наблюдал больных, униженно вымаливающих подачки, разоряющихся на поездки на курорты

своих близких. Разве можно обвинять в эгоизме этих несчастных, невыносимые страдания которых заставляют совершенно забывать об интересах самых дорогих им лиц. Именно нервные страдания так мучительны, что больные всецело забывают обо всех и обо всем.

«Вполне понятно, что многострадальный поэт дорожил дружбой Жуковского, благодаря протекции которого мог жить там, где, по его мнению, болезнь протекала относительно благоприятно».

Такое освещение Чижом отношения Гоголя к его близким друзьям нам может быть только понятно и объяснено притуплением эмоциональной сферы Гоголя.

Только притуплением чувств можно объяснить то холодное равнодушие к друзьям и близким людям, которое поражало всех его современников. Точно также болезненным притуплением чувств можно объяснить то, что Гоголь не брезговал в выборе средств при достижении той или иной цели.

Это притупление эмотивной сферы мы отметили у него еще с детства, а с прогрессивным течением его болезни оно росло все более и более.

Гоголь и сам отмечал, что настоящей здоровой эмоция у него никогда не было, об этом он сам пишет в 1833 г. 2 октября матери:

«Нужно сильно потрясти детские чувства, и тогда они надолго сохранят все прекрасное. Я испытал это на себе. Я очень хорошо помню, как меня воспитывали. Детство мое донныне часто представляется мне. Вы употребляли все усилия воспитать меня как можно лучше. Я помню, я ничего сильно не чувствовал, я глядел на все, как на вещи, созданные для того, чтобы угождать мне. Никого особенно не любил, исключая только Вас, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство. На все я глядел бесстрастными глазами».

Когда Гоголь приехал домой, в Васильевку, в 1848 году — сестра Гоголя, Е. В. поразила равнодушием Гоголя к семье. В дневнике своем его сестра отмечает об этом в день приезда Гоголя таким образом: «Такой холодный, равнодушный к нам».

«Грустно: не виделись шесть лет и не сидит с нами». На 4-й день она пишет: «Все такой же холодный, серьезный».

Об этой своей тупости эмоциональных переживаний он говорит сам таким образом:

«Никогда еще так ошутительно не виделась мне моя бесчувственность, черствость и деревянность».

Так он писал, когда он был в Иерусалиме.

IV. Расстройство волевой сферы у Гоголя.

1. Внешность Гоголя и его выразительные движения.

Со стороны волевой сферы Гоголя мы также можем отметить те же характерные симптомы, которые свойственны шизофренической психике. Коснетесь ли Вы его внешности, манеры одеваться, выразительных движений или его поведения — все изоб-

---

личает расстройство волевой сферы у Гоголя. Обратим внимание на внешность и манеру одеваться Гоголя.

Судя по множеству черных фраков, о которых упоминает Гоголь в письме к С. Высоцкому (товарищ его), и по его заботам о своем костюме, выраженном в письме к матери, можно подумать, что он был фронт между своими соучениками, между тем они сохранили о нем воспоминание, как о страшном неряхе. Он решительно пренебрегал тогда своею внешностью и принаряжался только дома, где видно, были люди, на которых он особенно желал производить приятное впечатление.

Окончив курс наук (говорит Кулжинский—учитель Гоголя) Гоголь прежде всех своих товарищей, кажется, оделся в партикулярное платье. Как теперь вижу его в светло коричневом сюртуке, которого полы подбиты были какою то красной материей в больших клетках. Такая подкладка почиталась тогда *pas plus ultra* молодого щегольства, и Гоголь идучи по гимназии беспрестанно размахивал обоими руками, как будто не нарочно раскидывал полы сюртука, чтобы показать подкладку».

В Петербурге некоторые помнят его щеголем; было время, что он даже сбрил себе волосы, чтобы усилить их густоту, и носил парик. Но те же лица рассказывают, что у него из под парика выглядывала иногда вата, которую он подкладывал под пружины, а из-под галстуха вечно торчали белые тесемки.

А один из его учеников (Лонгинов «Воспоминание о Гоголе»), описывая Гоголя в эпоху 1831 г., говорит, что костюм его был составлен из резких противоположностей щегольства и неряшливости.

Из всего этого можно заключить, что внешность Гоголя по костюму чрезвычайно бросалась в глаза по своей манерности, вычурности, стремлению обратить внимание других на себя внешностью в то время как на других производила впечатление обратное—невыгодное, странное—помесью щегольства и неряшества в одно и то же время.

Своим странным щегольством, чудачествами и манерностью в костюме Гоголь удивлял всех. Точно также нельзя об'яснить это щегольство обыкновенным щегольством молодых фатов, ибо, как говорит его современник Лонгинов, это щегольство представляло «смесь неряшества и щегольства», что уже изобличает патологическое франтовство и шизофреническую манерность.

Патологическое франтовство у шизофреников этим и отличается, что им всегда хочется выделить свой костюм чем-нибудь особенным, не быть похожим на других. Шизофреник не замечает и не хочет замечать, что его туалет часто вызывает смех, он даже это не понимает часто, а если и понимает, то все то, что у других смешно и безвкусно, у него прекрасно. И вообще все, что он делает—все прекрасно: он выше толпы, он презирает всех тех, кто не разделяет его вкуса. Только патологией можно об'яснить чудаковатые костюмы, которые он, по словам Арнольди, одевал в Калуге.

2. Неспособность к продолжительной работе и частая смена профессий у Гоголя.

Приспособляемость к трудовой жизни есть одно из основных свойств здоровой психики.

Человеку с больной неустойчивой и дисгармонической психикой трудно, а иногда невозможно, устроиться в жизни, вследствие расстройства волевых элементов и патологического поведения.

Как Гоголь устранивался в жизни—есть лучший показатель болезненности его волевой сферы. Поэтому обратим внимание на эту сторону психической жизни Гоголя.

Гоголь по окончании лицея, как известно, мечтал попасть в Петербург. С идеями величия и с желанием во что бы то ни стало устроиться жить там, чтоб развернуть свои честолюбивые замыслы с желанием служить на государственной службе он, наконец, попадает на 19 году своей жизни.

Не имея средств к существованию, такой человек, как Гоголь, не имел также достаточного знания для жизни, ибо он вышел из гимназии безграмотным. Гоголю однако везло в этом отношении, он благодаря знакомству и благодаря влиятельной протекции, по приезде тут же получил место по рекомендации влиятельного сановника (Кутузова), который его полюбил сразу и пригласил бывать у него по приятельски, перейдя с ним скоро даже на «ты».

Кажись, для начала карьеры такое начало в Петербурге для молодого неизвестного провинциала с большими планами—нельзя ничего лучшего желать. Гоголю легко было, при небольшом усердии, и при протекции его вскоре хорошо устроиться в Петербурге. Но вышло как раз наоборот.

Гоголь не умел себя заставить работать, как все, систематически и усидчиво трудиться, но с большим самомнением и претензиями вскоре с презрением относится к своим занятиям; он между прочим пишет по поводу этого вскоре:

«Но признаюсь, ежели и там нужно будет употреблять столько времени на глупые занятия, то я слуга покорный».

Гоголь не мог работать на службах в канцелярии, так же как не мог учиться. А между тем к нему, как к начинающему чиновнику, едва ли требования были строги, так как известно, что он даже по несколько дней подряд не являлся на службу.

Даже крайняя нужда Гоголя в деньгах не могла его заставить дорожить службой. Гоголь предпочитал выпрашивать деньги у своего отдаленного родственника Трошинского, нежели зарабатывать трудом на службе.

Имея нормальный психический склад, Гоголь предпочел бы обратное—исполнять «глупую» работу, чем выпрашивание денег у богатого родственника. Но Гоголь это делал потому, что не мог работать, какую бы то ни было работу он не делал. Вот почему Гоголь имел неудачи по службе и чувствовал себя плохо в Петер-

---

бурге (как и в Нежине), ибо в Петербурге надо было работать, чтобы как нибудь прожить, а работать он не мог.

Гоголь бросает службу и идет на сцену и здесь он терпит неудачу. Пробует быть педагогом, но и тут неудачно. Граф Соллогуб рассказывает, как незавидна была доля гениального писателя во время его учительства в доме Васильчиковой, и трудно понять, как у Гоголя хватало терпения выносить все неприятности, которые ему здесь приходилось переносить. Такие натуры, как Гоголь, несчастные люди, они часто поэтому меняют свои профессии, бросаются то на одно, то на другое и ни на чем остановиться не могут, так как для того, чтоб остановиться на какой либо профессии, необходимо иметь здоровую волевою установку. У Гоголя этого не было. Он пуждался в постоянной смене впечатлений и в постоянном передвижении, что толкало его на постоянное и непреодолимое влечение бродяжничать, скитаться по свету и по новым местам. Не успел он только что приехать в Петербург, в тот Петербург, куда попасть лелеял как любимую мечту, как вдруг ни с того ни с сего Гоголь бросает все, садится 1-го августа 1829 года на пароход и уезжает в Любек, благо ему подвернулись деньги. Мать прислала ему деньги для взноса в опекунский совет, а он тратит эти деньги на путешествие.

Чтобы оправдать свой поступок перед матерью, он не брезгует ложью, и выдумывает сначала в своем первом письме (от 24-VII 29 года), что неудача и внезапно разгоревшаяся любовь заставила его бежать «от себя». Как потом оказалось, никакой любви и не было, а он это просто выдумал. Наконец, чувствуя, вероятно, недостаточность мотивировки, выдумывает более важную причину и пишет матери уже из Любека, что он был болен, на лице и на руках будто обнаружилась сыпь, и доктора посоветовали ему «пользоваться водами» в Травемюнде, в 18 верстах от Любека. Его приятель А. С. Данилевский, с которым он жил в Петербурге в одной квартире, сообщал, что ничего подобного, никакой сыпи и не было у Гоголя, что он уехал не лечиться, а хотел вообще поехать в Америку. Неусидчивость и страсть к перемене места — проходит красной нитью в жизни Гоголя. Гоголь вследствие своей беспокойной, вечно-алчущей новых впечатлений натуры вел жизнь «вечного странника».

Свои бродяжнические влечения Гоголь так характеризует в письме к Шевыреву (28-II 1843 г. из Рима).

«Голова моя так странно устроена, что иногда мне вдруг*) нужно пронестись несколько сот верст и пролететь расстояние для того, чтобы менять одно впечатление другим, уяснить духовный взор и быть в силах обхватить и обратить в одно то, что мне нужно».

Характерно и следующее место в письме Гоголя к Плетневу от 4-VII 1846 года.

*) Курсив наш (Г. С.).

«Дорога действует лучше лечения холодной водой, видно, на то воля Божья и мне нужно, более чем кому либо, считать свою жизнь непрерывной дорогой, и не останавливаться ни в каком месте иначе, как на временный ночлег и минутное отдохновение. Голове моей и мыслям лучше в дороге: даже я забну меньше в дороге, и сердце мое слышит, что Бог мне поможет совершить в дороге то, для чего орудия и сила во мне доселе созрели».

3. Вычурное и капризное поведение Гоголя:

Вычурное поведение человека говорит всегда за то, что волевая сфера расстроена в том смысле, что между всеми элементами психики существует такая дисгармония или дистимия, что волевые элементы, например, не соответствуют эмоциональным, эмоциональные — интеллектуальным и т. д. Из такого несоответствия создается калейдоскопически связанная психика, поражающая нас нелепыми и причудливыми поступками и поведением.

Таков был Гоголь.

Берг рассказывает, что Гоголь ничуть себя не беспокоил в соблюдении самых элементарных правил требования общности. Арнольд говорит о бесцеремонности Гоголя до того резко, что бросается невольно в глаза.

Шевырев жаловался Бергу, что Гоголь стал принимать ближайших к нему людей «чересчур по царски», так что свидания их стали, похожи на аудиенции царственных особ.

У Хомяковых, по словам Бартенева (Шенрок IV, 757) Гоголь всегда так держал себя: «Он капризничает невероятно, приказывая по несколько раз то приносить, то уносить какойнибудь стакан чая, которым никак не могли ему угодить: то ему чай оказывался слишком горяч, то крепким, то слабым, до слишком полно налито, и это его сердило очень».

...В разговорах, мы слышали из разных источников, Гоголь часто не принимал участия, молча и презрительно поглядывая на собеседников».

Берг говорит:

Появление его (Гоголя) на вечере, иной раз нарочно для него устроенном, было почти всегда минутное. Пробежит по комнатам, взглянет, посидит гденибудь на диване, большую часть совершено один; скажет с иным приятелем 2 — 3 слова из благоприличия, небрежно, Бог весть, где витая в то время своими мыслями: и был таков».

В другое время Гоголь, наоборот, был чрезвычайно любезен, весел, разговорчив, шутил, пел песни и т. д.

Но переходы эти были, неожиданны, и этим он, как человек с неустойчивым настроением, поражал и удивлял своих близких и современников. Вот пример. Так, Арсеньев рассказывает следующее:

«У Капниста был в гостях Гоголь; приезжает в это время М. Н. Муравьев, с которым тут же Капнист знакомит Гоголя и рекомендует Гоголя такими словами:

«Рекомендую Вам моего доброго знакомого, хохла, как и я, Гоголя».

Гоголь рассердился на эту «непрощенную» (по выражению Гоголя) рекомендацию, сказал дерзость Муравьеву (а не хозяину рекомендовавшего) и, ни с кем не простившись, тотчас же уехал.

4. Приступы заторможенности, мутизма, каталепсии и вазомоторные расстройства у Гоголя.

Расстройство волевой сферы у Гоголя выражалось также приступами внезапного заторможения психики и в частности речевого аппарата (мутизм). Эти симптомы у Гоголя иллюстрируются следующими данными.

Золотарев отмечает следующие явления:

Гоголь, бывало, разговорится и говорит весело, живо, остроумно, входит новое лицо, и он замолкает. В другом месте тот же Золотарев (в своих воспоминаниях) заметил следующее у Гоголя; «на Гоголя находил без всякой причины какой то столбняк; вдруг посреди оживленного разговора Гоголь замолкал, и тогда от него нельзя было добиться ни слова».

Нет сомнения, что этот столбняк есть не более, как легкие приступы кататонического ступора, вследствие чего в таких случаях, нельзя добиться ни слова», т. е. им овладевал мутизм кататоников.

Свои приступы ступора (или каталепсии) характеризует хорошо сам Гоголь следующим признанием:

В письме к князю М. А. К.—у Гоголь пишет (приблизительно в 1842 году:

«К величайшему сожалению мне не удалось быть у Вас в бытность вашего сиятельства в Москве. Один раз Александр Дмитриевич, с которым мы условились ехать вместе, не заехал за мною по причине какого то помешательства, а потом овладела мною моя обыкновенная периодическая болезнь, во время которой я остаюсь почти в неподвижном состоянии в своей комнате иногда в продолжении 2-х 3-х недель*». (Записки о Гоголе Николаи М. 1856 стр. 293).

В письме к Балабановой он также описывает свое ступорозное состояние и состояние заторможенности.

Он сравнивает себя в этом состоянии с «болваном для примеривания шляп».

«Вы можете... мести у меня под носом щеткой, и я не чихну и даже не фыркну, не пошевелюсь».

Нет сомнения, что эти периодические приступы неподвижности, продолжавшиеся по 2 и по 3 недели—есть ничто иное, как каталептические состояния кататоников, которым был подвержен Гоголь периодически при приступах болезни. В пользу этого также

*) Курсив наш (Г. С.)

говорят ниже приведенные симптомы вазомоторных расстройств; цианоз конечностей, отеки и зябкость Гоголя, о которых он часто сам говорит, несомненно связаны с этим заболеванием.

С. Т. Аксаков говорит об этом так:

«Гоголь чувствовал всегда, особенно в сидячем положении, необыкновенную зябкость; без сомнения это было признаком болезненного состояния нерв, которые не пришли еще в свое нормальное положение после смерти Пушкина».

«Гоголь мог согреть ноги только ходьбою, и для этого в дорогу он надевал сверх сапогов длинные и толстые русские шерстяные чулки и сверх всего этого теплые медвежьи сапоги. Несмотря на это, он на каждой станции бегал по комнатам и даже улицам во все время, пока перекладывали лошадей или просто ставил ноги на печку».

Эта зябкость, столь сильная, отмеченная уже в 30 лет, потом с развитием болезни увеличивалась все более и более. Несомненно симптом этот является результатом вазомоторных расстройств, столь обычных при частых ступорозных состояниях кататоников.

Позже этот симптом развился довольно резко и определенно, так что у него появились цианоз и отеки, свойственные кататоникам.

Гоголь описывает это состояние вазомоторных расстройств таким образом в письме к Языкову (от 5-VI — 1845 года).

«Я хUDEЮ теперь и истаяваю не по дням, а по часам, руки мои не согреваются вовсе и находятся в водянисто-опухлом состоянии».

Жалоба на похудение говорит о резком расстройстве питания и обмена веществ в больном организме Гоголя, что также вяжется со всеми другими симптомами. Тем более это расстройство (питания) бросается в глаза, что аппетит у Гоголя (по крайней мере, временами) был ненормально повышен.

Золотарев о его ненормальности аппетита отметил следующее:

«Бывало зайдём мы (говорит Золотарев) в какую нибудь трактирию пообедать; Гоголь покушает плотно, обед уже кончен; вдруг входит новый посетитель и заказывает себе новое кушанье. Аппетит Гоголя вновь разгорается, и он заказывает себе или то кушанье, которое потребовал вновь пришедший посетитель, или что нибудь другое».

5. Шизофренические приступы болезни у Гоголя.

В сложной психической конституции Гоголя мы отмечаем 2 ген'а: шизофренический и маниакально-депрессивный. До сих пор мы рассматривали симптоматику шизофренического ген'а в психике Гоголя, теперь перейдем к рассмотрению симптомов другого ген'а, депрессивного, поскольку он переломляется сквозь призму шизофренических приступов. В свое время Чиж в своей монографии о Гоголе справедливо указал на то, что Ба-

женов был неправ, когда он квалифицировал депрессивные приступы Гоголя, как периодический психоз, ибо помимо этих периодических приступов депрессии у Гоголя, Чиж констатировал целый ряд симптомов, указывающих на другую природу его болезни. С современной точки зрения это разногласие нам понятно, ибо мы знаем, что в сложных психических конституциях могут сочетаться эти два ген'а шизофренический и маниакально-депрессивный — совершенно не противореча диагностике и что эти 2 ген'а поочередно могут выступать один за другим, как-бы конкурируя друг с другом (смена доминант) или друг друга как бы покрывать. Вот почему констатированные Баженовым депрессивные приступы у Гоголя не противоречат шизофренической основе психики Гоголя, и мы их можем здесь также рассматривать, как дополнительный ген в вышеприведенном смысле. Мы увидим, однако, после, что эти депрессивные приступы получали благодаря этой шизофренической основе — другой колорит и другое преломление, почему мы их в основе должны отмечать, как шизофренические приступы. Если обратиться к изучению биографических материалов Гоголя, то такие приступы у него можно констатировать гораздо ранее, нежели это констатировал Баженов. Баженов констатировал 1-й приступ «меланхолии» в 1833 году, т. е. 25 лет от роду. Но это был, повидимому, один из тех приступов, которые уже резко выделялись из ряда предыдущих приступов, не очень продолжительных и не столь резких, как последующие приступы. Однако, даже эти небольшие и не очень резкие приступы оставляли тот или иной след в биографическом материале, потому мы их должны отмечать постолько, поскольку они получили свое отражение в этих материалах.

Первый приступ болезни мы можем отметить 21-м годом его жизни, т. е. в 1829 году. В письме от 3-I — 1829 года Гоголь пишет к матери, что на него «напала хандра или другое подобное», и что он «уже около недели сидит поджавши руки» и ничего не делает. «Не от неудач ли это (пишет он), которые меня совершенно обравнодушили ко всему?»

В истории болезни Гоголя этот приступ в начале 1829 года был несомненно первый приступ болезни, который сопровождался депрессией, и который закончился неожиданным импульсивным актом, поразившим всех его близких друзей и родных своей неожиданностью и загадочностью. Как известно из его биографии, в том же году 13-VIII Гоголь совершенно неожиданно и без всякой подготовки и мотивировки сел на пароход и уехал в Любек. Не малочернил было пролито биографами и критиками, чтоб разгадать и расшифровать этот загадочный эпизод из жизни Гоголя.

Даются всевозможные об'яснения этой поездке, но лучше всех дает об'яснение своему поступку сам Гоголь. При мотивировке этого акта, он дает такое об'яснение:

«Это противувольное мне самому влечение было так сильно, что не прошло 5 месяцев по прибытии моем в Петербург, как я

сел уже на корабль, не будучи в силах противиться чувству, мне самому непонятному. Проект и цели моего путешествия были очень неясны». Таким образом, из этого объяснения видно, что сам Гоголь не мог дать объяснения той импульсивной силе, которая его толкала на совершенно бессмысленный и даже на нехороший поступок по отношению к своей матери, ибо он поехал на деньги, которые присланы были матерью для взноса в опекунский совет. Для объяснения своего поступка по отношению к матери, ему пришлось прибегнуть к уверткам и ко лжи, чтобы смягчить то огорчение, которое он причинил ей своим невольным поступком.

Чиж, при оценке этого эпизода, объясняет этот несомненно патологический акт, как импульсивный акт, совершенный под влиянием навязчивой идеи, которая им так сильно овладела, что он никак не мог успокоиться, пока этого не сделал. Но Чиж упускает из виду то обстоятельство, что за несколько месяцев до этого акта у Гоголя начался приступ «хандры и другое подобное». Вернее было бы этот импульсивный акт объяснить, как заключительный акт, как кризис того приступа, который начался в январе того же года «хандрой и другим подобным» и длился (может быть с перерывами, мы не знаем) до августа, т. е. до той роковой поездки в Любек, когда это состояние депрессии разрешилось этим импульсивным бегством в Любек.

При этом, этот импульсивный поступок должен быть рассматриваем, как импульсивный акт кататоников, совершаемый автоматически. Если бы этот акт поездки в Любек был совершен под влиянием навязчивой идеи (как это предполагал Чиж), то этому акту предшествовала бы предварительная борьба, значит—совершилась бы при сознании, притом эти акты повторялись бы, между тем сам Гоголь говорит, что «проект и цели путешествия были очень неясны», а сила влечения была настолько сильна, что «не будучи в силах противиться чувству, мне самому непонятному». Что в августе месяце (период этой фантастической поездки) Гоголь был болен—говорит также его письмо к матери из Любека, где он, описывая свои впечатления пребывания в Любеке и Травемюнде, между прочим пишет «... короче, время, здесь проведенное, было бы для меня очень приятно, если бы я так же был здоров душою, как теперь телом...». Так или иначе в 1829 году—между январем и августом—Гоголь перенес один или несколько приступов болезни, сопровождавшихся также и между прочим депрессией.

До следующего приступа, в 1833 году, который отмечается Баженовым, как первый приступ «меланхолии», несомненно был еще целый ряд небольших, о чем свидетельствуют нижеследующие данные, где так или иначе прорываются его жалобы на болезненность и плохое здоровье. При этом надо принять во внимание, что Гоголь был очень скрытен и замкнут, и если прорываются его жалобы на болезнь его, то они должны были иметь достаточную интенсивность.

Так, в 1831 году он жалуется на плохое здоровье в письме к матери (от 16-IV—1831 года), а Погодин записал в свой дневник о его болезни за этот год следующее: «Говорил с ним (Гоголем) о малороссийской истории. Большая надежда, если восстановится его здоровье. Также о печальном состоянии своего здоровья говорил с Аксаковым. Дорогой он удивил меня тем, что начал жаловаться на свои болезни (я не знал тогда, что он говорил об этом Константину) и сказал даже, что болезнь неизлечима. Смотри на него изумленными и недоверчивыми глазами, потому что он казался здоровым, я спросил его: «да чем же вы больны? Он отвечал неопределенно и сказал, что причина болезни его находится в кишках».

Из этого отрывка мы можем заключить, что Гоголь в это время был одержим депрессией с ипохондрическими идеями, столь обычными для шизофреника, ибо о соматической болезни тут и речи не могло быть, т. к. автор этого отрывка смотрел на него «изумленными и недоверчивыми глазами, потому что он казался здоровым». Между тем Гоголь говорит о неизлечимой болезни, причина которой находится в кишках.

Как часто мы слышим у больных с ипохондрическими идеями о такой локализации душевного недуга! Впоследствии мы узнаем, как Гоголь всегда связывал свои болезненные состояния такими ипохондрическими жалобами в желудочно-кишечном тракте и там он локализовал всегда источник своих страданий.

Следующий сильный приступ болезни наступает в 1833 году. Даже не психиатром, а историком литературы этот год отмечается «мертвым годом» для Гоголя». Шенрок констатировал поразительную непроезводительность Гоголя в этом году и высказывал предположение, что это объясняется болезнью.

Кулиш, первый биограф Гоголя, также отмечает, что в промежуток между июлем и ноябрем «с Гоголем случилось нечто необыкновенное», но что именно, он не говорит. Сам Гоголь об этом состоянии в письме к Максимовичу от 9-XI—33 г. пишет: «Если-бы Вы знали, какие со мной страшные (у Кулиша—«странные») происходят перевороты, как сильно растерзано все внутри меня. Боже, сколько я пережил, сколько перестрадал! Но теперь я надеюсь, что все успокоится, и я буду снова деятельным, движущимся».

В биографии Гоголя нет решительно никаких указаний, на какие-либо внешние обстоятельства, которыми могла бы быть объяснима цитированная фраза.

Только приступ болезни мог вызвать эту фразу и именно приступ болезни, сопровождавшийся кататоническим ступором. Только это кататоническое оцепенение и имел в виду Гоголь если говорил: «Если-бы Вы знали, какие со мной страшные (или странные) происходят перевороты». И только расторможенный, после оцепенения этого приступа ступора мог Гоголь сказать слова (цитированные выше): «Но теперь я надеюсь, что все успокоится, и я буду снова деятельным, движущимся». Слово «дви-

жущийся» можно только отнести к тому состоянию, которое он пережил в состоянии ступора, когда он был в закованном состоянии, без движения.

Иначе, как можно было бы понять радость Гоголя о том, что он снова «движущийся». Мы увидим после, что такие состояния заторможенности у Гоголя были неоднократно, и что они имели именно характер кататонической заторможенности. Возможно, что в этот раз состояние ступора было у него впервые и он был этим обстоятельством «ошеломлен», а Кулиш об этом именно факте думал, когда говорил, что «в промежуток между июлем и ноябрем с Гоголем случилось нечто необыкновенное» (умалчивая в то же время по каким либо соображениям это «необыкновенное»). После этого приступа у расторможенного Гоголя к началу 1834 года замечается необычайное расторможение его психических сил, необычайный подъем духа, находившийся в самом решительном и резком противоречии с мрачной депрессией всего только что прошедшего 1833 года, с тем глухим застоём в деятельности Гоголя.

698

К этому же подъёму духа относится известное поэтическое воззвание Гоголя к гению («я совершу... я совершу... Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны. Над ними будет веять недоступное земле Божество»). Пафос этого возвания есть настоящий пафос кататоника.

В 1835 году, будучи у себя дома в Васильевке, летом у него был повидимому небольшой приступ болезни.

Об этом он пишет впоследствии 22-ХII—1837 года: «Когда я был в последний раз у вас, Вы, я думаю, заметили, что не знал, куда деваться от тоски и уже приехавши в Петербург узнал, что это был припадок моей болезни».

С 1836 года состояние здоровья Гоголя начинает прогрессивно ухудшаться в том смысле, что приступы заболевания становятся все интенсивнее и продолжительнее, депрессии со ступором становятся все тяжелее, между тем светлые промежутки между приступами становятся все короче и реже. Внимание больного все больше и больше поглощается заботами о здоровье все другие заботы и интересы отодвигаются естественно на задний план.

В 1837 году начинается новое заболевание. Это отмечают даже биографы Гоголя. С половины июля до октября переписка его совершенно прекращается. Судя о запискам Смирновой, которая лечилась тогда в Бадене, Гоголь приехал туда уже заболевшим он только пил воды в Лихтенальской аллее (пишет Смирнова) и ходил или лучше сказать бродил один по лугу зигзагами возле Стефан-бада. Часто он бывал так задумчив, что его звали и не могли дозваться. Если же это и удавалось, то он отказывался гулять вместе, приводя самые странные причины. Баженов относит высоту развития «меланхолического» приступа в этот период к концу августа и сентябрю, когда Смирнова уже уехала. В конце лета 1838 года снова начинается подавленное состояние, причем, «наибольшая глубина депрессив-

---

ной волны приходится, по словам Баженова, повидимому, на сентябрь. В июле Гоголь чувствует себя еще относительно хорошо, но уже через месяц—в августе появляются предвестники надвигающегося приступа—обострение болезненных ипохондрических симптомов и упадок работоспособности. В письме к Погодину (из Неаполя 20-VIII—1838 г.) он пишет: «Увы, здоровье мое плохо»....

В конце августа по начало октября полный перерыв переписки. Принимая во внимание, что Гоголь охотно и много переписывался и, по аналогии с другими такими же периодами пробела в его переписке, нет сомнения, что причиной этого пробела был ожесточенный приступ болезни. В октябре его корреспонденция уже снова принимает жизнерадостный тон. Весь 1839 год, а также начало 1840 года принадлежат к тем светлым промежуткам между приступами, когда здоровье его находилось в удовлетворительном состоянии. Но уже с весны 1840 года начинается новый приступ который летом этого же года достигает степени тяжелого «меланхолического приступа—одного из самых тяжелых приступов в жизни Гоголя» (по словам Баженова). В письме к Погодину из Рима от 17-X—1840 г. он описывает начало своего заболевания. Он доехал до Вены в прекрасном настроении, даже в повышенном. «Свежесть, бодрость (пишет Гоголь в этом письме) взялась такая, какой я никогда не чувствовал... Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как рой разбуженных пчел, воображение мое становится чутко. Нервическое мое пробуждение обратилось вдруг в раздражение нервическое.. К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания. Я был приведен в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться... О, это было ужасно, это была та самая тоска, то ужасное беспокойство, в каком я видел бедного Вильегорского в последние минуты жизни...»

Переезд Гоголя в Рим осенью этого же года не дал также желаемого улучшения: «Ни Рим, ни небо, ни то, что так причаровывало меня, ничто не имеет теперь на меня влияния. Я их не вижу, не чувствую...» Только к зиме он поправился настолько, что мог сказать о себе в своих письмах, что он «здоров, благодаря чудной силе Бога, воскресившего меня от болезни», и принялся снова за работу. Весь 1841 год по свидетельству Анненкова, проведшего этот год в Риме, Гоголь здоров и даже находится, повидимому, в несколько повышенном настроении.

В самом начале 1842 года болезнь снова наступает. В целом ряде писем этого времени этот новый приступ болезни все более и более отражается и, наконец, выливается в такой же тяжелый приступ, по симптомам аналогичный приступу, им перенесенному в Вене. В письме к Балабиной в том же 1842 году он описывает так свой приступ болезни: «Я был болен, очень болен и еще болен донные внутренно. Болезнь моя выражается такими страшными припадками, каких никогда со мной еще не было, но страшнее всего мне показалось то состояние, которое напоминало мне ужас-

ную болезнь мою в Вене, а особенно, когда я почувствовал то подступившее к сердцу волнение, которое всякий образ, пролетающий в мыслях, обращало в исполина, всякое незначительное приятное чувство превращало в такую страшную радость, какую не в силах вынести природа человека, и всякое сумрачное чувство претворяло в печаль и потом следовали обмороки, наконец, совершенно сомнамбулическое состояние».

Из этого отрывка мы видим, что приступ болезни в этот раз (как и в предшествовавший приступ в Вене) начался возбуждением, ибо, по его словам «всякий образ, пролетающий в мыслях, обращало в исполина, всякое незначительное приятное чувство превращало в такую страшную радость, какую не в силах вынести природа человека». А когда следовало депрессивное состояние, то «всякое сумрачное чувство претворяло в печаль и потом следовали обмороки и сомнамбулическое состояние». Нет сомнения, что под «обмороками» и «сомнамбулическим состоянием» Гоголь описывает те кататонические состояния скованности и заторможенности, о которых Гоголь в другом месте выразался более определенно о характере этих приступов (о чем речь была выше).

К весне психическое здоровье его улучшается и душевный строй повышается настолько, что в конце марта он пишет Языкову: «Я еду к тебе с огромной свитой. Несу к тебе и свежесть, и силу, и веселье и кое что под мышкою».

К этому периоду относится появление в свет 2-й части «Мертвых душ» и первое издание собрания его сочинений. Баженов считает, что этим годом Гоголь заканчивает творческий период его жизни.

Вторая половина 1843 года и затем зима 1844 года хотя не ознаменовались резкими приступами болезни, но и здоровым Гоголь себя не чувствовал.

На это время (т. е. во второй половине 1843 года) относится сожжение 2-го тома «Мертвых душ», повидимому в таком болезненном приступе. Ему то хуже, то лучше, то он немного бывает работоспособен, оживлен, то жалуется на болезнь. В общем Гоголь делается уже хронически больным, хотя и не было больше таких жестоких приступов, как в Вене.

В 1844 году 10-11 он пишет Аксакову, объясняя свое молчание: причиной этого было отчасти физическое болезненное расположение, содержавшее дух мой в каком-то бесчувственно-сонном положении». Повидимому, под этими словами он подразумевал снова перенесенное им ступорозное состояние. Такое состояние, т. е. то состояние апатии, тоски, болезненности, то улучшение, то ухудшение — тянется до осени того же года, когда Гоголь пишет (12-XI-1844 г.) Языкову: «после купания я чувствую себя лучше, ибо, надо тебе сказать правду, я был слишком болен летом, и так дурен, как давно себя не помню. Нервы до такой степени были расстроены, что не в силах был не только что-нибудь делать, но даже ничего не делать». Это состояние небольшого улучшения

здоровья было кратковременным эпизодом после длительного болезненного состояния, чтоб вскоре возобновиться с большим ожесточением.

В начале 1845 года новый приступ болезни выражается в полной силе. Гоголь мчится из Франкфурта в Париж, из Парижа снова в Франкфурт, потом по курортам и, очевидно, нигде не находит себе облегчения; состояние тревоги и тоски нарастает и достигает наиболее выраженной степени к лету. В июле 4-го числа он пишет Смирновой: «Я страдаю весь душой от страдания моего тела, и душа изнывает вся от страшной хандры, которую приносит болезнь». Он до того себя плохо чувствует и ожидает смерти, что за это полугодие он дважды говеет. Самые знаменитые заграничные врачи того времени: знаменитый Шейнлейн, Круккенберг и Карус—не могли найти в нем никакого хронического страдания, кроме нервного расстройства, а первый из них назначил ему легкое водолечение. Об этом тяжелом состоянии Гоголь писал в письме к Шереметьевой: «здоровье мое плохо совершенно, силы мои гаснут».

После водолечения в Грейфенберге, состояние здоровья Гоголя начинает улучшаться и после длительного периода болезни следует около 2-х лет относительного улучшения, в том смысле, что в течение этих 2-х лет не было резких приступов, но здоровым Гоголь себя не чувствовал и в этом периоде. Гоголь в этом периоде часто жалуется на болезненное состояние, сопровождающееся слабостью и зябкостью: «чувствую слабость, что всего непонятнее, до такой степени зябкость, что не имею времени сидеть в комнате, должен ежеминутно бегать согреваться. Едва же согреюсь и приду, как вмиг остываю, хотя комната и тепла, и должен вновь бегать согреваться. В такой беготне проходит почти весь день» (письмо Аксакову из Рима 15-XI—1845 г.).

Следующий приступ болезни приходится на лето 1848 г. Гоголь только что совершил путешествие на восток и в Палестину, возвратился в Россию в хорошем состоянии здоровья и приехал в Васильевку. Уже вскоре его душевное состояние начинает понижаться в сторону депрессии. В июле он пишет Аксакову: «Тоска, даже читать самого легкого чтения не в силах». К осени ему лучше, но еще в конце октября в письме к Вильегорским мы читаем: «что до меня, я только что оправляюсь от бессонниц своих, которые продолжают даже и здесь, в Москве, и теперь только начинают прекращаться». Но как это уже наблюдалось и раньше, это не выздоровление, а только одно из временных улучшений. Так, в феврале 1845 года он говорит Данилевскому о «болезни, в которой находился тогда, от которой еще не вполне освободился и теперь». В письме к Смирновой от 27-V—1849 г. мы находим все необходимые нам указания на смену периодов в его психическом настроении за это время: «Мое здоровье лучше. Зимой я провел хорошо. В конце ее только пришла хандра, которую я старался всячески побеждать. Но с приближением весны не устоял. Нервы расшатали меня всего, ввергнув в такое

уныние, в такую нерешимость, в такую тоску, от собственной нерешимости, что я весь истомился». В начале июля он извещает Шереметьеву: «Я только, что оправился от сильной болезни нервической, которая с приходом весны вдруг меня потрясла и расколебала всего». А к К. И. Базили он пишет: «Весною заболел, но теперь опять поправляюсь».

VI. Распад психики у Гоголя.

702

Вторая половина следующего 1849 года и весь 1851 год протекают с теми же колебаниями, хотя, правда, нет резких приступов болезни, но нет и психического здоровья. В общем наступает несомненное ухудшение здоровья, и болезнь принимает более хроническое течение и вместе с тем начинается психический распад Гоголя. Интеллектуальная сфера психики все более и более расстраивается, эмоционально-волевая сфера притупляется все более и более, происходит постепенное оскудение столь богатой Гоголевской психики. Соответственно этому, все резче и яснее становится упадок его творческих сил. Он сам это мучительно чувствует и жалуется на «притупление способностей» и сил, не может себе объяснить, почему он «никогда еще так мало не делал, как теперь», хотя «меньше чем когда-либо развлечен и ведет жизнь более чем когда-либо уединенную». «Сижу за делом, а делается—мало». Такие жалобы повторяются и дальше в ряде писем. Временами, правда, он снова надеется, что его творческие силы воскреснут: «Стало-быть,—пишет он Толстому 20 августа 1850 г.—несмотря на то, что старею и хирею, те же силы умственные, слава Богу, еще свежи». Но вскоре ему приходится разочаровываться: «думал (пишет он вскоре) и я, что буду всегда трудиться, а прошли недели, отказалась голова.... Бедная моя голова. Доктора говорят, что надо ее оставить в покое. Вижу и знаю, что работа при моем болезненном организме тяжела». В конце сентября месяца 1850 г. ему снова хуже. Он уже опасается наступления нового приступа и пишет матери: «я захандрю и впаду в ипохондрию».

Так или иначе, здоровье, хотя бы относительное, к Гоголю больше не вернулось. Оскудение психики стало чем-то стабилизированным, творческие силы прогрессивно в нем угасали. В «Авторской исповеди» мы находим скорбное и совершенно определенное признание больного писателя в угасании творческой силы: «несколько раз, упрекаемый в недеятельности, я принимался за перо, хотел насильно заставить себя написать хоть что-нибудь вроде небольшой повести или какого-нибудь литературного сочинения, и не мог произвести ничего. Усилия мои оканчивались всегда почти болезнью, страданием и, наконец, такими припадками, вследствие которых нужно было надолго отложить всякие занятия».

Признание это заканчивается трагическим воплем: «виноват я был разве в том, что не в силах был повторять то же, что гово-

---

рия или писал в юношеские годы. Как будто две весны бывает в возрасте человеческого».

И действительно, в течение этого последнего десятилетия его жизни, Гоголь работает над второй частью «Мертвых душ», но по меткому выражению Анненкова, «она стала для Гоголя той подвижнической кельей, в которой он бился и страдал до тех пор, пока вынесли его бездыханным из нее».

В этот период жизни у Гоголя отмечается резкое ослабление умственных интересов. Раньше Гоголь всегда проявлял большой интерес в жизни. К этому времени он ослабевает весьма резко, ничто его не интересует.

«Не могу понять (говорит он в письме) отчего не пишется и отчего не хочется говорить ни о чем. Может быть оттого, что не стало, наконец ничего любопытного на свете. Нет известий». Это пишет Гоголь 3-IV—1849 г., т. е. в эпоху больших исторических событий.

Из писем этого времени видно вообще, что ему все кажется скучным, неинтересным, нудным и тоскливым к жизни его ничто не привязывает. Почет, которым он был окружен—его не радует больше, он сомневается в полезности своих произведений.

Он никого и ничего не любит. Душа его представляет полное опустошение, в сравнении с тем, каким он был раньше. Распад душевных сил все более и более увеличивался.

Современникам Гоголя резко бросались в глаза признаки распада душевной жизни Гоголя.

«Тупо глядит на все окружающее его потускневший взор (отмечает Соллогуб). Слова утратили свою неумолимую меткость». Соллогуб уже не сомневался, что у него «затемнение памяти».

Б е р г отмечает, что от Гоголя остались одни развалины и его взор потерял «прежний огонь и быстроту».

Сам Гоголь сознавал упадок физических и психических сил, но объяснял старостью свое состояние. Стал мало переписываться с знакомыми, ограничивается самыми необходимыми сведениями о своем здоровье и просит всех за него молиться.

Лучше всего свое состояние Гоголь иллюстрирует письмом от 14-VII—1849 г. к Жуковскому.

«Мне нужно большое усилие, чтоб написать не только письмо, но даже короткую записку. Что это,—старость или временное оцепенение сил? Сплю ли я или так сонно бодрствую, что бодрствование хуже сна?».

Об изменении памяти мы находим у Гоголя также жалобы. Так в письме к Маркевичу от 6-XII—1849 г. он жалуется что «начинает тупеть память». Затем в письме к Плетневу от 7-VI—1848 г. он говорит: «Я начинаю позабывать порядки дел моих».

В какой степени страдала память трудно судить по этим отрывочным жалобам. Но это расстройство несомненно было.

И это расстройство находилось в связи с общим расстройством и распадом психики. Об этом расстройстве говорят бесчисленные жалобы Гоголя в письмах на бедность мыслей в этот период.

Так он пишет Шевыреву 14-IV—1848 г. «Ничего не мыслится и не пишется: голова тупа. Жуковскому (3-IV—1849 г.). «Нашло на меня такое оцепенение». К матери 2-IX—1851 г. «Бедная моя голова... трудно бывает мне».

Чиж справедливо отмечает о болезненном поведении Гоголя следующее:

«В своем поведении Гоголь держал себя в резком несоответствии по отношению к содержанию его сознания. Так, Гоголь постоянно проповедовал смирение, скромность, просил молиться, ваяться в грехах, заказывал молебны, проповедывал стремиться к самосовершенствованию, а между тем фактически Гоголь держит себя высокомерно, с презрением даже к людям, его любящим. Фактически Гоголь держит себя как человек (по выражению Арнольда), имевший «странную претензию знать все лучше других», впадал в начальнический тон.

Ведь человек, сознающий свою греховность, несовершенство и раскаяние, соответствующим образом поступает и ведет себя. Если Гоголь был просто меланхолик с идеями греховности—такого бы несоответствия у него не было, оно именно говорит за психопатический характер его поведения.

«Не могу понять, что со мной делается—от преклонного ли возраста, действующего на нас вяло и лениво, от изнурительного ли болезненного состояния, от климата ли, производящего его, но я просто не успеваю ничего делать. Время летит так, как еще никогда не помню.

.... Ничего не могу написать начисто, ошибаюсь беспрестанно, пропускаю, не дописываю, приписываю, надвигаюсь сверху, испорчу десь бумаги и ничего не сделаю».

Как способности к умственному труду расстроены у Гоголя, так расстроен у него аппарат внимания и произвольное мышление, на что также указывал Чиж в своей работе о болезни Гоголя, где это расстройство иллюстрируется отрывком письма Гоголя к отцу Матвею (9-XI—1848 г.).

«Далее мои мысли расхищаются, приходят в голову незваные, непрощенные гости и уносят помышления, Бог знает куда, Бог весть в какие места, прежде чем успеваю очнуться, все как то делается не во время: когда хочу думать об одном, думается о другом; когда думаю о другом, думается о третьем.»

О последнем периоде жизни Гоголя Чиж отмечает также следующее:

... В последнем периоде жизни Гоголя необходимо прибавить, что параллельно с ослаблением внимания, как это всегда бывает, у больного ослабевают и воля.

.... С 1848 г. он уже плывет по течению, у него нет определенных планов; то он хочет поехать по России, то жить зимой в Крыму, то ехать в Грецию, то, наконец, поселиться на Афонской горе, а живет то в Москве, то в Одессе, в которую он приехал, чтоб ехать в Грецию, то у знакомых, его приглашающих.

... Никаких определенных целей и желаний у Гоголя теперь уже нет. Вообще Гоголь проявляет несвойственную ему прежде пассивность.

... Это ослабление воли проявляется в капризном и причудливом поведении Гоголя.

Ненормальность его душевного состояния в эту эпоху его жизни бросалась в глаза многим из его современников. И. С. Тургенев, говоря о своих посещениях Гоголя в последний год жизни его, выражается на этот счет очень определенно: «Мы (с Щепкиным) ехали к нему, как к необыкновенному, гениальному человеку у которого что-то тронулось в голове... Вся Москва была о нем такого мнения».

7. Последние дни жизни Гоголя и его смерть.

Перейдем теперь к последним ведеям жизни Гоголя. Подробное описание этой последней эпохи жизни дал Баженов в своей работе о болезни Гоголя. Приведем это описание Баженова здесь полностью.

«1852 г. Гоголь встретил в Москве. Летом и раннею осенью 1851 года здоровье его было неудовлетворительно, нервно-психический тон был понижен; лето он проводил в Спасском у Смирновой и «был нездоров, жаловался на расстройство нервов, на медленность пульса, на недеятельность желудка, не разговаривал ни с домашними слугами, ни с крестьянами, шутливость и затейливость исчезли». В сентябре у Аксаковых, в Адрашцове, Гоголь, по свидетельству Аксакова, был постоянно грустен; к сентябрю же относится его неудачная поездка на свадьбу сестры в Малороссию, причем он доехал только до Оптиной пустыни и возвратился назад (на вопрос Бодянского—почему, Гоголь ответил только: «Так, мне сделалось грустно», а Аксакову—сослался на «нервное расстройство»).

Но осенью и зимой 1851 года состояние здоровья Гоголя вообще и психическое в частности так хорошо, как давно не было. Об этом единогласно свидетельствуют все наиболее близкие к нему современники. Так, Арнольди в своих воспоминаниях говорит: «Зимю этого года я виделся с Гоголем довольно часто, бывал у него по утрам и заставал его почти всегда за работой». Погодин передает, что этою зимою Гоголь принимал живейшее участие в издании своих сочинений, которые сразу печатались в трех типографиях. Доктор Тарасенков свидетельствует, что в этот период Гоголь близким к нему казался веселее обыкновенного: притом он нередко выходил со двора, даже бывал иногда на обедах. Деятельности в это время в нем обнаруживалось больше, нежели прежде. Он даже стал заниматься тем, чем прежде пренебрегал или на что не решался: он поехал в театр посмотреть своего «Ревивера» на московской сцене. Оставшись недоволен исполнением, он пригласил к себе актеров и читал им многие сцены... Потом явился посмотреть, как исполняется его пьеса

после его замечаний»... Дату этого эпизода легко установить на основании показания И. С. Тургенева: это было в октябре 1851 г.; но еще в январе 1852 г. Гоголь собирался в театр посмотреть исполнение своих других пьес, ибо на одном обеде, где он встретился с Тарасенковым, он отговаривал последнего идти в тот вечер в Малый Театр смотреть «Женитьбу»: «не ходите сегодня, а вот я соберусь скоро, посмотрю прежде, как она идет, и уладив, извещу вас...» Из контекста же следует, что до 1852 г. Тарасенков не был знаком с Гоголем, и что обед этот происходил за месяц до посещения Тарасенковым уже умирающего Гоголя, следовательно, это было около 15-20 января 1852 года. Да и из других указаний несомненно, что в течение всего января и даже в начале февраля хорошее состояние здоровья Гоголя продолжалось. Во второй половине января Аксаков нашел его «довольно бодрым». Еще от 2 февраля мы имеем два письма его—одно к Жуковскому, в котором мы читаем: «О себе что сказать. Сижу попрежнему над тем же, занимаюсь тем же». Другое к матери, и в нем Гоголь пишет: «Я сам тоже все это время чувствую себя как-то не так здоровым». По сравнению с другими жалобами его на свое здоровье—это звучит так неуверенно, что можно с положительностью сказать, что еще в начале февраля Гоголь чувствовал себя относительно вудурно.

За девять дней до масляной (следовательно, числа 25 января) его видел Бодянский еще «полным энергичной деятельности». Он застал Гоголя за столом, на котором были разложены бумаги и корректуры. «Знаете-ли,—говорит Бодянскому Гоголь,—я распорядился без вашего ведома. Я в следующее воскресенье собираюсь угостить вас двумя тремя напевами нашей Малороссии, которые очень мило Н. С. (Аксакова) положила на ноты с моего козлиного пения; да при этом уьемся и прежними нашими песнями. Будете ли вы свободны вечером? Я уже распорядился и мы соберемся у О. Ф. (Копелевой) часов в семь, а впрочем, для большей верности, вы не уходите, я к вам заеду и мы вместе отправимся на Поварскую».

Но вечеринке этой не суждено было состояться. В это время заболевает и умирает один из ближайших друзей Гоголя, Екатерина Михайловна Хомякова (урожденная Языкова, сестра поэта). Это событие послужило тем тяжким моральным толчком, который обусловил и вызвал новый и, может быть, самый жесточайший приступ. Об этом свидетельствует сам Хомяков в одном из писем своих, относящихся к концу февраля 1852 г. «Николикин крестный отец, Гоголь наш, умер. Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясло; он говорил, что в ней для него снова умирают многие, которых он любил всей душой, особенно же Н. М. Языкова. На панихиде он сказал: «Все для меня кончено». На Гоголя, как он признается своему духовнику, «напал страх смерти». На масляной он говееет, питается одною просфорой и в четверг приобщается. Как раз в эти дни приезжает в Москву

известный в то время священник—аскет, отец Матвей. Гоголь бросается к нему, но беседы о. Матвея так суровы, и так потрясают Гоголя, что он прерывает священника словами: «Довольно. Оставьте. Не могу далее слушать. Слишком страшно». Затем он, (типично для меланхолического состояния) совсем отказывается от пищи и проглатывает за обедом только несколько ложек капустного рассола в день. Однако, силы настолько сохранились, что он еще в состоянии посещать некоторых близких друзей. В четверг на масляной (следовательно, 7 февраля) он заезжал к Погодину и еще двум знакомым, у кого именно, остается неизвестным, но в обоих домах он обратил на себя внимание своим болезненным видом. В субботу (9-го) он был у Хомякова, а уж во вторник первой недели поста слуга гр. Толстого известил своего барина, что он боится «за ум и даже за жизнь Николая Васильевича, потому что он двое суток провел на коленях перед образом без питья и пищи».

И было чего испугаться: за эти 2 — 3 дня упадок питания и сил был так велик, что Гоголь едва в состоянии был подняться наверх, в комнаты гр. Толстого, где в понедельник и вторник первой недели было вечернее богослужение. Тогда же «в ночь с понедельника на вторник, великий писатель сжигает все рукописи и по свидетельству доктора Тарасенкова, «с этой несчастной ночи он сделался еще слабее прежнего: не выходил более из своей комнаты, не изъявлял желания видеть никого... отвечал на вопросы других коротко и отрывисто... По ответам его видно было, что он в полной памяти, но разговаривать не желает». Автор этих ценных воспоминаний о последних днях жизни Гоголя был первым приглашенным к нему врачом, но в среду Гоголь отказался принять его, и Тарасенков увидал его лишь в субботу, следовательно, 10 февраля. «Увидев его,—говорит Тарасенков, я ужаснулся. Не прошло месяца, как я с ним вместе обедал: он казался мне человеком цветущего здоровья, бодрым, свежим, а теперь передо мною был человек как бы изнуренный до крайности чахоткою, или доведенный каким-либо продолжительным истощением до необыкновенного изнеможения. Все тело его до чрезвычайности похудело: глаза сделались тусклы и впалы, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голос ослаб, язык с трудом шевелился, выражение лица стало неопределенное, необъяснимое. Мне он показался мертвецом с первого раза. Он сидел, протянув ноги, не двигаясь и даже не переменив прямого положения лица. Голова его несколько опрокинута назад и покоилась на спинке кресел, пульс был ослабленный, язык чистый, но сухой, кожа имела натуральную теплоту. По всем соображениям видно было, что у него нет горячечного состояния, и неупотребление пищи нельзя было приписать отсутствию аппетита». Тарасенков прав: ни горячечного состояния, и вообще какого-то бы ни было соматического заболевания не было констатировано и позднейшими консилиумами, на которых участвовали знаменитости того времени профессора: Овер, Иноземцев, Варвинский, Аль-

фонский и доктора Клименков, Тарасенков, Сокологорский и Эвеннус. Следовательно, надо искать другую причину столь быстрого истощения и упадка сил. На первой неделе великого поста 52 года, следовательно, около 12 февраля, уже совершенно развернута картина меланхолического приступа в полном разгаре; отказ от пищи и лекарств, от всякого общения с окружающими, сильное истощение, бессонница и т. д. Первый приглашенный к нему врач профессор Иноземцев нашел только катарр кишек и посоветовал ревенные пилюли (в виду упорной конституции) и лавро-вишневые капли. Затем, уже в понедельник на второй неделе поста (т. е. 18 февраля) был приглашен профессор Овер, но ничего не назначил больному. Во вторник, 19-го, у постели Николая Васильевича собрались Альфонский и Овер. Первый предложил «магнетизирование» с целью покорить волю больного, заставить его принимать пищу. Для этой цели являлся вечером доктор Сокологорский, но без успеха. Поздно вечером приехал доктор Клименков и предложил кровопускание, но в виду предстоящего консилиума доктору Тарасенкову удалось отложить исполнение этого до следующего дня. В среду, 20-го, утром пульс был так слаб, что Тарасенков и Сокологорский думали уже прибегнуть к мускусу. В этот день состоялся консилиум в составе докторов Овер, Эвеннус, Клименков, Сокологорский, Тарасенков; профессор Варвинский опоздал и приехал позднее. На этом совещании Эвеннус дал единственный рациональный при таком положении дела совет кормить больного насильно. Но, несмотря на то, что Варвинский, поставивший диагноз, и предостерегал, что больной пиявок, пожалуй, не вынесет, было решено поставить две пиявки к носу. Клименков, которому это было поручено, поставил их шесть, причем пациент был посажен в теплую ванну, а голову ему обливали холодной водой. «В 7 часу вечера — рассказывает дальше Тарасенков, — приехали Овер и Клименков они велели долее поддерживать кровотечение, ставить горчичники на конечности, потом мушку на затылок, лед на голову»... Затем, ночью, был дан еще каломель. Состояние страдальца — поэта в последнюю ночь уже не оставляло, однако, никакой надежды. По свидетельству того же Тарасенкова после кровопускания и др. перечисленных выше лечебных мер пульс скоро и явственно упал, делался еще чаще и слабел, дыхание... становилось еще тяжелее... Его подняли с постели, посадили в кресло, уже голова его не держалась на плечах и падала машинально. Тут привязали ему мушку на шею, надели рубашку (он лежал после ванны голый), он только стонал. Когда его опять клали, пульс перестал биться, произошло хрипение. Этот обморок длился несколько минут, хотя пульс вскоре возвратился, но сделался почти неприметным; он после этого уже не просил ни поворачиваться, ни пить: лежал уже на спине постоянно с закрытыми глазами, не произнося ни слова. В 12 часу стали холодеть ноги... Дыхание сделалось хриплым и тяжелым... Около 8 часов утра дыхание совершенно прекратилось».

Заключение.

Все вышесказанное привело нас к заключению, что Гоголь страдал шизофренией.

Шизофрения Гоголя развивалась постепенно. Из шизоидного состояния его первого периода жизни, периода творческих импульсов, развивалась постепенно полная картина шизофрении последнего периода жизни, когда его творческие импульсы иссякли вместе с опустошением его психики.

Что нас поражает в истории болезни Гоголя — это особенность течения этой болезни. Несмотря на тяжелое исходное состояние его болезни к концу его жизни, мы это исходное состояние не можем назвать как состояние «слабоумия» (обычно применяемое в этих случаях).

Гоголь, несмотря на его тяжелое состояние, не был похож на обычного слабоумного шизофреника. Тут мы должны допустить ту мысль, что шизофрения у гениально одаренных людей протекает совершенно иначе.

Изучение истории болезни других шизофреников из среды великих людей — должно будет в будущем осветить этот вопрос.

О влиянии болезни Гоголя на его творчество мы здесь не касаемся, ибо намереваемся в будущем этой теме посвятить особую работу.

709

Литература.

1. Соллогуб. Воспоминание. Истор. Вестник 1886 г.
2. Берг. Рус. Старина 1872 г. I. Воспоминания о Гоголе.
3. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. Рус. Арх. 1890 г.
4. Смирнова. Записки о жизни Гоголя.
5. Кульжинский. Воспоминания учителя. Москвитянин 1854 г.
6. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя 1897 г.
7. Кояловнч. Детство и юность Гоголя. Московск. Сборн. 1887.
8. Арнольди. Воспоминание о Гоголе. Рус. Вестн. 1862 № 1.
9. Письма Гоголя. Редакц. Шенрока 4 тома изд. Маркса 1902 г.
10. Письма Смирновой к Гоголю Рус. Стар. 1888 г. кн. V.
11. Письма к Гоголю гр. Вильегорской Вестн. Европ. 189 г. кн. X.
12. Анненский. Записки о жизни Гоголя. 2 тома 1856 г.
13. Кулиш. Записки о жизни Гоголя.
14. Баженов. Болезнь и смерть Гоголя Рус. Мысль 1902 г.
15. Чиж. Болезнь Гоголя. Вопр. философии и психолог. 1903 г.